

Огни Кузбасса

№ 6 / 2019

Г О В О Р И Т ХХІ ВЕК

Награждение победителей областного открытого конкурса молодых литераторов «Говорит XXI век»

Победители в номинации «Поэзия»

Победители в номинации «Проза»

Победители в номинации «Публицистика»

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

М. А. Евса,
г. Кемерово, начальник
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

И. Ф. Фёдорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Совета народных депутатов
Кемеровской области

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. И. Лихоносов,
г. Краснодар, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Родная Кубань»

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2019

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Вера ЛАВРИНА,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Агата РЫЖОВА,
Марина ЧЕРТОГОВА,
Евгений ЧИРИКОВ

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ГОВОРIT XXI ВЕК

Иосиф Куралов. Езда в незнаемое 3

ГОВОРIT XXI ВЕК. ПРОЗА

Дарья Волобаева. Дверь, которой не было (На краю совершенного мира) 5
Мария Приходько. Экзамен в новогоднюю ночь. Роман 20
Роман Кишочкин. Летние. Рассказ 54
Полина Леончик. Фата-моргана. Рассказ 63
Ирина Колбина. Девочка-смерть. Елена Прокопенко. Рада. Ольга Пинигина. Вовремя 70

ГОВОРIT XXI ВЕК. ПОЭЗИЯ

Анастасия Перепелова. Былина про Алексея Леонова, про великого
да славного сына кузнецкого 18
Константин Стафиевский. Будь моим пассажиром 51
Альберт Вальгер. Всё от любви 60
Андрей Фомин. Ожидание нового меня 68
Наталья Шулакова, Алёна Кузнецова, Анжелика Кипа. Стихи 79

ГОВОРIT XXI ВЕК. ПУБЛИЦИСТИКА

Ольга Пинигина. Настоящественно. Гражданственность по-детски 81
Мария Кузнецова. Кто имя дал славное городу 82
Альбина Куклина. Двести двадцать вольт очарования 84
Анна Каутер. Где родился, там и пригодился 85
Ирина Земченкова. Секрет семейного счастья кузбасской многодетной семьи 87
Анастасия Осипова. Что есть книга? 88

ПРОЗА

Александр Брюховецкий. Рассказы 89
Александр Савченко. Неисповедимы дороги. Повесть 97
Татьяна Ильдимирова. Рассказы из книги «Замри!» 137

ПОЭЗИЯ

Александр Кердан. Душа как избушка 94
Валентин Нервин. Странная жизнь 134

КНИГА ПАМЯТИ

Григорий Шалакин. Легендарный человек из Листвянки. Светлой памяти
лётчика-космонавта СССР Алексея Архиповича Леонова 145
Татьяна Болотова. Живая вода Парка Ангелов 158
Евгений Чириков. Он тяготел к фантастике, приключениям и детективу...
(Памяти Сергея Ковякина) 161

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Виктор Арнаутков. От лёгкой иронии до гротеска, или Гипертрофированная реальность
Александра Брюховецкого (Отклик на книгу А. Брюховецкого «Запах солнца») 163

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин 167
Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2019 год. Подготовил Д. Мурзин 170

Русскому поэту Якову Петровичу Полонскому – 200 лет

(1819–1898)

ЗИМНИЙ ПУТЬ

*Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей.
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.*

*За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздаётся в тумане дремучих лесов. —
Мне мерещатся странные сны.*

*Мне всё чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядёт,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поёт.*

*И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царём
В ту страну, где царевна сидит под замком,
Изнывая за крепкой стеной.*

*Там стеклянный дворец окружают сады,
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой
и ключ мёртвой воды —
И не веришь и веришь очам.*

*А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погоняет коней.*

ЕЗДА В НЕЗНАЕМОЕ

Один из самых ярких гениев русской поэзии Владимир Маяковский, обладающий парадоксальным умением поговорить с представителем какой-нибудь совершенно земной профессии о предмете космической высоты и красоты, нередко и очень убедительно пользовался своим умением. Вот, например, давно ставший классикой «Разговор с фининспектором о поэзии». Стихотворение, как многие у Маяковского, не коротенькое, развёрнутое, с внушительной аргументацией авторской позиции. К тому же выстроено характерной для Маяковского лесенкой.

И всё же в этом большом количестве прочных ступенек, на мой взгляд, главными являются вот эти (впрочем, ради экономии места приведу их простыми строками):

– Поэзия – вся! – езда в незнаемое.
Поэзия – та же добыча радия.
В грамм добыча, в год труды.
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды.
Но как испепеляюще слов этих жжение
Рядом с тлением слова-сырца.
Эти слова приводят в движение
Тысячи лет миллионов сердца.

Конкурс молодых литераторов Кузбасса «Говорит XXI век» и есть эта самая езда в незнаемое и добыча радия, где в грамм добыча, в годы труды. Особенно если смотреть глазами жюри: авторами изведены и членами жюри прочитаны тысячи тонн словесной руды, а единое слово встречается нечасто. Точнее говоря, не так часто, как хотелось бы.

И всё же они – грамм добычи, единое слово – есть.

Например, в стихах недавно окончившего среднюю школу Альберта Вальгера из Белова. Он не просто пишет стихи. Он сформулировал своё отношение к поэзии: «В моём понимании поэзия – квинтэссенция науки и искусства. Для написания стихотворения необходимы как и технические познания, то есть умение подбирать точно передающие мысль, эмоцию слова, понимание языка, оценка гибкости кон-

струкций в предложении, осознание необходимости пунктуации; так и эстетическое видение текста и его структурных элементов, умение интерпретировать культурный подтекст, понимание отсылок к произведениям художественной культуры, эмоциональная выдержанность, чувство такта и уместности той или иной составной единицы предложения, текста с точки зрения вычурности или её отсутствия.

Отношу себя к метамодернистам по литературному направлению, к псевдопоэтам – по факту. Чтобы достичь права называться поэтом, нужно много работать над собой как над личностью, как над автором, как над манипулятором слова».

Всё это выглядит по-юношески бескомпромиссно, но право на существование имеет несомненное. Как имеют право быть и его стихи, не разбитые на строфы, а записанные как бы прозой, но совершенно очевидно являющиеся стихами, в которых ярко запечатлена пульсация жизни, бытия:

«не знаю, в чём ты себя ограничивал – в любви или в одной ложке сахара в чай. не переживай, конечно, это не будет хронически, хотя, умоляю, не бросайся из крайности в край».

Поэзия достаточно полно и ярко представлена во всех возрастных группах конкурса. А их – три: от 15 до 21 года включительно, от 22 до 28 лет включительно, от 29 до 35 лет включительно. Неплохо выглядят и прозаики с публицистами. А некоторые авторы предлагали свои тексты в двух, а иные и во всех трёх – поэзии, прозе, публицистике – номинациях.

Назову несколько имён из разных возрастных групп и номинаций:

Константин Стафиевский, которого я знаю с его 12 лет, много лет он посещал мою студию «Свой голос». Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. Сегодня ему немного за 30. Поэт. Автор нескольких книг.

Андрей Фомин – тоже выпускник филологического факультета КемГУ. Поэт. Участник и победитель различных литературных конкурсов, автор публикаций в сетевых изданиях.

Мария Берестова – школьница из Мысков, поэтесса, второй раз становится лауреатом конкурса «Говорит XXI век». Но её произведений в

этом номере не будет, потому что, как сказали работники журнала, она уже опубликовала в нём свою конкурсную подборку.

Поэты, прозаики, публицисты: Алёна Кузнецова, Анжелика Кипа, Наталья Шулакова, Полина Леончик, Дарья Волобаева, Роман Кишочкин, Елена Прокопенко, Мария Приходько, Ирина Колбина, Мария Кузнецова, Анна Каутер, Альбина Куклина, Ольга Пинигина, Анастасия Перепелова, Анастасия Осипова и другие авторы, живущие в разных городах и районах Кузбасса, представлены на страницах журнала.

Тут самое место сказать несколько дежурных фраз о том, что качество текстов некоторых авторов оставляет желать лучшего. Да это так. Но катастрофично ли сие обстоятельство для молодого, а тем более юного автора? Лично я никакой катастрофы здесь не вижу. Куда хуже, когда автор, приближающийся к восьмидесяти годам, не научился преодолевать сопротивление словесного материала, вязнет в топком болоте глагольных рифм, не может создать внятный поэтический образ и не обладает умением написать простенькую статью о собственном творчестве или о творчестве коллеги по цеху.

В связи с вечными упреками в адрес юных и молодых припомню маленький фрагмент предисловия великого русского поэта Юрия Поликарповича Кузнецова к моей первой книге стихотворений «Пласт». Кузнецов, сказав несколькими словами, что «...автору кое-где не хватает мастерства», тут же добавил: «Впрочем, это дело наживное».

С тех пор на различных литературных совещаниях, семинарах, фестивалях, мастер-классах, конкурсах, когда вижу талантливо сделанный текст (неважно, стихи это или проза), имеющий явные следы авторского неумения преодолевать сопротивление материала, опираясь о слово Кузнецова, всегда говорю или имею в виду, что мастерство – дело наживное.

...Отец-основатель нашей писательской организации Евгений Сергеевич Буравлёв в своём могучем лирическом монологе «Земля», весьма напоминающем по стилю и ритмике интонации стихотворений Владимира Владимировича Маяковского, с которого началась эта статья, сказал:

*Выходя на трибуну, предоставленную
поэтам,*

*Я так и не решил: о чём быть поэме?
О физике, о какой-нибудь новой проблеме?
Или о лирике? Или о том и об этом?*

Как эпическо-лирический герой Евгения Буравлёва, участники конкурса «Говорит XXI век», наши молодые авторы, поэты, прозаики, публицисты, похоже, тоже пока ещё не решили, «о чём быть поэме». Впрочем, кому судьба зацепиться и остаться в литературе, тот, несомненно, решит этот вопрос. В ближайшем или отдалённом будущем. От этого решения зависит судьба писателя, его жизнь в литературе.

И очень важно, чтобы юные и молодые знали и не забывали это славное имя – Евгений Буравлёв. Я специально ввёл его в свой текст. Потому что с него началась писательская организация Кузбасса. Системная работа с молодыми тоже началась с него. И публикации молодых (которым сегодня лет по 70–80, а иных уж нет) в литературных изданиях тоже – с него. Все наши конкурсы, совещания молодых, мастер-классы, фестивали, семинары – всё это бесконечное продолжение буравлёвских совещаний и семинаров.

Это надо знать, помнить, чтить.

**Иосиф КУРАЛОВ,
член Союза писателей России,
председатель жюри конкурса
«Говорит XXI век»,
лауреат премии
имени святителя Павла Тобольского**

Дарья
ВОЛОБАЕВА

ДВЕРЬ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО (НА КРАЮ СОВЕРШЕННОГО МИРА)

1. ОЛЕНЁНОК

Капля дрожит на кончике водопроводного крана, чуть ржавого где-то изнутри, – вода часто принимает рыжеватый оттенок и совсем не пригодна для питья.

Кенгуру смотрит на каплю и размышляет. Сегодня её очередь мыть посуду, а у неё снова ломит левый висок. В последнее время это происходит слишком уж часто и даже обезболивающее не помогает. Кенгуру гладит округлый живот под толстым свитером – двойня. Ради них стоит жить и стараться.

Рыжая капля становится совсем большой и срывается с крана на выпачканную тарелку. Кенгуру улыбается – Лебедь любит варёный картофель в растительном масле. Она хорошая, мечтательная... зефирная, что ли. С ней приятно находиться рядом.

Боль немного утихает, и время приняться за мытьё посуды, пока прочие кусочки их небольшой компании рассыпаны по городу, по своим рабочим местам. Кенгуру снова гладит живот и встает у раковины, на всякий случай пододвинув стул ближе. В соседней комнате агукает тихая Агнешка – и куда опять подевалась её дурёха-мать?

Поворот ключа в замке, затем едва заметный запах зефирных косичек. Шорох мягких туфель по кафелю. Лебедь заскакивает в соседнюю комнату, забыв поздороваться с Кенгуру, и начинает укачивать Агнешку. Нет, всё же очень подозрительно исчезновение её матери.

Кенгуру кусает губу от стиснувшей виски боли и берётся за старую, выпачканную в чёрном тряпку – опять Чужая мыла ей сковороду. Чужая вообще странная – ни с кем не общается, непонятно, о чём думает, бледная, словно поганка. Да и во время мытья посуды путает, что чем мыть. Кенгуру вздыхает и берёт другую тряпку – от чёрной уже всё равно никакого проку.

Лебедь вбегает на кухню и радостно заглядывает подруге через плечо. В тонких руках – пакетик с зефирками, которые она так любит. Кенгуру, мягко улыбаясь, моет тарелки рыжеватой водой и складывает их в покупную, прозрачную, чтобы там ополоснуть.

– Трубы совсем плохи, – замечает Лебедь и подёргивает костлявыми плечами. Рядом с плотной Кенгуру она смотрится хиленькой девятиклашкой, но это неважно. Она смотрит на живот Кенгуру: – Прелесть! Совсем скоро в роддом отправимся, правда? Я тебя сопровождать буду, честно-честно!

Кенгуру улыбается; её странности давно привычны. Лебедь ведь тоже была беременна всего месяц назад, но роды проходили слишком тяжело: ребёнок оказался мёртвым, а сама Лебедь больше никогда не сможет родить. В приюте осталась оттого, что больше некуда.

Агнешка в соседней комнате начинает плакать, и Лебедь убегает к ней. Кенгуру смотрит на своё обветренное лицо в старое, в разводах мыла зеркало – на виске бьётся цветком синяя жил-

ка, одной линией огибающая лоб и похожая на терновый венец. Боль в голове так и не проходит. Кенгуру связывает это с тем, как её шарахнул перед уходом о батарею муж, неготовый принять весть об отцовстве. Требовал аборта, запугивал, увещевал...

Всё это позади.

Снова поворот ключа. В прихожую, негромко топая, входит Оленёнок. Крохотная, белобрысая, а глаза что океан. Очаровательная. Ей бы школу окончить, но куда она денется, беременная, от собственного насильника? В школе полным-полно жестоких людей, которые страсть как любят, не разбираясь, вешать ярлыки, об этом Кенгуру знает по себе самой – дразнили из-за полноты. А что, по сути, полнота? Люди без души живут, и ничего.

Кенгуру оборачивается и видит, как Оленёнок перепуганно прячет лицо за курткой, которую постоянно не выпускает из рук. Ей всюду чудятся косые взгляды, чьи-то обвинения, будто во всём виновата лишь она. За курткой – заметно округлившийся животик. Оленёнок даже лишний раз поесть боится, а к маме возвращаться не хочет – чувствует вину. Мама Оленёнка несколько раз приходила в приют, даже разговаривала с дочкой, увещевала её вернуться, но дочь не согласилась. Кенгуру низко опускает голову, чтобы не встречаться взглядом с собственным отражением.

Оленёнок проскакивает на кухню и вертит головой на тонкой шейке. Убедившись, что, кроме неё и Кенгуру, на кухне никого, прошмыгивает в ванную.

– Оленёнок, что-то случилось?

Кенгуру на минуту расстаётся с тарелками и, обеспокоенная видом девушки, стучится. Слышны шум воды и тихое пение Лебеди, которая кормит Агнешку после исчезновения её матери – молока у Лебеди много.

– Оленёнок! – кричит женщина, держась для успокоения за собственный живот, где крепко спят двое её маленьких. – Оленёнок! – снова кричит она и стучит в дверь.

Грохот служит ей ответом.

Кенгуру снова и снова дёргает дверь, обеспокоенная не на шутку. Щеколда скребёт по стенке, дверь ходит ходуном. Адреналин плещется в крови. В мыслях только одно: «Оленёнок!».

Засов ломается. Оленёнок лежит с пробитой головой на холодном кафеле, вся в крови. Не дышит.

– Что такое? – уложившая Агнешку Лебедь выбегает на кухню и видит уставившуюся в кафельный пол Кенгуру.

Видит Оленёнка, захлопывает рот рукой, чтобы не закричать, и бежит к соседям позвонить в скорую, полицию... да хоть куда-нибудь!

На входной двери белой краской выведено: «Вы – твари!», а чуть выше красным из баллончика написано, куда им следует идти отсюда и что делать со своими выродками. Лебедь сжимает губы в тонкую ниточку – те злые мужчины с пятого этажа поработали. Что же, они потом.

Стучась в соседнюю квартиру, Лебедь едва не разбивает себе костяшки пальцев – ей действительно страшно за Оленёнка. Она даже не сомневается в том, что её до такого состояния довели те самые мужчины. Считают, она сама залетела, а теперь выдаёт себя за жертву.

Открывает Грася – невысокая девочка лет двенадцати, живущая вместе с бабушкой.

– Что с вами? – поздоровавшись, интересуется она. – Может, позвать бабушку?

Лебедь путано объясняет, что нужен телефон, и Грася впускает дрожащую соседку в квартиру, забыв закрыть входную дверь. Не интересуется, зачем вдруг нужен телефон, – понимает, что беда. Телефон у них городской, с помесечевой оплатой – от лишней минуты не убудет.

Через десять минут Оленёнка уже увозят в машине скорой помощи – благо был вызов в том же районе.

Кенгуру и Лебедь сидят в комнате, прижимаясь друг к другу, – боятся. Вытереть с пола кровь Лебедь всегда успеет, а успокоить подругу нужно немедленно, вот только слов не находится, а говорить банальности в духе «всё будет хорошо», «ей станет лучше» и «она жива» не хочется. Лебедь говорит лишь то, в чём уверена. В жизни Оленёнка она не уверена, и молчать – самый лучший вариант.

Ольга (к ней единственной обращаются по имени) приходит ближе к вечеру, неся тяжёлую сумку и кое-какие деньги с пожертвований фонда для приюта. Улыбка с её лица исчезает, стоит ей увидеть распахнутую настежь дверь ванной и кровь.

– Что стряслось? – спрашивает она у Лебеди, которая сидит и гладит Кенгуру.

– Оленёнок... – и этого уже достаточно.

Женщина бросает сумку и лихорадочно ищет по карманам свой мобильник. У Оленёнка, по словам её матери, с детства слабое здоровье,

а что происходит на этот раз – загадка для всех, кто сейчас находится здесь.

– А где остальные? – интересуется Ольга у Лебеди, и та объясняет, не упуская ни одной детали.

Кому, как не ей, знать, что Маринэ и Ло с утра в больничных стенах – запись на УЗИ, Лису вчера увезли в роддом, Струна её навещает, Финик так и не нашлась, а Чужая – она на то и Чужая, чтобы о ней не беспокоиться. Всё равно вернётся.

Ольга кивает и решает помедлить с новостью о том, что на счёт приюта прислали пожертвование, а добрые люди всем районом собрали кое-каких вещей, причём в довольно хорошем состоянии. Всё же сейчас не время для таких новостей, совсем не время. Слишком уж беспокоит сейчас, да и на дверях снова написаны ненавистниками плохие вещи. Стоит оттереть их до того, как из больницы вернётся Ло, – она крайне мнительна и чудовищно зависит от чужого мнения. Увидит, потом будет переживать, а это совсем нехорошо для неё и её будущего малыша.

На лестничной клетке стоит Грася и внимательно разглядывает надписи. Меж бровей неглубокая складка – она не согласна с этими фразами. Просто девушки, соединённые общим счастьем (иначе скорое появление ребёнка и не назовёшь!) и помогающие друг другу всегда. Там, где не справились их мужья, они справляются сами, не это ли прекрасно?

– Поможешь мне? – спрашивает Ольга, и Грася кивает в ответ.

Всё по-честному: девчушка оттирает мерзкие рисунки, смысла которых даже не понимает, ведь они практически в самом низу двери, а ей до надписей не достать – миниатюрная ведь. Ольга, наоборот, длиннущая и потому оттирает белую надпись с двери. С настенной живописью не ясно, что делать, и потому она предпочтёт разобраться с этим позже.

Ло и Маринэ появляются как раз тогда, когда слова уже не различимы, но остаются огромные белёсые пятна. Рисунки Грася старательно размазывает губкой; ей сказали, что это может обидеть. Маринэ громко поёт ей, местами недотягивая, но для Ло важны не ноты. Далеко не ноты. Маринэ похожа на скалу посреди бушующего моря – что бы ни происходило, она сохраняет мягкое, женское спокойствие, кажется, даже не умеет истерить, только иногда начинает творить странности. И поёт, если попросишь. Ло петь совершенно не умеет, до невозможного чувстви-

тельна и уязвима, обидчива до иголок под кожей. Наверное, это их и сблизило. Порой Маринэ жутко не хватает живости и резкости, а Ло нужно лишь чуть-чуть покоя.

Лебедь и Кенгуру встречают их на кухне. С заботами об Оленёнке посуда и готовка совершенно вылетели из головы. Маринэ понимающе улыбается – кажется, что бы ни происходило, она всегда в курсе. Это ещё одно из её удивительных свойств. Маринэ никогда и ничему не удивляется. Потому она достаёт из духовки вечерашнюю картошку, круглую, разваренную и, не подогревая, ест.

– Мне подогреть, – Ло садится на шаткий стул, успешно минуя торчащую с краю шляпку гвоздя. – Только чтобы не очень горячо, а то обожгу язык! И маслом полить, пожалуйста! Картошка не острая? – она крайне трепетно относится к своему здоровью, тем более сейчас, во время беременности.

Лебедь даже рада капризному воркованию на кухне – это немного успокаивает, помещает в привычную обстановку. Ло любит держать людей в напряжении и сама постоянно в нём держится – такова её натура. К тому же ей больно есть острое: что-то с желудком. Лебедь плохо разбирается в болезнях да и не интересуется ими вовсе.

Кенгуру смотрит в окно. С усталостью. Видит: уже вечер. И становится немного грустно: что с Оленёнком, так и не ясно, а из больницы не звонят. Маринэ возится со шваброй, собираясь отмыть кровь до возвращения Струны, да и ей самой неприятен вид крови на кафеле. Ло играет с вилкой, зажав её рукоять губами, дёргает ею вверх-вниз и следит взглядом за четырьмя зубчиками. Ольга дежурит у телефона в малюсенькой комнате, оборудованной под кабинет, где хранятся документы и сбережения, боясь пропустить звонок из больницы.

Кенгуру гладит живот и немного потерянно улыбается: такая вот у неё семья. Шумная, капризная, пахнущая зефирными косичками и тёплой, как колючий свитер из натуральной шерсти. Да, такая вот семья.

Маринэ не спит ночами. Просто так сложилось с самого начала беременности – то её ночью есть тянет, то рисовать, то вдруг погулять захочется посреди ночи. Ло по ночам сочиняет «пирожки» и сидит на популярном сайте, периодически проверяя свою группу на количество участников и лайков.

Наверное, частые бессонные ночи, проведённые на кухне, тоже частично сблизили их.

– Слушай, – вдруг тихо выдаёт Маринэ и, когда Ло отрывается от экрана планшета, тихо шепчет: – А как ты забеременела?

– Ну как... – Ло напрягается. – Как все люди беременеют. Анатомию хорошо знаешь?

Ясно, что она не желает говорить об этом, но если уж Маринэ захотела, она непременно узнает благодаря особым уловкам, которым научилась от самой же Ло и на которые Ло охотно попадает, делая вид, что вовсе не подозревает о манипуляции.

Как сейчас.

– А у меня коротенькая, но очень странная история, – Маринэ решает начать первой. – Друзья позвали на вечеринку по случаю дня рождения одноклассницы. Вообще я не люблю такие мероприятия, но туда собирался пойти М., который мне очень нравился и нравится до сих пор, потому я переступила через себя и пошла. Там меня и М. накачали какой-то гадостью и заперли нас в одной комнате. В общем, мы с ним переспали, а через пару недель я узнала, что беременна... – закончив, она зябко кутается в одеяло – на кухне после рассказа становится крайне холодно.

Ло сосредоточенно смотрит в стену, на потрёпанные и чуть пыльные цветы обоев: вспоминает, как носила короткие юбки из блестящей синтетики с чёрными чулками, курила «женские» сигареты с красной туфелькой на упаковке, не пропускала ни одной вечеринки в ночном клубе и однажды допрыгалась. Накачали каким-то наркотиком, наверное. Она не знает, каким и что там происходило.

– Изнасиловали. Вчетвером, – тяжело, хрипло произносит и видит в темноте окна огонёк от тлеющей сигареты.

Кашляет, завернувшись в одеяло, прижимает к груди нагретый планшет, ищет в себе маленькую девочку, которую убили ещё седьмом классе за наивность и, может быть, глупость.

– Кто – не знаю. Сов-сем. И кто отец – тоже не знаю и знать не желаю. Мать с отцом отвернулись, тётка пинками погнала из своей квартиры. Никому я не нужна с ребёнком насильника. Хотела даже аборт сделать, но почему-то не сделала, – горькая, как гнилые апельсины, усмешка, – слабая, наверное, слишком. Трусливая.

Маринэ молчит – всё понимает. Слушает ночь, оставшуюся хозяйкой на этой кухне. Спать теперь хочется ещё меньше. Она думает и пони-

мает: все её капризы – защита, ведь Ло всюду видит угрозу. В первую очередь в себе самой. Переубеждать не собирается, не хочет говорить того, в чём до конца не уверена, – кто же она всё-таки такая, чтобы решать, кто силен, а кто слаб?

А Ло перед самым рассветом засыпает на кухонном столе, так и не отправив в группу последний «пирожок».

2. КОШМАРНЫЕ СНЫ

Струна сидит на холодном белом стуле в приёмной у родильного отделения. Ждёт, грызёт податливую кожу на дрожащих пальцах. «Когда же, ну когда?» Видя врачей, нервно подскакивает, силится задать единственный вопрос, но те отрицательно качают головами и советуют ей отдохнуть, намекнув на нездоровый, поганочный цвет кожи.

Длинные пальцы нервно сжимают крепкую лямку гитарного футляра.

Струна прячет лицо за тонкими волосами, окрашенными в морковный, с белёсыми корнями. Под глазами – синеватые тени. Очень высокая, она хочет уметь складываться, как карты или подзорная труба. Ей некомфортно сейчас на жёстком неудобном стуле, ждать и жать, ждать и ждать, ждать и так до бесконечности.

У неё жутко неудобные ноги – их некуда спрятать. Особенно в эти нервные минуты, когда в тесном коридоре их требуют убрать в сторону медсестры и врачи с каталками, а под стул их не запихнёшь, а сбоку – какой-то кабинет. Стоит повернуться, обязательно кто-нибудь открывает двери.

Струне ещё со школьного возраста было стыдно за свой рост. Стыдно и до сих пор, ведь окружающим неважно, каких размеров у человека душа, лишь бы тело вмещалось в общепринятый трафарет, не ясно, кем и когда придуманный, и, неважно вообще, существующий или нет.

Как жаль, что «идеалом» не является душа.

Струна засыпает среди скрипа каталок и криков будущих матерей, напоследок прислушавшись: не Лиса ли кричит?

Лебедь ворочается в постели, словно чувствуя то, как Струна волнуется, тревожится. По вискам струится холодный пот; снова те сны.

Она посреди озера. Стоит на зеркальной воде и разглядывает своё отражение, тревожное лишь крохотульками-рыбками, не видными под толщей кристальной влаги. На воде покачи-

ваются лепестки жёлтых дам-кубышек да белые пёрышки, вдали слышатся трубные лебединые крики: перекликаются меж собой. Над нею кружат полупрозрачные синие бабочки.

– Мама! Мама! – на берегу невдалеке стоит крохотная фигурка маленькой девочки, будто бы подсвеченная ореолом. Малышка выглядит словно живая, настоящая птица на нарисованной ветви. Вместо рук у неё – маленькие серые крылышки, увитые незабудковой вуалью, на белых волосах – перьевой венец, через который преломляются лучи едва-едва тлеющего белого солнца.

– Мама!

Лебедь тянет руку, но натывается на преграду – стекло. Незаметное, идеально прозрачное, оно не даёт ей обнять дочь.

– Мама! Я теперь как ты! – и девочка расправляет крылья, встав в шестую позицию, затем крутит на крохотной ножке фуэте, бьёт одной ножкой другую и замирает, сделав простенькую, но такую аккуратную и безукоризненную «ласточку». – Балерина!

Да. Лебедь улыбается и пытается повторить движения за крохой, но её держат коварные стебли особого ползучего терновника, впивающиеся при малейшем вздохе в нежную, слишком сильно израненную кожу. По щекам текут предательские слёзы, а малышка всё танцует, и в танце этом сквозит любовь к жизни, мечты о материнских объятиях и преломляющийся в лебединых перьях свет.

– Мама! Я родилась без ручек, но лебеди подарили мне свои крылья! – смеётся малышка, затем под аккомпанемент с каждой секундой мрачнеего неба начинает звать: – Мама, пойдём со мной! Здесь всегда тепло, здесь всегда светит солнце, здесь мы всегда будем рядом!

Она бы и рада прокричать горькое «Да!», но терновник сдавливает горло.

С криком Лебедь просыпается в своей кровати, запутавшаяся в пододеяльнике, и дрожит мелкой дрожью, пока разбуженная Кенгуру сообщает, что произошло.

– Ло! Ло! Просыпайся! – кричит Маринэ в ухо, может быть, единственной подруге, трясёт её за плечи, щиплет за нежные запястья, бьёт по щекам.

Никакой реакции.

– Ло, ну давай же просыпайся, тебе нельзя умирать, у тебя же ребёнок. Ребёнок! Да очнись же ты, наконец!

Кенгуру и Лебедь, прибежавшие из комнаты на крики, смешанные с жуткими хрипами бьющей Ло в порыве истерики Маринэ, понимают: нужен телефон.

На этот раз их встречает бабушка Граси, полная и умудрённая опытом женщина, одетая в старую полуистёршуюся сорочку, с телефоном в руках:

– Забирайте его насовсем, а то так и будете среди ночи бегать, – и закрывая дверь: – Грасе завтра в школу, Грасе нужен сон.

Включив телефон в сеть, они тут же набирают тот самый номер, ставший почти родным.

– Вставай! Вставай же! Умоляю тебя, Лолита, ты ведь не дописала свои стихи!!! Пойдём, я уложу тебя в кровать! ЛО-ЛИ-ТА! Прошу тебя! – надывается Маринэ на кухне, рыдающая у колен уже совсем холодной девушки.

Скорая наверняка станет их постоянным гостем, если так будет продолжаться и дальше.

Осмотревшие Ло врачи констатируют смерть; погиб, как оказалось, и ребёночек. Хорошей новостью становится лишь одна – Оленёнка вытащили с того света и теперь есть шансы на скорое выздоровление.

– А что с ребёнком? – спрашивает обеспокоенная Кенгуру; похоже, целью тех, кто пытался убить, была не Оленёнок. Ей отвечают, что пришлось сделать кесарево, ребёнок жив, но находится в жизнеобеспечивающей капсуле – слишком рано родился и потому крайне слаб; любое неосторожное действие убьёт его.

Лебедь качает головой; слишком, слишком много смертей. Будто чьё-то проклятье.

Наутро Ольга идёт по улице в настроении, которое зовётся «никакое». Ничто не радует: ни яркое жизнерадостное солнце, ни неприлично зелёная трава на цветочных клумбах и газонах, ни даже снующие по улицам кошки. Смерть Ло и её малыша – трагедия для всех, неожиданная и разбившая их мирок. Хорошо, что с Оленёнком всё условно хорошо.

У многоэтажек она видит людей с плакатами и удивляется. Вроде бы депутаты в таких замузыганных квартирах издревле не водились, жаловаться особо не на кого, а что тогда. Лишь подойдя чуть ближе, она понимает.

– Долой беременных наркоманок! Сжить со свету эту дрянь и их поганных выроdkов! Из этих брошенных уродок толку не выйдет! Убирайтесь и не захламляйте наш дом! – скандирует в рупор

лозунги, видимо, выученные назубок, женщина с обезображенным злобой лицом и водянистыми глазами.

Ольга приглядывается и видит, что на плакатах написаны лозунги с одним и тем же смыслом, но в массе разных вариаций. Глупые-глупые люди. Сами ведь большей частью женщины, матери даже. Побоялись бы Бога такое говорить, но, видимо, этим даже сам Бог уже не страшен, лишь бы выжить несчастных побитых жизнью девушек отсюда.

– Долой!!! Их дети от Сатаны! – даже орёт, а не просто кричит старый дедуля с золотыми зубами, грозно взмахивая клюкой.

Ольга, глотая злые и бессильные слёзы, бежит к подъезду под возгласы этих ненормальных. Она ничего, совсем ничего не может сделать – её организация законна, но в полицию обращаться бесполезно, ведь на неё давят «сверху», посылая с вооружёнными людьми в масках убедительные просьбы освободить помещение.

Спустя минуту её мысли переключаются на подопечных – что с ними сейчас, чем они занимаются?

Кенгуру безуспешно пытается закрутить кран так, чтобы ржавая вода перестала капать зазря – по капле, по капле, да счета за воду набираются, а деньги приходится экономить: кормиться же чем-то надо, да и Агнешке требуется пара-другая пелёнок-распашонок, а если Оленёнка выпишут, то уйма денег на одни только лекарства уйдёт. Пытается, но рыжие капельки приглушённо стучат по недавно вымытой раковине, словно «слепой» дождик по зонту.

Лебедь спит на диване в прихожей – на этот раз без сновидений; Кенгуру заставила принять снотворное.

Перед глазами Кенгуру проносится картина минувшей ночи: холодная Ло, умершая быстро и спокойно, обезумевшая от горя Маринэ, хватающаяся за руки врачей и требующая спасти единственную настоящую подругу, крики Лебеди, обнимавшая те события бесстрастная ночь, привыкшая хладнокровно наблюдать, искусанные в кровь собственные пальцы, трясущиеся при наборе номера скорой.

Кенгуру гладит большой живот, в котором бьются два крохотных сердца её малышей.

Маринэ – в ванной. Наедине с планшетом погибшей поэтессы. Разглядывает строчки, словно её это спасёт, свесив на лицо длинные

тёмно-русые волосы. Уродливый шрам на щеке совсем бел в сравнении с пылающими от слёз и истерик скулами.

«Уже не вернуть нам белёсого света», – читает снова и снова. Именно эта, самая последняя, строка неопубликованного «пирожка» царапает больней всего; точно Ло знала, что её ждёт, точно ждала этого и оставила нарочито безграмотно составленный и выбивающийся из положенного ритма стишок.

Строка врезается в охрипшее горло, смакуется медленно, протяжно. Она ведь в очередной раз права. Не вернуть. Ничего уже не вернуть. Ни Ло, ни её ребёнка, ни покоя, ушедшего вместе с всегдашним беспокойством.

На плите выкипает суп, а Кенгуру потерянным взглядом смотрит в окно, видит плакаты. Почему? За что их, будущих матерей, оставшихся без поддержки родственников или бессовестных, не желающих брать ответственность за свои действия мужей, так гнобят, пытаются сжить со свету? Взгляд случайно падает на исписанную Ло когда-то стену. «Мы – на краю совершенного мира, и нам не вписаться в него никогда» – гласит надпись, выведенная в одну из бессонных ночей дрожащей рукою. Строчка одного из её волшебнейших стихотворений, которые она порой читала вслух для Маринэ, но из-за громкого, хорошо поставленного голоса стихи становились похожи на призывы сталинских времён, их слышали все, порой даже соседи.

Ло сто один раз права.

Нацепив на лицо такое выражение, словно на улице нет никаких людей с их жестокими лозунгами, Ольга входит в квартирку, дышащую запахами зефирных косичек, выкипающего супа и тёплой курточки.

Созвонившись недавно с владельцем ритуального салона, она диву даётся от цен на похороны: «Лечиться дешевле, чем умереть. Тютю всем пожертвованиям, но что поделать, если мать даже не изъявила желания явиться к усопшей дочери и нерождённому внуку, а помочь больше некому?» Заходит в ванную, чтобы смыть потёкшую с лица косметику.

– Маринэ? – удивлённо спросила, насколько она помнила, Маринэ никогда не жаловала технику, а особенно интернет и планшетник Ло, в частности.

Теперь же взору представилась картина маслом: она, напоминающая красным лицом и падающими на лицо спутанными волосами скорее

ведьму, чем беременную женщину, сидит на краю чугунной ванны в одном нижнем белье и быстро-быстро строчит, бубня под нос в аккомпанемент кнопочкам. Она не отзывается, и Ольга, смыв тушь, отправляется на кухню, чтобы поговорить с Леbedью и Кенгуру насчёт похорон.

Кенгуру внимательно слушает; Леbedь сопит, словно улитка завернувшись в бурое одеяло, расшитое цветами.

– Ничего, перетерпим, – заключает в конце рассказа Ольга мышкой вынырнувшая из прихожей Чужая и примирительно улыбается в ответ на косые взгляды.

Ещё бы: вроде беременная, но постоянно шляется где попало – тут любой косо посмотрит. Кто знает, когда она вернулась, и кто знает, когда уйдёт в следующий раз.

На Чужую давно никто не сердится всерьёз: ей слишком нужна свобода, её не удержишь истериками и запретами. К тому же она бережётся – всегда, даже в жару, носит тёплую одежду и регулярно посещает больницу. Чужая напоминает перелётную птицу из песен – уходит, чтобы возвратиться, и всегда помнит о доме, качая упавшие звёзды на пруду. Кенгуру не знает, перелётные ли птицы эти леbedи, да и не волнует её это; первым делом – суп на плите и похороны.

Скрип двери, из ванной выходит пошатывавшаяся Маринэ.

Её никто ни о чём не расспрашивает: почему у неё в руках планшет Ло, что она строчила целых полтора часа и как она себя чувствует. Здесь не принято беречь чужие совсем свежие раны; смерть самой говорливой и беспокойной из всех опустошила старую квартирку в центре города и ещё больше сплотила жителей. Оленёнок – в реанимации, Струна ждёт Лису и её малыша – все они не знают. Тем лучше.

Струна просыпается на том же белом стуле под скрип каталки и плач новорождённых. Вертит головой, как крохотный зверёк, кажется, даже принохивается – не Лису ли везут? Нет, не Лису; её макушку и усыпанные веснушками руки можно узнать из тысячи. Струна пытается расспросить врачей, но все они твердят одно и то же: всё в порядке, просто долго не может разродиться. Ещё просят убрать ноги. Да сколько можно?

Струна всё же убирает ноги куда может: под стул, обвив лодыжками его металлические ножки, но этого мало – острые коленки всё ещё торчат несчастными огрызками. Глупо всё это.

Струна громко чихает и смотрит красными глазами в стену. Затем снова устраивается почти что удобно и чутко дремлет.

Ей снятся кошмары.

Не такие яркие и чёткие, как Леbedи, но цепкие и противные, а может, даже и не кошмары вовсе. Будто она летит в темноте куда-то вниз и вниз, вниз и вниз, к поющим шипящие трели змеям, готовым обвить её тело и впрыснуть под кожу коварный горький яд.

Леbedь просыпается, когда уже наступают сумерки, совершенно бодрая и пахнущая чуть пыльным диваном и старым одеялом.

У дивана на шаткой табуретке – тарелка с супом. Леbedь принохивается: кажется, борщ. На щеках играет обильный лихорадочный румянец, но ей пока не хочется есть. Она встаёт и относит тарелку на кухню – сквозь сон слышала, что вернулась Чужая походкой призрака, а эта особа не любит посторонние вещи на дороге. Залпом проглатывает оставленный для неё заботливой Кенгуру стакан воды и читает нацарапанные на бумаге строки: «Я и Кенгуру ушли в бюро ритуальных услуг». Вот так, без подписи даже; Леbedь знает почерк Ольги, и ей нетрудно, совсем нетрудно разобрать, кто и как пишет.

Со вздохом Леbedь уходит в ванную и набирает в неё горячей воды – совсем немного, едва до лодыжек достаёт – стоит экономить. Расцарапанные коленки остаются на холоде, и Леbedь обнимает их руками, покрывшимися мелкими пузырышками.

Так сидит до тех пор, пока не начинает плакать Агнешка. Услышав её крики, вылезает из остывшей воды и, наспех накинув махровый халат, шлёпает босыми ногами – время кормления.

3. БЕГИ ПО МОКРОМУ АСФАЛТУ

Ночь сегодня безлунная.

Финик бежит по тёмным улицам. Время настолько позднее, что даже фонари выключены! Зайцем петляет по бульварам, проезжим частям.

Прочь, прочь!

Финик поскользывается босыми ногами на грязи, падает. Дрожит, словно осиновый лист, подняться нет сил, а жить хочется. Он поймает и убьёт. А жить, может, не хочется, но нужно – где-то далеко отсюда ждёт маленькая Агнешка. Финик хорошо её спрятала, вряд ли догадаются искать в квартире, где проживают десяток беременных женщин, да и поди догадайся, чей

ребёнок дремлет в кроватке. Это только мать может своего отличить от других, для мужчин все карапузы на одно лицо.

Финик приглушённо рычит и кое-как поднимается на трясущиеся разодранные в кровь ноги. Воспоминания о дочери прибавляют сил. Она снова бежит на свет единственного зажжённого фонаря, что у круглосуточного ларька.

Неожиданно в голову приходит мысль о том, что она словно Золушка, только убегает босиком, избитая, в синяках и не от принца, а от деспота-наркоторговца, мечтавшего перевозить адскую отраву внутри своей дочки. Но некогда ей размышлять о сходствах с трудолюбивой сироткой: вдали слышны рёв мотора и крики.

Её ищут.

Финик теперь чуть менее, чем полностью, оправдывает свою кличку, данную Чужой, – некогда длинные выкрашенные в бирюзовый волосы сбриты машинкой едва ли не до корней. По его словам, они «мешались». Кому «мешались», женщина не знала. Как и то, сколько пробыла в заточении. День? Неделью? Месяц, может быть?

Ларёк всё ближе; спасительный ночной огонёк, в свете которого можно укрыться от злобного и ранее желанного да бескрайне заботливого жениха.

Прочь, прочь!

В ларьке её не подумают искать, совсем не подумают, правда-правда.

Финик подбегает к двери и разбивает в кровь и без того истерзанные костяшки, стуча в холодный металл.

Ло хоронят в стареньком подвенечном платье, отданном бабушкой Граси и, по легенде, принадлежащем Грасиной маме, которая умерла пару лет назад, – конечно, это против правил, но иначе никак – слишком много ушло на похороны; больше тратить нельзя.

Маринэ стоит, низко опустив голову. Одета в чёрный брючный костюм, волосы спрятаны под чёрным траурным платком. Пока не закрыта крышка гроба, каждый может попрощаться. Она подходит и кладёт в гроб её планшет, не закрывая вклады с собственными стихами, посвящёнными ей и её смерти; никто не узнает, что было написано её рукой в ту ночь, в то утро.

На похороны, как ни странно, является мать Ло, скорбленная и, пожалуй, довольно старая женщина: сеть морщинок опутывает смуглое лицо, седые космы спрятаны под чёрным платком с блеклыми бордовыми розами – иного нет.

– Лолита... – плачет она, проводя сморщенными ладонями по мертвенно-белому лицу дочери. – Лолиточка, маленькая моя девочка, прости меня, мою душу грешную. Не поняла, не оценила, не уберегла... – старуха ещё что-то бормочет.

Маринэ щурится; ей хочется ударить мать лучшей подруги. Сама бросила дочь в беде, а теперь плачется у гроба, вымаливает прощение у трупа. Руки, которые многие называли бы мужскими из-за размера и обилия шероховатостей и мозолей, сжимаются в кулаке до белеющих костяшек. Кенгуру замечает это и придерживает девушку за рукав.

Ольга стоит чуть поодаль и промокает глаза платком.

Звонили каких-то пять минут назад; требуют покинуть квартиру, ведь она нужна каким-то бизнесменам под офис. Прозрачно намекнули, что Ло и Оленёнок – их бесстыжих рук дело.

Разве четыре жизни дешевле старенькой квартиры в далеко не престижном доме?

Девочки не узнают об этом.

– Нужно переезжать? – переспрашивает Лебедь, глядя на Ольгу. Не понимает, к чему такая спешка – покинуть квартиру до понедельника. Немного помолчав, добавляет: – Но зачем и куда?

– Есть вариант получше, – врёт Ольга, ведь ложь во спасение – это хорошая ложь, допустимая, правда?

Они идут впереди, аккуратно огибая раскисшую кладбищенскую землю на могилах, синие, полураспиленные заборчики с пиками и гранитные памятники. Чуть позади – неуклюжая Струна, которую придерживает от падения в грязь призрачная Чужая, сразу следом – опечаленная Кенгуру и злая на весь свет Маринэ. Агнешку пришлось оставить на Грасю и бабушку, но это совсем ненадолго, ведь скоро они вернутся и заберут её.

Агнешка спит в своей кроватке; рядом на чьей-то кровати сидит Грася и вышивает крестиком пейзаж: розоватый закат, преломляющийся в каплях бурного водопада, низко наклоненные к самой воде ивушки, пологий берег, ветряная мельница и пшеничные поля вдали. На коленях лежит схема, рядом – цветные нити мулине и набор вышивальных иголок. Грася предпочитает не использовать пальцы – ей трудно с ними вышивать: картинка теряет целостность.

– Не беспокойся, – шепчет она, когда крики снизу становятся слышны на пятом этаже даже через закрытую форточку. – Их много, но ты сильнее.

Агнешка не слышит; она спит крепко-крепко и видит во сне картины прошлых жизней.

Стук в двери заставляет девочку отложить вышивку и отправиться в прихожую крадучись, чтобы не разбудить кроху.

– Кто там? – неуверенно спрашивает она, поднявшись на цыпочки, но всё равно не доставая до дверного глазка.

– Грася! Грася! Грасенька... милая, открой! – просит Финик.

Грася слышит и открывает двери. Голос тёти Юли она знает прекрасно, как и голоса остальных здесь живущих.

Растрёпанная, почти голая Финик с разодранной кожей на руках и ногах заставляет вскрикнуть от удивления. Вышедшая по зову бабушка помогает дотащить женщину до дивана в прихожей, но Финика, озябшую, почти что мёртвую от голода и побоев, интересуется только одно – она рвётся из рук и шепчет: «Агнешка, Агнешка...».

Только увидев её целой и невредимой, Финик обессиленно падает на диван и будто отключается от мира.

Грасе интересно, но она молчит и только помогает бабушке: где лекарство нужно принести, где бинт отрезать, где ранку промыть, где мозоли да ссадины заклеить. Бабушка догадывается, откуда все эти «украшения» могли взяться, но рассказывать свои догадки Грасе не торопится. Так и молчат.

Бабушка неодобрительно цокает языком, заметив на руках Финика следы уколов. Не стоит делать поспешных выводов, не зная ситуации.

Чужая снова возникает будто бы из воздуха и снова чуть раньше других – Ольга повела девочек в магазин, а Струна направилась в роддом, чтобы навестить Лису. Уже по запаху понимает: случилось нечто из ряда вон выходящее.

Увидев спящую Финика, Чужая расплывается в улыбке. Наконец-то вернулась.

– Тихо, – напутствует бабушка, но и без того всё понятно.

Она замечает на выгоревшей куртке след от оторванной пуговицы, но, кроме этого, не видит ничего в человеке. Потому что, кроме этого следа от пуговицы, больше ничего не надо.

Грася возвращается на своё место у кровати и снова берётся за вышивку.

Чужая садится у ног Финика и ждёт пробуждения.

Лиса лежит на неудобной кровати в старенькой общей палате роддома. Ей не то чтобы пло-

хо, просто скучно, потому она меланхолично что-то гудит и пытается выцарапать в стене тайный ход, через который можно выпустить жемчужных вошек, – так она называла ненужные мысли. А что, похоже ведь: мешают, чешутся, бегают по извилинам и поедают жизненные соки.

Дверь едва слышно открывается. Лиса даже не собирается поднимать голову, чтобы взглянуть на пришедшего тревожить её покой: скорей всего, медсестра какая-нибудь, будет проверять состояние и всё такое. Именно из-за таких медсестёр Лиса не любила больницы, в коих лежала в своё время слишком часто.

– Здравствуй, – весело произносит Струна.

Отчего-то из-за своей беременности она ни капли не поправилась – даже животик едва-едва заметен через растянутый свитер. «Может, это биологическое», – думает Лиса, едва кивнув подруге.

– Чужая вернулась, – больше ей рассказать не о чем.

Несколько минут сидят молча.

– Сыграй на гитаре? – спустя несколько минут просит Лиса, взлохматив вьющиеся волосы.

Струна недолго мнётся, а затем вытаскивает из чехла старенькую гитару, которую всюду волочит за собой, как улитка свою раковину. Садится напротив и начинает аккуратно перебирать струны, извлекая мелодию по просьбе подруги.

Сначала робко, несмело. Пытается сочинить мелодию в поддержку, специально для Лисы. Постепенно пальцы смелеют, в уме уже складывается будущая песня, а пока просто незатейливый, но мелодичный и звучный перебор, характеризующий Лису такой, какой она видится играющей ради неё женщине.

Струна играет, закрыв глаза и забыв обо всём на свете. Её в любую секунду могут выгнать из палаты медсестры – пускай, ей нетрудно уйти, ведь мелодия останется у Лисы. Она может потревожить тех, кто лежит в соседних палатах, но совсем не думает об этом. Сейчас – гитарные струны, ненавязчивая мелодия для Лисы и едва слышимое перешёптывание слушателей, столпившихся за дверями.

Затихает последний аккорд, и с этим аккордом затихают шепотки, но на смену им на чужих ладонях горят аплодисменты.

Струна опускает глаза, слушая полные восторга похвалы, и скромно отклоняет просьбы повторить на бис.

Для Лисы и только для Лисы, не для незнакомых.

Возвратившись из магазина с полными паке-
тами продуктов, девушки невесёлой, но дружной
толпой вваливаются в заметно опустевшую без
Ло и Оленёнка квартиру. Кенгуру и Маринэ от-
правляются раскладывать продукты, а Ольга за-
глядывает в комнату и замирает в дверях.

Финик сидит на своей кровати и кормит гру-
дью Агнешку.

Только сейчас, когда у Финика выбрита голо-
ва и нет больше бирюзовых прядей, вечно сва-
ливающих на лицо, понятно, насколько они
похожи. Даже несмотря на то, что одной едва
месяц, а другая уже совсем взрослая.

– Здравствуй, – по болезненному виду и мно-
жеству бинта и пластыря на смуглой коже Фини-
ка она понимает всё и даже больше.

Снова он.

Он называет самого себя Кошмаром, торгует
наркотиками, являясь частью крупнейшего син-
диката по их распространению, и около года му-
чает забеременевшую от него Финик. Преследу-
ет её, мечтает посадить на наркотики и держать
рядом с собой и её, и дочь, в которой можно без
подозрений перевозить товар – заставить про-
глотить нерастворимую капсулу, и плевать, что
малышка может подавиться.

Ольга не раз выгоняла его с лестничной
клетки, выпихивала из квартиры и, защищая
свою подопечную, даже огрела сумкой его лы-
сую голову, по которой ползёт жуткий змеепод-
обный монстр с бешеной крысиной мордой,
ощерившейся в зубастом оскале.

Как хорошо, что это всего лишь тату.

Финик едва заметно кивает, увидев во взгля-
де Ольги всё, что остаётся невысказанным.

Есть у них такая особенность – понимать
друг друга без слов.

Лебедь заходит в ванную, чтобы умыться, и
снимает с зеркала чёрную ткань.

4. НА КРАЮ СОВЕРШЕННОГО МИРА

Ольга кусает нижнюю губу; сегодня нужно
объявить всем девушкам и даже вернувшейся
из роддома Лисе с маленькой, но белой, словно
мел, дочкой.

– Как назвала? – спрашивает Маринэ, впер-
вые после смерти подруги решившая с кем-то
заговорить.

– Ласка, – отвечает ей Лиса, бережно держа
малышку на руках. – Маленькой и ласковой будет.

Все уже знают, что маленькая никогда не
плачет – с врождённой немотой не поспоришь,

тем более если у тебя нет денег, а совершенно-
му миру просто нет дела.

Когда все девушки собираются в более-ме-
нее просторной спальне и располагаются на
кроватях как можно удобней, Ольга тихим, дро-
жащим голосом рассказывает о звонке и требо-
вании покинуть квартиру.

Кенгуру гладит живот; всё будет хорошо.

– Мы же не покинем эту квартиру, правда? –
как и всегда, Лиса проявляет недюжинную воин-
ственность, когда дело касается её жилья.

– Придётся, – на выдохе произносит Ле-
бедь, – иначе с нами и нашими детьми произой-
дёт то же, что с Оленёнком и Ло.

По спальне прокатывается возмущённое
«ох».

– И куда мы пойдём? – опасаясь за осталь-
ных, Маринэ готова даже вещи за остальных со-
брать, лишь бы поскорее убраться отсюда.

– Можно пожить на моей даче, пока не под-
вернётся лучший вариант, – неожиданно пред-
лагает Чужая.

Все взгляды направляются в сторону неё.
Струна даже удивлённо присвистывает – нико-
гда бы не подумала, что от Чужой может быть
хоть какая-то польза, ведь Чужая особо никому
не помогала, появлялась в квартире максимум
раз в две недели, а уж о каких-либо делах по до-
му и речи не велось.

– Ну да, у меня есть дача, – спокойно отвеча-
ет Чужая, не замечая взглядов и сконцентриро-
вавшись на торчащей с воротника Лебеди белой
нитке. – От прабабки покойной досталась; я часто
туда ездила – печку протопить, зверей прабабки-
ных всяких накормить и тому подобное. Пускай
подавятся своей квартирой – дача добротная, с
огородом и даже садиком. Детский сад недалеко.
Воздух свежий, петухи по утрам горланят, через
дом молоко продают. Хорошее место.

Устав, Чужая замолкает. Раньше она никогда
не говорила так много слов разом; это её дебют.

Ольга не спрашивает, почему Чужая не рас-
сказывала раньше, и удерживает от того же во-
проса Маринэ. Если была нужда сохранять это
в тайне – пожалуйста.

Оленёнок открывает глаза.

Тело пронзает приступ тупой усталой боли.

– Оленька, Оленька... – плачет мама рядом,
не отпуская прозрачной руки поверх одеяла.

– Мама, – хрипло, как обычно бывает после
долгого сна, шепчет Оленёнок, пытаясь сфоку-

сировать двоящийся взгляд на её скуластом лице. – Здравствуй, мама. Как ты? – пожалуй, немного глупо.

– Мы волновались, – признаётся мама, и на её покрытом сеткой морщинок, но ещё цветущем лице появляется улыбка. – Не глупи, дочка. Возвращайся к нам с папой. Внучка вместе воспитаем, ты школу окончишь. А на людей наплюй. И возвращайся.

Оленёнок с трудом поднимается на кровати и крепко обнимает маму. На глазах – слёзы.

– Вернусь, – шепчет она. – Вернусь.

Чувство вины будет нелегко побороть, но ради мамы и будущего сына стоит попытаться.

Оленёнок удивляется, чувствуя в теле непривычную лёгкость.

– Что с ребёнком? – спрашивает она с нарастающей тревогой.

– Он в капсуле, дорогая. Врачи говорят, что его состояние в норме, но придётся ждать.

Оленёнок молчит, её снова заключают в объятия тёплые, пахнущие хлебом материнские руки.

– Подождём, дорогая. Подождём обязательно.

Весть об очнувшейся Оленёнке передаёт мама по её просьбе. Взявшая трубку Кенгуру внимательно слушает благодарности и изредка вставляет учтиво-дежурные фразы, немного шаблонные, но всегда действенные при телефонном разговоре со старшим поколением.

– Оленёнок очнулась и станет жить с мамой, – говорит она, положив трубку.

Известие немного поднимает настроение остальных.

Ольга вспоминает о переданных вещах, когда девочки начинают собирать свои пожитки, и решает показать их тогда, когда это всё закончится.

Лебедь с грустным видом болтает в пальцах пустую баночку из-под снотворного.

– Кончилось? – интересуется участливая Кенгуру.

– Да.

Кенгуру старательно шарит по карманам в поисках своего, которое у неё лежит просто на случай, если кому-то ещё понадобится.

– Прости, у меня нет снотворного, но я могу заварить тебе пустырник – тоже хорошо помогает.

Лебедь кивает.

Всё ради того, чтобы кошмаров не было.

Выпив заваренного в кружке успокаивающего напитка, она ложится в расправленную по-

стель и засыпает под звуки телефонного разговора Ольги – она заказывает «Газель» на завтрашний переезд.

Она – посреди озера.

Разглядывает своё отражение, ничем не тревожимое, и позволяет себе улыбнуться.

Небо темнеет. Сгущаются тучи; слышны громовые раскаты вперемешку с вороньим карканьем, изредка тучи освещаются ударами молний. Спёртым предгрозовым воздухом трудно дышать.

– Мама! Мама! – крылатая малышка снова тут.

Смотрит в упор и тихо зовёт, но зов её для воспалённого слуха кажется оглушительным криком. Криком, на который она никогда не сможет ответить.

Беззащитное тело со всех сторон опутано жестокими стеблями терновника, оставляющими глубокие царапины.

– Мама! Мама! – снова зовёт она, беспокоясь прыгая по берегу на пуантах взад-вперёд. – Мне страшно, мама! Вороны уже близко!

Карканье многократно усиливается, от мощных ударов крыльев воздух звенит.

Один из воронов бросается на малышку, больно царапает её нежную кожу. Лебедь рвётся из терновника, распарывая его шипами кожу; скорей на помощь!

Девочка закрывает усталые глаза и разводит крылышки в стороны, машет ими, будто собираясь взлететь; не умеет ещё. Кружится в фуэте, семенит на пуантах, пытаясь хоть как-то защититься от воронов и рокота грома, словно бы записавшегося воронью в союзники.

Женщина рвётся из стеблей, не обращая внимания ни на боль, ни на кровь, текущую подтаявшей смолой по могучим терновым стеблям, что держат её.

Высвободив изодранную руку, она тянется пальцами к девочке, шепчет что-то успокаивающее.

Холодное стекло становится ей ответом.

– Мама! Мама!

Воронья налетает на кроху всей стаей, клюёт её в крылья, которыми она пытается защитить лицо, оставляет на нежной коже и одежде рваные следы когтей и клювов; подлые разбойники.

Воздух до предела тесен.

Лебедь напряжённо дышит.

Издалека слышится тихая музыка; вороны разлетаются в разные стороны, не сводя глаз с жертвы.

Она, слыша сладкие звуки знакомой мелодии, снова расправляет крылья и начинает танец. Нежные, кроткие, робкие движения будто бы повторяются кружащимися в воздухе чёрными перьями. Па-де-де.

— Мама! Мама! — зовёт малышка каждым движением, каждым наклоном головы, каждым прыжком.

На берегу стоит непонятное существо.

Человек?

Очень даже может быть.

На нём длинный плащ с высоким воротником и широкополая шляпа, как у тех мужчин из американских фильмов про Дикий Запад. В руках, облачённых в чёрную кожу перчаток, сияет арбалет из чистого серебра. Лебедь точно знает, что это серебро, но ей трудно ответить даже самой себе на вопрос, почему она это знает.

Существо наставляет арбалет на танцующую малышку.

Гроза всё ближе; с неба в зеркальную воду падают первые капли дождя.

«Нет, дочка, нет! Беги!» — хочется крикнуть женщине, но стекло заглушает даже её голос; она глубоко дышит, оставляя на нём кровавые разводы и запотевшие кругляши, согретые собственным дыханием.

Она всё ещё рвётся из терновника, но тот не желает отпускать её просто так и потому впивается ещё сильнее в нежное тело.

Открыв глаза, девочка замирает. Мелодия продолжает двигаться.

Арбалет неизвестного существа направлен ей в лоб. Нет ни капли сомнений в том, что стрела может пробить хрупкие кости.

Залитая злыми слезами, Лебедь резко рвётся вперёд и громко кричит что-то неразборчивое. Оторванные стебли остаются висеть на её руках и ногах; она бьёт изо всех сил.

Стекло разлетается на разноцветные куски и падает в озёрную воду, превратившись в хрупкие, создающие вечную радугу капли.

Она бежит прямо по воде, окрашивая её израненными ступнями.

— Дочка! — на этот раз её крик слышен, и не только резко брызнувшему грязными мазутными каплями воронью.

Существо в чёрном исчезает вслед за ними, а серебряный арбалет вместе с так и не выпущенной стрелой падает на прибрежный песок.

Малышка улыбается и закрывает истерзанную маму жёсткими перьями от разошедшегося не на шутку дождя.

— Я скучала, мамочка!

— Я тоже, дорогая.

Они прячутся от дождя под старой плакучей ивой, куда не проникают ни дождь, ни ветер.

— Так ты пойдёшь со мной? — спрашивает кроха.

Лебедь смотрит в её ясные небесно-голубые глаза и кивает.

Наутро она не проснётся.

Не проснётся и в полдень, как бы Кенгуру ни пыталась её будить.

Из-за смерти Лебеди придётся тратить оставшиеся с пожертвований деньги.

Исцарапанную в кровь Лебедь приходится хоронить в закрытом гробу.

К ней на похороны не приходят родственники, коих большое количество; знают ли об её смерти? Вряд ли.

Кенгуру снова гладит живот и убеждает саму себя, что всё будет хорошо; Лебедь ведь всегда тянулась за своей мёртвой дочерью, кому, как не ей, было это видеть?

После похорон Лебеди квартира через каких-то два месяца станет офисом, как и планировалось. В соседних многоэтажках потом долго будут судачить на тему того, как же хорошо без беременных наркоманок, у которых нет мужей, а Грася и бабушка будут изредка писать бумажные письма по адресу, оставленному Чужой специально для них. Они будут получать и ответные письма, из которых узнают, что у Струны и Кенгуру родились прелестные малыши, а Агнешка и Ласка уже скоро пойдут; что Лиса выучилась в другом городе на шоколатье и открыла свою летнюю кафешку в дачном посёлке, а Ольга, прежде приезжавшая к ним изредка, дождалась, пока сын окончит школу, и уехала к ним навсегда.

ЭПИЛОГ

Грася держит в руках коробку с цветными мелками. Красный, синий, зелёный, жёлтый, даже фиолетовый есть.

Она рисует на стене подъезда кривоватый прямоугольник, который внутри заполняет узорчатыми лоскутками. Кружки, сердечки, ромбики звёзд, чудесные цветы, описывающие полукруг у нарисованной дверной ручки, трещинки около неё, через которые наружу прорываются свежие ростки, серебрящиеся в скользящем через оконную раму солнечном луче.

Эта дверь чуть приоткрыта, и через неё виден удивительный, совсем иной мир.

Тот мир, в котором люди не оставляют незнакомых в беде, в котором австралийский кенгуру – лучший друг белой лебеди, а лисицы перебирают гитарные струны так же легко, как и люди. Мир, в котором всё и не думает делиться на «своё», «чужое»; мир, где поэтесса заканчивает

все свои стихи, а живущая с ней рядом девушка ненавидит технику. Тот мир, где обитают девушка-призрак и дикие звери, что готовы сожрать собственную любовь ради выгоды. Тот мир, где немая девочка и её говорливая подруга всё время вместе, словно сиамские близнецы – не разлей вода.

Грася задумчиво выводит рядом с нарисованной приоткрытой дверью синюю бабочку и старательно пишет на самой двери: «Дверь в иную Вселенную».

Те, кто не поместились в совершенный мир, стали частью вселенной, которую построили сами.

Люди увидят эту дверь, не поймут и забудут. Ту самую дверь, которой не было.

Это ни капли не важно.

Сорок лет литературной студии "Приоткрыто"

**Анастасия
ПЕРЕПЕЛОВА**

**БЫЛИНА ПРО АЛЕКСЕЯ
ЛЕОНОВА, ПРО ВЕЛИКОГО
ДА СЛАВНОГО СЫНА
КУЗНЕЦКОГО**

А и есть на Руси земля славная
С полями широкими, лесами дремучими,
Реками да горами живописными,
Природными дарами да богатая!
А и углём каменным да известная!
Да и люди живут там умелые,
Сердцем добрые да культурами разные.
А и зовётся край тот да Кузбасским.

А и родился там добрый молодец,
Покоритель космоса да исследователь,
Во селе отдалённом да во Листвянке,
Что в районе благодатном да в Тисульском.
А и было то да тридцатого мая
В одна тысяча девятьсот да тридцать
четвёртом году.
А и звали его Алексей Леонов да Архипов сын.
А и был он в семье да восьмым ребёнком.

Времена те были ой и смутные:
Всё репрессии да предательства.
И забрали отца его, оклеветав, злые ироды,
А и заточили они в кандалы да кормильца,
А и выгнали они мать и детей да и из дому,
Все имущество растащили окаянные.
И уехала вся семья в град да в Кемерово,
Где и жили одни, без отца, скромно, праведно,
В трудах честных, в учениях разных.
Возвратился вскоре отец да оправданный,
Стали счастливо жить да и слаженно.

И пришло время, и отправилась семья
да Леоновых
В самый западный край да на земле русской.
А и стал Калининград Алексею-молодцу
Да родным городом, местом памятным,
Где окончил богатырь школу среднюю.

А и увлёкся во ту пору Алексей делом лётным
И окончил он авиационную школу да военную,
78 А и после учился в высшем лётном
да училище.

И летал на боевых да на истребителях.
А и по успехам своим да по доблестным
Был зачислен он в отряд да гагаринский
Космонавтов первых да испытателей.

И готовились в ту пору добры молодцы
Выйти в космос открытый да проверить
В безвоздушном пространстве
да возможности
Человеку работать в специальном
да снаряжении
И приборы разные применить к тем условиям.

А и пала та честь в марте месяце
Восемнадцатого да ещё девятнадцатого
В одна тысяча девятьсот да шестьдесят
пятом году
Алексею всё это испытывать, всё подробно
ему да исследовать.

Перепелова Анастасия Игоревна родилась 19 ноября 2002 года в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Живёт в городе Полысаево. Учится в школе № 44. Публиковалась в городской газете «Полысаево».

А и первым он был во полёте свободном
космическом
Двадцать три минуты и сорок одну секунду
по продолжительности,
Отдалившись от корабля «Восход-2»
Да на пять метров и тридцать пять
сантиметров по дальности
Да на двенадцать минут и девять секунд.
А и был он соединён да с аппаратом земным
Только тросом да крючками и петлями.

И поставили ему задачу всё снимать
да и на камеру,
И помог ему талант его да живописца
Передать красоты космические, доселе
невиданные.
А и вышла запись его качества да высокого,
Мужам учёным на изучение,
Люду простому на удивление.

Но не всё прошло, как задумали,
А и среда космическая была мало изучена.
И раздуло скафандр защитный да неожиданно,
И мешал он вернуться на борт да Леонову.
Тут-то храбрость духа героя да ум
и находчивость
Во спасение молодца да сработали.
На корабль вернулся живым он да невредимым,
И команда рада была да несказанно,
И приготовилась уж она да к возвращению.

Вдруг корабль стал да неуправляемым,
А и вращался он да бесконтрольно
Да вокруг оси своей да с ускорением,
Поднимая выше всё внутреннее да давление.
В аппарате том экипаж потерял да сознание,
И ждала их всех смерть да неминуемо.
А причиной тому была деформация,
Нарушение внутренней герметизации.
И явило тогда чудо атмосферное то давление.
Как достигло оно отметки в девятьсот
да двадцать единиц,

Придавило крышку люка изнутри да с силою
великой,
Устранив губительную разгерметизацию.
Восстановлена тогда была вся система
да техническая,
И пришли в себя добры молодцы,
Приготовились вновь они да к приземлению,
Да и только в режиме ручного-то управления.

Предстояла задача им вновь да нелёгкая,
Посадили «Восход-2» да не в месте условном,
Где ждала их команда да спасателей.
А и сели они во глухой тайге да уральской,
Во двухстах километрах да от града Перми,
Погрузились во снег да полутораметровый.
В окружении зверя дикого да условий суровых
Провели космонавты так две ночи смелые
В ожидании лётчиков да спасения.

А и вскоре вернулись домой они да все
в добром здравии.
И награда ждала победителей да высокая,
С присвоением звания да геройского,
И почёт их ждал, да и слава людская.

А и талантлив и смел был и есть наш Леонов
отважный.

Много разных проектов научных с тех пор
он испытывал,
Космос ещё раз бесстрашно исследовал
Во славу Отечества и развития нации.
А все внутренние да ощущения, наблюдения
да переживания
С инженерной сумел передать он
да и с точностью,
С остротой живописца положить да живо
На полотна на дивные, яркие да незабываемые.
А и ценят люди картины те да душевные,
Да и изумляются пейзажами да космическими.
А и жив-здоров богатырь и по сей день,
Служит верой Отчизне он да и правдой,
Молодым он пример да и Учитель!

Мария
ПРИХОДЬКО

ЭКЗАМЕН В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Роман

А упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!

Лк. 8:15

Описанное в этом романе частично основано на реальных событиях, некоторые персонажи имеют прототипы. Посвящается моему мужу с любовью и благодарностью за помощь. Именно он явился прототипом Сергея Александровича Гурова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДАША И «КЛУБ СТАЛКЕРОВ»

Деревенская школа – это интереснейший мир. Об этом Даша Теплова знала не понаслышке. Её папа, священник Михаил Алексеевич Теплов, был назначен настоятелем недавно открытой церкви посёлка Большой Карагаш. Купив там не новый, но вполне крепкий дом, он переехал вместе с женой и дочкой. Даша – очень красивая девочка, но слишком хрупкая и миниатюрная, из-за чего выглядела младше своих лет, перед переездом окончила восьмой класс городской школы.

Городская школа – большой, шумный, кишачий муравейник, в котором практически никто

никого не знает за пределами своего класса, да и в своём классе о некоторых зачастую, кроме имени, ничего не знает. Поэтому, когда Даша пошла в девятый класс деревенской школы, для неё и открылся тот самый интереснейший мир, который представляла собой новая школа. Даша поразилась открывшимися контрастами.

В классе училось всего десять человек вместе с Дашей. Он не назывался никакой буквой, потому что других девятых классов просто не было. Сначала ей показалось, что все ученики – большие друзья между собой, но вскоре она поняла, что это не совсем так. Зато Даша сразу точно подметила, что ребята любят свою классную руководительницу Маргариту Григорьевну. И вскоре поняла почему – Маргарита Григорьевна была, что называется, учителем от Бога и, в свою очередь, любила своих учеников. Она являлась представительницей целой династии учителей, насчитывающей несколько поколений, и в ней, должно быть, сконцентрировались лучшие гены рода! Маргарита Григорьевна не просто любила своих учеников – она жила ими. Скрупулёзно находя ключик к каждому ученику, она годами с огромной осторожностью, словно сапёр на минном поле, выстраивала дружеские отношения с каждым. С великой изобретательностью и мастерством ей удавалось сохранять эти отношения, несмотря на самые сложные ситуации, без ущерба для образовательного процесса.

Приходько Мария Михайловна родилась 6 мая 1986 года в посёлке Большой Керлегеш Прокопьевского района. Окончила Большекерлегешскую среднюю школу, затем факультет педагогики и методики начального образования КузГПА. Работает библиотекарем. Живёт в Большом Керлегеше.

Маргарита Григорьевна всегда находила, чем увлечь ребят, и апогеем изобретательности было открытие в начале восьмого класса туристическо-исторического кружка. Она предоставила возможность ребятам самим выбрать название, и после часа жарких споров они выдали довольно оригинальное: «Клуб сталкеров». Дети неожиданно сильно загорелись клубом, поначалу только по части походов, но постепенно, один за другим, увлеклись и историей!

Неудивительно, что когда появилась новенькая, за ней начали ухаживать сразу двое мальчиков, ведь Даша была очень красивой, с большими голубыми глазами и длинными тёмными волосами, доброй ко всем девочкой. Всегда модно одетая, совершенно ничего не подозревая, она затмила Барби – Полину Баринovu, прежнюю первую красавицу и модницу школы, которая немного поревновала, но быстро подружилась с Дашей, не устояв перед её искренним дружелюбием и обаянием.

Другие мальчишки какое-то время поглядывали на Дашу, но вскоре, поняв, что им уже ничего не светит, с какой-то детской лёгкостью смирились с Дашиным выбором. А выбрала она Максима Громова, самого завидного мальчика в школе: высокий белокурый красавчик, весёлый, общительный, активный, независимый, всегда старался всем помочь и был неутомимым заводилой и затейником. Из-за всего этого у Максима часто возникало множество проблем, и однажды он чуть не покатился по наклонной, связавшись с плохой компанией, но вовремя выбрался, когда в школе начался «Клуб сталкеров». С появлением кружка многие ребята начали меняться к лучшему, но об этом позже.

Нужно рассказать и о втором мальчике – претенденте на Дашино внимание. Андрей Фарзов, Дюха, по кличке Фара, – главный хулиган школы и головная боль учителей. Коренастый, всегда стриженный под машинку, болтался с самыми плохими ребятами в деревне. Даша решительно отвергла грубые Дюхины намёки на отношения. И очень обрадовалась, когда Дюха вдруг отстал, увидев, что Даша выбрала счастливого Макса, окончательно и бесповоротно. Вне всякого сомнения, здесь сыграло решающую роль то, что неисправимый Дюха Фара, увлёкшись клубом, тоже начал меняться. Порвал с плохими ребятами, бросил курить, пить пиво и даже начал читать книжки. Исправляющийся Дюха был даже горд, что поступил благородно, уйдя в тень и

уважив тем самым Дашин выбор. Это было в сентябре, а в декабре Дюха начал снова стремительно портиться, но об этом тоже позже.

Даша и Максим проводили вместе всё возможное время, и одноклассники быстро окрестили их Ромео и Джульеттой.

Здание школы п-образной формы, двухэтажное, построенное в середине двадцатого века, находилось в центре посёлка, царски возвышаясь практически на самой высокой точке холмистой местности, на которой цветным одеялом расстился посёлок Большой Карагаш. Перед школой – площадь с автобусной остановкой, вокруг – магазинчики, клуб, почта, медпункт и ещё много полезного было разбросано поодаль.

По центральной улице, пересекающей площадь, двадцать девятого декабря к школе не спеша семенила Даша со своей мамой. Даша – в весёлом жёлтом лыжном костюме и такой же шапочке, похожая благодаря своему наряду и высокой маме на семиклашку или даже на шестиклашку. Её мама Наталья Игоревна – в длинном сером пуховике и сером же шерстяном платке, сухопарая женщина строгого вида. В три часа должно начаться планировочное собрание «Клуба сталкеров» перед почти внеплановым походом.

– Мороз и солнце, день чудесный! – продекламировала Даша, весело щурясь на маму.

– Ну объясни мне, зачем вам приспичило переться на эти Синие скалы под Новый год, да ещё на целые сутки? – озабоченно выпалила мама, пропустив мимо ушей весёлую тираду дочери.

– Ну... – начала Даша. – Ты же знаешь о еженедельных собраниях кружка...

– Когда у вас собрания теоретические, я спокойна, это даже хорошо, что вы узнаете много нового по истории и про здоровье.

– Про ЗОЖ – здоровый образ жизни, – уточнила Даша.

– Ну да, – продолжила Наталья Игоревна, – особенно я одобряю, когда вы там общаетесь с писателем... как его, Пушкин... потому что все родители только и говорят о том, как он хорошо на вас влияет!

– Не Пушкин, а Гуров Сергей Александрович, – сдержанно поправила Даша, – Пушкиным его в деревне прозвали, когда по телеку летом рассказали, что его книги произвели какой-то там фурор. А в посёлке никто даже не знал, что он писатель, он вроде скрывал это или никуда до

этого года не посылал ничего... почему-то, — Даша сделала неопределённый жест руками.

— Ага, ясно, ведь это же он — муж вашей учительницы?

— Да.

— А вы же вроде его как-то по-другому называли?

— Эээ... Это его ребята прозвали Гуру.

— А что это такое... за слово... «гуру»?

— Макс говорит, это вроде значит «учитель», — и, поймав мамин непонимающий взгляд, Даша пояснила: — Да это, в общем, просто от фамилии Гуров — Гуру! И ещё он рассказывает очень интересно, поэтому Гуру!

— А мне соседка говорила, что ваша учительница Птицына и ученики её зовут Птица. У них фамилии разные?

— У них фамилия Гуровы, — терпеливо объясняла Даша, — а Птицына — это девичья фамилия. Маргарита Григорьевна выросла в этой деревне, её с детства звали Птицей.

— Ну поняла-поняла, — перебила Дашу мама. — Так что ты говорила про собрание?

— На прошлой неделе собрания не было, а на позапрошлой Маргарита Григорьевна рассказывала нам про Синие скалы, которые за Синей Поляной.

— Где?

— За соседней полузаброшенной деревней, там ещё несколько километров до них, — Даша махнула рукой в сторону. — Это просто фантастика. Самые загадочные места. Раньше там были пещеры невероятной длины, и много людей пропадало, говорят, туда ходили большие экспедиции, вроде Колчак и ещё кто-то, всё это засекречено...

— А вы тогда откуда узнали?

— Ну раньше было засекречено или частично засекречено, неважно, — затараторила явно горящая этой темой Даша. — Короче, там находили кости, оружие и всё такое...

— Кошмар какой-то!

— Потом, — продолжала тараторить Даша, — там пропала группа детей, и их так и не нашли...

Дашина мама, остановившись, перекрестилась с выражением ужаса на лице.

— Ну слушай, — дочка потянула её за рукав дальше, — тогда или раньше на нашей речке сделали водохранилище, вода затопила часть деревни, то есть Синей Поляны, и затопило ещё один большой вход в пещеру, вроде, говорят, там можно под водой заплывать в неё. Синяя По-

ляна была большим и цивилизованным посёлком, но после потопа оттуда начали все уезжать, вот она теперь и полузаброшенная, а наш посёлок тогда был малюсеньким, а теперь стал большим, — Даша развела руками. Они уже стояли у входа в школу, но было понятно, что, пока не договорят, внутрь они не войдут. — А был ещё большой вход, но после того, как дети пропали, этот вход взорвали. Ходят разные слухи, будто есть и другие входы, что и сейчас там иногда люди пропадают, потому что эти пещеры ведут в подземную страну, и там живут какие-то странные люди или нелюди, и непонятно, хорошие они или плохие. Короче, вроде некоторые охотники их видели, ещё НЛО видели и всякое странное.

Даша, увидев, что мама обеими руками схватилась за сердце, поспешила успокоить:

— Да, мам, это-то уже всё сказки, НЛО не бывает, а под землёй никто жить не сможет!

— Не знаю, не знаю, — пробормотала Дашина мама. — Так зачем вы туда идёте, раз там... Такое!..

— Мам, это же так интересно, поэтому мы и уговорили Маргариту Григорьевну не дожидаться летней трёхдневной экспедиции, а сходить сейчас, только туда и обратно, ну там, правда, без ночёвки не получается. Но мы же тридцать первого вечером уже будем дома. Учителя и родители долго это обсуждали, и, в общем, теперь все согласны. Ты же помнишь, папе звонили несколько раз, и он благословил!

Они шагнули за порог школы.

ГЛАВА ВТОРАЯ ТРЕВОЖНАЯ ПОДГОТОВКА К ПОХОДУ

Маргарита Григорьевна выглядела гораздо моложе своих двадцати девяти лет, в ней была не обычная красота, а особое тихое и светлое очарование, как говорил её муж. Одевалась она просто, но всегда красиво и опрятно. Сейчас, когда она сидела за учительским столом своего маленького кабинета географии на втором этаже школы, ей вспомнился образ — неделю назад всё было абсолютно так же, и даже платье на ней в тот день было то же. В дверь постучали, и в класс вошёл её обожаемый супруг, похожий, как ей казалось, на Тома Круза, но с необыкновенно красивыми глазами, в которые она когда-то влюбилась и любила до сих пор. Да, она обожала его уже девять лет, со времени их свадьбы. Вопреки всем заверениям современных психологов их чувства, пройдя немало испытаний,

стали ещё сильнее и глубже. «Ты сказочно красива, как жаль, что я не художник и не могу передать эту красоту!» – произнёс он тогда с неподдельным восторгом в глазах.

Маргарита Григорьевна улыбнулась этому воспоминанию, едва открыла книгу, чтобы почитать в оставшиеся двадцать минут до собрания, как в дверь постучали. Промелькнуло дежавю и тут же растаяло – в двери класса вошёл не муж, а Даша и её мама, принеся с собой запах мороза. Они поздоровались.

– Верхнюю одежду можете сложить на подоконник и присаживайтесь, – с приветливой улыбкой произнесла Маргарита Григорьевна, указывая на первую парту, ближайшую к своему столу.

Даша с привычной покорностью сняла куртку и шапку, уселась на предложенное место и уткнулась в телефон.

– Можно с вами поговорить наедине, – тихо попросила Дашина мама, подойдя к учительскому столу, она по-прежнему оставалась одетой.

– Давайте выйдем в коридор, – предложила Маргарита Григорьевна.

– Маргарита Григорьевна, я что-то волнуюсь по поводу этого похода, – доверительно-тревожным тоном начала Наталья Игоревна, как только они оказались в школьном коридоре, представлявшем собой небольшой холл с несколькими дверями классов и выходом на лестничную площадку. – Что-то вот сердце не на месте, и всё. Я понимаю, что вы идёте всего на сутки, но вы идёте с ночёвкой, вы идёте достаточно далеко! А вдруг мороз, вдруг метель, дикие звери или ещё что-то случится!

– Не волнуйтесь, Наталья Игоревна, – начала успокаивающим голосом Маргарита Григорьевна. – Хищники в этих местах практически не водятся, только лисы. К тому же у нас с собой будет ружьё, факелы и хлопушки, костёр разведём, в конце концов. А по поводу погоды, вы знаете, я пересмотрела множество сайтов прогноза погоды и нашла самый точный! За два года он меня ни разу не подводил, а это уже сотни случаев. Нет, бывали неточности градусов на пять выше или ниже, ошибки в силе ветра и тому подобное, но это несущественные ошибки, и случались они крайне редко. По крайней мере, прогнозы на пару дней вперёд у них всегда точные. Так вот, на ближайшие дни пять там обещают ясную безветренную погоду с морозом от трёх градусов днём до четырнадцати ночью, главное, что без осадков! Прогноз я ещё раз перепроверю

рю вечером и завтра утром. Потому что, как постоянно говорит мой супруг Сергей: «Лучше перестраховаться, чем недостраховаться».

– Согласна.

– Дети проинструктированы по поводу того, что брать. Вот, кстати, я сделала для детей и родителей список вещей, рекомендаций и напоминаний для этого похода, – она передала Дашиную маме один экземпляр распечатанного списка. – Здесь всё написано, какую одежду брать, что брать в аптечку, какую одежду надевать. Все наши ученики и Даша имеют специальное термобельё для зимних походов. Так что, я уверена, всё будет хорошо.

– А Сергей Александрович с вами пойдёт? – озабоченно спросила Наталья Игоревна. – В прошлый раз дети были какие-то разочарованные после похода. Говорят, и ходили недалеко, и Сергея Александровича не было. Вы знаете, для меня важно знать, идёт ли с вами надёжный взрослый мужчина.

– Да, Сергей Александрович идёт, – ответила Маргарита Григорьевна. – Дети очень меня об этом просили. Знаете, просто в прошлый раз он был очень занят, да и не стояла в этом острая необходимость, а сейчас необходимость есть реальная, он специально освободил время от дел и обещал с радостью пойти с нами. Он тоже очень любит ребят и...

В этот момент раздались шаги, по лестнице поднимались трое подростков. Это были три неразлучных друга. Глеб Зарепко, по кличке Репа, от природы очень мощный, под два метра ростом, культурист, занимается штангой, боевыми искусствами, также страйкболом и всем, что касается выживания. У него много друзей в деревне и городе, с которыми ходит в походы и ездит в горы. Иногда кто-то из друзей Глеба ходил вместе с «Клубом сталкеров» в местные школьные походы. Вторым другом был Рустам Хафисов – Руся, геймер, компьютерщик, постоянно сидящий в интернете. Он обожал компьютеры и всё, с ними связанное. Это было его призвание. Третий друг – местный знайка. Ребята его прозвали Гарри Поттер. На самом деле его звали Саша Гарин. Можно сказать, вундеркинд. Он сильно интересовался всеми науками, больше всего – историей. Даже внешне он походил на Гарри Поттера: чёрные волосы, очки и, как правило, чёрный цвет одежды. Ребята поднялись по лестнице, о чём-то болтая. Увидев учительницу и Дашину маму, они выдали дружное «здрасьте!» и вошли в класс.

– Это очень хорошо, что Сергей Александрович пойдёт, – тут же продолжила Дашина мама. Вы знаете, меня ещё беспокоит то, что Даша будет там всё время с Максимом. Как это будет? Как они будут там ночевать? Я всё понимаю, и Даша девочка у меня умная, ответственная, и с Максимом мы давно знакомы. Он тоже мальчик хороший, ответственный, и такой... сознательный. Но, понимаете меня, я же беспокоюсь, я же мать. Вы, пожалуйста, присмотрите там за ними, чтобы всё было благополучно. Даша – она слабая девочка, может, ей сил не хватит столько ходить или ещё что, – Наталья Игоревна тяжело вздохнула.

– Всё будет хорошо, – успокоительно с улыбкой ответила ей Маргарита Григорьевна, пожимая дружески руку. – Конечно, мы присмотрим за Дашей и поможем, когда нужно, вы не беспокойтесь.

– Я всё понимаю, но сердце не на месте, не хорошее предчувствие какое-то. Я вообще постоянно беспокоюсь за неё. В городской школе у неё были неприятности от того, что она как бы не со всеми, не от мира сего, из-за того, что она верующая девочка. Ну вы понимаете. А здесь у неё вроде бы всё сложилось, но я беспокоюсь.

– Да, я вас прекрасно понимаю.

В это время на лестнице снова раздались шаги. На этот раз это был Максим. Высокий симпатичный парень со слегка вьющимися волосами. Поздоровавшись, он тоже прошёл в класс. Тут же раздались ещё шаги, и на лестнице показались три девочки: Полина Барина – модница класса по кличке Барби, которая выглядела соответствующе; Лиза Ёж, её так все и звали – Ёж, – хозяйшкa, умеющая, казалось, всё. В их семье было большое хозяйство, и она активно и с огромным удовольствием в нём участвовала. На всех мероприятиях она была первой в готовке, уборке. Успевала везде и всем помочь. Лиза была необыкновенно доброй девочкой. Третьей из подруг была сестра Дюхи Фарзова – Лена. Она обычно держалась особняком, обожала фэнтези, ужастики и всё связанное с потусторонней тематикой. Одевалась Лена соответствующе, так что в городе местные готы иногда принимали её за свою. Хотя девочка она была довольно весёлая и активная. Кто-то из девочек что-то сказал, и они все залились смехом, который старательно подавили, увидев учительницу и Дашину маму, поздоровались, зашли в класс и тут же продолжили смеяться дальше. В

классе поднялся шум и началось бурное общение.

– Я вас не задерживаю, Маргарита Григорьевна? – спросила озабоченно Дашина мама.

– Нет-нет, у меня есть ещё пять минут, – ответила та, посмотрев на часы.

– Вы знаете, я ещё беспокоюсь по поводу того, что в поход пойдёт этот мальчик – Андрей. Я слышала, что он начал исправляться, ходить на все собрания вашего клуба, но потом с «малолетки» освободился его сосед и друг детства Колька, и всё вернулось на круги своя.

– Это не совсем так, – ответила Маргарита Григорьевна. – Да, он снова общается с этим Колей, но Андрей не так сильно испортился. И я, и Сергей Александрович с ним беседовали. Он не хочет становиться таким, как раньше, он категорически против такого образа жизни. У мальчика внутренний конфликт, он против всего плохого, но не может предать дружбу с Колей. У них теперь практически ничего общего, им трудно общаться, каждый из мальчиков пытается перетащить другого в свой мир. Мы предостерегали его, что, если ты заметишь, что тебя затягивает прошлое, лучше пожертвовать такой дружбой, чем загубить жизнь. Объясняли и ему, и его родителям, что решающий фактор, будет ребёнок хорошим или плохим, это то, с кем он общается, и всего один плохой друг может полностью загубить ребёнка жизнь. Это грабли, на которые наступают почти все родители.

– И я о том же! А друг его, Костя, они его Воз называют.

– Костя Возов, он во всём туда же, куда и Андрей, тоже начал исправляться, но, как освободился Коля, он так же, как и Андрей, колеблется между добром и злом. Мы планируем основательно пообщаться с этими ребятами и их родителями после Нового года.

– Но они тоже идут в этот поход?

– Да, они тоже идут в поход, но, поверьте, беспокоиться не о чем – мы же идём с ними. И я, и Сергей Александрович присмотрим за всеми ребятами.

На лестнице опять раздались шаги. На этот раз это были именно те ребята, о которых шла речь, – Андрей и Костя. Оба коротко подстрижены, но Андрей – русоволосый хмурый парень, а Костя – чуть повыше, очень рыжий и веснушчатый, всегда улыбающийся. Они поднимались молча. Увидев учительницу с Дашинной мамой, поздоровались и зашли в класс.

– Вот и все в сборе, – сказала Маргарита Григорьевна. – Если у вас есть ещё вопросы, то давайте быстро, потому что пора начинать.

– Последний вопрос, – начала скороговоркой Дашина мама. – Помните, вы подарили последнюю книгу вашего мужа? Мы все её прочитали и по-хорошему удивлены, нам очень понравилось. Мы знали, что ваш муж – писатель, что у него есть книги, но кто бы мог подумать, какой талантище и как внезапно это выяснилось. Но я, собственно, хотела просто спросить, как можно прочесть другие его книги? Может быть, у вас есть они в электронном виде?

– Вы знаете, – ответила Маргарита Григорьевна, – можно задать в поиске «Яндекса»: «Гуров Сергей Александрович, скачать книги бесплатно». И там будет список его книг. Вы их скачаете и сможете прочитать.

– Так просто?

– Так просто.

– Спасибо вам огромное. Не буду вас отвлекать. Извините, пожалуйста. Если что, я же вам могу позвонить?

– Конечно можно, – ответила Маргарита Григорьевна. – До свидания.

– До свидания, – и Дашина мама поспешила вниз по лестнице, а Маргарита Григорьевна зашла в класс.

– А Гуру с нами пойдёт? – гаркнул Андрей Фара, как только Маргарита Григорьевна переступила порог класса.

– А дядя Серёжа пойдёт? – с запозданием вторило сразу несколько голосов.

– Да, я с ним разговаривала, он обязательно пойдёт с нами.

– А то будет, как в прошлый раз, – пробасил Глеб.

– Было скучно, – сказала одна из девочек.

– Ну извините, – ответила Маргарита Григорьевна с шутливой обиженностью. – Ребята, вы же понимаете, что в прошлый раз поход был близкий, короткий, без ночёвки. И, кроме того, у Сергея Александровича были дела. А в этот раз мы идём в сложный поход. И чего вам неймётся? Дождались бы лета да отправились в поход по-настоящему. Зима и скалы – сами понимаете, всё-таки немного рискованно.

– А мы любим экстрим! – ответил Костя Возов. – Мы не можем ждать до лета!

– Да! Да! – раздавалось со всех сторон.

– А правда, что в этих пещерах есть вход в подземную страну? – задумчиво спросила Лена

Фарзова. – Я узнавала, она называется Агартти вроде. И что некоторые даже видели, как оттуда иногда выходят очень странные люди?

– Да-а-а пря-а-ам! – протянул Саша Гарин, реалист и материалист до мозга костей, не верящий ни во что, кроме науки, и жутко раздражавшийся, когда Лена начинала «разводить всякую мистику».

– Честно говоря, не знаю, – отвечала Маргарита Григорьевна, – но я лично в это не верю.

Некоторые ребята разочарованно замычали.

– А вы что думали, мы туда придём, а там со всех сторон будут летать НЛО, появляться призраки, странные люди и ещё что-либо подобное? Если бы у нас были подозрения, что это может произойти, мы бы туда не пошли. Тем более зимой!

– А я в это верю! – упрямо произнесла Лена.

– И я! – подхватил её брат Андрей.

– И я верю, – буркнул Костя Возов.

– Не! Не то чтоб уж прям так, – забасил Глеб, – но что-то же есть. Нет дыма без огня! Раз говорят.

– Да чё вы спорите, вот сходим и увидим, – подытожил Максим, сидевший рядом с Дашей за первой партой возле учительского стола.

– Да, – поддержала его Даша, улыбнувшись.

– Кстати, я всех приглашаю на свой день рождения седьмого января! – продолжил Максим, вставая и с улыбкой оглядывая класс.

– В Рождество? – уточнила Даша, для которой это тоже оказалось сюрпризом.

– В Рождество, – подтвердил Максим, одаривая Дашу нежным взглядом.

– О, днюха у Ромео! – томно обрадовалась Поля Барби.

Даша недовольно зыркнула в её сторону.

– Приглашаю всех, – продолжал Максим, – и вас с дядей Серёжей, – он повернулся к Маргарите Григорьевне. – К двум часам дня. Потому что некоторым на Рождественскую службу.

Максим сел. Даша поглядывала на него, улыбаясь.

Глеб поднял руку, словно на уроке:

– На охотничьих лыжах пойдём?

– Да! У кого нет своих, выдадут школьные. Вот вам памятки: что брать, что важно в этом походе, изучите сами, покажите родителям. Я вечером обзвоню всех родителей.

Она прошла, раздав каждому по листочку. После этого ещё обсудили несколько технических

моментов. Ребята переключились на обсуждение книг, которые они читали на данный момент.

Маргарита Григорьевна слушала их, думая: «Не могу поверить, что это мои ребята и они так увлечены чтением, ведь всего полтора года назад из читающих был только Саша Гарин, да, пожалуй, Рустам Хафисов иногда что-то почитывал. А теперь читают все ребята, и с такой жадностью и увлечённостью, каких я не видела даже в своём детстве! А уж мы любили читать, прятались под одеялом и читали с фонариком, когда нам не давали, потому что уже поздно. Хотя тогда уже началось «поколение телеманов», потом и «компьютероманов», мы принадлежали к переходному поколению, успевшему захватить «книгоманию»!» Как же ей было странно видеть в новом поколении «гаджетоманов» здесь, в деревне, такой невероятный рост жадности к знаниям и чтению! Ребята так увлечённо говорили о книгах, что, казалось, их было не оторвать от разгоревшейся дискуссии.

– А вот я эту книгу уже прочитала.

– А ты знаешь, я сейчас такую книгу читаю, такую книгу!

Реплики доносились со всех сторон. Кто-то записывал название заинтересовавшей его книги. Кто-то спорил над содержанием. «Пусть немного поделятся», – подумала Маргарита Григорьевна.

Собрание закончилось тем, что Маргарита Григорьевна напомнила ещё раз, что время сбора – в семь утра возле школы, чтобы все были абсолютно готовы и не опаздывали. Конечно, по опыту Маргарита Григорьевна знала, что выдвигаться раньше полвосьмого не удастся: «Пока все соберутся, пока подтянутся опоздавшие, пока всё и всех распределим и всё ещё раз проверим». Но эти проволочки входили в расчёт – так было запланировано.

Ребята начали шумно одеваться и затолпились у выхода, прощаясь один за другим. Все разошлись, последней ушла Маргарита Григорьевна.

Практически каждый вечер Даша ходила в ближайший магазин за хлебом, иногда родители просили прикупить ещё что-нибудь. Дюха Фара об этом прекрасно знал, он несколько дней вынашивал план встречи с ней наедине. Из-за массивной ели, нервно куря, он наблюдал, как Даша в своём неизменном жёлтом лыжном костюме зашла в магазин. Да, он снова начал курить. «Зачем я всё это делаю?» – думал Дюха, разглядыва-

вая дымящуюся сигарету. Даша вышла из магазина. «Ща всё ништяк будет!» – шёпотом ободрил себя Дюха и двинулся ей наперерез, ощущая неприятное волнение.

– Дашка! Дашка! Подожди, поговорить надо! – прохрипел он и откашлялся. Даша пошла медленнее, вопросительно глядя на Дюху. – Важный разговор. Отойдём к той ёлке, – он указал на своё недавнее укрытие с выпрашивающим выражением на лице.

Секунду поколебавшись, Даша нехотя пошла за ним из-под ярко-оранжевого света фонарей в тревожный полумрак.

– В чём дело? – спросила она тихо, глядя исподлобья, остановившись, не дойдя трёх шагов до укромного места, в котором её дожидался Дюха.

– Да ты не бойся, подходи, я по-хорошему. Не бойся.

Даше показалось, что он искренен, и она подошла.

– Это, – начал Дюха доверительно-проникновенным тоном, периодически оглядываясь по сторонам, от него несло табаком, – я... в общем... хотел признаться прямо...

Даша прикрыла нос варежкой.

26 – ...ты мне нравишься, я даже, наверно, это... тебя люблю, – он упорно не смотрел ей в лицо, крутя головой, словно кого-то высматривая. Тут он быстрым движением вынул из кармана какую-то коробочку. – Вот, это тебе, возьми! Возьми!

Даша молча смотрела на него из-за варежки большими глазами, словно с упреком, и коробочку не брала.

– Это серёжки, они три тыщи стоят, – с ноткой досады уговаривал он, открывая коробочку. – Смотри! Смотри!..

В полумраке что-то поблёскивало.

– ...это не фуфло какое-нибудь! Они крутые реально! Слушай, пожалуйста, давай ты будешь со мной дружить! Уходи от этого Макса, со мной тебе будет лучше! Я тебя на руках носить буду! Я для тебя всё сделаю! Возьми серёжки, посмотри – они классные!

Даша продолжала смотреть Дюхе в глаза, в её взгляде появился блеск возмущения.

– Послушай, Андрей, я – с Максимумом, мне он нравится, ты мне не нравишься! Убери свои серёжки! Хочешь – обижайся, хочешь – нет, но я с тобой не буду никогда! Ты чё, не понимаешь?! Можешь больше ко мне не подходить! Короче, с тобой я не буду, хоть ты чё мне подари!

Дюха стоял с открытым ртом, протягивая коробочку. На него словно ведро ледяной воды вылили. Такого он не переживал никогда. Мысли путались, а ноги подкашивались. Наконец он взял себя в руки, шок от резкого отказа сменялся закипающей злобой. Ему хотелось начать орать, бить, рвать всех, но так было нельзя. Собравшись, он процедил сквозь зубы:

– Ты ещё об этом пожалеешь.

– И чё ты сделаешь? – перебила Даша.

– А увидишь, мало не покажется! – он хлопнул коробочку и, быстрым движением сунув её в карман, торопливо зашагал в противоположную сторону.

Несколько секунд Даша стояла, глядя вслед удаляющемуся Дюхе и пытаясь оправиться от происшедшего. Потом она достала телефон.

– Максим, выйди, пожалуйста, на улицу, – жалобно попросила она, медленно зашагав к дому.

Максим жил по соседству и, когда Даша пошла к дому, вышел ей навстречу.

– Что случилось?

– Сейчас расскажу, только хлеб занесу.

Через пять минут Даша и Максим стояли, держась за руки, у вольера с двумя овчарками возле Дашиного дома. Они часто стояли здесь, ведя долгие беседы, это было одно из их любимых мест.

– Да, Дюха совсем оборзел, но ты ничего не бойся, всё будет хорошо, – успокаивающе произнёс Максим и прижал Дашу к себе, как ребёнка.

– Я теперь боюсь с ними в поход вместе идти, может, рассказать взрослым?

– Не, это всё ерунда, я буду всё время с тобой, все ребята за нас, если он попытается что-нибудь сделать, мы с ним разберёмся. Взрослых подключить никогда не поздно. Просто не думай об этом.

От слов Максима Даше стало как-то спокойней, и они начали обсуждать завтрашний поход.

Дома Маргарита Григорьевна провела итоговый обзвон родителей, договорилась, что их дочь, восьмилетняя Катя, побудет у бабушки с бабушкой. Потом позвонил Андрей Фарзов и сказал, что они с Костей Возовым не пойдут в поход по причине внезапной простуды. Маргарита Григорьевна испытывала смешанное чувство облегчения и тревоги. Но ей не хотелось разбираться в этих ощущениях, её сердце, как и каждый раз при разлуке с дочкой, было захвачено только ей,

она уже страшно скучала, хоть и старалась не подавать вида. «Доча моя, доченька, Катюшечка моя», – думала она, стараясь наглядеться на неё, как в последний раз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ, ИЛИ В ПОХОД С ГУРУ

Утром тридцатого декабря в без пяти семь Маргарита Григорьевна и Сергей Александрович стояли на площади перед школой в полной боевой готовности. Катюшу доставили к бабушке с бабушкой. Прогноз проверен – всё без изменений. Площадь освещалась оранжевыми фонарями, а с неба светила большая яркая луна. Казалось, деревня вымерла. Эта предновогодняя тишина завораживала.

– Какая красота! – восхищённо произнесла Маргарита Григорьевна.

– Какая тишина! – в тон ей ответил Сергей Александрович.

Словно услышав слова Сергея Александровича и решив исправить ситуацию, где-то залаяли собаки, больше и больше, да с разных сторон.

– Наши идут! – констатировал Сергей Александрович.

Действительно, вдали с обеих сторон показались группы подростков. Они подошли по одному и маленькими группами, но почти одновременно, увешанные снаряжением и рюкзаками, таща за собой пластиковые волокуши. Словно сговорившись, каждый, мельком поздоровавшись с любимой учительницей, тут же радостно бежал к Сергею Александровичу, пожимал руку, обнимаясь; девчонки прыгали от радости, теперь у них было два любимых учителя. Ну, конечно, главным предметом их радости было то, что Сергей Александрович снова идёт с ними в поход, а это значит, будет рассказывать что-то интересное. Маргарита Григорьевна всегда поражалась, как Сергею Александровичу удавалось так быстро завоевать любовь подростков; как ему удавалось, с первых слов захватив их внимание, заставить с жадой принимать семена доброго и вечного, которые, на удивление всем, прорастали и приносили реальные положительные перемены.

– Дядя Серёжа!

– Гуру!

– Сергей Александрович, как здорово, что вы с нами! – доносилось со всех сторон.

– Ну вот, все в сборе! – призывным тоном провозгласила Маргарита Григорьевна, подходя

к этому столпотворению сзади. — Кстати, Фарзов и Вozов не идут, они заболели!

— Воспалением хитрости, — буркнул Максим.

— Неважно чем, — продолжала Маргарита Григорьевна. — Проверяем снаряжение, строимся и выдвигаемся! Передаю командование Сергею Александровичу!

Когда последние приготовления закончились, отряд отчаянных сталкеров весело зашагал с освещённой площади по второстепенным улицам под ярким полнолунием к лесу, за которым был мост через реку. Ребята, миновав деревню Синяя Поляна, переобулись в охотничьи лыжи, по полям и пролескам вступили в зону долгожданных загадочных Синих скал. Медленно шли, оглядывались, маршрут петлял из-за местности.

Во второй половине дня добрались до Чёрной скалы, являющейся конечной точкой их маршрута. Скала в принципе не была чёрной, она выглядела отчасти серой, отчасти белой от покрывавших её сугробов на пологом склоне, с торчащими по нему соснами, число коих увеличивалось книзу, переходя в сосновый бор. Сталкеры благополучно взобрались почти на самый верх и начали обустривать лагерь.

Как слаженная команда ребята быстро и ловко выполняли каждый свою функцию. Кто-то расчищал площадку для лагеря и палаток. Мужчины таскали, рубили, пилили сушины и валежник, быстро настрогав целую гору дров. Кто-то уже распаковывал вещи, устанавливал палатки, разводил костёр. Спустия всего два часа лагерь был готов. Вечерело рано, и окрестности быстро окрашивались завораживающе-розовыми и фиолетовыми оттенками, небо стремительно темнело. Костёр представлял собой большую нодью из нескольких брёвен, дающую сильный, долгосрочный жар и платформу для готовки. Здесь уже вовсю варилась похлёбка и кипел лесной чай. Все расселись вокруг нодьи на лавочках, которые быстро соорудили из обструганных и накрытых сушин. Ребята весело галдели в предвкушении вкусного ужина, ведь дорогой они почти не ели и не пили, как полагается профессиональным туристам. Всем было хорошо, комфортно и радостно. Они стали одной большой семьёй, собравшейся насладиться душевным общением.

Вдруг, нарушая эту идиллическую картину, из леса вырвался душераздирающий вой, особую жуть ему придавало то, что подобный звук не могло издавать ни одно известное животное.

Все встали, открыв рты и напряжённо вслушиваясь. Страшный звук повторился, непонятно было, вой это или рёв.

— Спокойно! — хрипло проговорил Сергей Александрович. — Это, наверное, какое-то животное в капкан попало... или что-то в этом роде. Продолжаем подготовку к ужину.

Все послушно двинулись разливать, раскладывать. Веселье сменилось тревожной тишиной. Когда начался ужин, ребята снова загалдели. И в этот момент вой повторился. На этот раз он был протяжный, далёкий и очень страшный. Все снова замерли.

— Продолжаем-продолжаем кушать, ничего страшного, — нарочито бодрым голосом командовала Маргарита Григорьевна, хотя внутри у неё всё леденело от ужаса.

Спокойствие супруга и ощущение надёжности, исходящие от него, помогали справиться с чувством страха. Вспомнилась встревоженная Дашина мама. «Я всё понимаю, но сердце не на месте, нехорошее предчувствие какое-то!» — снова и снова звучал её голос в голове. Маргарита Григорьевна вдруг поймала себя на том, что это нехорошее предчувствие Дашини мамы, словно вирус, передаётся и ей, переползая из памяти внутрь сердца, превращается уже в своё нехорошее предчувствие. Теперь оно скорее стало уверенностью в том, что что-то плохое произойдёт точно. «Надо рассказать об этом Серёже, — думала она, — но чтобы никто не заметил. Да, он скажет, что это пустые страхи, начнёт меня успокаивать, но мне просто необходимо этим поделиться. Главное, не упустить подходящий момент». Она взглянула на мужа.

— Надо оглядеться, — сказал Сергей Александрович и встал, чтобы отправиться на плато скалы, оттуда открывался максимальный обзор.

— Я с тобой! — подскочила Маргарита Григорьевна.

— И я! ... И я! — один за другим засобирались ребята.

Маргарита Григорьевна всё же успела первая подбежать к мужу.

— У меня очень, очень плохое предчувствие! — вполголоса успела сказать она.

— Всё будет хорошо! — успокаивающе ответил он с лёгкой улыбкой.

Всем отрядом взобравшись на плато, огляделись. Их взору предстал совершенно спокойный вечерний пейзаж, освещаемый огромной луной.

– Полнолуние! – констатировала Лена.
 – Гигантолуние! – весело уточнил Саша Гарин.
 – Это очень хорошо! – бодро прокомментировал Сергей Александрович. – Прекрасная видимость – это большой плюс.

– Да! Точно! – одобрительно поддержали со всех сторон.

– Ничего подозрительного нигде не видно. Пойдёмте ужинать, – подытожил Сергей Александрович.

Все начали разворачиваться, чтобы спуститься в лагерь.

– НЛО! – крикнул кто-то.

– Где? Где? – доносилось с разных сторон.

– Да вон! Вон оно!.. Это чё, правда НЛО?.. Ты чё, не видишь? – некоторые суетливо вытаскивали телефоны, пытались снимать.

Поодаль над деревьями действительно медленно перемещался некий светящийся объект, плавно двигаясь то в одном, то в другом направлении. Сергей Александрович с каменным выражением лица напряжённо вглядывался в непонятный объект.

Практически сразу за последними домами связи уже не было, и крутые телефоны ребят могли теперь служить лишь для чтения электронных книг на привале или в качестве фонарика. Обычно снимать на телефон сталкеры не любили, но теперь каждый из всех сил старался воспользоваться непривычной функцией, чтобы запечатлеть это пусть и жуткое, но жутко интересное событие:

– Где оно?..

– Надо приблизить!.. Вот! Вот! Ой, исчезло!

– Да ты сильно приближаешь! Вон оно!

Азарт зафиксировать настоящее чудо, казалось, полностью вытеснил всякий страх, и ребята с увлечённой деловитостью из всех сил старались заснять неопознанный объект.

– Я же говорила, здесь НЛО! – бормотала Ленка, возясь со своим телефоном.

– Да здесь вообще капец какой-то! – жалобно подхватила Поля Барби.

– Может быть, домой пойдём? – предложила Лиза Ёж. – А что, луна светит! Мы же не думали, что здесь такой кошмар начнётся, пока ещё не поздно, а то мало ли!

Маргарите Григорьевне это предложение показалось спасительным. Вдруг неопознанный объект просто исчез. Ребята опустили телефоны, оглядываясь, но ни нового НЛО, ни

чего бы то ни было ещё странного вокруг не появлялось.

– Мы остаёмся! – уверенно сказал Сергей Александрович. – Возвращаемся в лагерь!

Нехотя все зашагали обратно.

– Чё мы будем теперь делать?! – ныла Лиза.

– Чё ты всё – «домой-домой»?! – отозвался Руся. – Ты ёж, тебе вообще в лесу жить можно!

Некоторые захихикали. Все уселись вокруг костра и тихо продолжили ужин.

– Я же говорила, что у меня дурное предчувствие, и у Дашиной мамы было дурное предчувствие! – зашептала Маргарита Григорьевна.

Сергей Александрович ответил громко, чтобы слышали все:

– Отправляться назад сейчас опасней, чем остаться на месте. Судя по вою, который мы слышали, здесь могут быть хищники, а они охотятся в основном ночью. Хотя бы поэтому нельзя сейчас возвращаться. Мы станем удобной добычей, передвигаясь перед их носом. В лагере гораздо безопасней; практически невозможно, чтоб хищник внезапно напал на шумный лагерь с костром.

– А НЛО? – пропищала Лиза.

– Мы не знаем ничего про это... явление, соответственно, неизвестно, как нам лучше поступить. А раз так, то опять же, что-то менять нет смысла, потому что это, возможно, только ещё хуже сделает. Лучше заняться усилением безопасности лагеря.

Ребята оживились, Сергей Александрович дал несколько указаний по перераспределению вещей, изготовлению факелов и дубинок. Мальчишки тут же ринулись исполнять интересное задание. Сергей Александрович, раздав ещё несколько поручений, расчехлил ружьё и, приведя его в боевую готовность, отправился помогать ребятам в изготовлении факелов и дубин. Закончив работу, все опять уселись вокруг костра.

– Как же мы теперь спать будем? – продолжала причитать Лиза Ёж.

– Я буду дежурить всю ночь, – отозвался Сергей Александрович. – А вы постарайтесь уснуть. Всё будет нормально!

– Мы теперь, наверно, и уснуть не сможем! – сказала Поля Барби, и похоже было, что она выражала общее мнение.

– Да вы постарайтесь отвлечься, крутите в голове что-то приятное и нейтральное, хоть какой-нибудь мультик. Может показаться, что это смешно, но поверьте, это работает. Вообще,

возьмите за жизненное правило: в чрезвычайных ситуациях не выпускать эмоции из-под контроля. Напереживаетесь, если сильно хочется, когда всё кончится. Никогда не позволяйте эмоциям мешать разуму рассуждать здраво и принимать правильные решения. На уровне подсознания человеку кажется, что эти эмоции его спасут, но практически всегда именно неконтролируемые эмоции губят человека. Что бы ни случилось, не поддавайтесь панике, это никак не поможет, всегда старайтесь абстрагироваться и действовать эффективно.

– Чего? – сморщилась Поля.

– Абстрагироваться – значит отвлечься, посмотреть на всё со стороны.

Ребята немного успокоились.

– Тем более никогда нельзя отчаиваться! – утверждал Сергей Александрович. – Отчаяние считается очень большим грехом!

– Да-да! Папа тоже это говорил! – подхватила Даша.

– Никогда не нужно терять надежду! – продолжил Сергей Александрович.

– И даже сейчас! – торжественно произнесла Лиза Ёж.

Ребята захихикали. Теперь её фраза казалась немного неуместной.

– А я всегда хотел у вас спросить, – задумчиво начал Максим, – как вы стали писателем? Когда вы поняли, что будете писателем?

– Знаете, у меня было такое ощущение, что я стану писателем, с раннего детства. Мне всегда было интересно всё, связанное с писательством: читать о писателях, думать о писателях, слушать о них на уроках литературы, смотреть о них фильмы. С раннего детства мне много читал мой отец, потом я сам читал запоем разные книги. Чтение стало главным увлечением в моей жизни. Я перечитал, наверно, тысячи книг. Как только я научился писать, так и начал пытаться что-то сочинять. Сначала это были лишь обрывки непонятно чего, но во втором классе я накатал первый рассказ, правда, уже не помню, о чём. Потом много начинал, но мало что заканчивал.

– Мне тоже хочется оставить свой след в истории! – произнёс Саша Гарин.

– Ты затронул интересную тему! – оживился Сергей Александрович. – Вас, наверно, удивит, но я размышлял над этой темой лет в пять-шесть. Когда вырос, вспоминая, удивлялся, как я мог так мыслить в детском возрасте. Так вот, лет в пять я начал думать о смысле жизни, и сначала сфор-

мировалось мнение, что главное – оставить след в истории. Причём я думал, что надо стать кем-то великим, вроде Александра Сергеевича Пушкина или Льва Николаевича Толстого, и написать много книг, которые останутся после меня и будут приносить пользу веками. Мне представлялось, что люди будут читать эти книги, восхищаться или чувствовать благодарность... Именно в чём-то таком и есть смысл жизни, и именно это будет означать, что я прожил жизнь не зря. Но примерно через год, то есть лет в шесть, вспомнив эти мысли, я уловил в них какую-то фальшь. Я стал размышлять, что же здесь не так? И меня осенило. А здесь я попрошу вас быть особо внимательными: если вы сможете понять эту мысль, возможно, вы избежите того, чтобы потратить жизнь на пустые ценности в красивых обёртках и действительно проживёте жизнь максимально лучшим образом. Эти вещи не понимают многие взрослые, так что у вас реальный шанс получить сейчас величайшее сокровище в жизни! Так вот, оставить след – это не может быть смыслом жизни человека вообще! Это в основном амбиции неосознаваемого эгоизма. Конечно, тогда я не знал таких слов, но, поверьте, я прекрасно понимал суть идеи. Я чувствовал, что в каждом более-менее развитом индивиду, извините меня за мой французский, растёт потребность в некой самореализации, это действительно относится к смыслу жизни. И он, индивид, перебирает разные жизненные цели и идеалы именно ради удовлетворения потребности самореализации. Конечно, чаще всего неосознанно, – перехватив непонимающие взгляды ребят, Сергей Александрович пояснил: – У человека разумного внутри есть некая неудовлетворённость, и он заглушает её целями и ценностями, в которых или нет, или почти нет смысла, если говорить о смысле жизни. То есть человек гонится за деньгами, комфортом, карьерой, погружается до беспамьтства в заботу о ком-то или о чём-то, в хобби и тому подобное. В худшем случае человек попадает в ловушки нашего времени, созданные для того, чтобы он не нашёл смысл в жизни. Ловушки бывают в неправильных увлечениях, связанных с половой сферой, со спортом, с коллекционированием (марок и прочего), во вредных привычках (наркотики, алкоголь, табак и так далее). Плюс «экраны» – игры, фильмы, телек, гаджеты и прочее, и прочее. Есть также ложные цели в благородном фантике, их много, но мы сейчас обсудим только желание «оставить след в истории».

– Что, это всё вы поняли в шесть лет? – спросила Даша удивлённо.

Сергей Александрович улыбнулся.

– Не совсем, просто сейчас, рассказывая вам, я стараюсь раскрыть эту идею полнее. А тогда лишь почувствовал суть, когда испытал озарение.

– А как вы испытали озарение? – спросил Максим.

– Вы знаете, это было очень необычно: перед моим мысленным взором словно пронеслась вся моя будущая жизнь в лучшем варианте. Как будто я написал много гениальнейших книг и стал таким же, как классики, или даже более великим писателем. Потом я умер и, только оказавшись там, чётко понял, что всё, мной написанное, вся слава, богатство и даже благодарность и восхищение потомков лично для меня не имеют практически никакого смысла, они остались там, а я здесь! Я родился с пустыми руками и ушёл с пустыми руками. Всё, что я сделал, не помогло мне самому, не произвело того главного изменения, для которого человек рождается на земле! Там я чётко чувствовал, что по ту сторону ценности другие и всё это не котируется, важны другие вещи. Когда в видении я находился за порогом смерти, мне чётко показали – главное в жизни нечто другое. Ощущение было вроде того, что главное задание на земле я не распознал и не выполнил! Неправильный мотив «оставить след» не только отвлёк меня от поиска и реализации смысла жизни, но и не дал даже разобраться с тем, что же такое смерть, что будет потом, что важно, а что неважно там! Люди рассуждают так: «Зачем об этом думать?!», «Точных ответов не знает никто!», поэтому обычно толком никто не пытается разобраться, а ответы найти можно, и довольно точные.

– Поэтому вы стали религиоведом? – спросил Максим.

– Да, можно сказать, поэтому. Хотя «религиовед» и не совсем точное слово... Но вообще я, во-первых, религиовед, а потом писатель.

– А вы выяснили, в чём смысл жизни? Вы нам расскажете?

– Да, выяснил. Я нашёл ответы на все вопросы, о которых говорил. Но вам расскажу только частично. Есть, грубо говоря, два смысла жизни, высший, или главный, и низший, он более индивидуальный. Я расскажу о втором, потому что он по теме, а первый – отдельная огромная тема, и мы обязательно поговорим об этом, но в другой раз!

На лицах ребят читалось лёгкое разочарование.

– Так вот, – как ни в чём не бывало продолжал Сергей Александрович. – Барабанная дробь, сейчас будет, наконец, самое важное: второй смысл жизни состоит в исполнении своего предназначения и призвания и в служении людям и Богу!

– А если человек не верит в Бога? – спросил атеист Саша Гарин.

– Это закон мироздания, и он действует независимо от того, верит человек в Бога или нет. Вообще, конечно, атеист может исполнить всё, кроме явного служения Богу, и это будет уже хорошо. Тем более что часть служения Богу состоит в служении людям и духовно-нравственном развитии, и через это атеист может служить Богу неосознанно. Так вот, наша внутренняя потребность в самореализации может удовлетвориться только исполнением обоих смыслов жизни. И когда мы хотим оставить след, то мы подсознательно стремимся восполнить через это оба пункта, но в реальности восполняем лишь крошечную часть из всего этого.

– Значит, всё-таки «оставить след» имеет смысл? – подметил пронцательный Саша с улыбкой.

– Да, имеет, – не стал отрицать Сергей Александрович, – если этот след приносит объективную пользу. Причём лучше, естественно, оставить след тем, что один раз принести объективную пользу всего лишь одному человеку, даже если об этом никто не узнает, чем оставить след, навредив миллионам, и прославиться в веках. Как, например, Гитлер или Наполеон. Главное, чтоб добро было действительно объективным.

– Что это значит? – пробасил Глеб.

– Грубо говоря, если я перевёл бабушку на другую сторону дороги, то добром это может являться лишь в том случае, если ей действительно было нужно, чтоб её кто-то перевёл на ту сторону дороги. Тут могло оказаться, что она совсем и не собиралась переходить дорогу, а я её просто перетащил. Вы понимаете, о чём я?

У ребят прояснились глаза. Кажется, они получили определённый инсайд и слушали заворожённо.

– Важно не просто оставить след в истории для будущих поколений. Важно делать что-то нужное и доброе для людей, что является объективным добром, будь оно маленькое или большое. Не обязательно должно быть писательство.

Может быть что угодно. Это можно делать практически везде: будучи учителем, врачом, работая с людьми, общаясь с друзьями, соседями, родными – нужно служить им. Жить ради служения людям и, как я верю, ради служения Богу – это второй главный смысл человеческого бытия. Вот так, – подытожил он, улыбаясь, как бы ловя себя на том, что начал говорить слишком пафосно, ребятам может стать скучно.

Тем не менее ребята сидели, внимательно слушая, затаив дыхание.

– Ну хорошо, – продолжил Сергей Александрович, – у меня было много разных работ, которыми я занимался. Они не имели никакого отношения к моей сущности. Когда я работал на стройке – я не был строителем, когда я работал в ремонтной мастерской – я не был наладчиком. Понимаете? Прimitивный разум привязывает человека к его профессии: вахтёрша, дворник, полицейский и так далее. То, кем является человек по сути, – это что-то глубинное. Хотя чем примитивнее человек, тем больше, как правило, соответствует его работа его сущности. Однако и это, конечно, далеко не всегда так. Но я не об этом, – продолжал он. – Вот я, например. Моим призванием было писательство и религиозоведение в своём роде. Хотя, если копнуть глубже, то самое главное для меня – духовный рост, саморазвитие, работа над собой. Но вы спрашивали меня про писательство, поэтому я затрону лишь эту часть призвания.

– Так что, получается, что важно – сделать что-то полезное для людей, оставить свой след для человечества или как там это, ну я не знаю, как это выразить, – начала бормотать Лиза Ёж с видом, как будто её только что осенило, но она никак не может подобрать слова. – В общем, не обязательно, что ли, быть писателем? – спросила она.

По её виду было понятно, что она по-другому хотела сформулировать вопрос, но у неё это не получилось. Ребята засмеялись.

– Мне кажется, я тебя понимаю, – ответил с улыбкой Сергей Александрович. – Конечно, не обязательно всем быть писателями. Не только это важно. Знаете, я думаю, что практически у каждого человека есть своё призвание в жизни – то, чем он может послужить, то, чем он должен заниматься. И знаете, иногда это может быть и работа сапожника, дворника или лесника. Со всем не обязательно заниматься трудом, который издревле считается очень важным для челове-

ства – такие профессии, как врачи, учителя, учёные, священники, писатели, военные и другие.

– А как узнать призвание? – заинтересованно спросил Максим.

– Призвание можно узнать по тому, что тебе нравится и, как правило, нравится с детства, хотя, бывает, что начинает нравиться и со старшего возраста. Что у тебя получается хорошо делать, тем более если талант в чём-то.

Глеб захихикал.

– Что ты смеёшься? – с улыбкой спросил Сергей Александрович.

– Вот помните, вы нам говорили, что нужно читать хорошую литературу и важно читать много, желательно классику и всё такое?

– Конечно помню.

– Вы тогда ещё сказали, что, мол, Глеб, твой любимый Цой любил читать Достоевского и прочитал практически всего, меня это тогда сильно зацепило. Я тоже усиленно читаю Достоевского, хотя читаю и другую классику. Но я про что говорю, – продолжал басить Глеб. – Я читал недавно «Республику ШКИД». Забавная книжка. Так там был момент. У одного беспризорника тоже пытались определить его призвание или наклонности, как это там называется. И у него спросили: «Что ты больше всего любишь делать?» Вы знаете, что он ответил? – сдерживая смех, спросил Глеб.

Все смотрели на него, улыбаясь.

– Что? Что? – раздалось с разных сторон.

– «Канкхвэты исти», – старательно смакуя, процитировал Глеб.

И, не дожидаясь остальных, сам стал громко хохотать. Ребята тоже разразились смехом.

– Да, хороший пример, – ответил Сергей Александрович. – Действительно, человеку может хотеться и нравиться далеко не только то, что относится к его призванию. Мы с сестрой тоже в детстве читали эту книгу и смеялись над моментом. И кто-то, помню, подумал, что у этого беспризорника могло быть призванием работать на кондитерской фабрике. Но, само собой, это всё упрощение. Потому что у человека есть его животные потребности и пороки и, соответственно, потребность в их удовлетворении, как правило, это не связано с призванием человека. Речь идёт о каких-то других вещах: кто-то специалист по технике, кому-то нравится писать, кому-то читать, кому-то лечить. Что может проявляться, например, когда вы смотрите фильмы, читаете книги про врачей – вам интересно. Вы, само собой, не можете, будучи ребёнком или подрост-

ком, практиковаться во врачебном деле или ещё некоторых профессиях. Однако вы можете читать и смотреть, и это вас будет пленять, захватывать и даже подготавливать. Всё это может означать – вот ваше призвание. Есть и другие факторы, ребята. Когда мы вернёмся домой, я вам обязательно расскажу подробнее.

– Обязательно, мне очень интересно, – сказал Саша Гарин.

– И мне! И мне! – раздалось со всех сторон.

Ребята закивали. Всем стало интересно их призвание.

– Что я хотел сказать. Важно найти именно то, что является твоим в жизни, и постараться заниматься этим, даже если оно не будет основным занятием. Жизнь в современном мире – штука жёсткая. Приходится в первую очередь заботиться о том, чтобы было пропитание. Поэтому иногда профессия может быть только для заработка и не соответствовать призванию.

– Ну да, действительно, – снова закивали ребята.

– Тем не менее никто не мешает нам иметь какое-то хобби. Очень здорово, если наша профессия, которой мы зарабатываем, не будет мешать нам в нашем жизненном деле, в нашем хобби. Но, конечно, ещё лучше, если вам удастся совместить своё призвание со своей работой.

– А если я отучусь в школе и потом не знаю, куда идти учиться, ещё не поняла своего призвания, то что мне делать? – спросила Даша.

– Ну, во-первых, – начал отвечать Сергей Александрович, – нужно постараться, раз у вас есть такое преимущество, разобраться в этом до того, как вы пойдёте поступать. Во-вторых, иметь официальное образование очень желательно в современном мире, причём желательно высшее, хотя и не настолько желательно, как раньше. Тут много своих нюансов. В-третьих, обучаясь где-либо, нужно вникать в то, чему учишься, не принимая всё подряд за истину в последней инстанции, но важно заниматься самообразованием. Важно самому изучать то, что тебе действительно полезно, что соответствует твоему призванию, не бояться разбираться в самых главных вещах, искать ответы на главные жизненные вопросы! В чём смысл моей жизни и жизни человека вообще? Что важнее всего сделать в жизни? Какую жизненную стратегию избрать? Ведь жизнь коротка, мелькнёт, как искра от костра, появилась – и нет её, и тратить без смысла, как животное, страшно и преступно!

– Но это вопросы – философские, – заметил Саша Гарин.

– Нет, это вопросы конкретные! – ответил Сергей Александрович как бы даже с грустью. – Люди не находят на них ответов только потому, что не ищут.

– Не получаете, потому что не ищите, – сказала Даша.

– Да, похожая цитата есть в Библии, – сказал Сергей Александрович. – Там написано: «Не получаете, потому что не просите», а также написано: «Ищите и найдёте». А ещё написано: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Это слова Христа! И ещё много что написано в Библии по этому поводу, особенно в Новом Завете... Так о чём я? Ах да, самообразование. Оно должно быть связано, конечно, не только со смыслом жизни. Это тоже очень важно, но это отдельная тема. А в основном с нашим призванием, с тем, что нам действительно интересно, что нам важно знать и что практически необходимо для нашей жизни. Мы должны исследовать различные материалы. Не просто всё подряд, а стараться найти оптимальные, своего рода квинтэссенции.

– Что это значит? – спросил Саша Гарин крайне заинтересованно.

– Это значит, когда у нас возникает необходимость исследовать какой-то вопрос, прежде чем начать читать всё подряд, нужно навести справки о том, какие книги или материалы по данному вопросу являются самыми ёмкими, исчерпывающими и практичными. Не исследовать всё подряд, а именно их. Чаще всего от одной до пяти подобных книг будет достаточно. Они будут ценнее, чем прочитанные сорок книг, наполненных «водой» и толком ни о чём не говорящих.

Ребята понимающе закивали.

– В общем, есть книги – квинтэссенции, которые нужно находить, особенно о том, что касается нашего призвания.

К этому моменту все ребята достаточно ослабились, и на их лицах была блаженная, даже благоговейная печать внимательности. Они слушали Сергея Александровича, словно гуру. Гуру они его прозвали не только из-за фамилии. Прозвище закрепилось после того, как ребята полюбили общаться с Сергеем Александровичем. Они могли разговаривать с ним часами, слушая, как он чем-то делится, что-то объясняет или рассказывает истории из жизни.

И вдруг раздался странный холодящий душу скрежет откуда-то со стороны леса. Или, может быть, не леса – в такой местности не всегда понятно, откуда исходит звук, тем более что он может отражаться от скал, снега и от всего вокруг и как бы гулять. Все опять встали на ноги и начали напряжённо оглядываться. Звук повторился. Это был какой-то непонятный скрежет, механический, абсолютно ни на что не похожий.

– Мамочки! – поскуливала Лена, переминаясь с ноги на ногу.

Девчонки после её возгласа сразу прижались друг к другу. Даша вцепилась в Максима, уставившись в темноту тайги. Маргарита Григорьевна поймала себя на том, что она крепко сжала руку мужа и тут же ослабила хватку, оглядевшись вокруг – не заметили ли ребята её слабости. Но им было не до этого. Звук повторился в третий раз.

– Ребята, пожалуйста, сидите здесь, я один пойду посмотрю, – сказал Сергей Александрович.

Выйдя на плато, он огляделся – опять нигде ничего. Только под сиянием огромной луны показалось, что рядом с едва заметной их лыжнёй появилась ещё одна. Или это просто хребет сугроба, который тянется, бывает, сотнями метров.

– Так, спокойно, – сказал сам себе Сергей Александрович. – Самое главное – не допустить паники, – рефлексивно он повернулся в сторону тех деревьев, где в прошлый раз видели НЛО, но там тоже не обнаружилось ничего странного. Ещё раз оглядевшись по сторонам, он спустился.

– Всё тихо, – сказал он. – Всё нормально.

В содержании его слов не было ничего особенного, но ребята их ждали. Они немного ослабились, хотя до спокойствия было далеко. Видно было, что все пребывали в большом шоке.

И вдруг с неба, как по волшебству, начали падать снежинки, освещаемые синим лунным светом. В этом было что-то жуткое, тревожащее. Маргарита Григорьевна сообразила почему – по прогнозам осадков не должно быть почти неделю, а тут начался снег! Он падал и падал, всё сильнее и сильнее. До этого было безветренно, а тут появились порывы лёгкого ветерка.

– Вот что, это уже просто выше моих сил! – прошептала Маргарита Григорьевна, но тут же взяла себя в руки, чтобы никто не догадался, насколько ей стало страшно.

Внутри начиналась паника. Посмотрев на мужа, она поймала себя на том, что её впервые раздражали его спокойный вид и лёгкая улыбка.

– Так, всё, ребята, – сказал Сергей Александрович, – готовимся к ночлегу. Просто готовимся к ночлегу, – он начал раздавать поручения, кто и что делает.

Все стали послушно и молча расходиться и приводить в исполнение розданные задания: кто-то пододвинул поближе к нодье дрова, кто-то утеплил палатки, присыпав снегом, кто-то убрал еду.

Учитель продолжил:

– Все расходимся по своим палаткам, а я буду сидеть и дежурить у костра, – он пододвинул к себе термос с кофе.

– Много кофе не пей, – робко попросила Маргарита Григорьевна.

У Сергея Александровича с детства было больное сердце, он уже перенёс два лёгких инфаркта. По идее кофе ему вообще было запрещено. Но перечить она не решилась, потому как непонятно в этих обстоятельствах, что правильно. Она послушно отправилась в палатку.

Ребята тоже улеглись по палаткам, а Сергей Александрович остался дежурить. Глеб, перед тем как уйти, предложил сменить учителя часа через четыре, чтобы разделить дежурство на двоих. Сергей Александрович твёрдо отказался. Для него выдержать сутки без сна не представляло большой проблемы, тем более в таких обстоятельствах. А для ребят, сколько бы ни удалось поспать, справившись с беспокойством, отдых имел большое значение, чтобы не ослаб иммунитет, восстановились силы и успокоились нервы.

– Все спим спокойно, всё будет хорошо! – громко сказал Сергей Александрович оптимистичным голосом.

И он опять действовал, как таблетка, – почти каждый почувствовал, что ему стало спокойней и легче. Ребята, разместившись по палаткам, долго не могли уснуть, шушукались. Сергей Александрович периодически подходил к какой-либо палатке, хлопал по ней и шикал на болтунов. Через какое-то время наступила тишина, усталость взяла своё. Поход на свежем воздухе, ужин на природе и здоровый сон победили беспокойство.

«Слава Богу», – подумал Сергей Александрович. Кто-то из ребят начал храпеть. Учитель обошёл вокруг лагеря, огляделся, занял самую стратегически удобную позицию. И подумал: «Жаль, нельзя ничего почитать или послушать». Он начал размышлять о том, что сегодня произошло, о новой книге, которую собирался напи-

сать, о том, что Маргарита тоже хотела взяться за книгу. Для неё это было важно, и он подсказывал ей, постоянно повторяя, что она должна максимум сделать сама. Сергей Александрович задавал ей наводящие вопросы, делился мыслями, отвечал на вопросы; помогал ей, старательно пытаясь, чтобы помощь была из рода того, что голодающему надо дать удочку и научить рыбачить, а не постоянно давать рыбу. И Маргарита прекрасно справлялась, муж говорил ей, что у неё есть талант, что она очень способная и умная женщина... Многое успел передумать за эту ночь Сергей Александрович. И самое странное, что за всю ночь не было ни воя, ни НЛО, ни этих страшных звуков. Только падал снег. Падал и падал, заметая всё вокруг, засыпая кучу дров. Только огонь продолжал гореть. Ветки деревьев покрывались новым слоем снега. Предыдущий снег сдули ветра, бушевавшие три дня назад.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. БОРЬБА

Маргарита Григорьевна долго не могла уснуть. Её одолевали тревожные мысли и страхи. Она сильно тосковала о дочери: «Катечка, Катюшечка моя!» Ей представлялся образ дочери, нежное личико, аккуратные косички. Наконец она провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

– Рота, подъём! – муж всегда будил всех этой фразой.

Маргарита Григорьевна чувствовала себя разбитой и никак не могла толком проснуться и во время завтрака, и когда отряд собирался и отправлялся в обратный путь. «Может, это грипп, – думала она, – да ещё последствия вчерашнего стресса. Я так больше не могу! Скорей бы домой!» Погружённая в себя, она не заметила, как снег и ветер набрали обороты. Начался буран. «Да этого не может быть!» – в отчаянии думала Маргарита Григорьевна, с трудом двигаясь против нарастающего ветра. Пока сталкеры пытались организовать убежище, чтобы переждать буран, ей стало ещё хуже. Она слышала, что кто-то из ребят пропал, и смутно понимала, что они уже не строят убежище, а продираются сквозь ревуший, невозможный буран в поисках пропавшего.

Маргарита Григорьевна потеряла сознание. Очнувшись, она с болью осознала, что всё происходящее реально, состояние было по-прежнему каким-то мутным. Сначала она увидела над собой лицо мужа, за ним толпились ребята.

– Где я? – спросила она, оглядываясь. В свете фонарей и горящего где-то костра она увиде-

ла, что вокруг неё какие-то каменно-ледяные стены. Достаточно высокий потолок и пол выглядели примерно так же.

– Мы нашли пещеру! – ответил Сергей Александрович.

– Это что, те пещеры, в которых происходили всякие ужасы?! Но последний вход же взорвали?

– Мы нашли другой вход!

В этот момент раздалась испуганная возгласы. Ребята направили фонарики в сторону пещерного туннеля, там, вдалеке, сначала обнаружилось какое-то свечение, затем появились странные высокие люди в белых комбинезонах. И они приближались. Все сбились в кучу за Сергеем Александровичем, держащим ружьё наизготовку. Немой ужас и тишина наполнили пещеру...

– Рота, подъём! – вдруг закричал Сергей Александрович.

– Фу-у-ух, это что, был сон? – Маргарита Григорьевна открыла глаза.

Выбравшись из спальника, она выглянула из палатки. Темно, снег продолжает сыпать всё вокруг. Из соседних палаток выползают и начинают разминаться заспанные ребята.

– Семь часов, туалет, зарядка, завтрак! – бодро скомандовал Сергей Александрович.

Как только уселись завтракать, Маргарита Григорьевна рассказала свой сон.

– Мне тоже приснился сон, – не дала всем опомниться Лена. – Мне приснилось, что мы не можем вернуться домой, потому что на небе много-много НЛО, а потом ещё из леса начали выходить какие-то жуткие зомби.

– Тебе, наверно, только такие сны и снятся, – неуверенно пробормотал Руся.

Никто не улыбался.

– А как у вас дежурство прошло? – спросил Глеб.

– Всё тихо, только под утро за теми деревьями какой-то шум был, – Сергей Александрович показал в сторону плато. – Зверь, наверно, какой-нибудь. Когда пойдём осматриваться, может, следы заметим, думаю, снегом не успеет совсем засыпать.

Практически все уже поели.

– Пойдёмте посмотрим!.. Точно!.. Да! Да! – загалдели ребята со всех сторон.

– Да, мы обязательно сходим, но сначала нужно свернуть лагерь. Как вы уже поняли, в связи со всеми новыми обстоятельствами, запланированной лыжной экскурсии по окрестностям не будет. Начинаем сборы!

Все закивали.

Лагерь свернули быстро. И, оставив все баулы возле спуска, ребята вслед за Сергеем Александровичем отправились на плато осмотреться и проверить, нет ли звериных следов. Добравшись до места, все начали шарить фонариками по снегу.

– Это вороны! – произнёс Рустам.

В этот момент свет от фонариков сфокусировался на большом валуне. Там лежали присыпанные снегом четыре мёртвые вороны.

– Они что, тут спят? – сдавленным голосом произнесла Полина.

– Нет, они мёртвые! Ой, мамочки... – пропищала Лиза Ёж.

Девочки начали тихонько ныть. Сергей Александрович, сделавший было несколько шагов, чтобы разглядеть ворон поближе, отшатнулся и попятился. В свете фонариков, хоть и запорошённые снегом, чётко виднелись огромные следы какого-то животного. Девочки заскулили в голос, а среди ребят началось паническое перешёптывание. На востоке тревожно забрезжил рассвет.

– Так, просто уходим! – скомандовал Сергей Александрович жёстким голосом, приводя ружьё в боевую готовность. – Разворачиваемся! Разворачиваемся – и строим! Без паники!

Ребята неуклюже затолпились на спуске. Внизу Сергей Александрович быстро всех организовал, приведя отряд и поклажу в походный режим.

– Можно, я буду молиться? – спросила Даша.

– Нужно! – отозвался Сергей Александрович. – Кто может, молитесь, только желательно про себя.

Процессия выдвинулась в обратный путь, было видно, что многие ребята что-то шепчут. «Они все молятся?!» – подумала Маргарита Григорьевна и, не колеблясь, последовала их примеру. Хотя она не была завсегдатаем церковных служб, искренне верила в Бога.

Почти рассвело, впереди по небу расплзлось разноцветное сияние зарождающегося дня, позади угрожающе глядела вслед ребятам огромная, но поблёкшая луна. Процессия двигалась медленно и осторожно, стараясь идти хотя бы примерно тем же маршрутом, которым они пришли сюда, несмотря на то, что вчерашнюю лыжню уже безнадежно засыпало снегом.

– Надо подняться на то плато! – прокричал Сергей Александрович, показывая рукой в сто-

рону горы, переходящей в скалу. – Лыжню совсем засыпало, надо прикинуть маршрут по-новой! Наметить ориентиры! За мной!

Развернувшись, он двинулся к скале, отряд последовал за ним. Поднявшись на плато, все остановились почти у самого края. Дальше был обрыв. Снег утих и облака расступились. Небо совсем просветлело, но ещё отсвечивало розоватыми рассветными оттенками. Невероятная красота открывалась взору, но глаза каждого заворожённо-тревожно всматривались в нечто, появляющееся на горизонте со стороны тайги. Огромная серая снежная стена, от земли до неба, с розоватым рассветным оттенком, по всей протяжённости неба увенчанная тёмной полоской туч, с возрастающей скоростью и неземным рёвом неумолимо надвигалась прямо на них.

– Держись, Россия, бывало и хуже! – почему-то произнёс Сергей Александрович, напряжённо всматриваясь в заволакивающую и леденящую кровь картину.

Надвигался буран невероятной силы. Все молчали, парализованные зрелищем.

– Так, разворачиваемся, и в обратном направлении, по колее, я замыкающий! Быстро! – скомандовал Сергей Александрович.

36 Не успели они спуститься со склона, как на них обрушился буран такой силы, какой редко припомнят и местные старожилы. Хотя сильные бураны для этих мест явление частое. Сплошная снежная масса сносила с ног, практически не было видно впереди идущего.

Сергей Александрович кричал во весь голос, но его было еле слышно:

– Идём медленно, один за другим, не отрываемся, если что, останавливаем впереди идущего, я перемещаюсь на его место! Все вместе! Все вместе!

Временами его голос заглушался рёвом стихии, и Маргарита Григорьевна боялась, что он потеряется совсем. Было страшно, поскольку они убежали от чего-то ужасного, а теперь оказалось, что оно уже настигло. Несколько минут все напряжённо прорывались сквозь бурю. Шаг за шагом, стараясь не отрываться друг от друга, выполнять инструкции, всё внимание сосредоточилось только на этом. Страх сменился ощущением яростной, сосредоточенной борьбы за выживание. Эти несколько минут казались вечно. Все чувствовали, что уже поднимаются в гору. Вдруг ребята, идущие впереди, остановились. Рёв бурана стал ещё сильнее и превратил-

ся в грохот. Место, где они остановились, с двух сторон обрамляли поваленные чуть ли не шалашом деревья и стена скалы, поэтому здесь буран был меньшей силы. Видимость стала чуть-чуть лучше. Маргарита Григорьевна увидела, что Сергей Александрович что-то кричит, но из-за грохота ничего не расслышала. Ребята один за другим, поворачиваясь, что-то передавали по цепочке, но слов так и не было слышно.

Наконец повернувшийся к ней Глеб прокричал странным срывающимся голосом:

– Останавливаемся здесь! Дальше мы никуда идти не сможем! Будем ждать окончания бурана!

Отряд сгруппировался в круг, сложив всё в центр. Сергей Александрович раздал указания, подходя к каждому, иначе было ничего не слышно. Ребята начали организовывать лагерь и строить вокруг укрытие. Каждый делал что мог. С двух сторон стены были практически готовы, это были три поваленных и засыпанных снегом дерева и стена скалы, примыкающая к ним градусов на восемьдесят. На строительство недостающих стен в ход шли в основном волокуши, потому что снеговых лопаток было только две.

Выбившись из сил, девочки вместе с Маргаритой Григорьевной сбились в кучу возле вещей. Часть мужчин куда-то пропала – вероятно, добывали дрова. Хотя горы валежника рядом, но их не было видно из-за снежной пелены. Временами с той стороны кто-нибудь выползал, волоча дрова, и снова растворялся в белой ревущей массе. Ходить пешком или на лыжах было невозможно, только ползком, и заготовка дров явно шла туго.

Тут Маргарита Григорьевна заметила, что её муж сквозь метель пробирается к ним:

– Вы не видели Максима? Его тут нет? – прокричал он сорванным голосом.

– Я вообще ничего не вижу и никого не различаю! Но тут только девочки! – прокричала в ответ Маргарита Григорьевна.

– Где Максим? Он что, пропал? – с ужасом прокричала Даша.

– Да, кажется, пропал! – кричал Сергей Александрович. – Сейчас его искать нет смысла! Как только буран ослабнет, я пойду его искать, если он ещё не вернётся к этому времени, может, он задержался где-то рядом. Пока строим лагерь!

Он опять исчез в снежной пелене. Даша прижалась к обнявшей её Маргарите Григорьевне, на лице изобразилось невыносимое страдание. Все понимали, что Сергей Александрович прав,

и придётся просто ждать. Вдруг до Маргариты Григорьевны дошло, что они находятся в незнакомом месте, ничего похожего они не проходили. Это означало, что они заблудились. «Спокойно! – подумала Маргарита Григорьевна, стараясь взять себя в руки. – Мы просто не могли отойти далеко, когда уляжется буран, мы легко найдём дорогу, к тому же у нас есть карты и компас». Из пелены пробирались Рустам и Саша Гарин.

– Репа! Тьфу, Глеб пропал! Его здесь нет? – прокричал пискляво Рустам.

– Нету! – ответила Маргарита Григорьевна, чувствуя, как внутри опять нарастает паника, беды сыпались, как из какого-то адского рога изобилия.

За мальчишками уже стоял Сергей Александрович.

– Та-а-ак! – заревел он. – Никто никуда отсюда не отходит! Нельзя допустить, чтобы ещё кто-то пропал! Никто никуда не выходит из укрытия без крайней необходимости и без моего ведома! Понятно?

– Понятно! – закивали все.

Мозг Маргариты Григорьевны начал лихорадочно работать. Ей вспомнились все те байки и слухи, которые ходили об этих скалах и которым она никогда не придавала особого значения, а над некоторыми и откровенно посмеивалась. Теперь ни истории про НЛО, ни про каких-то непонятных подземных жителей не казались ей странными. Эти истории стали вдруг суровой ужасающей реальностью, в которую так не хотелось верить, но которая атаковала их со всех сторон со всё возрастающей яростью. Надо было и раньше прислушаться, насторожиться, ведь нет дыма без огня. Тем более что информация о затопленных и взорванных пещерах, засекреченной экспедиции Колчака, пропадавших здесь людях являлась задокументированными историческими фактами. Да и до сих пор люди пропадают в этих местах.

Тут Маргарита Григорьевна почувствовала, что Даша тянет её за рукав. Она склонилась, прислушиваясь.

– Я не говорила, потому что Максим просил не распространяться... Он немного простыл перед походом, – кричала Даша жалобно, – боялся, что его не возьмут, если узнают! А что, если ему стало плохо? Я очень за него боюсь!

Даша, наверно, плакала, но в этом буране было ничего не разобрать.

– Ничего, ничего, моя хорошая! – Маргарита Григорьевна опять прижала её к себе, как если бы это была родная Катенька.

Ей хотелось спрятать Дашу от всех этих ужасов, как птица прячет под крылом своих птенцов. «Не зря ребята зовут меня Птицей», – пронеслось у неё в голове. Ей хотелось спрятать, оградить их всех, собрать, как птенцов, под своё крылышко, защитить, самой погибнуть, но их спасти! Но погибать ведь нельзя! Надо всем выжить! Выжить любой ценой! «Ведь там моя Катенька! Катенька, Катюшечка, как же ты там, моя маленькая?!» Слёзы навернулись на глаза и тут же поглотились снежным ветром...

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОТКРЫТИЕ

Давно, а может, и никогда в Большом Карагаше не было такого тревожного предновогоднего дня, как это тридцать первое декабря.

Маргарита Григорьевна предупредила родителей, что они позвонят сегодня около трёх-четырёх часов дня. В это время они должны были подойти к Синей Поляне и попасть в зону действия сети. Но когда с утра налетел сумасшедший буран, поняли, что экспедиция попала в беду. Родители сразу начали созваниваться. Мужчины организовывались, чтобы идти искать детей. Звонили в МЧС, а там ответили, что вести поиски в такой буран невозможно, что, как только буран стихнет, будут отправлены люди и техника, пообещали, что позвонят отцу Михаилу. Кто-то из родителей пытался организовать спасательный отряд, мол, «дети погибают, а мы что, просто сидеть будем?!». Но через какое-то время пришлось признать – прав отец Михаил, увещевавший всех: «Если МЧС со всей своей техникой и специалистами ничего сделать не могут, то мы и подавно! И когда буран стихнет, нужно не мешать, а дать специалистам детей спасти, а то, не ровён час, нас самих ещё спасать придётся, и МЧС от спасения детей отвлекать! Молитесь лучше, кто способен, хоть своими словами: «Господи, спаси их и помилуй!». От этого, может, и побольше пользы будет, чем без смысла в сугробах ковыряться, сейчас и из деревни не выберешься!» На том и порешали. Целый молебен по домам получился. Родители, мучимые болью за детей, застрявших в снежной ловушке, молились страстно, с болью, и каялись в чём-то, и что-то обещали Всевышнему, если спасёт их деток. Невозможно, чтобы не услышал Господь такое объединённое звание родительских сердец!

Катюша видела, какой буран с утра на улице, и чувствовала, что что-то не так. Она снова и снова подходила к бабушке и дедушке и, теребя их за рукава, тихо спрашивала:

– Ну скоро папа с мамой вернутся? А с ними точно всё хорошо?

– Вечером вернутся! Всё с ними хорошо! – нарочито оптимистично отвечали бабушка и дедушка, ласково обнимая или глядя по голове.

Но беспокойство не проходило, Катюша ходила туда-сюда по комнатам, заглядывала в слепые от бурана окна. Ничего не видя, кроме серой снежной пелены и своего отражения, Катюша тихонько плакала, стараясь, чтобы не заметили бабушка и дедушка. Конечно, бабушка с дедушкой всё видели, но что они могли сделать, чем утешить детское сердечко? Все попытки чем-то отвлечь Катюшу не срабатывали, она не хотела мультиков, любимых книг, игр и занятий, которыми бабушка обычно всегда мастерски умела увлечь детей.

Новогодние приготовления были везде приостановлены. В принципе давно уже стояли наряженные ёлки, висели всевозможные украшения и гирлянды, переливалась новогодняя иллюминация. Почти у всех с вечера тридцатого декабря были какие-то заготовки к праздничному столу и даже готовые блюда. Но сегодня дальнейшие приготовления отошли на второй план. И только самые заядлые хозяйки продолжали подготовку, приученные жизнью при любом горе и любых чрезвычайных обстоятельствах, пусть даже со слезами на глазах, готовить и заниматься делами по хозяйству, потому что никто за них этого не сделает, откладывать на завтра нельзя, ведь завтра их уже ждёт новая неподъёмная гора хлопот и забот.

Да, пожалуй, это действительно был самый тревожный Новый год за последние несколько лет!

«Катенька моя, Катюшенька», – причитала про себя Маргарита Григорьевна. Она сдалась, на неё напали апатия, бессилие, она не знала, что делать, она не могла ничего предпринимать. Ей просто хотелось очутиться у себя дома со своей дочерью, мужем, чтобы снова всё было хорошо, чтобы всё произошедшее оказалось страшным сном. Рядом хныкали девчонки, мальчишки сосредоточенно доделывали убежище. «Сном?! Постой-ка, сон!» И только в этот момент ей вспомнилось, что ей снилось в эту ночь: «Ведь мне же всё это снилось! Снился буран!

Снилось, что кто-то пропал! Снилось, что мы не можем вернуться! Да, пусть не всё сходится, нет пещер и ещё чего-то там, но остальное-то сбылось!» Это открытие настолько шокировало Маргариту Григорьевну, что она застыла, как статуя, не представляя, как на это теперь реагировать. Кроме того, она изо всех сил старалась не думать о том, что ей ещё снилась какая-то жуткая пещера, какие-то ужасные и непонятные люди, что был ещё сон Лены про небо, кишачье НЛО, про каких-то зомби, выходящих из леса. Она запрещала себе думать о том, что если сбылась первая половина снов, то вполне может сбыться и всё остальное. А внутри у неё нарастало ощущение, что и всё остальное непременно сбудется. И что с того, что всё это фантастично?! За последние сутки беспощадная реальность предоставила немало доказательств того, что, оказывается, все наши самоуверенные «научные» представления о том, что бывает, а что не бывает, не так уж и точны, мягко выражаясь! Ладно, невероятная ошибка безошибочного сайта погоды, но своими глазами видели НЛО, видели совершенно непонятные следы, и эти вороны, и эти дикие звуки! Маргарита Григорьевна закрыла глаза: «Нельзя, нельзя об этом думать, а то я сойду с ума!».

На какие-то мгновения рёв бурана словно бы стал тише. В этот момент Маргарите Григорьевне послышалось, как будто, сливаясь с завыванием ветра, звучит какой-то голос: «Э-э-э-э!.. Э-э-э-э!» «Мне это кажется, это просто буран», – подумала Маргарита Григорьевна, но голос повторился, и уже более отчетливо: «Э-э-э-э!.. Э-э-э-э!». Лена истошно завизжала.

– Тихо! Тихо! – Маргарита Григорьевна обняла Лену, утыкая лицом в свой шарф.

– Оставайтесь здесь, никуда не двигайтесь! – прокричал Сергей Александрович и исчез в снежной пелене.

Они застыли и стояли, боясь двинуться. Прошла, казалось, целая вечность, но через некоторое время Сергей Александрович выплыл из снежной пелены, почему-то откуда-то сбоку. Странно улыбаясь, он прокричал: «Глебка нашёлся!».

«Репка нашёлся!» – закричал Рустам, поворачиваясь к ребятам. Раздались удивлённые, радостные возгласы. Это было первое радостное известие за долгое время. «В общем, идём за мной, сами увидите, идите след в след, чтобы никто не потерялся, смотрите мне!» – пригрозил

Сергей Александрович сильно сорванным голосом и направился обратно в снежную пелену. Все гурьбой двинулись за ним, спотыкаясь и увязая в сугробах. Они взобрались на плато другой скалы, оказавшееся совсем рядом. Оно было под небольшим наклоном, и на нём абсолютно ничего не росло. Почему-то сугробы здесь были совсем неглубокие, и это выглядело очень странно. Посреди плато зияла тёмная дыра примерно метр на полтора или метр на метр. Маргарита Григорьевна не могла понять, в чём дело, но внутри у неё всё похолодело. И вдруг до неё дошло. «Это что, пещера?» – сказала она тихо так, что её никто не услышал. В ней происходила полная эмоциональная неразбериха. Радость от того, что нашёлся Глеб, что хоть что-то начало сдвигаться к лучшему, словно боролась с опять возникшим страхом от того, что её сон продолжает сбываться. Из пещеры доносилось: «Э-э-э-эй, я ту-у-у-ут!». Сергей Александрович, найдя Глеба в этой пещере, велел ему продолжать кричать, чтобы они могли ориентироваться по его голосу. Заглянув туда, он крикнул: «Всё, можешь больше не кричать!» Ребята начали готовить верёвки для спуска. У них было минимальное альпинистское снаряжение – всё-таки шли на скалы, хотя и не собирались по ним лазить, на всякий случай. Сергей Александрович организовал перетаскивание вещей из лагеря к пещере.

– Глеб говорит, что там просторная пещера, мы можем укрыться от бурана, снаружи оставаться гораздо опасней, – прокричал он и тут же отправился вместе с ребятами в снежную пелену по направлению, откуда они пришли. Они начали перетаскивать вещи, лагерь продолжал перемещаться к пещере.

«Спасибо, спасибо», – про себя повторяла Маргарита Григорьевна, сама не зная, о чём благодаря Бога.

Она подняла глаза, и показалось, что за этой пеленой наверху был яркий свет. Так странно. Обычно если идёт густой снег, то не может над ним светить солнце. Это было непонятно, совершенно непонятно. Какое-то время она продолжала машинально повторять в этот свет: «Спасибо!». Что это был за свет? Она огляделась. Остальное небо вокруг сумрачно-серое, насколько видно сквозь буран, а наверху было словно свечение, прямо среди снега над ними. Ребята тоже стали смотреть наверх – все заметили это свечение, кроме тех, кто перетаскивал вещи. Они двигались, не теряя друг друга из вида, сосредото-

точные на своей важной миссии. Только один из ребят стоял, его силуэт едва угадывался за пеленой летящего и ревающего снега. «Почему он стоит?» – подумала Маргарита Григорьевна.

Силуэт упал на колени.

– Люди! – раздался сорванный голос.

Вдруг она поняла, здесь что-то не то. «Кто это?» – подумала она, и ей опять стало страшно. Все начали останавливаться и поворачиваться в сторону силуэта. Подойдя и всмотревшись, она поняла, что это был Костя Возов. Все ошалело смотрели на него и не могли понять, откуда он здесь взялся. В это время подошёл Сергей Александрович.

– Не понял! – закричал он за плечами у остальных. – Ты откуда взялся?

– Слушайте, послушайте меня! – стenal Костя плачущим голосом, лицо его было обморожено. – Я потом всё расскажу, слушайте меня!

– Да слушаем мы тебя, – отвечали ребята.

– Там... Помогите привести! Там... Дюха с Максом, – говорил он сбивчиво, показывая, не поворачиваясь, рукой назад. – Там Дюха с Максом, надо быстрее! Там, короче, вообще! – кричал он.

Сергей Александрович, Рустам и Саша Гарин спустились со склона. Сквозь снежную завесу перед ними проявился какой-то сугроб. Тут же стало ясно, что это не сугроб, а нечто, засыпанное снегом. Подойдя ближе, они увидели, что на больших волокушах лежит, по всей видимости, Максим, на нём сверху лежит Андрей. В первую секунду возникла страшная мысль, что они оба мертвы. Сергей Александрович отбросил эту мысль: «Этого не может быть!». Тут же он услышал, что Андрей то ли всхлипывает, то ли кашляет, а может быть, это был Максим.

– В общем, они живы, живы! Надо быстро! – бормотал Сергей Александрович.

Взявшись за верёвку, привязанную к волокушам, он начал изо всех сил тащить сани вверх, а ребята, как могли, подталкивали с боков и сзади. Андрей, сползший в снег, карабкался то ползком, то на четвереньках. Но он не отставал. Вскоре они забрались на возвышенность – туда, где остались девочки и Маргарита Григорьевна. Глеб по-прежнему был в пещере. Казалось, что его вообще нет, потому что он не кричал и его не было видно, а его сила сейчас бы не помешала.

Костя, скривив страшную гримасу, начал реветь во всё горло:

– Вы понимаете? Вы знаете что?

– Так, всё! Тихо! – прервал его Сергей Александрович. – Сначала мы все переместимся в пещеру, а потом всё расскажешь.

Он тут же начал подходить к ребятам, раздавая поручения, кто и что берёт и делает, активно сам спускал вещи. Периодически все поглядывали на свечение, которое над ними вызолачивало буран, но никто ничего не говорил. Ребята напряжённо продолжали свою работу. Через какое-то время все оказались в пещере, не без труда, конечно, потому что высота была метра два с чем-то, пол каменно-ледяной и отверстие небольшое. За нишей, которая находилась непосредственно под дырой в пещеру, открывался довольно большой зал. Пол его был ещё ниже, можно было ходить во весь рост, и оставалось больше метра в середине зала над головой, а по краям – с полметра. Непонятно, является этот зал искусственным сооружением или он естественного происхождения, но сейчас это было неважно. Вещи разложили по углам.

«И это было в моём сне! И это было в моём сне!» – твердила про себя Маргарита Григорьевна. Ничего больше не могло прийти ей в голову, она не знала, как к этому относиться. Она не могла даже бояться. Внутри было какое-то странное ощущение, что надо просто ждать, что будет дальше. Периодически она с опаской посматривала в темноту туннеля, который продолжал пещеру с другой стороны, не в силах отделаться от назойливого ощущения, что из темноты вот-вот кто-то появится. Но никто не появлялся.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ЭКЗАМЕН В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Все занимались обустройством лагеря в неожиданно приобретённом пещерном убежище. Ребята устали и двигались вяло, только Глеб и Сергей Александрович носились, как заведённые. Из входа в пещеру, который больше напоминал открытый люк, доносился громоподобный рёв бурана, усилившегося, казалось, вдвое. Но здесь звук был, конечно, во много раз тише. Внутри снег почему-то почти не попадал, лишь периодически несколько снежинок миниатюрным вихрем слетали на каменный заснеженный пол под самым «люком».

Обустройство убежища закончилось. Парни, к удивлению Маргариты Григорьевны, даже развели костёр, прямо под входом, и дым послушно вытягивался в него каким-то непостижимым для Маргариты Григорьевны образом. Да, физика,

признаться, не её конек, но думать о подобных мелочах не хотелось.

Все расселись, Максим с высокой температурой лежал в двух спальниках, в каком-то полусне. Даша, сидевшая рядом, гладила его по голове. Начался молчаливый ужин, ели бутерброды и прочее, не требующее готовки. Продуктов оставалось мало, сейчас в ход шли «перестраховочные» запасы. Андрей и Костя сидели, уставившись в пространство перед собой, монотонно пережёвывая пищу. Розданный паёк доели.

— Ну что, рассказывайте! — обратился к ним Сергей Александрович.

Андрей и сам давно уже ждал момента, когда ему разрешат всё рассказать.

— Я хочу перед всеми вами извиниться! — всхлипывая, начал он. — Простите нас за всё!

— Извините, — вторил Костя.

— Давайте вы сначала всё расскажите, а то мы ведь даже ещё не знаем, за что вы прощения просите, — ответил Сергей Александрович.

И Андрей начал свой рассказ. Он честно начал со встречи с Дашей возле магазина.

— Я настолько разозлился, — признавался он, — что аж в глазах потемнело. Я пошёл к Вozу, ну то есть к Косте, мы вышли на улицу и стали думать, как всем отомстить. Я сказал, что Дашу мы трогать не будем, мы думали, что бы нам сделать с её любимым Максом. Как минимум напугать его посильнее. Вообще, я был зол на всех и всем хотел отомстить. Мы отзвонились, типа мы заболели, а сами решили тайком за вами пойти. Мы хотели что-нибудь такое придумать, чтобы всех посильнее напугать. Вы же знаете, что я хорошо разбираюсь в технике? Ну вот, короче, приготовили мы всяких штук, сколько успели до утра, потом расскажу каких.

Маршрут мы знали и шли за вами, иногда, когда видели вас вдали, останавливались и ждали, пока подальше отойдёте. Попугать мы вас хотели, но самое главное, посильнее Макса прессануть. Сначала думали даже связать и в лесу оставить. Это так на самом деле несерьёзно. Ну, короче, когда лыжня на Чёрную скалу пошла, мы свернули к лесу, выбрали место за километра два от вашего лагеря. Оделись мы очень тепло, потому что знали, что развести костёр не сможем, чтобы вы нас не засекли.

У меня с собой была мощная колонка на аккумуляторе. Полночи в интернете я искал и качал всякие звуки из фильмов ужасов: вой монстра, например, скачал и звук катастрофы, кото-

рые вечером и включал, остальные звуки негодились.

Ребята начали переглядываться.

— Значит, вой и скрежет, которые мы слышали, — это звуки из вашей колонки? — спросил Сергей Александрович, оглядывая окружающих, как бы утверждая взглядом: «Я же говорил, ничего страшного!».

Лена потупила глаза и пропищала:

— И меня простите!..

Все вопросительно уставились на неё.

— Я знала, что они пойдут за нами, чтобы попугать! Но Дюха просил не выдавать их, чтобы я подыграла. Ну я и согласилась, не буду же я брата предавать! Я думала, будет прикольно, я же не думала, что будет так! И сон свой про зомби и про НЛО я выдумала, просто больше ничего не смогла придумать, а когда Маргарита Григорьевна свой сон рассказала, тогда я свой сон и придумала! Простите меня, пожалуйста! — закончила она жалобно, но все уже вопросительно уставились на Маргариту Григорьевну.

— Что?! Я здесь ни при чём! Мне правда мой сон приснился! — полушутя возмутилась Маргарита Григорьевна.

— Ну хорошо, дальше что? — спросил Сергей Александрович, по очереди смотря то на Лену, то на Андрея с Костей.

— Ещё я недавно по интернету купил дрон, такую летающую штуку на пульте. Вон Руся с Гарри Поттером в курсе!

— Мы помогали ему выбрать и купить этот дрон через интернет, — подтвердил Руся, — и ездили в город его забирать. Но мы ничего не знали!

— Мы не знали, для чего он будет использовать этот беспилотник! — пояснил Саша Гарин.

— Я примотал к нему два фонарика скотчем и замотал его упаковочной плёнкой, — продолжал Дюха. — Мы ночью в деревне пробовали его запускать на несколько секунд, чтоб никто не успел засечь. Реально, как настоящее НЛО получилось! Несли его за пазухой, чтоб не замёрз. В общем, когда мы вас колонкой пугали, мы как раз ваш лагерь где-то за километр обходили, искали место открытое, чтобы дрон запустить. Вышли из леса, смотрим, а вы на плато стоите, оглядываетесь! Ну мы не стали терять время, запустили наше «НЛО». Водили-водили над деревьями, потом оно чё-то сломалось и упало.

— Батарея замёрзла, кулибины! — пояснил многозначительно Саша.

– Ага, Самоделкины, Винтик со Шпунтиком, – весело добавил Рустам.

– Значит, НЛО – ваших рук дело? – улыбаясь, спросил Сергей Александрович. – Ну дальше рассказывайте!

– Честно говоря, мы всё равно очень радовались, что так классно всё получилось. Возвращались в свой лагерь и обсуждали, как мы всё круто придумали и что вы там все, наверно, вообще пере... – Дюха осёкся, пытаясь исправить чуть не вылетевшее словцо, – перепугались, – наконец произнёс он, покраснев и явно осознавая, что гордиться тут нечем. – Спать легли, хоть в двойной палатке, но замёрзли как цуцки. Будильник на пять завели, чтобы успеть, пока вы спите, последнюю пугалку вам подложить: ворон, которых я из воздушки на свалке за нашим домом настрелял. Хотел штук десять, но темновато было, когда я их стрелял, если б не луна яркая, вообще бы, наверно, не попал, а так четыре подстрелил!

– А следы? – спросил Сергей Александрович.

– Тут нам повезло, мы не знали, как к вам подойти, следы ведь останутся, а тут снег с вечера зарядил. У меня были заготовки – самодельные снегоступы, обёрнутые в меховушки, но если бы не снег, мы бы не решились вообще к вам подходить, наверно. А так, пока вы спали, подобрались через лес к вашему плато и на камень ворон подложили...

Ребята начали возмущённо перешёптываться.

– Ну дальше, короче, на следующий день, некоторые вещи сорвались, которые мы хотели ещё сделать. В общем, потом мы хотели просто за вами пойти и где-нибудь Макса выцепить, ну и разобраться с ним. Но это никак не получалось, вы всегда держались вместе. Потом начался этот буран. Мы изо всех сил старались держаться за вами. Воз даже предлагал выйти к вам, типа мы только сегодня за вами пришли, но потом мы просто заблудились. Решили, что переждём буран под скалой, а там посмотрим. Потом видим, через буран кто-то пробирается прямо на нас. Смотрим – это Макс! Ну, думаем, на ловца и зверь бежит! В общем, изо всех сил полезли к нему, успели ему дорогу обратно перегородить. Я начал на него наезжать, прессовать, а его трясёт, думали, он боится, а потом смотрим – у него жар. Мы стоим, не знаем, чё с ним делать. В общем, толкнул я его, и он скатился вниз, а на нас обрушилась снежная глыба. Она там нависала, и мы хотели под ней буран переждать. Засыпа-

ло просто совсем. Мы задышаться начали, не пошевелишься и кричать бесполезно. Тут чую, скребётся кто-то, скребёт и скребёт. А это Макс, он нас выкопал. Прикиньте, у него температура, наверно, сорок, на ногах не стоит, и после всего этого он ещё нас выкапывал! Дрова с волокуш высыпал и нас волокушами выкапывал! Вылезли мы, смотрим на него, а он красный как рак, уселся в снег и сидит. Я ору: «Макс, ты чё?» А он завалился мордой в снег и не шевелится. Короче, мы его – на волокуши и потащили туда, откуда он пришёл, к вам наверх. А у нас у самих сил вообще уже никаких нет. Метр проползём и отдыхаем, метр проползём и отдыхаем. В какой-то момент буран такой был, что мы не могли разобрать, туда мы двигаемся или нет, может, мы куда наискосок забрали. Стоим оглядываемся, а вокруг только буран, вообще ничего не видно. «Всё, – думаем, – капец, сдохнем мы здесь, вместе с Максом сдохнем! Ладно, мы – за дело, а он-то за что?» А мы как Макса потащили в гору, мне почему-то молиться захотелось, – как-то стеснясь, признался Андрей, – только я никаких молитв не знаю. А тут как увидели, что совсем заблудились, я просто упал на колени. «Бог, – говорю, – если Ты есть, дай нам выбраться, а я тогда реально исправлюсь и с Коляном общаться больше не буду, правильно жить буду!» Слышу, Костян тоже рядом на колени бухнулся и бормочет чё-то. «Тоже молится», – думаю. А внутри прямо как-то легче стало, и вокруг как будто всё по-другому, как бы изменилось что-то. Вдруг вижу: наверху за бураном справа как будто светится что-то. Мы почему-то подумали, что вы там, и стали туда двигаться. «Всё-таки занесло нас в сторону! – думаю. – Слава Богу, вовремя заметили!»...

– Стоп! – прервал его Сергей Александрович. – Так значит, это свечение не ваших рук дело?

– Не-е-ет! – хором протянули Андрей и Костя.

– Ну допустим. И что было дальше?

– Сперва мы рванули, как будто даже сил стало больше. Но через минуту завязли, вообще уже двигаться не можем, силы совсем кончились и у меня, и у Вова. Я Вову ору тогда: «Давай ты добираться до них один, зови всех на подмогу, а то я уже и один не залезу! Давай, Костян, лезь, не сдавайся!» Ну и Костян полез, его не видно сразу стало за снегом. А я смотрю на Макса, он как в лихорадке, думаю: «Из-за меня ведь пацан погибает, а ведь он ещё меня, гада, из-под снега

выкапывал. Сдохну, а Макса спасу». Куртку расстегнул, чувствую – у самого температура. Ветрище сразу под куртку задул, холод невероятный. Лёг я так, чтоб Максу лицо курткой от бурана закрыть, всё равно холодно. «Так мне и надо, – думаю, – только бы Макс выжил». Ну, в общем, через какое-то время слышу – вы подошли... Дальше вы уже всё сами знаете. В общем, это, простите нас, пожалуйста.

– Бог простит, – пробормотала Даша.

– Я даже не знаю, что сказать, – произнесла Маргарита Григорьевна, растерянно оглядывая всех присутствующих.

– А я думаю так, – ответил Сергей Александрович, – всё хорошо, что хорошо кончается! Но, когда вернёмся, с вами ещё будет отдельный разговор!

Андрей и Костя дружно кивнули. Ребята, едва справившись с шоком от услышанного, начали расспрашивать раскаявшихся заговорщиков о различных подробностях их истории. Казалось, что все снова стали друзьями, и беседа плавно переключилась на другие темы. Маргарита Григорьевна с Дашей ухаживали за Максимом, напоив его лекарствами, попытались измерить ему температуру, но оказалось, что градусник замёрз.

– Так! Тайм-аут! – произнёс Сергей Александрович торжественно, поглядев на телефон. Порывшись в рюкзаке, он извлёк оттуда красный двухлитровый термос. – Это вишнёвый компот, я приберегал его как сюрприз на обратную дорогу, но теперь он нам даже ещё «сюрпризнее» пригодится! Лиза, доставай кружки, через десять минут Новый год! Встретим его как настоящие сталкеры!

Лиза разлила компот по кружкам.

– Кто бы мог подумать, что мы встретим Новый год в тех самых пещерах, к которым вы так рвались. В которые вообще-то и входов не должно быть! Но с этим мы потом разберёмся, главное – мы здесь, все живы, здесь мы буран спокойно переждём! Теперь я уверен точно, всё будет хорошо, вот увидите!

Лиза уже раздавала конфеты и сухофрукты. Сергей Александрович поднял свой импровизированный бокал с торжественной улыбкой.

– Не знаю, кто как, а я рад, что всё кончилось именно так. Ещё недавно, честно говоря, мне казалось, что всё кончится гораздо хуже. Но, повторюсь, теперь я уверен, что всё точно будет хорошо! Обратите внимание, что сейчас весь «Клуб сталкеров» в сборе. Не знаю, как кому, а

мне кажется, что мы стали одной дружной семьёй, несмотря на всё, что произошло! А может, и благодаря этому.

Глаза ребят выражали согласие, какие-то детские улыбки засветились на их лицах. Таких улыбок Маргарита Григорьевна не видела уже несколько лет, с тех пор, когда ребята были ещё первоклашками.

– Я думаю, то, что сегодня произошло, является для всех нас самым настоящим экзаменом.

– Новогодним экзаменом! – подхватила Маргарита Григорьевна.

– Экзаменом в новогоднюю ночь! – подытожил Сергей Александрович.

– А почему экзаменом? – спросила Лиза.

– Позже я обязательно вам объясню эту мысль, а теперь давайте поздравим друг друга! Осталось две минуты до Нового года, загадывайте желания!

– Только вслух не говорить, а то не сбудутся! – подхватила сведущая во всех приметах Лена.

– А вы знаете, – с улыбкой произнесла Маргарита Григорьевна, – а в нашей семье, наоборот, всегда желания произносят вслух, и они всегда сбываются!

– Тогда я хочу, чтобы мы летом пошли сюда экспедицией на три дня! – воскликнул Глеб.

– И я! И я! – загалдели ребята один за другим.

– А я хочу, чтобы про наш поход книгу написали и ещё кино сняли, художественное! – поспешил добавить Рустам. – Или я сам чтобы снял, когда вырасту! Хотя это долго, пусть лучше кто-то снимет пораньше!

– Не знаю насчёт кино, а по поводу книги надо подумать, – ответил Сергей Александрович. – Ну всё! Внимание! Десять секунд! Восемь! Семь! Шесть! Пять! Четыре! Три! Два! Ура!!!

– Ура!!! – подхватили все, чокаясь кружечками с компотом. – С Новым годом! С Новым годом!

Все радовались, как маленькие дети, обнимались и пожимали друг другу руки.

– С Новым годом, любимая, – ласково произнёс Сергей Александрович и незаметно чмокнул жену в губы.

– С Новым годом! – ответила тихо Маргарита Григорьевна, смущённо улыбаясь и оглядываясь на ребят.

Они обнялись. «Только Катюши нашей с нами нет», – с лёгкой грустью подумала она.

Все уселись и начали переговариваться. Царила умиротворённая праздничная атмосфера. Маргарита Григорьевна, улыбаясь, оглядывала

ребят. «Действительно, как одна семья!» – подумала она. Но что-то ещё беспокоило, и она никак не могла уловить, что именно. «Да, я тоскую по доче, но это не то, что же ещё это может быть?!.. Вспомнила! Точно, сон! Пусть Лена выдумала свой сон, но мой-то сон сбылся почти весь, кроме последнего момента, когда из пещеры появились те ужасные люди!» Маргарите Григорьевне стало опять жутко, она невольно посмотрела в зияющую темноту уходящего в неведомую глубь пещеры тоннеля. Она встала на ноги.

– Ребята, хоть не хочется вспоминать в такую минуту о плохом, но есть ещё некоторые непонятные моменты, например, помните мой сон?

– Да! Точно! – раздалось со всех сторон.

– Факт есть факт, сбылось практически всё, что было в моём сне: и мальчики пропадали, и этот буран, и пещера. Только одно ещё не сбылось...

– Ещё не появились те люди! – заключил Сергей Александрович.

Ребята посмотрели на него. В их глазах читалось нарастающее беспокойство.

– Да, я всегда об этом помнил, но если обратите внимание, я всё время сижу лицом к тоннелю, и ружьё у меня наготове. Только, я считаю, что не нужно теперь сидеть и бояться, нужно сделать всё возможное, чтобы обезопасить себя, и абстрагироваться, отвлечься. Вообще проблемы надо решать по мере их поступления! Даже в Библии написано: «Довольно для каждого дня своей заботы!». В конце концов, у нас нет выбора, кроме как оставаться здесь, сами понимаете, пока буран не стихнет! – он махнул рукой в сторону выхода из пещеры.

Ребята согласно закивали.

– А знаете сказку, – продолжил Сергей Александрович, – о двух лягушках, которые упали в сметану?

Кто-то отвечал: «Да», кто-то отвечал: «Нет».

– Так вот, эта сказка, а я бы лучше её назвал притчей, должна стать жизненным принципом каждого из нас!

– Расскажите её! – попросили некоторые из ребят.

– Упали две лягушки в кувшин со сметаной, – начал рассказывать Сергей Александрович, – обе начали одинаково усиленно работать лапками, чтобы не утонуть. Различие было только в их мыслях. Первая думала: «Рано или поздно силы у меня кончатся и я утону, но так просто сдаваться тоже нельзя!» И она продолжала усиленно

шевелиться, но постепенно барахталась всё слабее и слабее. Вторая лягушка думала так: «Может, и нет надежды выбраться, но я до последнего вздоха буду барахтаться изо всех сил, буду бороться за жизнь до последнего. И даже если я умру, то буду знать, что я действительно сделала абсолютно всё возможное для своего спасения!» Через некоторое время первая лягушка совсем ослабела, потому что была уверена в бесполезности своих стараний. А как известно, каждый получает по вере своей! В конечном итоге первая лягушка утонула. Вторая же сопротивлялась изо всех сил, хотя и видела, как утонула первая лягушка, и чувствовала, что и её силы уже на исходе. Но она решила не сдаваться и продолжала барахтаться, несмотря ни на что. Ещё через небольшое время она почувствовала, как будто сметана начала сгущаться и сгущалась до тех пор, пока не превратилась в масло. Лягушка оттолкнулась лапками от твёрдого масла и легко выпрыгнула из кувшина! Так вот, во многих обстоятельствах надо вести себя и относиться ко всему, как вторая лягушка! – подытожил Сергей Александрович проникновенно. – Какими бы ни казались безнадёжными обстоятельства, нужно просто делать всё, что мы можем сделать в данный момент, и не сдаваться. Преодолеем ли мы препятствия или нет – это второй вопрос, главное, чтобы мы могли с уверенностью сказать, что мы сделали действительно всё возможное на сто процентов, чтобы преодолеть препятствия на нашем пути.

– Вы сказали, что так нужно поступать во многих обстоятельствах, это же означает, что не во всех? – спросил наблюдательный Саша Гарин.

– Вообще-то не во всех, знаете, если дорога ведёт не к той цели, то не имеет значения, как вы быстро по ней двигаетесь. Важно, чтобы наши усилия были в правильном направлении, тогда этот принцип просто незаменим.

– Значит, этот принцип применим не только к каким-то суперпрепятствиям, но и к чему-то ещё в жизни? – спросила Полина Барби.

– Конечно! – ответил Сергей Александрович. Заметив по лицам, что не всем понятен этот момент, он продолжил: – Например, когда я где-то читаю или вижу в фильмах распространённую историю, мол, у писателя контракт на книгу, сроки поджимают, а он никак не может дописать свою книгу или вообще не может написать ни строчки, я просто мечтаю оказаться на его месте, такой вызов и стимул как раз по мне. Когда я

внутренне принимаю вызов, то моя работоспособность и вдохновение возрастают в разы. Много было случаев, когда мне удавалось сделать почти невозможное благодаря такому подходу. Кстати, Достоевский обладал похожей чертой характера. Однажды, когда его поставили в очень трудные условия, он написал свой роман «Игрок» всего за месяц, хотя бывало, что некоторые романы он писал не один год, ну так же, впрочем, как и многие другие писатели.

– Тогда почему вы раньше не начали писать? – спросил Глеб.

– Причин много, но я отвечу словами из песни твоего любимого Цоя, я никак не мог определиться с тем, что «в городе, где жители на выселках, камнем лежать или гореть звездой?»... Но мы отвлеклись от темы. В общем, если мы уверены в правильности выбранной цели, то мы должны на пределе своих возможностей и изобретательности сделать сто или даже сто десять процентов того, что от нас зависит для достижения этой цели. При этом важно, как я говорил раньше, абстрагироваться или отстраниться от ситуации, как бы наблюдая за всем со стороны и не давая эмоциям влиять на правильность и эффективность наших действий. Не знаю почему, но мне всё же теперь кажется, что больше ничего не произойдёт плохого, какое-то ощущение внутри появилось, что теперь точно всё будет хорошо!

– Но ведь всегда нужно быть готовым к худшему! – возразил Глеб.

– Согласен, нужно быть готовым к худшему, но надеяться на лучшее, – ответил Сергей Александрович.

– Ну, в принципе, да! – согласился Глеб.

– Дядя Гуру! – подал голос Андрей, он уже как-то давно испросил у покладистого Сергея Александровича разрешение его так называть.

Так его называли в глаза только мальчишки, и то не всегда. Зато, впрочем, со всем своим подростковым уважением и без тени насмешки. Им искренне казалось, что такое обращение является их лучшим творческим изобретением после названия «Клуб сталкеров». В принципе все настолько привыкли, что обращение звучало привычно и естественно.

– Дядя Гуру, – продолжал Андрей, – а что вы имели в виду, когда сказали, что сегодня был типа «новогодний экзамен»?

– Экзамен в новогоднюю ночь! – уточнила Полина.

– Я с удовольствием вам расскажу об этом, ребята! – начал Сергей Александрович, вставая на ноги, лицо его засветилось вдохновением.

Ребята знали – это означает, что на Сергея Александровича нашло. Они уже давно прочно подсади на эти особенно вдохновенные его речи, потому что именно тогда, когда на Сергея Александровича находило, начинались те незабываемые разговоры, которые словно бы меняли всё, зажигая их каким-то новым, неведомым огнём, и всё внутри наполнялось страстью к чему-то высокому, прекрасному, доброму. И именно после таких разговоров ребята и начали меняться к лучшему, больше читать, подсади на изучение истории и особенно истории родного края, когда только открылся «Клуб сталкеров» и Сергей Александрович начал общаться с ребятами. Поэтому ребята понимали: вот сейчас Сергей Александрович расскажет что-то особенное и интересное, и, возможно, опять что-то внутри начнёт меняться. Они замерли, не скрывая благоговейного предвкушения.

– Вам, покажется, что я начну издалека, – продолжал Сергей Александрович, – но я скажу то, что у меня на сердце и в душе. Вы уже знаете, насколько важно знать историю. Историю мира, историю своей страны и родного края, историю духовного пути человечества! Это мегаважно!

– Благодаря этому мы учимся на чужих ошибках! – сказала Даша.

– Да, это важнейшая мысль, и я с ней полностью согласен! – ответил Сергей Александрович. – Но сейчас я хочу сказать то, что, благодаря знанию можно понимать, куда всё движется, как всё развивается, что может нас ожидать в будущем. Поэтому важно знать и понимать то, что происходит сейчас. Узнавать всю правду об этом, особенно касаясь самых главных и важных вопросов. Это бесконечно важно, особенно в наше время, ребята! Например, если бы мы не начали изучать историю наших мест, мы бы не узнали об этих пещерах и не было бы этого похода!

«Сомнительный аргумент», – подумала Маргарита Григорьевна, хотя она понимала, к чему клонит её муж.

– Так вот, – излагал свои мысли Сергей Александрович, – если вы начнёте разбираться во всём этом по-настоящему, вы поймёте, что в наше время в мире возрастают и тьма, и свет. Это происходит и на глобальном уровне, и внутри каждого человека. Сейчас время огромных контрастов. Естественно, я не могу рассказать вам

всего, что я знаю, во что верю и что понимаю, но могу сказать так, что мы живём в переломное время. Во всём, что происходит вокруг, во всех тенденциях, которые можно сейчас наблюдать, ясно читаются признаки нарастания самых разнообразных мировых кризисов. Говоря проще, много плохого, похоже, должно произойти в мире. Но я бы назвал это время предрассветным. Вы знаете, что перед рассветом время наибольшей тьмы.

– А ещё говорят, что чем темнее ночь, тем ярче звёзды! – вставила Лена.

– Да, и это верно. Чем темнее ночь, тем ярче звёзды, – подтвердил Сергей Александрович. – Я считаю, что мы живём во время, когда должна наступить самая непроглядная предрассветная тьма, а потом настанет утро – время света! Может, кто-то читал роман Достоевского «Бесы»? Эпиграфом к нему служат строки из Нового Завета, описывающие, как Иисус Христос изгнал легион бесов из Гадаринского бесноватого, разрешив им войти в стадо свиней, которые после этого бросились с обрыва в море. В этом романе есть пророчество, что вскоре в России власть захватят бесноватые безбожники и по земле десятилетиями будут течь реки крови и слёз, но Господь придёт на эту землю, когда искупительная чаша мученичества будет выпита нашим народом до дна. Он изгонит всех бесов из неё, и тогда настанет день и для нашей России! Так вот, я верю, что это светлое время не за горами, а уже сейчас идёт подготовка к нему. Появляются особые люди, больше всего их среди детей. Ведь за вами будущее! Именно такие люди предназначены принести это светлое время. Как в Библии написано, «сыны света» или «сыны дня», в противовес «сыновьям тьмы» или «сыновьям века сего». Чем это определяется? Да тем просто, что свет и тьма внутри нас всех находятся, и от того, что победит в нас – свет или тьма, от того, на чьей стороне мы сражаться будем, и зависит, тёмными мы будем или светлыми! Сынами света или сынами тьмы! Мы просто должны выбирать свет и добро, борясь со всяким злом и тьмой прежде всего в себе. Кроме того, мы должны жить для служения людям, жить для Бога! Мы должны быть жертвенными! Это всё очень важно и очень серьёзно. И эта борьба требует порой всех наших сил, и победа даётся иногда за счёт невероятных страданий!

Мне вспоминается сейчас «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. А вы помните, сколько перенёс тот лётчик Алексей Маре-

сеев, когда он, лишившись ног, пробирался по заснеженным полям, какое нечеловеческое упорство он проявил и какую волю! Ведь это и есть то, о чём мы с вами говорили!

Ребята понимающе закивали, у всех в головах невольно всплыли ассоциации с сегодняшней ситуацией.

Сергей Александрович продолжал:

– Так вот, каждый ведёт свою войну в жизни. В нас, как и во всём мире, происходит постоянная битва добра со злом, осознаём мы это или нет!

Не знаю, как кто, а я гляжу сегодня на Андрея с Костей, и мне радостно. В них уже побеждала темнота, но они всё же выбрали сторону света и победили. Хотя это произошло ещё и благодаря героическому поступку Максима, когда он выкопал ребят чуть ли не ценою собственной жизни. Максим прошёл свой экзамен на гордое звание настоящего человека. И когда настала очередь Андрея и Кости, они тоже с блеском прошли свой экзамен! Хотя, конечно, только время покажет, насколько серьёзные перемены в них произошли и сумеют ли они сдержать обещания, которые давали.

Со временем, ребята, вы поймёте, насколько важно вести эту борьбу в своей жизни, насколько важно то, о чём мы с вами сейчас говорим. Насколько важно искать правду, стремиться к свету и добру, не идти на компромиссы со всем злом, которое вокруг и внутри нас. Кто-то должен быть солью этого мира! А вы знаете, зачем нужна соль? Соль нужна, чтобы продукты не разлагались. Например, если рыба просто полежит где-то при комнатной температуре, она быстро начнёт гнить и вонять. А если рыбу засолить, особенно, если её хорошенько засолить, то она может храниться очень долго, оставаясь пригодной для питания и даже вкусной. Потому что кристаллики соли пропитывают клетки, из которых состоит рыба, и сдерживают её от разложения. Люди, которые живут так, как мы только что говорили, как кристаллики соли, влияют на окружающих, заражая их своим стремлением к добру, светлому и мудрому. И совсем не обязательно для этого быть писателем, учителем, врачом или ещё кем-то, кто может непосредственно оказывать положительное влияние на людей. Можно нести объективное добро окружающим, родным и близким и просто знакомым. Но самое главное, примером своей жизни показывать тот образец доброго и светлого, который многие ищут вокруг, часто даже не осознавая того. Когда человек горит чем-то – это

заразительно. Поэтому и нужно быть солью этого мира, то есть гореть по-настоящему всем тем, о чём мы с вами говорили.

Самопожертвование – величайшая вещь, которой нас учит вся духовная история человечества. И самопожертвование, которое сегодня проявил Максим, начав спасать своих обидчиков, рискуя здоровьем и жизнью, «осолило» Андрея и Костю. И Андрей и Костя за короткое время тоже стали «солью», или «сынами света», тут же доказав это, проявив ответное самопожертвование, спасая Максима, хотя сами уже не имели сил для борьбы даже за свою собственную жизнь. Так они все трое прошли свой первый серьёзный жизненный экзамен в эту новогоднюю ночь. А теперь их пример «осоляет» всех нас, и, думаю, теперь каждый, кто слышал эту историю, уже не останется прежним. И если в его жизни возникнет похожий жизненный экзамен, то ему будет гораздо проще принять правильное решение.

Вот через такие жизненные экзамены и выясняется, будет ли человек принадлежать к тёмному прошлому человеческой истории, которое в Библии называется веком тьмы, или к веку света, о котором говорят и Библия, и практически все религии, пророки, ясновидцы. И в принципе об этом же говорят и многие духовно-нравственные тенденции, зарождающиеся в современном обществе...

Сергей Александрович заметил по лицам ребят, что они перестают его понимать. «Да, опять я начал говорить слишком заумно, надо попроще», – подумал он.

– Иными словами, ребята, для любого человека есть два пути: первый – вверх, ко всему светлому, доброму и так далее, и соответственное он и будет получать от жизни. И второй путь – вниз, потакая тьме в себе, порокам, слабостям и грехам, следовательно, и получит такой человек в итоге только тьму и страдания. И середины нет. Это как движение по ледяной горе – если ты не двигаешься вверх, то ты соскальзываешь вниз, даже если решил постоять.

– Но почему тогда в жизни мы видим, что плохие люди имеют все блага и живут припеваючи, а хорошие много страдают и мучаются? – спросила Даша.

– Хороший вопрос! – ответил Сергей Александрович. – Во-первых, несмотря на то что плохие люди часто имеют много материальных богатств, но если вы разберётесь в этой теме, то выяснится, что эти люди глубоко несчастны.

– Богатые тоже плачут, – вставила Полина.

– Точно, – Сергей Александрович улыбнулся, – так вот, во-вторых, так происходит потому, что сейчас ещё век тьмы, кстати, в будущем так не будет. Я уверен, что светлое время человечества ещё настанет и большинство людей будут жить чисто и духовно. Если жить друг для друга с мудростью, то человечество восстановится! Это будущее зависит от каждого из нас! И у вас есть больше всего возможностей принять участие в этом восстановлении. Сейчас дошло до того, что большинству подростков кажется слишком банальным и стыдным стремиться к добру и свету, потому что их очень усердно стараются подсадить на всякую тьму, жестокость и зло во всех формах. Именно поэтому так модны сейчас истории про всяких вампиров, колдунов, магов, маньяков и прочая чернуха. Они не понимают такие вещи, как объективное добро, прощение и всё остальное, о чём мы говорили с вами за последнее время.

– А мы теперь понимаем, – проникновенно сказала Лиза Ёж.

Маргарита Григорьевна, ожидавшая, что ребята, как всегда, будут смеяться, заметила, что они, наоборот, одобрительно закивали.

– Что-то я разоткровенничался, – словно подводя итог, произнёс Сергей Александрович. – Сейчас лучше всего нам устраиваться спать. Неизвестно, что нас ждёт впереди.

– И кто будет дежурить? – спросил Глеб. Сергей Александрович повернулся к нему.

– Давайте напополам, – умоляюще произнёс Глеб.

– И я хочу дежурить! И я хочу дежурить! – сказали Рустам и Саша Гарин.

– Хорошо, делим оставшуюся ночь на четыре части. Засаекаем время.

Они разделили время и договорились. Прошла планёрка, что будет ночью и что будет утром. Все распределились, устроились, улеглись. В пещере было тепло. Буран по-прежнему бушевал, но казалось, что он стал тише.

– Утро вечера мудренее, – произнёс перед укладыванием Сергей Александрович.

Он первый остался дежурить. Маргарита Григорьевна улеглась на своё место, повернувшись лицом к стене. Сон наваливался, несмотря на все переживания, словно грома огромных пуховых матрасов. Глаза закрылись, и тут же наплыли образы: буран, буран, буран, мелькающие лица, мелькающие фигуры и снова буран, буран, буран,

ревуший, грохочущий... Она провалилась в сон. Перед ней появилось плато. Маргарита снова увидела надвигающуюся снежную стену, нарастающий грохот, напряжённое лицо мужа, который произносит: «Держись, Россия, и не такое переживали!». И снова стена снега, и снова лицо мужа со словами: «Держись, Россия!». И снова, и снова, и снова... Как заезженная пластинка, как переломный момент, как что-то важное, что она не может понять, но это так необходимо. И после этого тьма – она провалилась в сон без сновидений. Только в один момент сквозь сон она почувствовала, что муж улёгся рядом, обняв её. И стало теплее, она уснула ещё глубже.

Пробуждение настало от писклявого тенора, которым Рустам крикнул: «Рота, подъём!», подражая Сергею Александровичу. Все стали просыпаться, подниматься, готовиться к завтраку. Само собой, уже делались вылазки вглубь пещеры для того, чтобы найти место для мужского и женского туалета, что прошло абсолютно благополучно. Маргарита Григорьевна с облегчением поймала себя на мысли о том, что, по крайней мере, до этого момента никакие люди из темноты не появились. Ей хотелось поскорее выбраться оттуда, чтобы уничтожить эту вероятность полностью.

После завтрака Сергей Александрович произнёс: «Всё, собираем вещи». Буран по-прежнему гудел, но он стал явно слабее. Маргарита Григорьевна обратила внимание, что на ребятах лица не было. Кто-то шмыгал носом, кто-то покашливал.

– Похоже, это грипп распространяется, или, может быть, простыли от переохлаждения. Да, подвели нас синоптики. Впрочем, какие тут синоптики, – она вспомнила всё, что было за последние сутки.

– Буран, кажется, утихает, выдвигаемся обратно, начинайте собираться! – объявил Сергей Александрович.

Ребята приободрились.

Выбраться из пещеры оказалось сложнее, чем в неё забраться. За ночь намело горы снега. На приготовления к обратной дороге ушло довольно много времени, даже пришлось отдохнуть. Проблема состояла в том, что все изрядно вымотались, многие подпростыли, а ещё необходимо было везти Максима на больших волокушах. Наконец-то распределились, собрались, выстроились и двинулись в путь.

Через некоторое время буран начал стихать. Шли медленно из-за усталости и простуды и неимоверного количества рыхлого снега, по которому передвигаться гораздо труднее.

Наконец буран окончательно прекратился, тучи рассеялись и показалось ярко-голубое небо, на котором ослепительно засияло солнышко. Ребята, улыбаясь, шутили от нестерпимой снежной белизны. Однако на скорость передвижения это не повлияло, и после ещё нескольких метров пути девочки запросили сделать привал, признавшись, что не могут идти дальше. Оказалось, что и все остальные тоже уже валяются с ног от усталости, включая и самого Сергея Александровича. И только закалённый в гораздо более экстремальных походах и тренировках Глеб, казалось, не устал совсем, несмотря на то, что именно он нацепил на себя большую часть груза, и, помимо этого, к его поясу были прикреплены ремни от волокуш, на которых он вёз Максима.

Маргарита Григорьевна тоже неимоверно устала и была рада привалу.

– Как же дальше будем двигаться, если они совсем не могут идти? – подойдя к мужу, тихо спросила она.

Сергей Александрович пожал плечами:

– Будем ждать, пока у них появятся силы, в крайнем случае, я тоже кого-нибудь повезу на волокушах, – ответил он, задумчиво оглядывая ребят, усевшихся на свои рюкзаки.

В этот момент послышалось какое-то жужжание, все насторожились. Жужжание нарастало, пока не превратилось в отдалённый рёв, подобный рёву мотоциклов. Ребята вскочили, стали оглядываться. Из-за отдалённых деревьев и снежных барханов, двигаясь почти параллельно, один за другим показались несколько снегоходов. Сергей Александрович начал размахивать руками, потом, подняв снятые лыжи повыше, он начал размахивать ими, некоторые из ребят последовали его примеру. Один из снегоходов слегка развернулся и поехал прямо к ним. За ним двинулись остальные снегоходы, выправив курс. Через пару мгновений вокруг стояло несколько снегоходов, а остальные, получив отбой по рации, уже двинулись в обратном направлении. Сотрудники МЧС помогали отряду сталкеров загружать вещи и размещали по снегоходам их самих. Медики оказывали первую помощь Максиму и некоторым из ребят.

«Вот и всё! Вот и хэппи энд!» – подумал Сергей Александрович, последним забираясь на снегоход.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЭПИЛОГ

– Папа с мамой приехали! Папа с мамой приехали! – не помня себя от счастья, кричала Катюша, прыгая у окна, за которым по тропинке подходили к дому её ненаглядные родители.

– Осторожно, Катенька, не ударься! – приговаривала бабушка, хотя ей самой хотелось прыгать от радости.

Но Катюша уже убежала в прихожую и бросилась обнимать едва вошедших родителей.

– Катенька, доченька моя! – наконец-то вслух произнесла Маргарита Григорьевна, задыхаясь от нахлынувших слёз. – Мы так по тебе соскучились, котёночек наш!

– Я тоже! Я тоже! – кричала Катюша, плача и смеясь одновременно.

Сергей Александрович смахнул невольную слезу, обнимая своих драгоценных девочек. Бабушка вытирала глаза платочком и улыбалась, а дедушка с мужественным видом вышел из прихожей в комнату накрывать на стол, он не хотел, чтобы кто-то заметил, что и его переполняют чувства.

За обедом Катюшины родители очень коротко и выборочно, чтобы не травмировать детскую психику, рассказали обо всём произошедшем с ними за это время. Потом бабушка, задав несколько вопросов, в свою очередь рассказала, как ждали, беспокоились и как переносила разлуку Катюша.

Домой семья Гуровых вернулась ближе к вечеру. Какое это было счастье – снова оказаться дома, всем вместе!

После этих событий Максим отлежал в больнице и вернулся домой шестого января. Седьмого, в Рождество, у него был день рождения. Поздравить его собрался весь «Клуб сталкеров» и некоторые родственники. Максим заканчивал лечение дома и ещё не успел отойти от болезни полностью. Зато те из ребят, кто тоже заболели, выздоровели на удивление быстро. Сказывалась деревенская закалка, крепкое сибирское здоровье и здоровый образ жизни, который ребята так полюбили. Что самое интересное, ребята, включая даже Сашу Гарина, решили сразу после дня рождения пойти все вместе на Рождественскую праздничную службу.

Гости, заходя один за другим, поздравляли именинника, устраивались за столом и тут же включались в бурное общение. Девочки помога-

ли родителям Максима накрывать на стол, что не мешало им активно участвовать в общении. Обсуждали в основном прошедший поход. Ребята почти не виделись за эти дни и впервые собрались после похода. По особому оживлению и радости видно было, что они сильно соскучились друг по другу.

Новогодние события обсуждали не только ребята, но и все взрослые. Ещё бы! Таких событий в посёлке не происходило никогда. Говорили не только о переделке, в которую попали наши отважные герои, но и о самой новогодней природной аномалии. Такой ужасный буран, да ещё и в новогоднюю ночь, не случался никогда. За какие-то сутки деревню замело местами по самые крыши. Дороги засыпало настолько, что при максимально усиленной работе соответствующих служб расчистить их удалось только третьего числа, хотя к работам приступили ещё первого. Похожая ситуация была во всём районе да и почти по всему югу Кемеровской области.

Жители посёлка с героическим упорством самостоятельно расчищали свои дворы, тропинки и подъезды к дому, многие помогали соседям и родственникам, которым такая работа была не по силам из-за состояния здоровья или возраста. Конечно, больше всего местные жители были шокированы известием о пропаже экспедиции школьников. Весть об этом разнеслась по деревне молниеносно, поэтому переживали все, и поэтому же, когда эмчээсники привезли ребят обратно, в посёлке начался настоящий праздник.

Об этих событиях написали в местной газете и рассказали в новостях по местному телевидению. Правда, больше говорили об аномально мощном буране, а о пропавших ребятах упомянули лишь вскользь, всё-таки никто не погиб, да и ребята сразу нашлись, как только кончился буран.

Зато тем, кто был в этом походе, всё произошедшее навсегда врезалось в память как событие, глубоко потрясшее и изменившее каждого из участников экспедиции навсегда. Эту перемену заметили и родители ребят, потому что те, вернувшись домой, стали словно шёлковые, всегда слушались и всё свободное время с жадностью читали книжки. Родители же пребывали от этой перемены в положительном шоке. Больше всего удивлялись родители Андрея и Кости. Они изменились до неузнаваемости. Помимо прочего, ребята изо всех сил старались разговаривать вежливо, культурно и правильно. Сменили стиль в одежде на максимально приличный в

их понимании. Они перестали общаться с соседом Колькой и, как и остальные сталкеры, засели за книжки, прочитав в первую очередь «Повесть о настоящем человеке». На вопросы родителей, в чём причина таких разительных перемен, все ребята сбивчиво пытались объяснить про какие-то жизненные экзамены, которые они прошли на Новый год. Но родители никак не могли понять, что же их дети имеют в виду. Впрочем, им было вполне достаточно того, что перемены, произошедшие в их обожаемых чадах, являлись положительными.

После праздничного обеда и поздравлений наши «сталкеры», включая Сергея Александровича и Маргариту Григорьевну, собрались отдельным кружком. Остальные гости, представляющие собой исключительно взрослых пьющих родственников, как обычно, завели бытовые разглагольствования, ничего и никого не замечая вокруг, кто не вписывался в их разговоры.

— Знаете, ребята, — произнёс Сергей Александрович, загадочно улыбаясь, — во всей этой истории остался один непонятный момент, — он оглядел окружающих. — Что же это всё-таки было за свечение?

Ребята начали заинтригованно переглядываться.

— Может, НЛО? — с надеждой предположила Лена.

— Вообще непонятно, это событие остаётся под вопросом! — ответил Сергей Александрович.

— И ещё одно событие тоже остаётся непонятным, — подхватила Даша, — откуда взялась пещера? Ведь, по официальной версии, никаких входов в пещеры больше не оставалось!

— Да, это очень загадочный момент, — ответил Сергей Александрович, — но по нему хотя бы появилась официальная версия. Я разговаривал с одним учёным-геологом. Так вот, он предполагает, что мы были у одной скалы, у которой большая её часть нависала над землёй, её вес много лет давил, притягивая этот кусок вниз. Рано или поздно он должен был рухнуть, что, по всей видимости, и произошло этой зимой, под весом снега и льда и давлением ветров этот кусок откололся. Это бы объясняло, почему на плато было так мало снега. Ну и, соответственно, отколовшись, кусок просто вскрыл одну из веток пещеры!

Ребята слушали ошеломлённо.

— Дядя Гуру, ну мы же летом пойдём туда на три дня? — выпалил Андрей.

— Не обещаем, — ответил Сергей Александрович, переглянувшись с Маргаритой Григорьевной, — слишком рискованно! Слишком много нюансов!

— Ну пожалуйста! Пожалуйста! — начали уговаривать ребята.

— Если будет возможно, то мы постараемся это организовать! — пообещала Маргарита Григорьевна.

— Ура!!! — вполголоса закричали ребята.

Остальные гости на пару секунд оторвались от бытовых разговоров, взглянув на ребят непонимающими взглядами.

— Знаете, — начал Рустам доверительным тоном, — а я прям замечтал, чтобы про наш поход была написана книга и снят фильм!

— А у меня есть по этому поводу новость, — радостным голосом ответила Маргарита Григорьевна. — Конечно, фильм — это очень здорово, но пока нереально. Зато я решила написать о нашем походе книгу и назвать её «Экзамен в новогоднюю ночь»!

— Ура! — опять вполголоса закричали ребята.

Родственники точно так же повернулись к ним на пару секунд и отвернулись, как ни в чём не бывало продолжив свои разговоры.

— А где есть книга, там могут и кино снять! — с улыбкой произнёс Сергей Александрович.

— Ура!!! — в третий раз сказали ребята, но уже тише, чем в предыдущие разы. Сейчас родственники даже не повернулись.

— Постой, но ведь ты же писала другую книгу? — вдруг вспомнил Сергей Александрович.

— Я решила сначала написать книгу о нашем походе. Ты ведь будешь мне помогать?

— Конечно, я сделаю всё, что в моих силах! И за это надо выпить! — Сергей Александрович взял со стола большой графин с вишнёвым компотом и разлил по бокалам.

— С днём рождения! — говорили ребята, чокаясь.

— И чтобы все желания, загаданные на Новый год, сбылись! — добавила Лиза Ёж.

— Ура! — ребята начали пить компот, с общим ностальгическим чувством по прошедшему приключению.

Вечером ребята вместе отправились на Рождественскую службу. Этот незабываемый вечер остался в их памяти, наполненный ореолом счастья, одухотворённости и мечты.

И каждый знал, что самое интересное и важное ещё впереди!

**Константин
СТАФИЕВСКИЙ**

**БУДЬ МОИМ
ПАССАЖИРОМ**

* * *

Горстка пепла – вчерашний день,
Разглядеть бы, найти следы.
Подниматься сегодня лень,
Чтоб туда напрямиком, где ты...

В теле слабость – убит дождём.
Голова тяжелее плеч.
Потому что он день за днём
Не желает воды сберечь.

Как листву подарить ветрам?
Пусть развеют да разнесут
За пределами этих рам
Лучше в поле или в лесу...

Стану завтра в ботинках спать:
Так теплее бродить во сне.
Лишь билет и ручная кладь,
Чтоб досрочно к тебе, к весне.

КТО Я?

Кто я,
Если не память моя о тебе?
Самое время подобному приключиться:
Двое заговорили на неведомом языке,
Зашевелились в отражении окон лица.

Кто я,
если тебя изнутри отобрать?
Кто я такой, если тебя, не найдя, покинуть?
Так и приходится в двери стучать декабря,
Смотреть зиме уходящей выстрелом в спину.

Всего-то пару шагов, несколько вдохов в грудь.
Дорога возникает под ногами того,
кто может...

57 Время прозрачно-призрачно, только не обессудь.
По крайней мере, двоих оно уже не тревожит.

Так ведь уже бывало с тобой не раз.
Невидим – не значит ещё, что нету.
Прислушайся к цвету знакомых глаз,
К звучанию приглядишься ответа.

Двое заговорили на неведомом языке.
Слышишь, снова скрипучие половицы?
Кто я?
Ходит память моя о тебе,
Перешёптывает слова о любви в страницы...

* * *

Завяжи мне глаза
Лентой солнечной грёз,
Уведи меня за...
За тобой я, как пёс.

Стафиевский Константин Евгеньевич родился 23 июля 1988 года в городе Кемерово. Окончил факультет филологии и журналистики КемГУ. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса», «Университет культуры», «Рабочая тетрадь», в альманахах «Свой голос», «Кемерово – город поэтов», «Образ». Автор пяти книг стихов. Работает методистом в ГУ «Губернаторский культурный центр «Юные дарования Кузбасса». Живёт в Кемерово.

Тишиной тайных троп
Проведи меня в лес,
Где бы я тоже смог
Опьянеть от чудес!

Босиком по траве
Проведи, не боясь,
Чтоб мечта в голове
Загорелась, искрясь,

Чтобы ветер меня
Обхлестал по щекам.
Как по зову огня,
Я пойду туда сам.

Хоть полвека в пути
С жизнью наперевес,
Покажи, как идти
В этот сказочный лес.

Чуйка – компас души,
Шаг на запах и звук.
Лес обняться спешит
Стообъятием рук.

Проведи меня, лис,
В свой нехоженный лес.
И одна только мысль:
Хорошо, что ты есть.

ПАССАЖИР

Будь моим пассажиром в моём вагоне.
Старый билет достань или хочешь – зайцем.
Дождь окропил весь город и стёкла моет...
Забудь свою сумку, оставь отпечатки пальцев.

Будь моим пассажиром. Давай уедем
Под этот грохот колёс хоть куда, как скажешь.
Пусть не все у нас дома – пусть мы бредим –
Нет ничего серьезней и вечней даже.

Будь моим пассажиром и кинь монетку:
Где тебе выйти, а сколько ещё проехать.
Оставь половину билета на счастье, метко
Взорви свой сон внезапной гранатой смеха.

Будь моим пассажиром. Сойди не глядя,
Наступи в закат на одной из заблудших
станций.

И два раза в один и тот же вагон не надо,
Ни ответов не будет, ни ожиданий,
ни сатисфакций.

Я ИДУ

Путь-дорога вьётся змеем,
По асфальтовым крупцам
Я иду. Одновременно
Фонари включают лица.

Небо скошено, как поле,
И уже совсем немного...
Я иду по кромке боли,
Словно зверь в свою берлогу.

Сквозь неоновые цепи,
Рельсы, провода, витрины.
Запредельна боли степень,
Путь пройдя до половины.

В городских лохматых джунглях
Среди сотен глаз и тысяч
Обжигает боль, как угли, –
Твоё имя можно высечь!

И оно пойдёт со мною,
Поведёт на щебет птичий!
А прошедший путь откроет
Свет любви и тьму различий.

Ход часов в небесном поле –
Время не остановимо.
Каждый шаг – по Божьей воле:
Боль – под дых, а Он обнимет.

* * *

Фонарь лохматый и взъерошенный,
кусок вылизывает улицы,
пока с утра летит не прощенный
снег, теми, кто сейчас обучается,

начнёт его ровнять под пятками,
спеша, кормить себя заботами.
а мозг засыпан непонятками,
сопровождается зевотами.

Приносят снег в свои автобусы
и не дают водой придуматься.
Фонарь стоит – пригладил волосы
До без ума на белой улице.

ПУТЬ

Брось на землю ноги –
Побежим летать,
Новые дороги
Надо выбирать.
Новые пределы
В запределье дней,
Брось на землю смело
Кожу всех теней.
Прочь асфальтов тяжесть,
Панцирь из костей.
Пусть на землю ляжет
Пропасть плоскостей.
Побежим забыться,
Чтобы улететь.
Дай нам окрылиться,

Дай свободу впредь,
Высота над нами,
А под нами тишь.
Полыхает пламя,
Если ты стоишь.
Торопись к полёту
Без границ и сна,
На крылатость квоту
Выдаёт весна.
Неужели, Боже,
Может быть легко?
Больше не тревожит
Груз из позвонков,
Ни коробка рёбер
И ни клетка-грудь.
Боже мой, так добр
Облегчённый путь.

Представление пятого номера журнала «Огни Кузбасса»

**Роман
КИШОЧКИН**

ЛЕТНИЕ

Рассказ

По воде шли круги, моё лицо стало неразборчивым и шло волнами. В озере барахтались мои старые «курортные» друзья, веселились вовсю, обливали друг друга и звали меня в воду.

– Даня! Двигай к нам! – кричала Катя, отбиваясь от водных атак Кости и Вани.

Вода была тёплая и чистая, но я тут на всё лето и это не последний шанс искупаться. Местные любили это место, хоть оно и непригодно для купания, даже знаки стояли, но кого волнует?

Солнце палило из всех сил и сильно припекало мне плечи. Мы отправились сюда на велосипед, пара километров за город по просёлочной дороге – и вот, одно из немногочисленных «туристических» мест здесь. Если бы не среда, тут было бы много народу, и плевать, что ехать сюда по ухабам и разбитой дороге – впереди тебя ждёт тёплая, а самое главное – чистая вода.

Удивительно, но люди ухаживали за водоёмом, никакого мусора тут не было, повсюду стояли импровизированные баки для мусора, сделанные из бочек. На берегу сидела пара рыбаков, они что-то бурно обсуждали, жестикулируя, иногда посматривая в нашу сторону. Катя раз даже помахала им, рассмеявшись, ей помахали в ответ. Всегда горжусь тем, что знаю такого открытого человека.

Этим летом меня никто здесь не ждал. Я всеми способами увиливал от ответа на вопрос:

«Приедешь летом?». Хотелось сделать сюрприз для «курортных» приятелей. Поездка сюда как поездка в лагерь, ведь мы все из разных городов. Не очень хотелось ехать куда-то в этом году. Да, я хотел пропекаться, как пирог, в своей панельной многоэтажке и наслаждаться плюсами городской жизни, но всё неожиданно пошло не так. Мне в голову ударила тоска, а потом пришло понимание, что дома меня не ждёт счастливый отдых, он ждёт меня там, за сотню километров от родных пенатов. И вот я здесь, у воды. Снова.

Вопреки всем стереотипам про каникулы у бабушки я всегда проводил их у своей тёти. Имея небольшую двухкомнатную квартиру в ипотеку, изящное имя Виолетта и сорокалетний жизненный стаж, она всегда рада принять меня у себя дома и поэксплуатировать детский труд в своём саду. В последнем никто из нас не видит ничего плохого, у нас отличные отношения и схожие вкусы. Она сейчас бы не отказалась освежиться в озере, но сверхурочная работа требует жертв ради большего дохода.

«Курортная» троица наслаждалась водными процедурами, а я всё ещё стоял у воды.

Почему «курортная»?

Это мы придумали пару лет назад, когда кто-то из нас сравнил отдых в провинции со своеобразным курортом, а потом я пошутил про курортные романы. Определение «курортные»

теперь используется в любой подходящий момент. Да, звучит нелепо, но для нас оно имеет особый смысл.

По правде говоря, мы никогда особо не были увлечены общением друг с другом вне каникул. Просто потому, что нам хватало впечатлений от лета и с сентября начинался ад, круги которого с каждым годом становились всё сложнее и сложнее.

Да, мы писали друг другу какое-то время после отъезда, но потом диалог медленно обрывался. Он тонул под слоем более близких друзей и более важных дел...

Но летом всё было иначе. Летом наружу прорывалось желание всегда быть вместе и не упустить ни одного шанса пережить невероятные моменты рядом друг с другом.

В каждом участнике любой компании есть что-то особенное, и мы не стали исключением.

Сначала о лидере – безусловно, это Костя. Невысокий рост парня не мешал ему быть нашим «ведущим», да и его любовь к футболу (то бишь к спорту) сделала из него довольно сильного игрока и стратега. Этот парень постоянно что-то прокручивал в голове, всё время хотел движения и всё время, как воронка, затягивал нас в этот «бесконечный движ».

Ваня – немного стеснительный и робкий элемент, но, несмотря на всё это, всегда с пеной у рта отстаивает важность «наличия при себе еды с водой, заряженных телефонов и пауэрбанка (портативный аккумулятор)». С ним точно не пропадёшь в какой-нибудь глуши. В рюкзаке, который он постоянно с собой таскает, есть практически всё. Среди нас ходит легенда про то, что там находится чёрная дыра, при неосторожном обращении с которой можно отправить туда всю планету.

Что бы мы ни сочиняли, строгая и иногда жёсткая Катерина Романовна обязательно упрекнёт нас в незрелости и одарит неприятным взглядом, перед которым не устоит никто из нас. Отвергая все условности, она всегда зрит в корень, отсекает всё лишнее, вообще она «мозг» нашей шайки. Здорово сочетает в себе и озорство, и уже названную открытость миру, и собранность, когда нужно, и, конечно, девичью романтику с обаянием. Как она такой получилась, никто не знает, но все её такую любят и уважают.

Если вам хочется узнать что-то обо мне, то я являюсь в каком-то роде третьей стороной

иногда происходящих конфликтов. Я тот человек, который остановит жаркий спор, выслушает обе стороны и поможет прийти к общему решению или докажет, чьё мнение более верное. Моё спокойствие сложно нарушить, и объективность непоколебима, поэтому я либо прекращаю ссору в зародыше, либо потом «разгребаю» всё, что было сгоряча сказано и сделано... Хорошо, что они ко мне прислушиваются, иначе «курортные» давно бы разошлись по домам и сидели в четырёх стенах, словно никуда и не выезжали.

Поддавшись на уговоры, я забрался в воду. Только привыкнув к ней через пару минут, я начал получать удовольствие. Катя веселилась и окатывала меня водой, я отвечал ей тем же. Костя и Ваня отправились в заплыв под визг и хохот подруги. Оставлять девушку одну в воде мне не хотелось, поэтому я остался рядом с ней.

– Эй! – окрикнула парней Катя, когда заметила их «свободное плавание». – Не уплывайте далеко!

– Хорошо! – синхронно крикнули в ответ пловцы.

Если бы они начали говорить что-то против, был риск, что она попытается их утопить. Если вы думаете, что хрупкая девушка на это не способна, то вы ошибаетесь. В гневе люди способны на многое.

Минуты спокойного нахождения в воде навевали мысли о прекрасном лете. Таким оно было в прошлом, таким оно может быть и сейчас. Прогноз погоды на ближайшие дни говорил, что начало сезона будет превосходное: до тридцати градусов. Несколько дней безоблачной погоды, обгоревшая кожа и беготня от тени к тени – это ли не настоящее лето?

С каждым месяцем будет добавляться всё больше преимуществ в виде зреющих ягод, овощей и фруктов, которые мы когда-то таскали из чужих садов. Всё потому, что набеги на свои огороды не были такими азартными. Но пару лет назад разряд соли, пролетевший мимо Костяна, заставил нас отказаться от такого экстрима.

Когда парни вернулись, мы вышли из воды и, обтираясь принесёнными полотенцами, стали обсуждать, что будем делать дальше.

– Может, на завод пойдём? – спросила Катя. – Мы туда с прошлого года не ходили.

– Там алкаша зимой нашли. Может, не надо? – Ваня, как всегда, осторожничал.

– Ну и мы кого-нибудь найдём! – ответил Костя, потом засмеялся и хлопнул Ваню по плечу. – Не бойсь, ходячих мертвецов мы не встретим.

– Фу-у-у! – отреагировала Катя.

Она не любила подобных тем. А вот Костя планировал стать военно-полевым хирургом, и его всё устраивало.

– Можно пойти, – я решил поддержать друга, – всё равно делать нечего...

Ваня промолчал, потому что по идее ему было без разницы, куда мы пойдём, самое главное для него – ресурсное обеспечение наших походов.

Немного обсохнув и понежившись на солнце, мы сели на велосипеды и двинулись к городу.

Город был весьма небольшим, население потихоньку уезжало. Молодёжь тут не оставалась, но мы точно не одни наведывались сюда на каникулы. Единственное, на чём держался город, – ламповый завод. Почти вся семья Вани работает на этом заводе, но он сам туда не собирается, потому что владельцы завода совсем не хотят модернизировать производство. Логично, что без модернизации прибыль постепенно падает и в город приходит всё меньше денег.

Что до архитектуры, то она полностью соответствует постсоветскому пространству: большинство жилых домов – это многоэтажки, которым уже почти полтинник, по окраинам города россыпи небольших улиц и частных домов. Есть парочка садовых хозяйств, в которых почти у каждого жителя свой участок.

Мы собирались не на градообразующее предприятие, а на старый (захваченный и разворованный в девяностые) литейный завод. Его большие цеха давно захламлены, там кого только не было в последние лет двадцать, но жизнь уходит из города и криминал за ней. Сейчас там не опасно, только следы прошлого остались повсюду (по словам тех, кто там был). Мы не совались туда, когда были помладше, боялись, да и «детям там делать нечего»... Сегодня в нас бурлит жизнь (вместе с гормонами) и ничто не мешает изучить всё самим.

Главная улица проходила через весь город, мы пробирались по проезжей части, стараясь ехать аккуратно, даже Костя не пытался что-то выудить, это было опасно. Время от времени возвращались на пешеходную часть, если дорога оказывалась сильно загружена.

Асфальт был горячий, и Катя мечтала:

– Вот бы сейчас голыми ногами прям по дороге...

– Да ну, грязно же! – отмахнулся Ваня.

– Ничего ты не понимаешь!.. – я решил поддержать подругу. – Это и правда шикарно.

Девушка замедлила движение и скоро совсем остановилась. Стадный инстинкт сработал, и мы повторили за ней.

Костя недоумевал:

– Чё стоим?

Катя сняла с себя обувь и пошла по плиточному тротуару, я понял, что она не удержалась, и... тоже сняв обувь, пошёл по краю дороги, ведя за собой «железного коня».

– И долго вы так собираетесь тащиться? – лидер был недоволен.

– Костя! – окликнула его Катя. – Если не хочешь «тащиться», давай вперёд, мы догоним, – а потом азартно добавила: – Или перегоним?..

– Спор? – Костю заинтересовали.

– Нафиг споры! – отрезал я. – Успокойтесь и езжайте вперёд, мы догоним!

Костя кинул на меня недовольный взгляд, а потом сорвался с места.

– Меня подожди, блин! – крикнул ему вслед Ваня и отправился догонять друга.

56

«И правда, почему никто так не делает? – подумал я, идя по краю асфальта и представляя, что это горячий песок. – Это же так круто...»

Сначала асфальт обжигал, но я достаточно быстро к этому привык. Мне было всё равно на пыль, всё равно на недоумение некоторых (наверняка несчастных от жары) прохожих. Катя впереди что-то рассказывала про то, как она не хочет учиться, как её задолбали все эти бесконечные контрольные и подготовка к экзаменам, но я почти не слушал её. Меня больше волновало то, почему люди так плохо относятся к внешнему виду своего города и застекляют балконы, как им хочется, а не Катины жалобы на систему образования.

Я учусь дома, это называют семейным образованием. Учёба проходит без попыток упаковать в мою голову кучу ненужной информации. У меня свой график с направлением и только одна цель – сдать все предметы в конце четверти. Если я что-то не сдам, всё будет только на моей совести, а это очень сильно влияет на чувство ответственности. Спасибо родителям. И ещё двум старшим братьям, которые учились так же.

Ходьба по асфальту голыми ступнями нам быстро надоела.

– Ноги теперь грязные, блин! – Катя уже не так радовалась.

– И салфеток влажных нет, – я тоже загрустил.

– У Вани были... – подруга задумалась. – Давай позвоним?

И мы позвонили. Парень был не в восторге от нашей внезапной мании чистоты, но вернулся.

Нам понадобилась вся небольшая пачка влажных салфеток, чтобы привести наши ноги в более-менее нормальный вид, а потом натянуть на них обувь. После забот о чистоте мы поехали на завод.

– Я уже полдороги проехал, а вы... – бурчал Ваня, обгоняя нас двоих, чтобы ехать впереди.

– Ну что поделаться... – я машинально пожал плечами.

– Спасибо, Вань, – поблагодарила Катя.

– Да ладно...

– Нет, правда, спасибо, – упиралась девушка. – Ты нас спас.

– Что б вы делали без меня? – усмехнулся Ваня.

Я засмеялся:

– Я бы так надел!

Катя поддержала меня своим смехом:

– Я тоже! Но у нас же есть ты!

– Без тебя никак! – теперь поддерживал её я.

Мне всегда приятно подбадривать людей, особенно таких, как Ваня, которые прямо расцветают от этого. «Людам важно быть ценными для кого-то, – мне однажды сказала тётя, – хвали кого-нибудь, если он этого заслуживает».

К литейному заводу нужно было ехать довольно долго, через не самые благополучные районы из старых одноэтажных бараков и разбитых дорог, которые когда-то были асфальтом. По этим дорогам иногда проносятся «шедевры отечественного автопрома», да ещё и на такой скорости, словно это гоночный болид, а не машина-ровесница моей бабушки. Кадры редкие, но устрашающие.

Я люблю эти места за деревья, они тут повсюду. Под каждым можно укрыться от палящего солнца, и никаких пальм не надо (но я бы не отказался).

Тихий шелест крон и шум жизни поднимал настроение, а мерная болтовня Кати и Вани о том, где бы восстановить запас салфеток, умиротворяла. Эти районы не похожи на городские, единственное, что нам грозит посреди бела дня, – проколотые стёклами шины. Такое раз

уже было. То, как долго десятилетняя Катя ревла из-за этого, научило нас смотреть не только вперёд, но и под колеса.

Повсюду была обычная жизнь, не городская суматоха.

Здесь люди не ограничивали себя стенами старых домов, они выходили на улицу каждый день. В совсем тесных дворах на лавочках всё ещё собирались люди. Там до сих пор налаживался или укреплялся контакт поколений и обсуждались вечные вопросы.

Дети здесь выходили из дома чаще, чем пару раз в неделю. Они находили больше смысла в том, чтобы побродить по давно известным местам, чем сидеть дома за компьютером и телефоном, никуда не выходя.

Прогресс сюда дошёл, но цифровая эпоха мало повлияла на местных жителей. Здесь сильнее традиции, чем интернет-культура. За таким укладом интересно наблюдать со стороны, но сегодня это длилось недолго.

После «путешествия в прошлое» начинались две дороги, которые вели на междугороднюю трассу (она была прямо перед глазами) и завод. На завод нужно ехать вдоль трассы, по насыпи. Да, для этого была отдельная дорога, которая никуда не делась. По ней можно ездить, не боясь встречи с тяжеловозами, их там практически не бывает.

Справа от технической дороги находится раздражающая четырёхполосная трасса, а слева чистое, непаханое поле с редкими деревьями.

– Ненавижу эту трассу! – выкрикнул я.

– А ты смотри налево, – откликнулся Ваня, – только не ходи, Катя не оценит.

– Иди ты! – хором ответили мы с Катей.

Ваня и Костя предпочитают нас подкалывать, представляя себе, что я и Катя – пара. А всё потому, что мы однажды поцеловались эксперимента ради.

Оба парня пытались вести себя так, словно вообще никак не симпатизировали единственной девушке в нашей компании и она им на фиг не нужна. Но мы-то знаем про открытки Вани пару лет назад, про частые букетики цветов с чьих-то клумб от Костяна и «холодную войну» на этом фронте между ними. Им легче меня с ней представить, чем себя, к сожалению.

Брошенный завод был небольшим. Когда мне впервые рассказывали о нём, я думал, что

он огромный и страшный, а в его глубинах можно найти нечто ужасное, как в фильмах про такие места... Но нет, всё не так, совсем не так.

Большое, но невысокое трёхэтажное здание сложили из красного кирпича. На втором этаже были широкие окна из квадратных секторов, их давно выбили. Теперь солнце через них рисовало острые тени внутри больших цехов. По этим цехам гуляли дети разных возрастов, которых было слышно ещё на подъезде. Для детей это место – невероятные декорации для прятков и разных игр. Сюда даже под запретом едут на велосипедах и проводят кучу времени. Так что не стоит думать, что мы одни такие «экстремалы».

Городские власти отчаянно пытались закрыть тут всё, но не получилось. Снести наверняка не могут, потому что денег нет и, вероятно, не будет.

Внутри здания нас встретила орава детей, лет по десять. Они неслись с палками, но не на нас, а на тех, кто был позади. Дети что-то прокричали про «сдавайтесь, вы окружены» и с улюлюканьем унеслись куда подальше.

Костя нашёлся в глубине здания, он гулял по цехам и рассматривал граффити, которым было, наверное, немало лет.

Надписи, и рисунки, и послания, которые вряд ли видел адресат, – всё это было здесь. Всем кажется, что эти граффити – просто попытка нагадить. Но на самом деле это след, след про себя для себя или кого-то другого, след, который кто-то увидит, а это важно – вот что такое граффити.

– Привет! – поздоровался я, словно мы не виделись сегодня.

– Хай, – сухо бросил приятель, взбалтывая в руке баллончик с краской.

– Откуда он у тебя? – спросил Ваня, подходя к Косте. Ваня взял у него баллончик, рассмотрел и вернул.

– У мелких отобрал, чтоб ерундой не маялись, – ответил парень.

– А сам что будешь делать с ним? – спросила Катя.

Она стояла у стены и смотрела на какой-то пёстрый рисунок. Подойдя ближе, я удивился: кто-то очень искусно нарисовал морду Чеширского Кота. Подруга достала телефон и со вспыхкой сфотографировала шикарный рисунок. Окна были далековато, а для хорошего фото нужно много света.

Костя встряхнул краску и спросил:

– Что рисуем?

– Художники пишут, а не рисуют! – поправила Катя.

– Пикассо местного разлива! – посмеялся я, но потом тоже спросил: – Так что?

И Костя начал писать, ничего не отвечая. Буква за буквой выводилась, и каждый из нас следил за этим с трепетом и думал, что получится. Краска была белой, она перекрывала всё, что было ниже, бросаясь в глаза.

«Здесь были Курортные» – вот что он написал.

– Прикиньте, если мы через год приедем, а надпись будет? – он оглянулся, смотря на нас горящими глазами.

– Посмотрим, – спокойно ответил я.

– Мы в истории! – закричала Катя.

– Не орите, блин... – Ваня, как всегда, был против шума.

По цехам мы рыскали в приподнятом настроении. Повсюду был разбросан мусор (его сюда приносили «гости»), под слоем пыли остались обломки какой-то мебели и килограммы битого стекла. Была даже лестница на второй этаж, разделённый на небольшие комнаты. На втором этаже нам снова встретились дети, но они очень быстро ретировались, словно мы несли какую-то угрозу или нарушали их «тайнство»... Нам было не до них.

Среди не самого чистого воздуха, мрачной атмосферы, мусора и грязи я ощущал себя ребёнком. Сюда не следовало идти, но азартное ощущение нарушенных правил только подстёгивало меня их нарушать.

Катя вовсю веселилась с баллончиком, собрав вокруг себя ораву «мелких» и разрисовывая стены непристойностями, поддерживаемая гулом и смехом. Костя тоже участвовал в этом процессе. Ваня ходил и фотографировал «очень атмосферное» место, я помогал ему выбирать лучшие кадры.

Помню, как мы приехали одним летом, а в его руки попал цифровой фотоаппарат – вся память его была забита уже через неделю. Мы потом всей компанией сидели и отбирали лучшие фотографии. Некоторые из них даже попали в семейный фотоальбом, хотя там не было людей, это просто был окружающий мир.

Когда баллончик был использован, лучшие кадры отсняты, а дети разошлись, «курортные»

тоже решили пойти по домам. Солнце скоро должно было зайти, мы явно провели на заводе больше времени, чем планировали. Кате с Ваней уже звонили родители, которые всегда за них очень переживали. У них двоих даже телефон появился быстрее, чем у меня и Кости.

Путь назад был обыденным, я уже ни на что не обращал внимания, просто переваривая всё, что было пережито за день. Ещё пару дней назад я парился в плацкарте, обсуждая с пенсионером последние новости и отстаивая ценности своего поколения, а уже сегодня я провёл, безусловно, один из лучших дней начавшегося лета.

Солнце уже не пыталось испепелить всё вокруг, так что люди постепенно выползали из своих домов и гуляли по улицам. Все хотели отдохнуть и получить удовольствие от лета, а не только дискомфорт от жары. Если днём мы были одни на велосипедах, то сейчас существовала опасность с кем-то столкнуться. Нам пришлось уйти на проезжую часть, соблюдая все правила.

Обязательный «обряд» после прогулок состоял из сопровождения каждого из нас до дома. Обычно я всегда был последним и шёл домой один. Ничего не имею против этого, ведь если тот же Ваня после весёлого и энергичного дня будет тащиться домой в одиночестве, ему будет грустно, а вот если буду идти в одиночестве я – мне будет всё равно. Всё равно, потому что мне будет о чём подумать и чем заняться по пути домой.

Подъехав к дому Кати, мы позволили ей обнять каждого из нас, подождали, пока дверь подъезда за ней захлопнется, и двинулись с места. Однажды подруга повредила ногу на одной из прогулок и мы две недели гуляли только в её дворе – за это время я и полюбил его за тишину

и домашнюю атмосферу развешенного на верёвках белья.

У Вани всё, наоборот, вгоняло в какую-то тоску... Тоску по нормальному асфальту и лавочкам у подъездов, потому что ни того, ни другого здесь не было. В остальном это был обычный квадратный двор, окружённый панельными многоэтажками. Бросив сухое «пока», он ушёл, а мы с Костяном не стали дожидаться, пока он скроется из виду, и очень быстро скрылись сами.

Район Кости был благополучнее, чем тот, через который мы проезжали днём. Здесь дома были разных размеров и этажности, за всем ухаживали, «тут всё цветёт и пахнет», как говорит отец Кости. В лучах закатного солнца дома выглядели особенно красиво. По дороге нам встретилась бабушка, которая вела козу, здесь вообще почти у всех живность, словно ты приезжаешь в деревню.

Дом у Кости был добротный, двухэтажный, построенный ещё его дедушкой, который до сих пор в этом доме живёт. Я никогда не жалел о том, что провожал его, потому что мне всегда приятно было увидеть кого-то из его родных и поболтать с ними, но сегодня такого случая не представилось.

Стоя у невысокого штакетного забора, я смотрел на то, как друг завёл велосипед в ограду и поставил его рядом с домом, потом Костя пошёл ко мне, чтобы попрощаться.

– Ну давай, до завтра! – с этими словами он крепко пожал мне руку.

– Пока, – я помахал рукой, уже собрался тронуться с места, но меня вдруг остановили:

– Круто, что ты приехал, ты ж не хотел...

– Я ошибался, – улыбнувшись, ответил я. – До завтра.

– До завтра.

**Альберт
ВАЛЬГЕР**

ВСЁ ОТ ЛЮБВИ

I

не знаю, в чём ты себя ограничивал: в любви или в одной ложке сахара в чай. не переживай, конечно, это не будет хронически, хотя, умоляю, не бросайся из крайности в край.

ты ещё нужен кому-то настоящий определённо, со своею глупой улыбкой, немного изнеможённый, даже глубоко, как тебе кажется, равнодушный. успокойся, эта детская наивность пока простительна, простительно, что ты безрассудный.

закаляйся, дорогой мой, временем, которого и так не хватает. обращай с ним, как Иисус с Иудой, будь с ним, прошу тебя, трепетней. в конечном итоге оно тебя забудет, сотрёт, как хозяйственная мать стирает пыль с полки, выбросит на растерзание Бесконечности, а твоё тело будут ласкать посмертные доски.

а пока ты не превратился в перегой, пока тебя не сорвали с клумбы, обещаю тебе, что этот текст станет для тебя отправной

той самой

точкой.

II

зудящие движения серой жидкости так или иначе вынуждают ощущать хоть раз, мягко говоря, странные мысли и остатки животной дикости, а после привыкаешь, смирясь. перестаёшь бороться, принимаешь себя всецело, не деля на два: ведь, собственно, какая разница, если понимаешь себя едва?

и даже карманные демоны, воющие во зги, листают Коран, Библию и Трипитаку, чтобы понять сущность, понять человеческие душу и мозги. а за сим бросаются в ничего, представляя из себя последнюю шавку, крича папе-дьяволу: «Пожалуйста, спаси!».

пытаясь постичь своих братьев меньших, ангелы, прячась в ризах, казулах и на небе в иерархических кругах, ночью не задувают звёзды и в храмах свечи, а приняв грех, лежат либо в конвульсиях, либо в спасительных мольбах.

сестры Мойры отказались от вышивания и отправились в ждущий всех Питер, убрав из человеческого кода различные оковные предсказания, стерев запятые, точки и мест смерти литер, прописав: «Санта Муэрте сможет сам».

тем временем ты отправляешься космическую пыль вытрясти из ковров
и из брэнной оболочки. вместо пера – стекло, которым на ней нервным курсивом напишешь самые
важные строчки: «Обиженное свободой существо
нуждается в любви и понимании.

P. S.

чертовски».

III

разрисованные красивыми словами листы летят в камин,
на которых чаще всего пустота горит последней.
после броска должен сказать: «Devil, dear, please, come in»,
но не сможешь – молчишь до окончания ступней
и жизни,

как наивный мальчишка, что будто постоянно один,
постоянно лишний.

а мог бы...

хотя знаешь, Вася, или любое другое имя, никогда ничего никому ты не должен. и пойми, дорогой,
это основа, константа, что древнее Рима,

даже если от этого мы в углу нервно гложем, наблюдая за мазутным облаком через измызганное
стекло, которое то ли вены, то ли остатки Солнца режет.

и ты, бедняжка-поэтик, знаешь, что слово – ком, вызывающий фонтанирующий душевный скрежет,
потом – отдышка, отсутствие сердцебиения... и в итоге стихи пишет не человек, а нежить.

но пойми же, пойми, что даже этот, свесивший ноги понимает:

всё от любви.

И всё

для

неё

же.

IV

хруст пальцев, стук клавиш, смог, витающий в облаках однушки под потолком, где каждый уже не
прав, где каждый уже не смог молчать о своём больном, потому что человек – дурак, оклеветавший
себя нулём. потому что так проще жить, не сражаясь и не борясь. научиться лишь только б выть
и выходить, когда Луна покажется в последний раз.

а кто-то из храма вон бежит в опустевший лес, где призраки без имён волочат могильный крест. и
курит, смотря вперёд, сминая траву и боль в трясущемся кулаке и завещаая: «Коль и сейчас не смог,
попробую и смогу теперь». и, бросив бычок в закат, бежит сквозь ветки, мглу, сшибая ночную тишь,
садится на берегу, колышет морскую гладь и медленно, будто вновь, идёт по воде домой.

а ты, одинокий мой, продолжай отрицать чудеса, продолжай говорить, что, мол, я большой и всё
это ерунда...

...дурачок...

V

ну, привет, мои милые твари беспросветной внутренней мглы. я скучал по вам, честно. вы ждали?
нацепите, прошу, кандалы. я уже совсем не ребёнок – вместо ваз разбиваю сердца. усмирите мой
след воронёный, всё равно – любая не та.

та – что в голове убийственна вместо рака; пятая стадия – петля из ландышей. из её любимых
цветов. потому что под рёбрами, кстати, вместо бабочек сотни опарышей, а над ними – миллионы
швов.

ну что, мои дорогие, любимые твари, почему лишь сегодня аншлаг? приходите в каждом кошмаре, чтобы не видеть последний шаг, после которого только горечь, шире душевная бездна и тоска. поймите, я тоже утопленник, пусть и не в море, а новое лезвие – вместо смычка...

VI

выжми меня,
как мокрую тряпку,
а после, если хочешь, –
бросай.
ты будешь гулять
по мокрому парку,
где каждый второй –
бонсай.
где вместо листвы жалкие листочки с глупостями о любви, где под корой либо боль, либо горечь, но
ты, прошу, не беги. вчитывайся, прикасайся, чувствуй, считай шаги...
один, два...
в памяти шумят вечера на какой-нибудь шаткой крыше, где теперь и не ты, и не я, где отныне
намного тише, где не слышен ни смех, ни взмах голубиных широких крыльев, под которые кружили
вальс, поднимаясь немного выше.
...двадцать четыре, двадцать пять...
ночь. мостовая площадь, вымощенная бесконечным счастьем наших прогулок, на которой ты,
наверное, заговором погоды рот заткнула, ведь совершенно никакого морского оскала, ветряного
гула.
лишь.
только.
ты.
...сорок девять, пятьдесят...
въевшаяся в меня любовь, как конский волос... «Пожалуйста, не трогай, не вытаскивай», – рыдающе
сообщает тебе некогда знакомый голос, который не может правильно решить: выпилиться или
хотя бы попробовать дальше жить?
...семьдесят шесть, семьдесят семь...
проведу по груди там, где бегут сейчас мурашки, там, где должна быть душа. я не Прометей и
печень склевали не орлы, а алкогольные птички, вероятно, и другие внутренности круша. но,
наверное, оставят чёртово сердце, ведь тебя вместе с ним и не вывести, и не срезать.
...девяносто девять, сто.
выжми меня,
мокрую тряпку.

Полина
ЛЕОНЧИК

ФАТА-МОРГАНА

Рассказ

Она открыла дверь, быстрее вышла, спрятав руки в карманы. Пряча шею в капюшоне пуховика, Леся опустила голову и смотрела под ноги. Увидев бежевый снег, она не смогла справиться с чувством любопытства и подняла взгляд: январский рассвет всё вокруг залил персиковыми красками. Мягкий, ласкающий луч солнца не слепил глаза, и Леся шла в столовую, не отрывая взгляд от нежно-оранжевого неба в светлых облаках.

Приближающаяся чёрная точка, которой был новый знакомый Гриша, забрала на себя внимание лишь ненадолго, и Леся продолжила рассматривать причудливые полосы природы, творщей такие чудесные образы. Она стала сравнивать это небо с другим, какое она обычно видит в своём городе, и не находила ничего общего. Было холодно, но румяна небосклона грели Лесю.

— Кого выглядываешь? Я тебя уже здесь жду, — вдруг раздался резкий голос Марка.

Он обнял её и не выпускал ещё минуты три, пока она не вспомнила, что на улице холодно и лучше было бы войти в столовую.

— Я никого не выглядывала. Рассвет красивый, — говорила Леся, снимая шапку и уже улавливая аромат предстоящего завтрака, вернувшего её из ласковых мечтаний.

— Точно никого?

— Точно. Я же говорю: рассвет красивый.

— Хорошо, никого — значит, никого.

63

Хотя бы здесь Марк мог контролировать общение Леси — они жили в разных городах, и встреча в лагере была единственной возможностью насладиться общением друг с другом. Будь их воля, часами напролёт проводили бы они время вместе. Как бы эта пара ни хотела оказаться в одном отряде, всё же их разъединили, поскольку Марк защищал инженерный проект, Леся — работу по французской лингвистике. Раздельное пребывание не омрачало их будни: в своих отрядах им было уютно, комфортно, кроме того, обнаружились хорошие собеседники по интересам. Однако даже в столовой Марк следил, не перейдёт ли кто-нибудь черту общения только по интересам.

— Как думаешь, ты что-нибудь заняла? — спрашивал Марк, придерживая при выходе из столовой дверь.

— У всех были достойные работы. Очень понравился доклад Вики, я желаю ей победы. Она уверенно держалась, владела информацией. А как она отвечала на вопросы! Я не могу передать это словами, тебе надо её слышать.

— Зачем? Я и так знаю, что ты лучше. Ты разве не так же выступала?

— Может быть, и так, но со стороны всегда виднее. Я не беру себя в расчёт, поэтому говорю, что Вика — лучшая, и этому есть основание верить.

Но Марк уже не слушал её: они дошли до угла, на котором их пути до корпуса разделялись, поэтому он обнял её на прощание.

– Ты же придёшь сегодня ко мне? Я договарюсь, чтобы все ушли.

– Да, наверное, – ответила Леся, обняла его, после чего они разошлись.

Она оглянулась, чтобы посмотреть, как он дойдёт до корпуса. Леся вновь проводила его взглядом до входа, а с ним вновь ничего не случилось. Мимо прошёл Гриша. Она перевела взгляд на небо, которое не было уже таким неестественно-фруктовым – привычная голубая краска залила всё пространство над землёй.

Хватит смотреть! Пора на лекции.

Вновь лекции. Вчера был очный этап конференции, к которому так усиленно готовились лингвисты целую неделю, посещая занятия с ведущими педагогами области. Но учителя с ними не только твердили наизусть этимологию, транскрипцию, правила перевода, но и старались наладить общение между школьниками: лучше всего язык познаётся во взаимодействии. Им даже было дано задание составить и разыграть полилог. Леся и Лёня, мальчик из другого отряда лингвистов-англичан, шефство над которым взяла Леся, составили диалог про Монблан – красивая и достаточно знаменитая достопримечательность Франции помогла бы любому «англичанину», по мнению Леси, завязать разговор. Полилоги были готовы, и все ждали представления французских мини-сценок, но на утренней лекции ничего такого не произошло. На послеобеденной тоже.

Зато в столовой после обеда были вывешены результаты: Вика, как и предполагала Леся, стала первой, а вот самой Лесе не повезло. По сравнению с прошлым годом она не вошла в число счастливиц-призёров.

Сначала она весьма спокойно отреагировала на итоги, успокаивая себя тем, что у неё ещё один год обучения в школе. Примечательно, что когда-то ей очень хотелось этого. Постоянно показывая хорошие результаты, она стала замечать за собой несколько снисходительное отношение к тем, кто был хуже её по итогам участия в подобных интеллектуальных мероприятиях. Леся превратилась в менее требовательного к себе лингвиста, прощая себе мелкие ошибки, как будто она имеет на них право. Да и в разговорах, изредка шутя, изредка серьёзно обращая на это внимание, упоминала о собственных победах. Такое изменение в характере было отмечено лишь ей самой – остальные считали её всё такой же жизнерадостной и про-

ницательной десятиклассницей, принимая за должное её шутки про усталость везде быть первой.

И вот она не первая, добилась того, что теперь на неё могут смотреть так же снисходительно, а она может слышать шутки от других про успехи. Цель достигнута – разве Леся может быть недовольна? Оказывается, может. Или с непривычки, или из-за неожиданности так провалиться в той сфере, которая действительно увлекла и которую она так хорошо успела освоить, но каким-то образом результаты повергли в шок. И пусть внешне выглядела невозмутимо, внутри тем не менее что-то кипело, однако Леся сама не хотела признавать боль поражения – хотелось создать вид, что она считала возможным свой проигрыш, поэтому несильно расстроилась.

– Леся, может быть, они ошиблись: не так расшифровали или не в ту колонку оценки поставили. Это не твой результат, ты знаешь и можешь защищать намного лучше!

– Как видишь, Марк, – пытаюсь смотреть прямо в глаза, говорила Леся.

Ей было трудно признать поражение ещё и потому, что Марк всегда был победителем и добивался этого, ничуть не сомневаясь в своих силах. Его участие в подобных инженерных конкурсах стабильно, а Леся пробует себя в данном направлении лишь во второй раз, раньше защищала инженерный и экологические проекты. Теперь она стала думать над развитием в себе начал искусства, но итоги нынешней конференции по французской лингвистике, казалось, отбили у неё всё желание бороться.

– Если ты не будешь отстаивать своё призовое место (а ведь ты могла его получить, добавь они тебе пару баллов), я тебя не пущу к себе вечером в корпус, и мы пойдём вместе отстаивать правду, – упорно твердил Марк, ведь он ещё не понял внутреннее состояние девушки.

А Леся стояла и молчала. С одной стороны, ей было страшно противоречить Марку; с другой – она понимала, что ей трудно будет переубедить его в том, что такая несистематическая деятельность как раз и стала причиной её результатов.

– Леся, не переживай, уже по Монблану я вижу в тебе широкие знания, – обратил на себя внимание Лёня.

Он протянул свою руку к её руке, чтобы симитировать пожатие, которое они репетировали

для диалога, но Марк заметил это и взял её руку первым.

– Да-да-да, Монблан, Монблан. Она больше этой горы знает, – сказал Марк и обнял Лесю. Лёня отдалился. – Не его ли ты сегодня высматривала утром? Про Монблан поговорить?

– Нет, но я же знаю только эту гору, – передразнила Лесю, освободившись от рук Марка и собираясь уйти.

– Ты сейчас куда? – поторопился догнать Марк.

– На лекцию, – и она пошла на ту лекцию, где так и не были заслушаны полилоги.

В следующий раз они встретились лишь вечером. За это время Леся подумала о многом. Образование, взаимоотношения в семье, общение со сверстниками – все эти темы волновали её. Но в большей мере мысли были отданы будущему. Какое направление будет определяющим в её жизни? Кто будет принимать Лесю такой, какой она станет? Что ей необходимо для этого делать? Когда начинать?

Голова разболелась от обилия вопросов, не покидающих беспокойный разум. Она взяла румяное яблоко, села на кровать в своей комнате, жадно поедая фрукт, стараясь не прекращать думать и всё-таки прийти к какому-нибудь важному результату. А люди за окном беззаботно ходили, снимали друг друга на фоне голубой природы лагеря. Никого из них она не узнала, но не перестала внимательно следить за их беспорядочным движением, словно пытаясь что-то понять, уяснить для себя.

Но вот в холле позвали всех на ужин, а Лесе пришлось прервать свои размышления, что несколько возмутило её, но делать нечего – сейчас, пока ей неизвестны собственные перспективы, она полностью подчиняется обстоятельствам.

– Ты уточняла про результаты защиты? – спросил её Марк, когда нашёл в столовой.

Леся никогда не подходила к нему первой, ибо ей было достаточно видеть его и понимать, что с ним всё хорошо.

– Нет, это сейчас неважно, – отвечала весьма противоречиво для Марка Леся, считая для себя такую фразу вполне разумной.

– Как это неважно? Леся, ты призёр, тебе просто не доставили баллы! Мы пойдём вместе. Прямо сейчас.

– Нет, не надо, пожалуйста. Время апелляции закончилось три часа назад. У людей трудный день, давай не будем им надоедать.

– Леся, как так? Ты могла пойти и уточнить, за что тебе поставили такие баллы, но ты этого не сделала. Почему? Что более, как ты говоришь, важное могло тебя отвлечь?

– Уж точно не случайный прохожий.

Они по отдельности дошли до центра – там всегда проводились вечерние мероприятия. И всегда они находились там вместе, а сегодня – по отдельности. Иногда они участвовали в общелагерной деятельности, иногда решали личные проблемы. А сегодня они ничего не делали. По крайней мере, вместе.

Марк обсуждал конструирование модели, которую им сегодня предложили для рассмотрения на лекции и про которую бы Леся с удовольствием тоже послушала, но не от Марка. А сейчас она была одна и в толпе. Пёстрые дети двигались, садились, вставали и всё это делали в таком ярком шуме, что голова у девочки разболелась ещё сильнее. Она не могла больше смотреть на эту людскую массу, отвернулась, и её взгляд направился в окно.

«Какая чернота!» – подумала она, не сумев различить фигуры на улице. Она зашла за угол, подошла к стеклу, посмотрела туда, где не было отражения лампы. Леся понемногу стала узнавать высокие сосны, Дом лекций. Вот она определила линию горизонта. Выше линии – редкие фиолетовые облака на иссиня-чёрном небе, покрытом мелкими, чуть появляющимися звёздами. Они не были такими яркими, какими любят описывать небо романтики – похожими на зажжённые фонарики. Нет, это были тусклые, еле видимые, несколько размытые точки, но и они привлекали больше внимания Леси, чем блестящие снежинки.

«Может быть, наша планета сейчас приближается к чёрной дыре, а мы не можем этого определить, потому что ничего не видно. А что видно и что мы можем определить? Существует ли вообще эта чёрная дыра или она только выдумка учёных, не имеющих возможность объяснить происходящие явления? Что они тогда могут объяснить? Могут ли они мне объяснить, что я делаю не так? Почему такие плохие результаты сейчас и такие хорошие тогда? Как так я себя изменила, что покатилося всё к чёрту? Наверное, мне не стоило слишком увлекаться французским языком, ведь французский выместил инженерию... Надо начинать всё сначала: я неправильно делала. Зачем мне олимпиады, конференции, когда я ещё ничего не достигла?

Теперь я отгорожусь ото всех, буду усердно работать над собой... Боже, в каком положении я нахожусь! Он – умный, самодостаточный, не чувствующий себя лишним, но чувствующий везде свою востребованность и необходимость, а я?» – думала Леся, опустив свою голову на руки, лежащие на холодном подоконнике.

Вдруг выключился свет в зале, она услышала отдалённые голоса ведущих, а значит, вечернее мероприятие началось. Но её против обыкновения не тянуло туда – она хотела побыть одна. Отвернувшись от окна, она осмотрела опустевший холл. Так он показался ей более привлекательным: она обратила внимание на мягко льющийся свет потолочной лампы, преобразующий всё вокруг в летние жёлто-оранжевые цвета. Она оделась и вышла из центра, направившись в медкорпус.

– Ты всё ещё болееешь? – задала вопрос мальчику, одиноко сидевшему на диване медкорпуса и читавшему тонкую книжку.

– Ой, Леся, – вдруг обратил на уже снимающую пуховик девочку своё внимание Гриша.

Они пересекались лишь в столовой и в центре, но как-то узнали имена друг друга, причину их присутствия в лагере, отряд, возраст. Гриша был на три года младше, поэтому лекции проходили в разных местах, но и предмет им тоже удалось определить. Эта близость позволила им здороваться друг с другом; накануне защиты докладов Гриша даже пожелал ей удачи.

– А ты не боишься, что я тебя заражу? – спросил Гриша, когда Леся уже разделась и под села к нему.

– Я даже не знаю, как ты оказался болеющим. Сегодня утром только видела, как ты из медкорпуса в столовую шёл и туда же возвращался, – спокойно говорила Леся, как будто ничего неестественного в её первом к нему приходе не было. – Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, чем было вчера. Вот книжку читаю, а вчера так сильно болел, что даже этого делать не мог.

– Я рада, что тебе лучше. Про что читаешь? – поинтересовалась Леся, будучи уверенной, что это что-то об инженерии.

– Про Фата-моргану. Точнее, про оптические приборы. И про получаемые изображения, если мы посмотрим через них на какое-нибудь оптическое явление. Которое в атмосфере. На Фата-моргану, например, – немного сбиваясь и оставившаяся, рассказал Гриша. Он посмотрел на

неё, не ожидая, что сразу встретится взглядом, поэтому тут же вновь опустил глаза и стал искать место, где именно рассказывается про Фата-моргану.

– Я знаю, что это. И про природу возникновения знаю. А ещё знаю то, что у Бальмонта есть поэма. Такое лёгкое, воздушное произведение. Как и явление, в общем-то. Ты мне лучше про сами приборы расскажи, я пойму. Тоже когда-то была «инженером».

– Да? Ой, не знал, – слегка смущённо проговорил Гриша. И снова начал: – А что там говорить? Обычные оптические приборы, лупа, например, показывает всё так же, только увеличивает. Камера снимает явление. Поэтому мы, те, кто не видел сам, знаем о нём.

– А псевдоскоп?

– Просто переворачивает изображение, – чувствуя себя более уверенно, отвечал Гриша. – Кстати, Фата-моргана. Это очень красивое явление, ты права. Вот, – и он всё-таки показал ей фотографии в книге, пальцем прикрывая изображение фотокамеры.

Он выпрямился, сел поближе, немного улыбнулся, даже постарался взглянуть в глаза Лесе. Она заметила это, но не хотела спугивать его, поэтому продолжала внимательно рассматривать страницу тоненькой книжечки.

– Но небо, которое сейчас, мне нравится больше. Пока шёл от столовой, рассматривал облака. Я не знаю, как передать это чувство: ты как будто идёшь, а они идут за тобой, то пытаешься обогнать, то, наоборот, специально притаиваясь за тобой. А потом они сталкиваются друг с другом, совсем отстают от тебя, и в это время тебе открывается эта ширь. Понимаешь? – с этим вопросом Гриша Леся повернула к нему голову.

– Широкое небо? – переспросила Леся. – Такое необъятное... Как наши возможности. Хотим – описываем облака, хотим – звёзды, хотим – сам небосклон.

– Только наши возможности не такие тёмные?

– Наверное. Тебе небо кажется тёмным?

– Январь, вечер. Оно достаточно чёрное сейчас. Но это тоже очень красиво. И загадочно.

– Вот и наши возможности – загадка для нас самих. Не знаем, что станем делать в будущем, будет ли оно у нас вообще.

– Но мы сейчас тоже живём. Наше настоящее когда-то было прошлым. Да, как перед вече-

ром было утро. Какое было сегодня утро! Как только я вышел из медкорпуса, я увидел небо и не смог от него отвернуться. Поэтому пришлось постоять и немного опоздать на завтрак, – немного смутившись, но улыбнувшись, сказал Гриша, – и это, наверное, того стоило. Не красное, а нежно-алое, розоватое, местами такого вкусного – опять не знаю, как назвать, – вкусного цвета. Небо было такое. Солнце медленно шло, пуская свои лучики в эти йогуртовые – придумал – облака. И вот, как будто это их же я видел вечером. Только теперь не розовые, а лиловые, потому что не солнце, а луна рядом.

– А что лучше: солнце или луна? – спросила Леся, погрузившись в какую-то задумчивость. Она захотела перевести взгляд в какую-нибудь точку, неважно какую.

– Как захочешь. Порой и то, и то надо. Так больше возможностей увидеть разные оттенки.

– Спасибо, Гриша. Выздоровливай. Я пойду, – и она ушла так же внезапно, как и пришла.

Гриша был рад встрече, но его поразила торопливость Леси. Так спокойно разговаривали о небе, звёздах, а тут она срывается и убегает. И за что-то благодарит. Видимо, в этом есть особенная романтика жизни «взрослых».

Леся видела в этом некоторую прелесть общения с мальчиком, случайной встречи, но так убежала она не из-за соблюдения эстетики. Леся что-то поняла, что-то узнала. У неё возникло чувство, будто вот-вот сейчас всё решится. И по причине этого ощущения она не могла не сказать спасибо мальчику. Это была благодарность из сердца – та, с которой хочется обратиться к небесам.

– Я тебя не видел. Ты где была? – спросил Марк, когда они вновь встретились из столовой.

– Зато я тебя видела, за тобой по пятам пошла. Я разговаривала с... учителем.

– По поводу?

– По поводу продолжения работы над проектом.

Представление нового номера журнала «Огни Кузбасса»

**АНДРЕЙ
ФОМИН**

**ОЖИДАНИЕ
НОВОГО МЕНЯ**

* * *

Небо распято
На древе моих грехов.
Если расплата –
К ней не могу быть готов.
Если прощенье –
В клочья порвёт душу стыд.
Божье творенье
Осатаняет быт.
Протуберанцем
Рвётся нить нервов в ничто,
Скрежетным танцем
Дней истребляя лото.
Небо поднять бы,
Снять навсегда со креста,
Пусть же до свадьбы
Лечит его чистота,
Пусть растворятся
Гвозди времён, мрак дорог.
Сможет распасться
Зло у распятия строк?

В ОЖИДАНИИ

Я лишним себя чувствовал не раз.
Но ощущал всегда Творца поддержку.
Из скольких бурь и выюг меня Он спас!
А ведь могла вместо орла быть решка.

А ведь я мог уйти, не возвратясь,
Пропасть без шансов, сожранным землёю.
Но маяком опять давался шанс,
Иначе Бог не мог бы быть Любовью!

Но есть ещё вопросы, и нужда
В покровах – как земном, так и Небесном...
И в основном терпения чужда
Моя душа и чувствует, что тесно.

68

Я знаю, среди добрых дел меня
Преследуют сомнения и самость.
Мечусь я из огня да в полымя,
Из крайности опять бросаюсь в крайность!

А Небо ждёт... и я... и всё вокруг
Как будто замирает в ожидании
Меня – иного... ведь себе не друг,
Покуда правит мной кольцо метаний.

Я верю – знает Бог меня всего –
Никто подобным образом не знает!
Я трепетно сутулюсь оттого,
Как Божия неизъяснима Память...

И ожиданье нового-меня
Зажглось внутри пылающим рассветом.
На зов Несотворённого Огня
Лечу незрячим мотыльком-поэтом.

СПАСИБО

Спасибо за то, что печаль отлегла.
Спасибо за то, что я смог и не смог.
Спасибо за то, что была не была.
Спасибо за шансы на Отчий порог.

Спасибо за жизнь, что сверкает внутри,
Что зрение не сожрала белена.
Спасибо за светлые песни зари,
Спасибо, что силы нет против рожна.

Спасибо за сказку с названием «Быль»,
Спасибо соцветью блаженств и мечты,
Спасибо сиянию ангельских крыл,
Спасибо за то, что хранишь меня Ты.

* * *

Дождь. Унылая дорога.
Ветерок бурчит.
Облака сгустились строго –
Боль небес щемит.

Тонет в сумеречных лужах
Зонтик-проводник.
Каждый дом тоской контужен,
Словно куст, поник.

Хвост поджали собачонки
И подмяли лай.
Не кромсают перепонки
Крики птичьих стай.

В зоне мрачного комфорта
Торжествует дождь.
Очень смыть ему охота
Всю земную ложь.

* * *

Настежь распахнутые леса
Венчают на царство лето
Разноголосием птиц,
Одуванчиковым порывом
К солнечному потолку,
Смирением сочных трав,
Дрожащим благоуханием
Нежного ветерка...
Легионы деревьев
Торжественно приветствуют жизнь
Бесшумной радостью
Свято трепещущих листьев.

* * *

Вопреки искушениям
И скорбям бытия
Остаётся моление:
«Спаси люди Твоя!».

Вопреки поражениям
И превратной судьбе
Остаётся терпенье:
«Слава, Боже, Тебе!».

Только бы обрести мне,
Только бы не пропасть,
Молвить в трепетном гимне:
«Будь на мне Твоя власть!».

Только б не уклоняться,
Только бы не блуждать...
Дай мне, падшему, шансы
Побеждающим стать!

ПРОЩАЙ, ЛЮБИМАЯ

Как странно чувствовать и жить,
Как странно – мимо и не мимо я...
Настойки горше говорить:
«Прощай, любимая...»

Я от любви стал инвалид –
Не любишь – торжествуй – ты сильная!
Боль мантрами опять твердит:
«Прощай, любимая...»

И что теперь? Как отключить
Мне чувства нежные, обильные?
Как будто смерть, не жизнь, шипит:
«Прощай, любимая...»

Дни радости не отскоблить.
Прошла ошибок пуля в спину, и,
Прорвавшись к сердцу, сшила нить:
«Прощай, любимая...»

Мне ничего не изменить,
Иду своим путём старинным я...
Дай силы мне тебя забыть...
Убей, любимая!..

Ирина КОЛБИНА

ДЕВОЧКА-СМЕРТЬ

Рассказ

Обычный класс, обычные подростки занимаются своими делами, смеются на переменах, учатся на уроках или делают вид, но всё же они живут какой-то своей особой жизнью. И только девочка, сидящая за последней партой в одиночестве, брошена всеми, о ней словно позабыли в один прекрасный момент, и с этим никто и ничего не смог сделать. Вокруг неё была другая атмосфера, чуждая им, и стало проще оставить ставшего в одночасье чужим человека. Вот и сейчас среди общего шума и веселья рядом с окном сидит маленькая фигурка, отгороженная от всех, для которой весь свет строится из градации от чёрного к белому цвету. Для других она словно окружена вязкой атмосферой.

Всё началось с того, что сначала окружающие не смогли смотреть ей в глаза, а потом и шарахаться стали. Её это тоже пугало, но, в чём же проблема, так понять и не смогла... но сегодня... всего лишь хотела помочь бабушке в магазине, так та осенила себя крестом, побледнела и начала что-то говорить о смерти, отпрянула от неё... Может, она с ума сходит?

Так и просидев, смотря в окно все уроки, поплелась домой...

— Папа, скажи, кто была моя мама? — уже не в первый раз она спрашивала и всегда видела одно и то же выражение лица.

— Она была замечательной женщиной, — несмотря на ответ он

— И всё?

— Всё... — он словно хотел что-то сказать, но раздался телефонный звонок, который освободил его от дальнейших расспросов.

— Меня на работу вызывают, — послышалось из прихожей, затем раздался щелчок замка и удаляющиеся шаги.

Доев в одиночестве, убрала за собой и ещё долго сидела на кровати, смотрела на дождь за окном. Она плакала, обхватив плечи руками,

словно ничего не замечала вокруг. Существовал только один вопрос, на который не было ответа: «Что в ней не так?».

Сегодня выдалось пасмурное утро, и отца не было дома. Она всегда знала, дома он или нет, даже если он спал или просто не шумел, занимаясь своими делами. Тихо, тихо...

Сколько раз, когда она входила в ванну, смотрела то на бритву, то открывала шкаф над раковиной, рассматривая разноцветные коробочки и баночки с таблетками...

— Девочка моя, что ты натворила! — откуда-то издалека слышался испуганный голос отца.

Глаза её были открыты, но не видели ничего, она лишь чувствовала, что не одна.

Голоса... кто-то разговаривает... это голос отца и ещё кого-то незнакомого...

— С вашей девочкой всё будет хорошо, — говорил один голос. — Успокойтесь, она быстро поправится, если судить по анализам. Это даже удивительно, если учесть, сколько она потеряла крови и наглоталась таблеток... — последовала пауза. — И это мне кажется странным... Я дам номер одного врача, он как раз работает с подростками. По старой дружбе я не буду куда-то сообщать и заносить всё в карточку. Но это только сейчас, если повторится, мне придётся сообщить куда следует.

Дальше последовал невнятный ответ, раздались шаги, наступила тишина.

Через пару секунд её глаза привыкли к свету. Оценив обстановку, села на кровать, посмотрела на перебинтованные запястья. «Интересно, как выглядят шрамы... вроде швы накладывали... Не может быть, раны почти затянулись, и это за несколько часов?»

Так она и сидела, ошарашенно смотря на затянувшиеся раны.

Выписалась через пару дней. Анализы ничего не дали, а расспросы не привели ни к каким результатам, сама она ничего не понимала, а отец упорно молчал.

Уже дома он вздохнул с облегчением. Она не лезла с расспросами, но порой, проснувшись ночью, слышала, как он ходит по комнате, что-то бормочет, курит на балконе. Опять курит, а ведь уже столько лет не курил.

Был выходной, вставать не хотелось, с горем пополам заставила себя сесть на кровати и, на-

верное, с полчаса просто сидела и смотрела в окно...

– Ты уже не спишь? – спросил отец, входя в комнату.

Выглядел он слегка растерянно и словно подбирая слова, пытаясь что-то сказать.

– Знаешь, я тут подумал, – нервничал слегка и, как она сразу не обратила внимание, в руках он крутил книгу, – в общем, вот возьми и прочти, может, ты сможешь понять, ну или я постараюсь тебе потом объяснить как-то.

Она даже не успела ничего сказать, как его уже не было в комнате, а книга лежала на кровати.

Книга выглядела как старинная: в кожаном переплёте, инкрустированная камнями, даже имелся замок.

Довольно занимательная книга, на её взгляд, про религиозное мировоззрение мексиканцев и других народов, поклоняющихся Святой Смерти – «леди-скелету».

– Пф-ф, обычный хэллоуин, – отодвинув от себя книгу, произнесла она. – Даже празднуется в тот же день и теми же обрядами.

Книга благополучно осталась забыта на несколько часов, пока девочка делала уроки, до того, как отец вошёл в спальню, облокотившись о шкаф, и стал с глуповатой улыбкой наблюдать за ней.

– Что? – слегка удивлённо спросила она.

– Да ничего, – помолчав, – ты прочла?

– Да бред полный, я ж как-то говорила, что я атеист и не верю в это всё, – уткнувшись вновь в учебник, ответила она.

– Ну атеисты тоже верят, только во что-то своё. Хотя я не удивлён такому ответу. Пойдём чаю попьем? – произнёс он, отбирая учебник. – И никаких! Ты и так долго тут сидишь.

Нехотя поднявшись, пошла за отцом, вернее, он держал её за руку, пока вёл до кухни.

– Ты какой-то странный сегодня, – наблюдая за отцом, сказала она, сидя за столом и вертя в руках ложечку.

– Есть повод, – просто ответил он. – Ты что будешь, кофе или чай? – посмотрев на неё, спросил он.

– Да, давай кофе, – ответила девочка, откинувшись на спинку стула.

Разговор не клеился. Она понимала, отец что-то хочет спросить или сказать, но не решается.

– Пап, ты сказал, что расскажешь что-то? – спросила она, глядя в кружку.

– Ну да, – медленно ответил он. Словно задумавшись, тяжело выдохнул: – Помнишь, я рассказывал, ну, вернее, ты знаешь, что я когда-то в молодости любил путешествовать и учился на историческом, – как-то растерянно начал он.

– Ну-у-у да, – протянула она, – у нас же фотографий куча с тех времён, ты мне их постоянно показывал.

– Так вот, но я никогда не говорил, почему я так рьяно стал в один момент путешествовать и получать от жизни, так сказать, всё?

– Молодой был, наверное? – непонимающе посмотрела на отца она.

– Я болен тогда был сильно, сулили пару лет жизни всего, так я и решил, чего терять, сделаю то, о чём всегда мечтал, да и профессор, узнав об этом, помог... Хороший был дядька, – улыбнувшись, замолчал отец.

– Почему ты не говорил об этом никогда? – глядя на него, тихо спросила она.

– Да давно это было. Ну так вот, через знакомых нашёл группу, которая ехала на раскопки за границу. Представь в те-то времена такое? – не дождавшись ответа или вопроса, продолжил: – Ну, и попали мы в Мексику. Интересная страна со своеобразной культурой. Ты будешь ещё? – неожиданно спросил он, показывая на кружку.

– Да, наверное.

«Странно, – пронеслось в её голове, всё-таки многого она, наверное, не знает. – А может, он и о маме расскажет». Тихо, ненавязчиво девочка произнесла:

– А мама, она хорошая была?

– Она была замечательная, – не оборачиваясь, ответил он, – лучше всех.

– Скажи, а она любила меня?

– Очень.

– Но почему она бросила нас?

– Так получилось, – не дав продолжить, протянул ей кружку с горячим кофе. – Держи. И я всё расскажу тебе, почему так, а не иначе получилось, только пообещай мне не смеяться или сомневаться в правдивости слов, прими всё как должное.

– Ладно, – ответила она, странно посмотрев на отца.

– Ну так вот, – вновь начал он, – попали мы туда аккуратно под их национальный праздник, посвящённый памяти усопших. Проводится он первого и второго ноября, это как мексиканский хэллоуин, – улыбнувшись, добавил он. – В эти дни делают черепа из сахара или то, что любили их

родственники при жизни. Ну и также делались фигурки женских одетых скелетов...

— Так этот скелет, что стоит на полке, откуда? — перебив его, спросила она. — Просто я никогда не интересовалась — стоит да стоит.

— Да, оттуда, и ещё много чего...

— Извини, пап, я знаю, как тебе нравится эта страна, продолжай.

— Ну вот, поселились мы в мотеле, сначала решили побыть пару дней в городе, посмотреть праздник да и просто погулять, оглядеться — мы ж нигде, кроме своего города, не были. Ну и пошли погулять-посмотреть достопримечательности. Я как-то отвлёкся, отстал от группы, хоть городишко и небольшой, а всё равно сделалось неуютно, и постарался вернуться в мотель. Мне тогда показалось, что эта бабка появилась словно из-под земли, хорошо, что я немного понимал на тот момент испанский и местные диалекты. Стало ещё более жутко после её слов: «Жить будешь долго, но костлявая придёт к тебе не единожды». Хоть меня и уверяли потом старожилы, что она чокнутая, но всё же было жутко.

— Может, она и правда того была, — покрутив возле виска, сказала девочка.

— Ну не скажи, теперь-то я точно знаю, что не сумасшедшая она была, — как-то странно произнёс он. — После, конечно, как-то я отвлёкся, подзабыл бабку и до праздника не вспоминал её слов, — замолчав, он посмотрел в окно, где уже стемнело, тяжело вздохнул и продолжил: — Увидел я девушку, красивую девушку, но выглядела она даже для такого празднования странно, слишком светлая кожа была, хоть и темнее моей. Махнула мне рукой, ну и меня словно что-то потянуло за ней. Вышел из толпы, казалось, что шёл за ней, и довольно быстро, но она всё была где-то впереди — оборачивалась, улыбалась. Какое было моё удивление, когда мы вышли к мотелю, в котором я остановился, даже и не понял как. Вошли в номер, протянула ко мне она руки, словно озноб прошиб тогда, взгляд оторвать не могу от её глаз, которые глядят на меня из глазниц черепа, руки сначала были белые, холодные, а как прикоснулась, так ощутил, словно гладкие кости. В голове пронеслось: «Неужто пора уже? Не хочу умирать, жить хочу». Не знаю, как отшатнулся от неё, и шепчу: «Хочу жить». Хмыкнула она и растворилась в воздухе.

— Может, ты перепил? Извини, конечно, но такого не бывает.

— Не бывает такого, говоришь? А как же то, что я жив до сих пор и как-то моя болезнь рассосалась, словно не было её?

— Не знаю... Организм — сложный механизм, да и наверняка диагноз был неправильно поставлен, — твёрдо ответила девочка.

— Ну так слушай. На следующий день проснулся, думал, кошмар, да за разговорами благополучно забыл. Но вот ночью ко мне в номер постучались. Представь моё удивление — та самая девушка. Я дар речи потерял, стою смотрю, не знаю, что делать, аж пот прошиб, а она улыбнулась, вошла в номер, дверь закрыла, взяла меня за руку, в глаза посмотрела и говорит: «Ты очень сильно жить хочешь?» Ну а кто ж не хочет, особенно, если молод? Ну я и ответил, что сильно. «Тогда сделай то, что я хочу», — говорит. «И что я должен сделать?» Я был в шоке от того, что она мне сказала.

— И что же?... — на выдохе спросила она.

— Ребёнка хочу.

— В смысле? — округлила глаза девочка.

— В прямом. «Будешь жить до старости, но год проведёшь со мной, родится ребёнок, а по достижении семнадцати лет я его заберу».

Тут в голове девочки словно что-то щёлкнуло, ей через несколько дней аккуратно в День Всех Святых исполнится семнадцать.

— Ты бредишь? Ты меня убить, что ли, хочешь? — с нервным смешком спросила она.

— Да нет же, — как-то тяжело ответил отец, — с матерью познакомишься, — отхлебнув из кружки уже остывший чай, добавил: — Заберет она тебя с собой.

— Не, ты, пап, конечно, шутник! — фыркнув, встала она из-за стола.

— Подожди, — уже в дверях окликнул он девочку, — возьми, — протянул конверт.

Несмотря на то, что вернувшись, забрала конверт и вышла. Уже в комнате, сидя на подоконнике, после нескольких тяжёлых минут раздумий вскрыла, извлекая на свет старую потёртую фотографию девушки, очень похожей на неё саму, только, может быть, разрез глаз другой и ещё какие-то мелочи. Но как велико сходство. На обратной стороне фотографии была надпись: «Моему избранному» и дата.

— Эй, вставай, — сквозь сон услышала она голос отца, — она скоро придёт.

— Кто она, папа? Ради бога, дай поспать! — сонно пролепетала девочка, укрываясь с головой одеялом и переворачиваясь на другой бок.

– Мама твоя. Я тебе вчера говорил. Ну хорошо, ты давай поднимайся, а я пойду делами займусь.

Нехотя выбравшись из-под одеяла, села, спустила ноги с кровати. Словно во сне двигалась по комнате, одевалась, собирала раскиданные с вечера вещи, заправила кровать. Почти так же направилась в ванную, из зеркала на неё смотрело заспанное, растерянное существо, которое поставили перед фактом, что спустя столько лет её заберёт к себе неизвестная женщина. И зачем? И так нормально жилось.

– И когда она придёт? – спросила она, уже сидя за столом на кухне и наблюдая, как папа что-то готовит.

– Скоро, – не оборачиваясь, тусклым голосом ответил он.

– Слушай, а почему ты больше не женился ни на ком? – неожиданно для себя спросила она.

– Ну-у-у-у знаешь, не всё так просто, – как-то мямля, начал отец, хотя такого она за ним никогда не замечала. – В общем... – И, как назло, кто-то позвонил в дверь. – Открой, пожалуйста, – вздохнув с облегчением, попросил он.

Каково было удивление, когда, открыв дверь, она увидела ту самую девушку с фотографии, только одетую в современную одежду. Девушка улыбнулась, слегка наклонив голову, так же, как делала и она сама.

– А вы к кому?

«Ничего глупее не смогла спросить», – пронеслось в голове.

– К тебе, Машенька, – мелодичным голосом ответила гостья и, не дождавшись ответа, прошла в квартиру. – Где твой отец?

– На... на кухне, – сиплым голосом произнесла девочка.

Ничего не ответив, вошедшая коснулась её щеки. И в тот самый момент в голове девочки пронеслось: «Словно сама смерть прикоснулась». Будто прочитав мысли, гостья улыбнулась и, не оборачиваясь, прошла на кухню.

Руки тряслись от непонятного холода, накатившего на неё, и какого-то всепоглощающего страха. В висках только и стучала одна мысль: «Смерть!».

– Дорогая, – неожиданно послышался голос отца, – подойди, пожалуйста.

На негнущихся ватных ногах, боясь непонятно чего, вошла на кухню, где за столом, понунив голову, сидел печальный отец и девушка с фотографии с бесстрастным лицом.

– Мне нужно поговорить с тобой, – пристально посмотрев на неё, с ходу произнесла гостья.

– О чём? – спросила девушка, глядя на отца, пытаясь найти поддержку в его лице, но он так и продолжал смотреть на крышку стола. – Хорошо.

– Тогда давай выйдем и оставим твоего отца с его мыслями, – вставая, произнесла девушка с фотографии.

Тихо тикали часы на стене, в кухне сидел мужчина, неотрывно смотря перед собой. За стенами была слышна жизнь, кто-то разговаривал, наверху, похоже, пробежал ребёнок, что-то уронили. Но в этой квартире была тишина. Даже из комнаты не доносилось ни звука. Наконец дверь открылась, оттуда вышла мать и за ней дочь с осунувшимся и потерянным лицом. Он поднял на них взгляд и пристально посмотрел.

– Всё хорошо, – с той же улыбкой ответила мать.

– Когда? – отрешённо спросил он.

– В День Всех Душ, а сейчас, наверное, я вас оставляю.

– А как же папа? – воскликнула девушка.

– С ним всё будет хорошо, будет жить долго и счастливо, часть своей сделки он совершил, – ответила она, развернулась, ушла.

– Папа! – воскликнула девочка, бросившись к нему, обняла и заплакала. – Я ж во всё это не верю, и я не хочу никуда уходить, – сдавленно говорила она.

– Ты не веришь во всё это, потому что ты часть этого. Всё хорошо будет, – в ответ крепко обнял он девочку.

На душе было холодно и гадко. Но такова жизнь. В молодости он даже не задумывался, как будет потом, но теперь ему хотелось всё вернуть и отказаться от сделки.

– Но как же так? – словно саму себя спросила девушка.

Дни, что ей оставалось провести в этом мире, окрасились в тёмный цвет. Было тоскливо, печально. Все чувства словно захлестнули девочку. Ещё хуже ей было от того, что отец останется один. Сегодня в полночь она должна будет выйти на улицу и дожидаться ту, которая звалась матерью.

Полночь, когда заканчивается один праздник и начинается другой. В спальне, где спал мужчина, появились две фигуры в тёмных одеждах. Мужчина встрепенулся, открыл глаза, припод-

нялся, посмотрел на них, но не мог произнести ни слова.

— Папа, прощай, — тихо произнесла одна из фигур, — у тебя всё будет хорошо. Не печалься, — но в голосе слышались тоска и слёзы.

— Не плачь, — сдавленно ответил он, — не переживай за меня, — постарался улыбнуться он.

— Пап, ты не удивляйся тому, что преподнесёт тебе судьба, хорошо?

— Хорошо, — механически ответил он.

— Ну всё, нам пора, — послышался голос молчащей до этого фигуры.

И вот они стояли перед глазами, а через секунду их уже не было. «Сейчас в Мексике праздник», — подумал мужчина, а из глаз текли слезы.

Спустя много-много лет он, уже в преклонном возрасте, писал эту историю в своём дневнике, от которого его постоянно отвлекали внуки и где-то в доме ругалась на них его жена...

— Интересно, как ты там, доченька? — спросил он у пустоты, которая, как оказалась, слышала эти слова.

Елена ПРОКОПЕНКО

РАДА

Сказка

ЧАСТЬ 1

В стародавние времена, когда на земле нашей росли деревья выше великанов, а по небу летали змеи страшные, одноглавые, а то и трёхглавые, разоряя деревни и сёла, жила под градом Киевом семья большая — одиннадцать деток росло в ней: десять сыновей-богатырей и лапочка-дочка Рада.

Росла девочка не по дням, а по часам. Ни в чём от братьев не отставала: и поле пахала, и рыбу ловила, а могла и поколотить толпу обидчиков. Родители не могли нарадоваться на своих детей — каждый рослый, сильный, трудолюбивый. За что ни возьмётся — непременно сделают. Многие породниться с такой семьёй желали, молодые девицы за парнями так и бегали. Постепенно ста-

ли молодцы дома строить, сватов к своим суженым засылать да свадьбы играть. Лишь дочь в отчем доме осталась. Хотя сердечко своё давно она отдала парню ясноглазому с соседнего двора, что Радиславом отродясь кличут.

Приметили это родные жениха да заслали сватов к Раде. Приняли их с хлебом да солью. Не захотели счастью мешать — согласились на свадьбу. Стали готовиться... Девушка так и светилась вся от счастья. Лишь Радислава это не радовало, не о том он мечтал. Виделось ему во снах, что станет он героем всей Руси и возьмёт в жёны княжескую дочку, а не крестьянку, ничем не приметную.

Услышали боги его просьбу. Прошёл слух, что появился в их краях Змий страшный, огнедышащий — посева губит да народ ест. Кто чудище одолеет, тот с князем править будет, зятем его возлюбленным станет.

Засобирался Радислав в путь-дорогу — биться с врагом страшным. Не остановили его ни уговоры родителей, ни слёзы невесты. На верную смерть шёл, наперекор родительскому благословению. Запросилась и Рада с ним.

— Куда ты собираешься? Али не поймёшь, что не бабье это дело в походы ходить да чудищ бить?! — возмущались все.

— Мне без Радиславушки свет не мил. Коли сгинем, так вместе.

— Не пристало до свадьбы с мужчиной быть.

— А мне молва не страшна! Сердце моё давно с ним. Боги нас благословят, коли люди охают.

Делать нечего, отпустили родители дочь возлюбленную с благословением. Решено было, что отправятся они поутру, как первые петухи прокричат. Вся деревня провожать их хотела...

Радислав же иначе решил. Как только месяц осветил дорогу, вышел он, как вор крадучись, из дому и направился к конюшне. Только вывел коня своего верного, а навстречу ему невеста шагает.

— Ох, Радиславушка, не спалось мне, чувствовала, что покинуть меня захочешь. Только не пушу я тебя одного.

Делать нечего, запрягли они коней и отправились вместе в путь. Шли они сквозь леса дремучие, сквозь болота топкие. К вечеру следующего дня подошли к реке широкой да бурной. На берегу её дубины и мечи разбросаны, кости большие и малые лежат, а чуть в стороне белеет гора из черепов человеческих. Глазницы чёрные пугают — поворачивай коня, уходи. Да поздно. Вышло чудище навстречу людям.

– Чую-чую русский дух, – повёл носом Змий. – Видно, мне ужин привели? Девиц я больше люблю, они не такие жёсткие.

– Не потчевать тебя я приехал, а сразиться в бою не на живот, а на смерть!

– А её зачем привёз? – искренне удивилось чудище. – Хотя мне без разницы, кого первым есть.

Выпрямился Змий во весь рост. Стоит, небо головой подпирает, лапы больше коня, кожа гладкая, переливается, из пасти огонь рвётся. Сошлись в неравном бою богатырь с чудищем. Схватил Змий юношу, затрещали его доспехи, вылетел меч из рук могучих, того и гляди, раздавит. Не смогла Рада смотреть, как гибнет её друг сердечный. Кинулась на врага с кулаками. От неожиданности отпустил тот Радислава, рухнуло едва живое тело на сырую землю. Повернулось чудище к девице, которую оно так небрежно ужином посчитало. Рада же в то момент извернулась, схватила булатный меч жениха и отрубила Змию голову. Упала та в реку бурную, и унесли её воды тёмные вдаль.

Кинулась подруга боевая помогать жениху, а тот отталкивает девушку, не рад заботе и вниманию.

– Как посмела ты вмешаться в бой наш? Опозорить весь род мой надумала?

– Что ты, свет очей моих! Никому в жизнь я не скажу о том, что случилось здесь. Это ты и только ты одолел Змия!

– Нет, не поверила в мои силы. Не невеста ты мне отныне. Ступай своей дорогой! Мне же в родные края дороги нет!

Радислав с трудом забрался на своего коня и поехал в сторону Киева. За спиной его рыдала девушка, готовая жизнь отдать ради мужчины, её не достойного.

Много ли, мало ли времени прошло. Утёрла Рада слёзы, собрала свои нехитрые пожитки и отправилась в другую сторону: в земли лютые, неизведанные. Домой дороги без мужа не было, хоть перед отцом с матерью не провинилась ни в чём, а стыд за проступок этот сжигал дотла.

Вскоре в родной земле забыли о них. Радислав так и не стал князем: то ли в болотах сгинул, то ли не сдержал правитель слова да погубил богатыря. О девушке же, победившей чудище, дома тоже старались не вспоминать...

ЧАСТЬ 2

Тропинка уводила Раду всё дальше и дальше. Путь её лежал куда глаза глядят: через леса и ручьи, через поля и горы. Умывалась девица

росой, питалась ягодой да кореньями, ночевала под тенью деревьев порой. Долгим был путь, много зверей и диких птиц на пути встретилось. Но от тягот и лишений Рада лишь хорошела.

Бывало, что девица и в деревни заходила. Там её встречали как важную гостью: кормили, поили да спать укладывали. А поутру отправлялась она опять в дорогу.

Много дней и ночей прошло с того момента, как покинула она отчий дом. Привела её тропинка узкая к одиноко стоящему на опушке леса дому. Изба завораживала своей красотой, резное крылечко притягивало, приглашая путников в гости, но и пугало при этом своей отдалённостью от людей.

Пока Рада раздумывала, постучать или обойти странное жилище, вышел из дома красивый молодец. Расправил он богатырские плечи, потянулся и тут приметил нежданную гостью.

– Здравствуй, красавица, – обратился к ней хозяин избы. – Куда путь держишь?

– Куда глаза глядят, – с поклоном ответила Рада и замолчала.

Мужчина окинул её быстрым взглядом и пошёл ближе.

– Вечереет уже, пора о ночлеге задуматься... Я один здесь живу, ближайшая деревня за десять вёрст, – голос богатыря звучал уверенно и спокойно. – Мой путь в лес лежит, вернусь лишь к завтрашнему полудню. Располагайся в моих хоромах. Ешь, пей. Ничего не бойся. Ни зверь, ни человек не побеспокоят. А коли обед мне приготовишь, благодарен до конца жизни буду.

Не дождавшись ответа, мужчина развернулся и быстрым шагом скрылся среди деревьев, а Рада зашла в избу.

Видно было с первого взгляда, что в доме бывали нечасто. Пыль кругом. Неуютно. Огляделась девица да за работу принялась. В подпол спустилась. Принесла оттуда молоко да сахарей. Поужинала. А мясо зверя невиданного, которое заприметила в углу, решила запечь поутру для хозяина. Порядок навела да спать легла.

Едва солнце выглянуло из-за горизонта, поднялась Рада. Воды натащила из колодца, что у дома, печь натопила, жаркое приготвила, стол накрыла. Вот и покидать пора дом...

В первый раз с тех пор, как оставила девушка кров родной, одолела её печаль. Хозяин сказал, что дожидаться его не надобно, отблагодарит обедом вкусным, а сердечко жалеет, что да-

же имени его не узнала. Он и её не спросил, как звать. Оно-то вроде и верно, нельзя незнакомцам раскрывать имени. Вдруг злой человек на пути встретится... А всё ж...

Вышла девушка на тропинку, оглянулась в последний раз на избу и зашагала медленно в сторону деревни.

Меньше версты прошла Рада, когда заметила в небе неясные очертания чудища трёхглавого.

«Неужели и в этих краях змии водятся?» — задумалась девушка. Хотя и победила она чудище в прошлую их встречу, но до сих пор воспоминания душу терзали. Не забылся образ суженого, предавшего её. Отгоняя мысли недобрые, Рада ускорила шаг.

Смеркалось. Уж на горизонте показалась деревня... Увлечённая мыслями, не заметила девушка приближения одинокого путника на коне вороном. А заметив, не могла уже скрыться от взгляда недоброго.

Позарился богатырь чужестранный на красоту девичью. Рассудил так: коли одна идёт, то и заступиться некому будет. Подвёл коня своего к девушке да ухватил без разговоров за косу длинную. Перехватив гордость свою, удалось Раде сбить богатыря с коня. Поднялся незнакомец во весь рост, распрямил плечи. Рада ему и до лопаток не доставала. Где уж с таким биться? Да и меча при ней нет, что спас их с Радиславом в недобрый час.

Быстрее ветра пронеслась по небу большая фигура Змия крылатого. Чешуя огнём пылает от лучей заката, из пасти пламя вырывается... Поднялось чудище высоко-высоко да камнем вниз полетело, ударилось о землю. От полёта его ветер такой силы поднялся, что чуть с ног путников не сбил и коня испугал.

Лишь открыла глаза Рада, а пред нею стоит хозяин лесной избы. Стоит злой, а за поясом его её поясок торчит. Знать, обронила где-то...

— Ах ты, чудище поганое! — налетел с мечом недобрый человек на гостя нежданного.

Ничего не ответил тот, лишь увернулся от меча да ударил соперника. Так дух его и вышел от того удара.

— Забыла ты поясок свой у меня, — мягким голосом обратился к Раде Змий. — Прилетел вернуть его...

Мужчина протянул девушке её вещицу. Рада сделала пару шагов навстречу и протянула

руку, чтоб забрать его, но молодец вновь слово держал:

— Верни и мне, что с собой унесла.

— Что же это? — девушка знала, что не брала чужого.

— Сердце моё.

— Не могу я тебе его отдать... Разве что своё взамен могу предложить...

Тут подоспели жители деревни. Остановились неподалёку, лишь старец в сопровождении девчонки лет восьми двинулся к путникам.

— Приветствуем тебя, Горынюшка, и твою спутницу-красавицу. Возмужал ты, окреп. Прости нас глупых. Возвращайся домой.

Девочка поднесла гостям каравай с солью. Молодец принял его с поклоном.

— Не обессудьте, люди милые, погостим мы у вас сегодня. А на рассвете решим, остаться ли или покинуть деревню. Утро вечера мудренее.

За весёлым пиром, под песни весёлые поведали Раде тайну появления змиев на земле русской.

Много веков назад жил, а может, и по сей день живёт колдун. Захотел он собрать войско, по силе которому равных не будет. Ходил он от деревни к деревне, от села к селу. Присматривал мальчишек ловких и сильных да обращал их в чудовищ.

Участь у тех ребят оказалась незавидной — родные отворачивались от них, односельчане убить пытались... Покидали мальчишки родные края, росли в горах и лесах, без людей. А как стали взрослыми мужами, многие против людей встали, мстя за жизнь человеческую погубленную.

Жители их деревни о Горыне слышали, но приближаться боялись. Только были случаи, когда выводил он путника заблудившегося из лесу, отпугивал зверя страшного от детей, в лес зашедших, даже как-то раз из болота девицу вытянул...

Не смог Горыня отказать людям родным. Остались они с Радой в деревне той. Вскоре свадьбу сыграли. Вся деревня неделю гуляла, за молодых радовалась.

Хорошо люди зажили под крылом Горыныча. При жаре он тучи нагонял, а в холода костры разжигал. Рада помогала мужу во всём. Уют в доме создавала да людей лечила.

Рос урожай, не нападали враги, сказами о Горыне наслышанные, крепили дети. А что ещё нужно для счастья?

Ольга ПИНИГИНА

ВОВРЕМЯ

Рассказ

Это случилось в тот день, когда опять пропали рельсы. Нет, конечно, сами они никуда не ушли и не испарились от летней жары, перегревшись на солнце. Это и в свои пять лет Ира понимала отлично. На самом деле рельсы пути, который взрослые почему-то называли запасным, отцепили от шпал, разделили на части, а ещё столкнули, вероятно, с насыпи. И увезли. Люди. Тоже взрослые, только другие. Ира подозревала, что им было бы всё равно, услышь они, как она назвала путь с исчезнувшими рельсами. От этого подозрения делалось неуютно и грустно. Хотя с рельсами всё было ясно: в городе, на заводе, где работал папа, тоже который месяц подряд не платили зарплату. Так что рельсовая продажа была Ире понятна. Раз путь-то запасной, объяснили взрослые, так можно продержаться какое-то время, и потом станет лучше, и снова получится сделать всё по правилам, с рельсами на всех путях, но сейчас они частично проданы. Ира приняла объяснение взрослых, но от него всё равно веяло чем-то печальным.

Ира помнила: когда она была совсем-совсем маленькой, трёхлетней, вот тогда все рельсы были на своих местах, на монетках красовался земной шар (и колоски, они ей очень-очень нравились), а на улицах у людей лица были... Без мрачности, что ли. Весёлые, грустные, разные, но что здесь, в деревне, возле которой дача бабушки с дедушкой, что в городе никто не смотрел... Ну... Как волк с картинки из книжки про ту девочку, которая несла своей бабушке масло и пирожки в подарок. Впрочем, бабушка, но уже не сказочная, а её, Иры, бабушка говорила, что в войну бывало и намного опаснее. Бабушка была права: у прадедушки после войны осколки выходили долго-долго, аж до рождения Иры. Они были уродливые, тяжёлые и злые, хотя уже, конечно, не могли никого убить. Не то что какие-то чужие взрослые сейчас. Ире объяснили, что это называется «разборка». В голове не укладывалось. Почему не война, враг не пришёл, а взрослые становятся друг другу... Например, как волки

из сказки? Почему хотят разобрать друг друга, да так, что от человека потом остаётся не живой кто-то, кто мог бы ходить, говорить, смеяться, а неподвижное тело и красная лужа на асфальте? Непонятно. Грустно. Страшно. Ира помнила: недавно (правда, не в деревне, а в городе) она шла по улице с бабушкой и увидела, как чужие взрослые вдруг повыскакивали из припаркованных машин и стали стрелять друг в друга. Один из них упал и... Кровавая лужа потом несколько раз снилась Ире в душных, жутких снах.

— Бабуль, хлебовозка уже возле железнодорожных касс! У родника притормозила, скоро будет.

— Ясно, милая. Спасибо.

Ира улыбнулась, выравнивая дыхание после бега. Её взрослые очень старались, чтобы всё опять стало хорошо: трудились в городе и здесь, на огороде, никого не разбирая. Ира тоже помогала по мере сил. Например, стояла в очередях. Как сегодня — у деревенского магазина, в который вот-вот должны были привезти хлеб. То есть стояли они вместе с бабушкой, конечно, и другими взрослыми. А ещё Ира время от времени бегала посмотреть, едет ли машина, которую здесь ждут... Хлеба должно было хватить на всех, Ира в этом не сомневалась. Но очередь шла медленно-премедленно, а нужно бы и за молоком успеть к знакомым деревенским вон из того дома, что вверх по улице. Ой. А кто это у их забора остановил машину?... Такую Ира здесь не видела ни в прошлый раз, ни в позапрошлый, никогда.

— Бабуля, смотри, там какой-то дядя уговаривает тётю Зину. Она хмурится, указывает на наши банки с молоком, не соглашается... А он показывает ей деньги.

Бабушка прищурилась. Зашуршала в сумке, ища туристический бинокль, который не раз вручал её и дедушку. Ира знала, что её бабушка обязательно придумает что-нибудь правильное: когда та работала на шахте и разбиралась, только не в стрельбе по людям, а в безопасном труде с вентиляцией, от правильности и быстроты её решений зависело ой как много! Разумеется, бабушка работала хорошо. Как же иначе? Хотя тогда бабушкой она, понятное дело, ещё не была и едва-едва познакомилась с дедушкой. Ира помнила фотокарточку, где они оба были очень молодыми.

— Та-а-ак... Слушай мою команду, внука...

Так Иру называл дедушка, и бабушке это название казалось очень забавным и добрым, Ире оно нравилось!

– Стой дальше, держишься вот за этой женщиной. Вот деньги.

Ира посмотрела на монетки. Орёл, изображённый на них, ей тоже нравился. Симпатичный. А очередь...

– Ну и бабка. Во чешет!

– Это да...

Ира ахнула, вслушиваясь в то, что говорили взрослые в очереди. Вскинула голову, да так быстро, что бантики с косичками аж подпрыгнули, когда она оторвалась от разглядывания орлов на монетках и увидела такое!.. Фотографии и рассказы бабушки с дедушкой вспомнились ей отчётливо и ярко. Лыжи. Походы. Байдарки... А бабушка Даша тем временем не сбавляла темп. Да, конечно, Ира слышала, что в молодости её бабушка... Но и в шестьдесят семь лет, как выяснилось только что, бабуля умела очень быстро двигаться. Бегом!

* * *

– А помнишь тот случай, когда ты за молоком рванула, чтобы оно не ушло к случайному покупателю? Ещё над тем мужиком сжалилась, уступила ему вторую банку для внуков?

– Помню, Ирочка, как не помнить! Добавки?

– С удовольствием. Спасибо.

– Угощайся, внука.

Чай был душист и ароматен. Как всегда. Тридцатилетняя Ирина Григорьевна и Дарья Петровна, которая свой возраст всегда называла честно, если кто спрашивал... В общем, обе они взяли ещё по куску домашнего пирога с блюда. Ну, почти. Ира потянулась за третьим куском.

– Бабуль, с билетами проблем нет, я их купила. Так что на выставку гобеленов мы с то-

бой идём в следующий понедельник. Наряд уже выбрала?

– Обижаешь.

Действительно. Сколько Ира себя помнила, её бабушка любила и любит одеваться уместно и... Стильно? Пожалуй, именно это слово подходит бабушке лучше других. И получается, что баба Даша выглядит именно так в спортивном костюме хоть сейчас, хоть в то лето выглядела, когда она успела за молоком (и не уронила панаму, кстати, зажимая её под мышкой прямо на бегу). Что уж говорить о вечерних платьях!

– Шучу-шучу. Дай угадаю: пойдёшь в новой блузе с той юбкой, что мы с мамой подарили?

– Именно так, Ирочка. Фасон, цвет... Да кому я это объясняю? Ты сама разбираешься.

– С твоей подачи.

– Не без того, внука. Не без того.

Они рассмеялись. Дружно. Привычно. За окном светило солнце. Летнее, горячее... Выражения лиц у людей на улицах перестали быть похожими на волчьи из сказки про Красную Шапочку, «разборок» больше никто не устраивал, а рельсы вернулись на запасной путь в деревне, куда они всей семьёй обязательно поедут на выходных. Нужно ведь привезти дедушке свежайшего пирога. И вообще... В замке щёлкнул ключ. Ира и бабушка дружно повернули головы и вытянули шеи, не вставая с кухонных табуретов. Кажется, в прихожую должен был вот-вот попасть Ирин папа. Так и случилось, естественно.

– Привет, Ир. Привет, мама. Я на секунду.

Бабушка дорезала пирог.

– Гриша, на две секунды. Из моего дома голым ещё никто не уходил!

Наталья ШУЛАКОВА

ЛЕТО – БЕЛЫЕ КЕДЫ

Лето, белые кеды,
По шнуровкам дорог
Пробежало бесследно
Свой отпущенный срок.

В небо ветер уносит
Запах летних костров,
И рассыпала осень
Золото городов.

ХОЛОД

Трубы-сигареты дымят.
Жмётся небо ниже к земле.
Белый лист дороги измят.
Сверлят ели лаз к синеве.

Дымкой вьётся серая хмарь.
Воздух так тяжёл – не вдохнуть.
Колокольным звоном звонарь
Режет тишь, как холодом грудь.

В рукавицах прячу лицо.
На ресницах белая тушь.
Наледью встречает крыльцо,
Холодом – сибирская глушь.

МОРОЗ

Змейкой дым ползёт по крыше.
Не согреться. Солнца нет.
Я, крепясь, на холод вышла.
И, скрипя, веду свой след.

Даже небо ниже гнётся,
Город дымкой заслоня.
Золотой монетой солнце
Кто-то выкрал среди дня.

Мир как будто бы набросан
На листке карандашом.
И застыл немой вопросом
В снежной шапке домик-гном.

Дел небесных добрый мастер
Ожиданьям вопреки
На эскизе лишь раскрасил
Нос и две моих щеки.

УТРО

Ночь с горы, а утро в гору.
Вот уж виден солнца нимб.
И светило выйдет скоро,
Чтобы свой занять олимп.

Затуманились озёра,
Жемчугом блестит роса.
Время радостное взору,
Хоть и тру ещё глаза.

Распустили ивы косы,
Умываясь над водой.
Травы колют ноги босы.
Пухом лёг ковыль седой.

Зябко. Пробрало до дрожи.
Но, любуясь синевой,
Я стою с гусиной кожей
На тропинке полевой.

Алёна КУЗНЕЦОВА

МИЛОСТИВЫЙ БОГ

В крае перепутанных дорог,
Как маяк, светящийся во мгле,
Обитает милостивый бог,
Охраняя мир на всей земле.
Исполняет он любой каприз,
Оживляет детские мечты,
Для людей спускает звёзды вниз –
Камни радости и чистоты.
Полон пониманья, состраданья,
Род людской от горя защищает.
Для людей исполнит все желанья.
Только он бездушия не прощает.

НАЧАЛО ЛЕТА

Детей весёлых хороводы,
Задорный смех и визг звучал.
Начало лета, дух свободы
Собой весь воздух пропитал.

Лицо ласкает ветер встречный,
С полей приносит запах сена,
И чувство радости беспечной
Придёт унынию на смену.

*Жужжание первого шмеля,
Работой занятого трудной,
И оголённая земля
Наряд надела изумрудный.*

*И, не жалея теплоты,
Ласкает солнце всё живое.
И пахнут первые цветы,
Заняв пространство полевое.*

СМЫСЛ ЖИЗНИ

*Становилась ночь прохладней,
И поток воды мерцал.
Старичок сидел на камне,
В небе звёзды созерцал.
Подбежал к нему вприпрыжку,
Синеглаз, рыжеволос,
Молодой совсем парнишка
И задал ему вопрос.
А глаза его горели,
Голосок звенел ручьём:
«Для чего на самом деле
В этом мире мы живём?».
Много знал старик горбатый,
Прочитал немало книг,
Но вопрос замысловатый
Вдруг врасплох его застиг.
Думал он и дни, и ночи,
В думах он встречал рассвет.
Так и помер он в раздумьях,
Никому не дав ответ.*

Анжелика КИПА

*А я надену яркие колготки
И буду бегать без сапог по снегу:
Все девушки немного идиотки,
Когда больны каким-то человеком.*

*Бегу к тебе, бегу, мне хватит силы,
Как без тебя душа моя страдала!
Давай плохое выбросим, что было,
И всю начнём историю сначала?*

*Я не смогу найти тебе замены:
Есть только ты, один на миллионы.
Люблю тебя почти что беспрдельно,
Я выхожу из допустимой зоны.*

*А я надену яркие колготки
И буду бегать без сапог по снегу:
Все девушки немного идиотки,
Когда больны каким-то человеком.*

*Сумасшествие нашей боли –
Это праздник любви и сердца.
Провожу я по ране солью,
Провожу я по ране перцем!*

*Хоть она зажила, но шрамы
Остаются на голом теле.
Мы не можем прожить без драмы,
А хотелось бы в самом деле...*

ФИЛОСОФИЯ ПОБЕДЫ

*Небо снова мне напишет
О цветах, о дне прекрасном.
Тот, кто хочет, смысл ищет,
Лишь бы было не напрасно.*

*Все ручьи стекутся в реки,
А моря да в океаны.
Я могла быть человеком,
Что на теле носит раны,*

*Только я такой не буду –
Философия победы.
Каждый вздох подобен чуду.
Я себя укрою пледом*

*Тёплых слов и комплиментов.
И душа моя в порядке.
Кончен век экспериментов!
Приросла я к этой грядке.*

БЕССОННИЦА

*Глухое тиканье часов,
Кухня сине-белая.
Ночь опять пришла без снов –
До чего же смелая!
На обоях блёсток гладь,
Тишина прозрачная.
На работу в пять вставать,
Как же незаманчиво!
И подушки сбиты в ком,
Одеяло мятое.
Где ты, драгоценный сон?!
Волшебство проклятое!*

Ольга ПИНИГИНА

НАСТОЯЩЕСТВЕННО

Первое, что приходит в голову, когда читаю настолько хорошие книги для детей: «Это очень настоящему!». Вот такой желательно быть современной детской литературе. Настоящей.

А как это? Настоящая – значит, добрая, мудрая, весёлая, но и с капелькой грусти тоже. И обязательно без тени слащавости, без малейшего намёка на неё. Как умели писать книги для детей раньше, продолжая традицию литературы, написанной хорошо.

И что ж значит хорошо? Образно, живо и с верой в то, что и юный, и вечно юный в душе читатель окажется настоящим, а не открыточно-правильным. Потому что живые люди иногда капризничают и неаккуратно вляпываются в осенние лужи, но при этом им не чужда любознательность и многое-многое другое замечательно хорошее. Как умели показать в своих произведениях это хорошее, рассказать о нём, побудить к нему живой, кипучей настоящей Агния Барто и Астрид Линдгрен. Галине Дядиной это удаётся тоже. На пять с плюсом.

Её поэзия замечательная. Например, тем, что она очень житейская. Жизненная. Очень-очень социальная и бытовая заодно. Такая, которую читаешь и думаешь: «Надо же, да ведь так и бывает!». А то философский стих нападёт не без смешинки и небольшой абсурдинки, переходя в психологизм вселенских масштабов, а то всё это вместе и сразу, да включая реализм в квадрате. Прямо как в стихотворении «Однажды кот завёл меня...», честное слово. «Да ладно, – удивится кто-то, – разве могут коты заводить людей?» Ещё как. Спросите котовладельцев.

Ещё стихи Галины Дядиной замечательны своей объяснительностью. Этот критерий, помнится, отлично сформулировала в своё время одна из моих детсадовских подруг: «Когда так скажут, что непонятное сразу теряет “не”». Действительно, у Галины Сергеевны объяснительность – это что-то такое, что и работает, собственно, на понимание, и красиво при этом, изящно без громоздких сложностей. Например, так в стихотворении «Генеалогическое дерево». В самом деле как хорошо и как понятно звучит: «На дереве гнездятся предки», а вот и автор стихов с детьми – чем не птица со своими птенцами?

У Галины Дядиной очень сочно, бодро получается говорить с читателями на темы жизненно важные, но при этом (будем честны) несколько заез-

женные. Нами, взрослыми. Мы ведь так стараемся, так хотим уберечь детей от всевозможных опасностей, что зачастую объясняем что-либо обжигашное до оскомины скучно. Рискну предположить, что «Бедные зебры» Галины Сергеевны, к примеру, могут неплохо выручить родителей, бабушек и дедушек, когда те объясняют малышам, где дорогу переходить можно, а где ни в коем случае нельзя.

А чего стоит другое, заглавное стихотворение книги «Имя Фамильево»! Настоящее ли оно? Ещё бы. Живое? А как же. Доброе? Да. Ведь бывает, еще как бывает такое: дети смеются и сочиняют дразнилки, а взрослые реагируют чуть более сдержанным образом (хотя когда как) на имена, фамилии ли с отчествами других детей и взрослых, если те кажутся им... Какими? Ответ прост: любыми, но не такими, к каким они привыкли. Галина Сергеевна ненавязчиво, мягко и вместе с тем очень человечно предлагает взглянуть на эту ситуацию. Дело-то ведь не в именах, фамилиях или отчествах, конечно, а в людях. И в том, что желательно быть человечными по отношению друг к другу.

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ПО-ДЕТСКИ

Когда заходит речь о гражданственности в нашей литературе, нередко представляется кто-нибудь великий... И уже мёртвый. Салтыков-Щедрин, к примеру. Или Некрасов. Я искренне люблю их произведения и много чьи ещё, Тютчева и Фета, например, которых едва ли вспоминают часто, говоря о гражданской, к примеру, а не любовной лирике. Или эпосе, драме... Не суть.

Но ведь гении прошлого тоже были людьми, а не статуями. Кто-то из них любил вкусно покушать. Кто-то любовался природой не для того, чтобы написать что-то вечное ровно в шесть тридцать, нет, просто ему нравился родной край, в котором он жил.

Дело ещё вот в чём: под гражданственностью в отечественной литературе как само собой разумеющийся факт мои сограждане (а опрошено их было мной не меньше сорока пяти, соглашусь, что выборка не очень большая) совершенно искренне часто подразумевают оды, прославляющие Родину, и бичевание социальных пороков, возможно, при наличии эзопова языка. При условии, что автора того или другого произведения уже нет с нами, а фотография его памятника размещена в школьной хрестоматии по литературе.

Причём те же самые люди удивляются, если предложить им поискать гражданственность в книге одного из ныне живущих писателей. Особенно сильно такое удивление может проявиться, если заговорить о том, кто пишет для детей. Но стоит прочитать два-три его стихотворения наизусть, и опрошенные нередко соглашаются, улыбаясь по-прежнему удивлённо, но шире, чем делали это минутой раньше.

Как сказали мне некоторые из них, они всегда полагали, что на тему гражданственности допустимо не только писать, но и говорить с теми, кому уже исполнилось не меньше пятнадцати, а то и двадцати, стараясь при этом ни в коем случае не перебарщивать с улыбкой, потому что тема-то серьёзная. И ещё сказали, что раньше не представляли себе живого писателя, который в наши дни может соответствующие произведения создавать, потому что классики уже сказали всё, сделав это на очень качественном уровне.

Впрочем, когда я цитировала «Слово о России» Михаила Исаковского, на всю жизнь запомнившиеся строки, хотя пройдено стихотворение было в начальной школе, всё те же респонденты кивали, соглашаясь опять и говоря, что и младшим школьникам, и детсадовцам можно и нужно воспринимать гражданственность. Да, мозг ребёнка отличается от такового уже взрослого человека в силу возраста, но гражданственность предполагает в первую очередь неравнодушие к своему Отечеству, а учиться этому никогда не рано.

Минуточку. О каком же из наших современников я говорила тем, кого опрашивала? Об Андрее Усачёве. И о его книгах «Прогулки по Третьяковской галерее», «В Эрмитаж пришёл поэт» и «Прогулки по Эрмитажу» (две последние написаны им в соавторстве с Галиной Дядиной).

Разумеется, это не искусствоведческая литература, а взгляд именно поэта. Его книги с прекрасными иллюстрациями (в том числе – репродукциями великих картин, представленных в этих замечательных музеях) очень хороши по той причине, что помогают разбудить в маленьких читателях интерес к огромным культурным богатствам нашей Родины, попутно рассказывая о нарисованных персонажах что-то важное с позиции гражданина, например, о былинных трёх богатырях. Или о легендарном подвиге Марка Туллия, который спас родной Рим. Или о московском двореке, который прекрасен и безмятежен, ведь неравнодушие к родной стране складывается и существует в чём-то малом и тихом ничуть не меньше, чем в более грандиозном.

Выходит, это познавательные и ненавязчиво прекрасные стихи, которые несут детям «разумное, доброе, вечное»? Да. С помощью хорошего русского языка, что тоже чрезвычайно важно. Читатели-то (и слушатели, если пока не умеют читать самостоятельно) маленькие, ещё только учатся, постигая родную речь! И в этих стихах гражданственность для детей? Как мне кажется, она самая.

Мария КУЗНЕЦОВА

КТО ИМЯ ДАЛ СЛАВНОЕ ГОРОДУ

Прокопьевск – город, в котором я родилась, выросла. Да, выросла, мне уже пятнадцать лет. И все эти пятнадцать лет связаны с городом моего детства. «Малая родина» – как-то не совсем сочетаемые слова. Может ли быть родина малой?

Родина! Как звучит громко!

А что такое Родина?

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова гласит: «Родина – Отечество, родная страна, место рождения, происхождения или возникновения кого, чего-нибудь».

А какие синонимы у слова «Родина»? Отечество! Страна! Государство! Держава! Россия!

Так и чувствуется Мощь! Сила! Единение!

Родина – это семья: большая, сплочённая. Семья, в которой живут родные люди. Родня – члены семьи, близкие по роду, духу, традициям, привычкам. Это дорогие, близкие, милые, понимающие друг друга люди – народ. Люди одного рода, одной нации.

Как родина может быть малой?! Город – неотъемлемая часть моей России. Я считаю, что город, в котором живут мои родители, родственники, друзья, люди, близкие по крови, духу, образу жизни, – это моя большая родина. Здесь мои корни! Здесь мой дом, мои любимые места. Родильный дом, в котором я родилась. Детский сад, в который я ходила с мамой и папой за ручку. Школа, которую окончила в прошлом году со своими одноклассниками. И даже они уже для меня родственники – мы вместе проучились девять лет. Девять лет грызли гранит науки! Улочки города, парки, зоны отдыха – любимые места горожан. И даже белки, которых мы любим кормить с подружкой по выходным. Пусть

не так много в моём прошлом, но это память – память моего детства.

Город наш необычен, уникален. Прокопьевск носит духовное имя – имя святого Прокопия Устюжского! Поэтому город просто пропитан духовностью!

Хотя раньше мне казалось, что имя города связано с чёрным углем – «промышленные копи», «прокопченный»...

А нет! Оказывается, что в имени есть более благозвучное и могучее.

Прокопьевск – в нём сила и мужество тех, кто осваивал Сибирь, тех, кто ставил на многотрудном пути первопроходцев часовенки в честь своего святого покровителя, а ещё смирение и любовь самого Прокопия праведного Устюжского чудотворца, благословившего свою новую Родину, жившего для людей и молящего за неведомых ему странников.

Имя города определяет судьбу горожан. Мы, потомки, должны соответствовать благозвучию своего города: знать прошлое, уважать историю города, быть неравнодушными к своему настоящему. То есть всему тому, что составляет основу любви к великой Родине.

Кто владеет прошлым – тот владеет настоящим.

Кто владеет настоящим – тот владеет будущим.

Кто он, праведный Прокопий? Версий появления праведного на Руси много. Как свидетельствуют некоторые церковные источники, он из бывших богатых иностранных купцов, ходивший по «обычаю гостей иноземных» на своём корабле в Новгород для торговли. Князь прусский, имя которого в миру – Гланда Камбилла Дивонович. Первый русский юродивый, что означает «безумец, обладающий даром прорицания», праведный Прокопий Устюжский. По словам потомка Прокопия А. А. Епанчина, который собирал информацию о своей родословной, от него пошло много русских дворянских родов – императорский дом Романовых, Шереметевых, Коновницыных, Сухово-Кобылиных, Епанчиных (Александр Александрович Епанчин (1948–1998) – краевед из Муром, собиратель исторических, фольклорных, церковных преданий). Более 20 боярских родов России возводят к нему свою родословную, рассказывая о знатном пруссе, воевавшем с тевтонцами и бежавшем со своей завоеванной родины.

Гланда Камбилла как историческая персона фигурирует отчётливо. Вождь самбийцев, возглавивший восстание своего народа против крестоносцев в 1260 году. Позднее имя Гланда Камбилла появится на Руси. В Новгороде он с именем Иван примет православие, пленившись красотой величественных храмов, звонами колоколов и благолепием пра-

вославных богослужений. Он роздал свои богатства бедным и поселился в Хутынском монастыре. Постригся в иноки и вновь поменял имя. Теперь он Прокопий.

С глубокой древности известно, что имя тесно связано с судьбой человека. Имя определяет цель в жизни человека, предлагает определённый способ существования на земле. Интересно, что линия имён Прокопия (Гланда, Иван, Прокопий) едина и идёт по нарастающей: Гланда – «утешение», Иван – «милость Божия», Прокопий – «вынутый из ножен, обнажённый меч». Каждое из имён говорит о СЛУЖЕНИИ.

Инок Хутынского монастыря Прокопий привлёк к себе внимание новгородцев, многие восхищались его смирением. Как истинный юродивый, он обладает пророческим даром. Избегая мирской славы, он с благословением духовного наставника покинул монастырь и отправился на восток. Пройдя не одну сотню верст, Прокопий добрался до Устюга. Там он и вступил на путь юродства Христа ради: ночи проводил в молитве на паперти Успенского собора, а днём ходил по городу в изорванной одежде, смиренно перенося насмешки и побои. Мало кто предлагал блаженному тёплый уголок и кусок хлеба. Не имея своего пристанища, часто ночевал у Успенского храма. Как-то голодный, замерзающий от зимней стужи, принял это как волю Божию. Но он молился за своих обидчиков, за град Устюг, за всех живущих в нём людей. Легенда гласит, что 21 июля 1303 года в Устюге выпал обильный снег. Но вскоре растаял везде, кроме одного места, у Михайло-Архангельского монастыря. Оказалось, что в этом месте под сугробом покоилось бездыханное тело блаженного.

Култ Прокопия сложился в Устюге в XVI веке. Были поставлены часовни, церкви, появились иконы. Через крестьян-беглецов из Устюга, Кайгорода, Вятки и деятельность купечества култ святого Прокопия праведного стал бытовать в Томском и Кузнецком округе. Богатый сибирский край способствовал развитию и процветанию купечества. Купцы закупали у населения грибы, ягоду, орехи, мёд; вывозили лес, рыбу, пушнину...

Поселенцы же за бытовыми заботами никогда не забывали о духовной составляющей своей жизни. Жители Сибирского края, а историки утверждают, что это были устюжане, чтили праздник 8 июля, не потому, что это праздник Казанской иконы Божией Матери, а потому, что это Прокопьев день, то есть день Прокопия Устюжского. В разных уголках Западной Сибири были построены молитвенные дома, часовенки, церкви, посвящённые Прокопию праведному, возведены храмы.

В 1618 году был основан Кузнецкий острог, в 1648-м – село Монастырское вблизи мужского Христорождественского монастыря.

В Монастырском приходе была церковь во имя святого Прокопия Христа ради юродивого Устюжского чудотворца, построенная в 1872 году. А в Манеихинском лого (на территории села Монастырского) над родником стояла часовня. Каждый год жители совершали пышные шествия к часовне и брали святую воду из родника. Во имя святого Прокопия была освящена и Прокопьевская церковь. Почитание святого было столь велико, что к 1868 году село Прокопьевское и деревня Монастырская слились и получили общее название – Прокопьевское. В 1911 году село Прокопьевское становится центром одноименной волости. С 1917 года начинается промышленное освоение Прокопьевского рудника. Село преобразовалось в рабочий поселок. С 1931 года населённый пункт носит статус города Прокопьевска.

Наша страна – грандиозна, неповторима. Духовностью буквально дышит вся история. Россия – страна великого прошлого: в её берёзовых солнечных рощах по сей день чувствуется дух русский, а священные дубы и кедры украшены трепещущими на ветру яркими лоскутками. Над её степями плачут жалейки в честь древних божеств и героев... Народные праздники, традиции, обряды ...

В сознании народа глубоко укоренился идеал страны – Святая Русь.

«Россия – единственная страна мира, – писал Рерих, – которая величайшим праздником своим славит праздник утверждения жизни».

А духовность – идеал нашей русской нации!

Альбина КУКЛИНА

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ВОЛЬТ ОЧАРОВАНИЯ

Для Светланы Коробкиной – ведущего инженера группы высоковольтных испытаний и измерений электрооборудования станции – нынешний год дважды юбилейный. В 2018 году исполнилось ровно 10 лет, как Светлана трудится на электростанции, в этом же году ей исполнилось 30. «Не влезаешь – убьёт» – таким знаком обычно отмечают опасные объекты под высоким напряжением. Фраза

вызовет страх у любого, но только не у Светланы. Она знает, как обращаться с высоким напряжением, для неё это привычные рабочие моменты.

История моей героини не начнётся со слов «Света с детства мечтала стать высоковольтником». Как многие девочки в этом возрасте, она хотела стать продавцом, в подростковом возрасте – всерьёз подумывала о работе юриста. Но как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

Так случилось, что профессия сама выбрала Светлану. Несмотря на это, её работа стала и любимой, и желанной. Свой коллектив – мужскую бригаду из пяти человек – Светлана ласково называет «моя рабочая семья».

Светлана родилась в семье пограничника 28 мая, в День пограничных войск, – удивительное совпадение! Только если у Светиного папы была профессия Родину защищать, то у Светланы – Родину освещать и согревать как в прямом, так и в переносном смысле.

В Светланином характере при всей её женственности присутствует стальная основа, которая есть не у каждого мужчины. Рождённая в простой рабочей семье, Светлана с детства впитала установку: чтобы что-то иметь, необходимо усиленно трудиться.

Пришло время выбирать профессию. Поскольку семья не богата, поступить в институт не было возможности, несмотря на Светины хорошие оценки в школе. Оставался колледж. Геолог, строитель и электрик – бесплатные специальности. Выбор пал на профессию электрика.

В этой студенческой группе знаменитая статистика «на десять девчонок – девять ребят» была прямо-таки обратной: здесь в группе из 22 человек училось всего 5 девушек, среди них – Светлана, которая окончила колледж с красным дипломом, о ней до сих пор вспоминают преподаватели как об одной из самых лучших студенток.

Светлана тоже с любовью вспоминает годы учёбы в колледже, тогда она впервые познакомилась с настоящим электродвигателем, узнала, благодаря кому во все дома поступает тепло и электричество и становится возможной работа предприятий, почувствовала значимость профессии энергетика. С каждым курсом интерес к выбранной профессии усиливался. На четвёртом курсе в семье Светы случилось беда – серьёзно заболела мама, инсульт, парализация. Забота о маме полностью легла на Светины плечи. Она была рядом с ней сутками, кормила с ложечки, как когда-то мама заботилась о ней во младенчестве. Света так научилась чувствовать маму, что стала понимать её по глазам.

Кроме ухода за больной мамой, Свете нужно было вести хозяйство и при этом учиться. Сказать,

Анна КАУТЕР

ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ

что были трудные времена для юной девушки, – ничего не сказать... Но сибирская земля особенно часто рождает людей крепких духом, таких как Светлана. Эта девушка своей любовью, верой и каждодневным неустанным трудом сделала всё для того, чтобы мама не только снова встала на ноги, но и научилась ходить, говорить и писать. Пока мама была прикована к постели, Света редко бывала в колледже, при этом одна из первых сдавала курсовые проекты, зачёты, экзамены и всегда только на отлично. Выпускной дипломный проект она защитила блестяще.

После окончания колледжа Светлана сразу устроилась на Южно-Кузбасскую ГРЭС в электрический цех, в группу высоковольтных испытаний и измерений, заочно поступив в университет, по окончании которого Светлану утвердили на должность инженера. Светлана испытывает высоким напряжением, в сотни раз превышающим 220 вольт, изоляцию обмотки оборудования. Такая проверка позволяет избежать аварийных ситуаций в работе электростанции.

Сильная, целеустремлённая, решительная. Двести двадцать вольт очарования – так можно сказать про Светлану.

На вопрос, не страшно ли выполнять такую ответственную работу, Светлана ответила:

– Я считаю, что ничего не боится только глупец. Интересно, что сначала не было страха, так как не было осознания того, насколько это может быть опасно. Понимание пришло позже, с опытом. С тех пор, как я стала мамой, осознание опасности профессии стало особенно сильным... У нас говорят: «Высоковольтник, как и сапёр, ошибается один раз». Страх нужен, поскольку он защищает от опасности, но надо уметь его купировать. Бдительность, соблюдение правил охраны труда, использование средств индивидуальной защиты – это обязательно в нашей работе.

Светлана всегда говорит: «Для меня успех – это след, который оставляет после себя человек в своей сфере деятельности, степень востребованности результатов его дела другими. Кое-что я после себя оставляю. Поэтому не беспокоюсь за будущее своего дела. Конечно, многое ещё не сделано, есть планы – это радует. Мне не стоит обижаться на судьбу: у меня есть любимая работа и любимая семья. Я занимаюсь тем, чем хочу. Я полагаю, что успешность определяется не столько статусами и рангами, сколько тем, как человек чувствует себя в окружении близких ему людей. Самое важное в жизни – это семья. У женщины в голове тысяча и одна мысль, вот и в моей постоянно присутствует работа, но я никогда не приношу рабочие моменты и рабочее настроение домой. Семья есть семья, работа есть работа».

Нередко мы слышим поговорки «Где родился, там и пригодился», «Жить – Родине служить», «Своя земля – свой прах» и другие. Действительно ли судьба Родины во многом зависит от судьбы человека? Узнавая о жизненном пути моей бабушки, я поняла, что ответ на поставленный вопрос будет положительным.

Я Анна Каутер, обучаюсь в Киселёвском педагогическом колледже. С детских лет интересуюсь судьбой близких людей. К их числу принадлежит и бабушка Вера Алексеевна Черняева. Всю жизнь она живёт в посёлке Маяковка.

Именно бабушка открыла для меня красоту нашего небольшого посёлка. Она всегда гордилась, что живёт здесь. Мы много вместе гуляли, и она учила меня слышать звуки леса: пение птиц и шум листвы, журчание ручьёв. Меня всегда удивляло, что она разговаривает с лесом, как с живым существом. Она научила понимать прелесть того, что нас окружает, хотя на первый взгляд ничего особенного в этом не было. Как ни странно, бабушку привлекало болото, находящееся в чаще зелёного леса. Она считала его особенным. Рядом с ним всегда можно найти спокойствие и уединение, вокруг – ни души, можно поплакаться – никто не увидит и не услышит.

А ещё бабушка с гордостью говорит о своих земляках – жителях посёлка. Её всегда притягивала широта души, открытость и бесхитростность односельчан. А может, именно она и притягивает к себе таких людей? Ведь Вера Алексеевна всегда готова выслушать, поддержать, прийти на помощь. «Мы все – одна большая семья», – говорит бабуля. Может, потому она и не уехала из посёлка.

А возможность такая была, и неоднократно. Както она рассказала мне историю, случившуюся с ней в студенческие годы. В 1975 году от колхоза «Маяковский» бабушку отправили на обучение швейному мастерству в Москву. Она была рада, ведь Москва, столица России, – город, который поражает воображение каждого. Он навсегда остаётся в памяти любого человека. Вера Алексеевна была очарована его красотой, размахом. Один Кремль чего стоит! А Красная площадь, которая, кажется, не имеет ни начала, ни конца! Больше всего бабуля запомнила посещение Мавзолея, а именно очередь, которая каж-

дый день была нескончаемой. Нужно было немало сил, чтобы выстоять. Столица очаровала её. Бабушке представлялось, что она оказалась в каком-то другом мире. Неповторимые архитектурные решения, невиданные; городская суета, потоки людей – всё это не могло оставить равнодушным.

В швейном училище она училась с удовольствием. Изготавливая что-то новое, часто импровизировала, любила, чтобы её изделия были яркими, интересными. Особенно ей нравилось делать весёлые игрушки для детей, она вкладывала в них частичку своей души. Ничего подобного на полках в магазине не встретить. Такие работы не могли остаться незамеченными. Ей предложили остаться в Москве с предоставлением работы в престижном ателье, квартиры. Для студентки предложение было очень заманчивым, но бабуля от него отказалась.

Услышав её рассказ, я была поражена. Разве можно отказаться от такого предложения? Упустить такой шанс? А бабушка ответила: «Понимаешь, я родилась не в Москве, а в небольшом посёлке. Именно здесь я научилась разговаривать, делать первые шаги. Здесь я впервые увидела, как начинается новый день, услышала звонкое, переливчатое пение птиц, шёпот деревьев. Моя душа, моё сердце – здесь. Разве можно отсюда уехать?»

Её рассказ помог и мне понять, что я люблю свою малую Родину и никогда её не покину. Я решила, что тоже всю свою жизнь посвящу своему посёлку.

А бабушка, окончив швейное училище, приехала домой и устроилась на работу в Дом культуры. Обучала ребятшек шить и вышивать, водила их на экскурсии, в походы. Она считает, что именно дети определяют будущее своей страны, поэтому всегда старалась в каждом ребёнке воспитать патриотизм, любовь к труду. В одну из летних экскурсий бабушка повела детей к роднику – сердцу нашего посёлка. Невероятной красоты место. Пока они шли до родника по тропинке, любовались окрестностями. Коренастые, крепкие берёзы раскидали по сторонам свои ветви, будто бы оберегая маленькие стройные берёзки от неожиданных посетителей. Чуть ли не через каждые два-три метра встречались трудяги-муравьи, которые пыхтели, неся на себе крошечную соринку для укрепления своего дома. Вдали росли необыкновенной красоты цветы, из-за своего разноцветья напоминавшие радугу после долгого ливня. Было ощущение сказки, но сказка их ждала впереди – у самого родника. Вокруг него росли кусты уже зацветшей черёмухи, оттого все присутствующие ощущали волшебный аромат; а наклонившись к воде, видели отражающееся в воде ярко-голубое безоблачное небо.

Дети шутили, что пьют они не воду, а небо, – до того волшебной казалась им родниковая вода.

В это место ребята вместе с бабушкой приходили часто – слушали щебет птиц, стрекотание кузнечиков, жужжание шмелей, учились понимать голос природы. И так не хотелось возвращаться домой. А когда родник заполнялся опавшими осенними листьями, бабушка вместе с детьми спешила к нему на помощь.

Шли дни, Вера Алексеевна совершенствовалась в профессии, стала заведующей Домом культуры. Она называла его «мастерской детских душ». Он стал для неё вторым домом – там она воспитывала и родных детей, и детей, живущих в посёлке. Хотя всех детей она любила, как родных, поэтому и вкладывала в каждого ребёнка всё самое лучшее. Из поколения в поколение учила детей нравственности, труду, прививала любовь к малой Родине, пока в нашем посёлке не наступили трудные времена.

Закрыли всё: и детский сад, и школу, и больницу, и место для торжеств. Не просто закрыли, а разобрали по кусочкам – оставался лишь фундамент, который едва виднелся из-за свежей, оттого сильной, разрастающейся травы. Оставалось единственное место, которое могло бы спасти жизнь нашего посёлка, – Дом культуры. Но и его настигла беда – денег для содержания клуба посёлок уже не имел, да и вообще денежная проблема в селе разрасталась молниеносно, поэтому предложение приезжих людей о выкупе клуба под зерносклад рассматривалось на полном серьёзе. Это известие до самой глубины души тронуло мою бабушку. Она понимала: пропадёт Дом культуры – исчезнет родной душе посёлок, но не в силах была противостоять приезжим людям, тщетно пыталась объяснить им важность Дома культуры для посёлка. Её не слушали и уже были готовы выкупить «мастерскую детских душ». Но случилось, как говорит бабуля, чудо, Дом культуры не подошёл по размерам для зерносклада. Кроме того, требовались значительные перестройки для приведения его в статус зерносклада, что оттолкнуло покупателей. В тот день бабуля ликовала, ведь она вновь могла приступить к работе, увидеть радостные лица детей, предвкушающие, что сегодня они узнают что-то новое, необыкновенное.

С годами сфера деятельности Веры Алексеевны становилась всё шире. Теперь дети вместе с ней высаживали крохотные саженцы деревьев, очищали село от мусора, радовали жителей посёлка своими выступлениями, организовывали игры, различные забавы. Более того, теперь уже взрослые стали ходить вместе с ней в походы. А какие праздники

организуются в Маяковке! На них приезжают и гости из города. С радостью Верой Алексеевной принято решение руководства посёлка установить памятник героям, павшим в годы Великой Отечественной войны. Он станет символом памяти, центром единения жителей посёлка.

По примеру моей бабушки многие односельчане приняли решение остаться жить в своём родном посёлке, совершенствовать его. И моя мама Евгения Константиновна Каутер пошла по стопам бабушки. Уже более десяти лет она работает в Доме культуры.

Старания бабушки не остались незамеченными – у неё много наград за многолетний добросовестный труд. Ни разу она не пожалела о принятом когда-то решении остаться в посёлке. Благодаря и её усилиям посёлок сегодня живёт и развивается.

Именно Вера Алексеевна, моя любимая бабуля, заложила фундамент нашей семейной династии. И я приложу все усилия, чтобы продолжить дело бабушки и мамы. Надеюсь, у меня получится.

Ирина ЗЕМЧЕНКОВА

СЕКРЕТ СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ КУЗБАССКОЙ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ

Семья самое ценное, что есть у человека, она занимает важное место. Семейный круг – именно здесь, как нигде, можно вырастить счастливых и любящих нашу зелёную планету людей.

Счастливая семья – это безопасная и спокойная гавань. Я расту в многодетной семье: у нас шесть детей. Я и пять братиков. Могу с уверенностью сказать, что мы счастливая семья и не потому, что у нас большой дом или крутая и престижная машина, а родители работают начальниками. Ведь в современном обществе большинство людей именно это считают главным в жизни, и от этого зависит их семейное счастье. Но нет – это большая ошибка. Нет, в нашей большой и дружной семье ничего этого нет. Мы простая сельская многодетная очень дружная семья, у нас самая простая машина, небольшой домик, но главное, у нас есть крыша над головой и наш дом всегда наполнен детским смехом и роди-

тельским теплом и лаской. Наши родители – простые работники компании «СУЭК-КУЗБАСС» и трудятся, как и все, на благо родного края. Все свободное время они дарят нам, своим детям, именно общение в кругу семьи между всеми членами, семья даёт заряд теплоты и любви. Ведь это очень важно и ценно, не проводить время с друзьями или просто у телевизора, а с мудростью делиться накопленными за день событиями и планами. Вести здоровый образ жизни всей семьёй. Хотя у наших родителей не так много свободного времени, но они всегда ездят на соревнования вместе с нами, поддерживают нас, а самое главное, они подают пример, ведь именно родители приучали нас с детства вести ЗОЖ.

Могу гордо сказать – это время, потраченное нашими родителями не на большие заработки, а на семейные ценности, дало отличные результаты. Из восьми членов нашей семьи пять уже имеют золотые знаки ГТО, в том числе и мама с папой. А двое младших дошколят уже сдают свои первые нормативы и скоро станут обладателями знака ГТО.

Представьте себе многодетную семью. Заботливые родители обсуждают за ужином с детьми, как прошёл день. Дети наперебой рассказывают о том, что случилось в школе, в институте. Вместе отдохнув, и родители, и дети получают заряд бодрости на следующий день, когда им вновь предстоит разойтись по своим делам.

В счастливой семье каждый ребёнок знает: если он заболел, папа и мама будут заботиться о нём, возможно, всю ночь сменяя друг друга у его постели. Дети понимают, что, придя к маме или отцу с любой своей бедой, они получают совет и поддержку. Каким бы тревожным ни был мир за порогом дома, ребёнок чувствует себя в безопасности.

Возможно, ты сейчас думаешь: «Я люблю свою семью, но она совсем не похожа на ту, которая здесь описывалась. У нас с супругом разные графики работы, и мы едва успеваем видаться. А говорим мы в основном о денежных проблемах».

Здоровый образ жизни в значительной степени содействует разумному удовлетворению физических и духовных потребностей человека, формированию социально активной личности. Позаботьтесь и о себе, и о других. Давайте уже сейчас задумаемся, ведь жить здоровым, бодрым и весёлым гораздо лучше.

Могут ли люди жить вместе долго и быть при этом счастливой семьёй? Да, мой ответ однозначно

да. Главное – два ключа, благодаря которым открывается дверь в счастливую семейную жизнь.

И вот они, ключи семейного счастья!

Первый ключик – это любовь, она покрывает любые ошибки.

А если в семье есть любовь, будет и уважение. Именно уважение – второй ключик секрета семейного счастья многодетной семьи, и не только. Эти два ключика должны иметь все семьи: и молодые, и пожилые, все, кто желает иметь счастливую, крепкую, дружную семью. Это счастье, когда есть место, где тебя ждут и любят всегда. Никогда не скрывайте ту любовь, которую вы, несомненно, испытываете к ребёнку.

Итак, окружите свою семью любовью, это наилучший и эффективный способ открыть дверцу, ведущую к счастливой семейной жизни!

Анастасия ОСИПОВА

ЧТО ЕСТЬ КНИГА?

Книга – это авторский текст, который содержит в себе отражение его внутреннего мира. Поэт чаще всего пишет о том, что он пережил, или о своём мнении по какому-то поводу. У каждого из людей – тяжёлая судьба, и у поэтов тоже. Творческий человек пишет для того, чтобы найти ответы на свои вопросы. Его внутренний мир интересен и многогранен. Это огромная библиотека, где хранятся книги его жизни, его переосмыслений, его стихов, прозы и всё то, о чём он пишет и думает. Есть очень тоненькое различие между поэтом и просто челове-

ком. Поэт рождается поэтом. С самого рождения, с малого возраста в его сознании происходит нечто необычное. Таких людей немало, и они очень интересные личности. Когда родился человек и ему судьба написала: «Ты будешь поэтом», он уже начинает развивать это в себе. Некоторые поэты с детства любят рисовать. Это развивает фантазию и воображение для будущих произведений. Мне вспоминается, что в детстве я любила раскрашивать. Думаю, что таким образом я тоже развивала фантазию. Позже начала придумывать разные истории, сказки. Поэтические способности развиваются с того момента, как начинает развиваться духовный мир человека. Мне интересно читать стихи авторов, которые пишут о своей жизни. Нравится, когда автор передаёт мудрость и делится своим каким-то опытом. Думаю, что однажды поэт создаёт своего героя произведений, который с момента создания сопровождает и участвует в произведениях автора всегда. Это герой очень обычный. Он может меняться полностью как внешне, так и внутренне. Почему же героев произведений не может быть несколько? Потому, что автор в своей душе, из своего мира ищет такого человека, с которым ему будет легко и интересно. Он его как бы «забирает» из своего мира и делает с ним, что захочет. Автор может своему герою приписывать разные черты характера, изменять его внешность. У поэта в голове очень много мыслей. Он умеет работать с ними, так как умеет чётко и ясно выражать на листе свои мысли. Писать произведение – это как общаться. Но общение это не с людьми, а с бумагой. И вроде человек общается с самим собой и по идее должен быть откровенным. Но не всегда это так. Иногда ты просто боишься себе в чём-то признаться. Ты боишься узнать о себе что-то новое, то, от чего ты вообще в изумлении будешь.

В залах Кемеровского областного музея изобразительных искусств прошла выставка «Русский проект». Она представила творчество московского художника Юрия Николаевича ЮРАСОВА (выпускника Кемеровского областного художественного училища (КОХУ), отметившего в этом году своё семидесятилетие.

Выставка (третья) продолжает реализацию проекта «Знай наших!» – проекта, созданного по инициативе КОМИИ (автор М. Ю. Чертогова), в рамках мероприятий, посвящённых 300-летию промышленного освоения Кузбасса.

Проект содействует расширению традиционного представления о крае, который является не только индустриальным, но и крупным культурным центром. По сути, это серия выставок, представляющих творчество российских художников – выпускников Кемеровского областного художественного училища (ныне колледжа).

Юрий Николаевич ЮРАСОВ родился в 1949 году в Барнауле. Поступил в КОХУ в год его основания (1972), представитель первого выпуска. Преподавал в КОХУ (1986–1990). Один из организаторов и постоянный участник выставок «Бедная Лиза» (1989–1999) – выставок группы кемеровских художников, сотрясавших в постсоветские времена устои традиционного искусства. Живёт в Москве с 2004 года.

Юрий Юрасов и Марина Чертогова

Воспоминания о Тарусе. 2010

Карусель. 2016

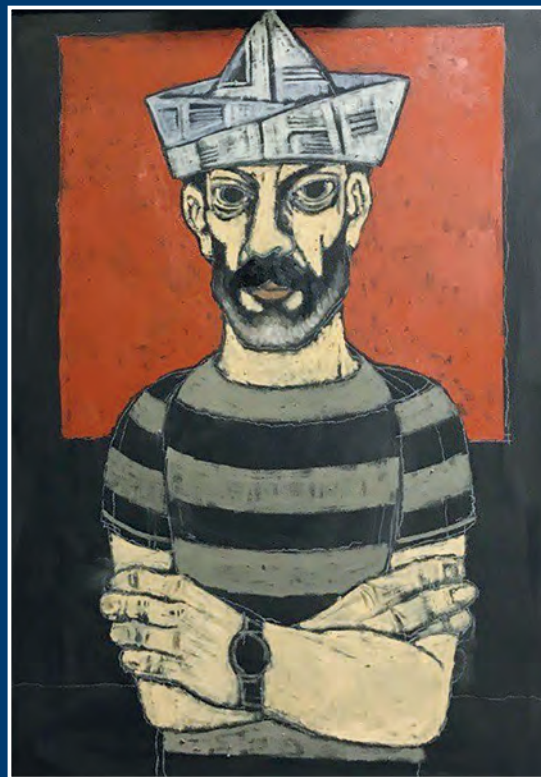
Мама. 2016

Шопен. Марш № 5. 2010

Шекспир. Король Лир. Театральный плакат. 2017

Александр Чумашвили. Май 2018

Я тот, кто я есть. 2016

Екатерина Ивановна. 2010

Пятница 13-е. 2010

Дорогой Александр Николаевич! Поздравляем тебя с 65-летием, к которому ты пришёл и как писатель, и как художник. Во всех ипостасях читатели журнала знают тебя как нашего постоянного автора. Продолжай творить и радовать нас, твоих верных читателей.

Александр БРЮХОВЕЦКИЙ

РАССКАЗЫ

ТРЕВОЖНЫЕ СНЫ ЕЛДЫГИНА ИВАНА

Сны бывают разные – хорошие и плохие. Хорошие – это когда деньги снятся в большом количестве: они падают, падают прямо на голову, как осенние листья, хоть метлой их заметай в нужную сторону... Деньги, они любят, когда их в нужном направлении гребут, не куда-нибудь, понимаешь, в канаву, а прямо через руки в мешок... в большой мешок...

Ивану как-то приснилось подобное, так он чуть с ума не сошёл, когда проснулся, – целый день под впечатлением ходил...

Плохой же сон – это когда пиявки снятся, пауки и начальство всевозможное, от самого мелкого и до самого...

А Иван Елдыгин с детства боится пауков и начальство. Ну с первыми понятно – они волосатые, со множеством ножек и кусачие в принципе, а начальство – оно хоть внешне и благопристойно выглядит, но внутри у него достаточно много этих самых кусачих паучков и всякой другой твари. Иной раз глянет Елдыгин такому в лицо и сразу чувствует – не поздоровится... Оно, начальство просто сверлит своими паучьими глазами Ивана, чтобы тот не вздумал голову поднимать вверх. Не к лицу всяким Елдыгиным голову поднимать...

Иван даже полицейского боится на дороге с полосатой палкой: не пьян, а боится, и это у него

выражается сразу же при езде: руки начинают дрожать, сердце чаще биться, «Жигули-копеечка» туда-сюда, туда-сюда – виляет во все стороны машина, спасу нет... Как вроде преступник Иван. У него что-то с ассоциативным мышлением не в порядке: представитель закона должен вроде бы за преступниками бегать, а не за машинами без техосмотра и страховки, а тот – к Елдыгину с трубочкой: «Дышите, сильнее дышите!». А Иван: «Ваше дорожное сиятельство, я вообще редко употребляю, разве что по праздникам да после бани».

В общем, неприятности у него на почве страха. В далёком детстве у него инцидент случился, вот, наверно, с тех пор и тянется... Было ему года три, и он решил камни в памятник бросать. Может, у него отец тоже камни бросал в памятники, а может, и дед с бабкой тоже, возможно, это на генном уровне у Елдыгиных – камни бросать куда ни попади... А памятники, они, конечно же, не всяким проходимцам, типа Ивана, ставятся, а, как правило, только заслуженным людям. Представить даже страшно, если начнут ваять скульптуры любому смерду – пройти невозможно будет...

И вот, значит, захотелось маленькому Ванечке камешек пулнуть в побеленного известью истукана, то бишь зов предков проявился в юной головке, потребовали буквально дед с бабкой –

Брюховецкий Александр Николаевич родился в 1954 году. Лауреат Всероссийского конкурса «Светлые души» имени В. Шукшина, лауреат журнала «Огни Кузбасса», премии «Энергия творчества». Автор пяти книг прозы: «Летающий мужик», «Камень», «Красиво живём», «Поехать в небывое», «Запах солнца». Печатался в журналах «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», «Молодая гвардия», «День и ночь», «Лад Вологодский». Член Творческого союза художников России. Член Союза писателей России. Живёт в селе Колмогорово Кемеровской области.

пульни, и всё тут! И Ваня пульнул камешек... Удачно пульнул!.. Прямо в голову! Второй раз пульнул – тоже не промахнулся. В общем, развлекается ребёнок... Малец бы и не запомнил этой шалости, если бы не дядя, больно схвативший его за руку.

– Ты что же, такой-сякой, в начальство камни бросаешь? – рявкнул он.

Ваня три дня потом не разговаривал, мычал только. С тех пор он понял, начальство – это святое.

А потом по бурным рекам жизни Иван то здесь, то там сталкивался с этими самыми начальниками, потому как без них практически никуда... Желудком Иван смотрел на начальство, особенно в постперестроечные годы. Он, быть может, и в морду хочет дать работодателю, но не смеет, мычит только: «Ага. Угу».

– Елдыгин, мы тебя переводим на другой объект, – говорит строго ему начальство в очках и при галстуке. – Там Пресноплюев запил и не выходит на смену уже неделю, а объект наиважнейший, понимаешь ли.

– Ага, – сказал Иван, а у самого мурашки крупные-крупные по спине забегали от страха, прямо в душу заскакивают, а там уже и без того кошки сидят и скребутся... И до того ему неприятно от этой новости, что словами не описать. Это поймёт лишь тот, кто работал охранником, а Елдыгин именно им и подвизался (куда ж ему ещё, как и всем другим).

Тот, кто работал охранником, знает – походишь на энном объекте – привыкаешь... Знаешь, куда спросонья при малой нужде без промедления завернуть, потому как начинаешь буквально по-домашнему к объекту относиться. Второй дом, одним словом, этот объект. Стены становятся родными, прирастаешь к ним – хоть отскабливай потом. Главное, на смене день продержаться, пляясь на посетителей, а ночь в твоём распоряжении – спи не хочу, и пусть весь мир летит в тартарары... Иван Елдыгин спит! А почему, спрашивается, он должен напрягаться? Зарплата маленькая – один вид только её, вот и Иван делает видимость работы – изображает из себя охранника. Ему главное – до пенсии дотянуть. Он даже попросил начальство об этом: «Буду Вам очень и очень благодарен, если Вы мне позволите здесь доработать до пенсионера. Я готов даже в отпуск не ходить, чтобы того... во благо частного охранного предприятия!..»

Начальство было тронутو этим заявлением и дало добро, но при этом стало ещё чаще бро-

сать его с объекта на объект. Тяжело было Елдыгину... И вот наконец-то заветный возраст!.. Он новоиспечённый пенсионер! В шестьдесят лет – на пенсию!.. И пусть позавидует ему будущее поколение престарелых охранников, которым подняли пенсионный возраст!

Теперь он дома ночует, даже не верится Елдыгину, что не надо робеть перед начальством, мычать чего-то под нос. Он теперь сам себе начальник. Шестьдесят лет он под ними ходил, прогибался, сюсюкал чего-то... Он даже грушу смастерил из старых джинсов, набив её песком, чтобы душу отводить: «На, собака, на!». Кого он там имел ввиду, нанося хуки и апперкоты, можно только догадываться. Дома он теперь. А дома он с закрытыми глазами дорогу в туалет найдёт, только вот...

Только стали его неприятные сновидения одолевать: вроде он, Елдыгин, работу потерял. Сказалась, конечно, долгая работа охранником. И не беда, что за эти годы он только на крышку от унитаза заработал, присматривая за чужим честно наворованным добром. Может, откладывая часть от пенсии, Иван к концу жизни и на сам унитаз накопит, а потом и на гроб. И хоть он уже и не работает в доблестной охране, а сны всё о том же... Вроде приходит Елдыгин в офис к начальству, а там ему с порога:

– Вы, господин Елдыгин, уволены.

– Да как же!.. Мы же того... договорились, мол до пенсии... – мямлит он во сне, испуская слюни.

– Вот физиономия ваша, – отвечает начальник ЧОПа, – не нравится нашему клиенту, мятая у вас она, старческая...

– А может, на другой объект, – волнуется Иван, – я хоть куды, лишь бы дотянуть...

– Нет нет, не можем – увольняйтесь!

– Да куды ж я!.. Да я с голоду того...

Просыпается Елдыгин в холодном поту, но постепенно успокаивается, вспомнив, что он уже на пенсии, а на следующую ночь опять тот же зловещий сон... Он даже грушу боксёрскую перестал бить, но бесполезно...

Баба ему как-то сказала:

– Ты бы портрет этого начальника повесил в комнате, что ли? А то так и с ума сойдёшь.

– Может, ишо и помолиться на него? – психанул он.

Время шло, Иван живёт, и сны снятся чаще и тревожнее. Он уже и туалет свой стал путать с ранними производственными – сразу не нахо-

дил, блуждал по комнатам. Вот что значит – десять лет прыгать по объектам...

Вспомнил Елдыгин про бабую мысль о портере начальника да и повесил его над кроватью – всем говорил, что это близкий родственник. Вроде помогло, даже удивился Иван. Реже подобные сны стали посещать. Всё чаще видел он цветущий картофель с колорадским жуком, облака, плывущие куда-то, даже Советский Союз приснился – приятный такой, тёплый, пощупал его Елдыгин. Баба потом долго приставала к нему: расскажи да расскажи про тот чудесный сон – не смог он рассказать, бубнил только одно: «Рай снился... Работа была».

Вот таким образом Иван привёл себя в душевное равновесие с этим самым портретом. Другой раз даже искоса зло посмотрит на него, а убирать боится, вдруг опять кошмары пойдут...

Сны дурные не посещали его даже тогда, когда попробовал вновь грушу самодельную с песочком подолбить мощными кулаками. Сначала он отработывал хуки и апперкоты молча, представляя кое-кого при этом, потом осмелел и стал выкрикивать на выдохе при каждом ударе: «На, собака!.. На!». И ничего...

Вот так и жил.

ГРИГОРИЙ И БЕНДЖАМИН

Григорий Сероштанов, немолодой человек без образования и семьи, жил тихо и бедно. Жил настолько тихо, что казалось, живёт только его тень, а не он сам. Его небольшой дом был старым, почерневшим от времени, с растрескавшимися брёвнами и гудящими в их глубоких расщелинах осами и шмелями. Крыша с изодраным в прах рубероидом прогнулась настолько, что готова была рухнуть в любой момент самостоятельно, не ожидая никаких природных катаклизмов. Окна искривились, придавая ветхому жилищу косоглазие и лёгкий испуг.

Внутри дома полы были вздыблены, особенно в кухне, да так, что середина комнаты представляла собой некое подобие горной вершины, словно в подполе жило огромное чудовище и готовилось вот-вот вылезти на свет божий. С одной стороны этого деревянного взгорья, у входа, стояла разлапистая кривая печь, с другой, не теряя стиль интерьера – перекошенный стол. Ещё был кухонный шкаф, такой же старый и серый, а в другой комнате – деревянный шифоньер советского покроя, кровать с панцирной сеткой да маленький выпуклый телевизор. Это было всё

богатство, доставшееся Григорию Сероштанову по наследству.

Он был необщителен, нелюдим. Напивался, когда сильно того хотелось, но нигде не появлялся в нетрезвом виде. Сажал Григорий ранний картофель и возил его на городской рынок, были ещё кролики, куры – тем и промышлял. Сколько ему лет, он сразу бы и не ответил, потому как не заострял на этом внимание. Он выглядел всегда в одной поре, как будто время остановилось на нём, не посчитав нужным хотя бы слегка пробороднить на его смугловатом и худом лице некое подобие старческих морщин. А морщины должны уже быть – Сероштанов давно на пенсии. Справедливости ради необходимо отметить, что Григорий на государственное пособие вышел довольно рано – в сорок восемь лет, за какой-то советский «горячий цех», о котором никто толком не ведал.

Жил Григорий скромно, экономя буквально на всём, и вот однажды он обнаружил у себя значительную по сельским меркам денежную сумму – на корову хватит – дойную, породистую, а может, и на подержанный иностранный автомобиль. А нужна ли ему была эта корова или тот же автомобиль, он не знал. Григория обуревали другие мысли, тяжёлые, как свинец, давившие мозги ежедневно, ежечасно: что будет с рублём? Не будет ли дефолта?

Он каждое утро пересчитывал деньги, бережно перекладывая их из одной стопки в другую, но знал, деньги в одночасье могут потерять свою номинальную стоимость – так уже было, дважды было на его памяти. Первый раз при кончине Советского Союза – пропали все накопления, которых хватило бы на новые «Жигули». А при последнем обвале рубля он потерял не только накопления, но и жену, и всё из-за того, что Григорий упрямствовал, боялся связываться с иностранной валютой. Рассорились они в пух и прах, как говорится, и Григорий был вынужден уйти, оставив жене городскую квартиру, а сам перебрался в родительский дом. «Лох, он и в Африке лох!» – услышал на прощание от своей благоверной. И вот теперь он снова стоял перед выбором...

Сероштанов боялся, чувствовал, к цыганке не ходи, как только у него заводится копейка – жди дефолта. Словно кто-то сверху зорко следит за ростом его благосостояния, чтобы тут же наказать Сероштанова, мол, нечего богатеть всякому смерду. Богатый вовремя переведёт свои накопления в твёрдую валюту – тёртый потому что,

ловкий и хитрый, а Григория жизнь бьёт-бьёт, а он не становится мудрее. Если разобраться, то он вовсе и не дурак – комплексы проклятые, недоверие к чужим деньгам, свои-то роднее, привычнее, да и государство не должно ведь бросать на произвол судьбы таких, как Сероштанов. По крайней мере, ему так думалось. Мучился он буквально физически подобными размышлениями, даже аппетит пропал – похудел за месяц, хотя и так был сух, словно саксаул, жилы одни.

А в вечерних и утренних новостях по телевизору говорилось о курсе валют к рублю, где доллар занимал весьма устойчивую позицию, а временами ударялся в рост. Сероштанов постоянно волновался, прикидывая возможности своих рублёвых сбережений, если бы они были переведены в иностранную валюту. С одной стороны – выиграл бы он, с другой – не было бы дефолта, в чём бы выиграло государство, потому как не обменяй он деньги – погорит не только он, но и государство, из-за дефолта, разумеется. Закон подлости не должен на этот раз сработать – Григорий теперь мыслит на уровне министра экономики!.. Только всё же противно ему – деньги чужие, непривычные доллары эти... Но он решился. Жена бы одобрила его мужественный поступок!

В районном отделении Сбербанка Сероштанов, страшно волнуясь, выяснил у красивой девушки за толстым стеклом, как меняются деньги, и, узнав курс обмена, засел в уголочке, подсчитывая возможности рубля при покупке валюты. Выходила ровно тысяча долларов. И когда ему в потные и горячие ладони легли всего десять купюр вместо солидной пачки рублей, Григорий заволновался – он впервые держал в руках иностранную валюту.

– Как мужика зовут? – спросил он у кассирши, тыча пальцем в изображение на банкноте.

– Это бывший президент Америки, – ответила, улыбнувшись, красивая и молодая сотрудница банка, с зелёным галстуком на тонкой шее, – и зовут его Бенджамин Франклин. Всего вам хорошего, дедушка!

«Ишь ты – дедушка... надо же?! Паспорт проверила. Неужели я настолько стар, – бормотал Григорий, широко вышагивая в сторону автовокзала. – Мне ведь всего пятьдесят семь... А ведь, однако, она права – старость...»

Дома он долго разглядывал каждую бумажку, увеличивал лупой портрет президента и находил, что тот удивительно похож на него самого, только Григорий гораздо худее, правда, ещё волос коро-

че и реже, а так – полное сходство. Удивлялся этому Сероштанов. На радостях он даже напился в тот вечер, а утром, протрезвев, засомневался в своём поступке: правильно ли он поступил, обменяв рубли на доллары! Не обесценится ли доллар? И почему бы не оставить их на вкладе в том же банке под проценты? А если власть поменяется в одночасье, как уже бывало, то кому нужны будут эти серо-зелёные бумажки?

Головную боль приобрёл Сероштанов от этой валюты. Самое страшное, что ему приходило в голову, – это их сохранность. Несколько раз на дню он перепрятывал деньги в самые разные места: то в старый нерабочий самовар, то под хлипкую половицу, то в грязное бельё в шифоньере – нигде не было надёжного места от опытного глаза вора, так ему казалось. Продолжалось это целую неделю, потом ему сон приснился: будто Григорий щиплет пустые хлеба и тут слышит стук в дверь. Ему это показалось в диковинку – никто к нему не ходит, может, жена вернулась... вернулась с разговором серьёзным: «Давай, Григорий, собирай манатки, поедом в город, люблю я тебя и прости – мы все лохи».

Но заходит в избу не супруга его, а сам президент Бенджамин. Заходит и представляется:

– Бенджамин.

Григорий как бы не очень и удивился этому, но внутренне напрягся, ведь не каждый день американские президенты в гости ходят к простым российским мужикам, тем более давно покойные.

– Григорий Иванович, – представился Сероштанов, приподнимая зад с табуретки.

Представился, а сам всё разглядывает гостя и с великим удивлением видит, что у того сапоги в грязи. Тот, уловив взгляд хозяина дома, махнул раздосадованно рукой.

– Грязь. Всюду грязь.

– Да уж чего-чего, а этого добра у нас завалилось. Вы, извиняюсь, господин президент, часом не заблудились?

– Да нет, Григорий Иванович, вы же сами меня пригласили по вопросу ваших денежных накоплений.

– Господи! – воскликнул Сероштанов. – Так я же только с надеждой припрятать их хорошенько.

– А не надо и прятать, – сказал гость, присаживаясь за стол и смахивая с него крошки. – Чаем хоть угостите?

– Чай – это запросто, – засуетился Григорий. – Только вот по поводу накоплений: вы предлагаете...

– Я предлагаю их пустить в дело. Деньги, Григорий Иванович, не должны лежать без дела – деньги должны прибыль нести.

Чешет затылок Сороштанов: выходит, Бенджамин прав, ведь у них там, у этих американцев, будь они неладные, всё просчитывается до мелочей.

Долго они беседовали на житейские темы, а между тем Сороштанов всё приглядывался к своему гостю и находил, что они действительно похожи, только с большой разницей – тот президент, хоть и бывший, а Григорий – простой мужик – лузер, лох.

Побеседовав, Бенджамин попросился переночевать у него, но ни где-нибудь, а в погребе. Сороштанов был очень удивлён такому желанию гостя, но отказать не смог, потому как президент настойчиво просился именно туда. На прощание Бенджамин подарил хозяину несколько мятых купюр со своим изображением. Сердце Григория бешено стучало. «Странно, очень странно», – думал Григорий. Когда же удалился важный гость, бережно прикрыв за собой перекошенную дверь, то в дом ворвалась та самая молодая и красивая кассирша, выдавшая ему тысячу долларов США. Она повисла на шее Григория и говорила, говорила, задыхаясь от любви к нему, о том, как они удвоят накопления, потом утратят, потом... и будут счастливы вместе.

Сороштанов задыхался от её жарких объятий, мычал, подпрыгивая на старой кровати, пока больно не ударился головой о бревенчатую стену, из щелей которой посыпался мелкий перепревший мох.

Григорий проснулся и долго не мог прийти в себя от такого яркого и необычного сновидения. За окном уже серел рассвет и слышны были редкие крики петухов. У него болела голова. Поставив греться чайник, он умылся и подошёл к зеркалу: «Глупости, не похож.. совсем не похож, с чего это я взял... Почему он попросился переночевать в погребе? Не кроется за этим какая-нибудь подсказка? Может, там клад зарыт?»

Он взял фонарик, ключ от погреба и, спустившись туда, убедился – глупости. Он с детства знал этот погреб, даже копал с отцом на пару, ничего там подобного быть не может, тем более, в их селе и богатых людей не было никогда. «Скорее всего... скорее всего – здесь нужно спрятать деньги!» – осенило Сороштанова.

Так он и сделал. Скатав в трубочку деньги, он сунул их в пластмассовый пенал, прижав сверху плотной крышечкой, и, проковыряв отверстие в стене погреба, замуровал.

На душе вроде бы стало легче. В погребе много места – сколько там можно наштапковать подобных пеналов и в каждом по тысяче долларов!.. Только сам погреб буквально, как у нас говорят, на ладан дышит: середина провисла, творило прогнило основательно – по-хорошему, надо новый погреб копать. Григорий планировал: будет жить, будет погреб копать.

Ночью ему снилась вновь молодая и красивая сотрудница банка, она продолжала клясться в любви к Сороштанову, прижимаясь к нему всё плотнее своим упругим и горячим телом. В порыве страсти она вдруг стала громко мычать, как корова. Григорий, страшно волнуясь, хватался руками за её гибкий стан, он желал её. Правда, ему не нравилось, что кассирша мычит вместо разумных слов. И это мычание всё усиливалось и усиливалось. Он проснулся. Он уже соскочил с кровати, а мычание слышалось всё громче. Подбежав к мутному окну, Григорий увидел у своего погреба тёмные человеческие фигуры. Люди громко сквернословили. Холодный пот выступил на теле Григория: «Да кто же мог распознать его тайный умысел? И при чём здесь корова?» И, схватив топор, он выскочил на улицу.

Корову вытаскивали до самого утра. Не выдержала гнилая крыша погреба забредшую соседскую корову.

93

Когда рассвело, Сороштанов увидел то, что когда-то называлось погребом. Это была воронка после бомбёжки. Корову, говорят, тут же прирезали из-за сломанной ноги, а Григорий целый день ковырялся в яме в надежде найти маленький пенал с долларами. Не нашёл. Он даже просеивал землю через панцирную сетку кровати – не нашёл. Он три дня копался в земле, словно червь, но желаемого не обнаружилось. Возможно, скромных размеров пенал застрял между копытом коровы, а потом где-то и выпал, или хозяйка скотины обнаружили его да и возразовались – будет им компенсация... возможно...

Только с тех пор не стало видно Григория в том селе. Никто не знает, куда он исчез. Может, он пошёл к своей старой жене на поклон, так сказать, может, к молодой и красивой кассирше Сбербанка, но навряд ли – зачем он ей без денег. Только ночами кое-кто видел, говорят, тёмную фигуру с фонариком у заброшенного бывшего погреба Сороштанова: то ли он сам всё ещё ищет деньги, чтобы вложить их всё-таки в прибыльное дело, как и советовал Бенджамин, то ли это случайные люди ковырялись в земле, прослышав о тайном кладе Сороштанова.

**Александр
КЕРДАН**

ДУША КАК ИЗБУШКА

* * *

*Плачет небо, жалея о лете,
О роскошной зелёной траве,
О счастливом июньском рассвете,
Об июльской сквозной синеве.*

*Плачет небо, зовёт ему вторить
И, взирая на призрачный свет,
Опечалиться будущим горем,
Грезить счастьем, которого нет.*

*Только я улыбаюсь ненастью,
Понимая седой головой,
Что улыбка равняется счастью
И что я, слава Богу, живой.*

*И могу любоваться любимой,
Слышать вас, дорогие друзья,
И в судьбе ещё всё поправимо,
Даже то, что поправить нельзя.*

МАКАР

*С головой как одуванчик
По проходу вдоль купе
Бегаёт соседский мальчик –
Вертит дырку на пупе.*

*Слов ещё не зная толком,
Пальцем тыкает в айфон.
Отними попробуй только –
Затрубит, как дикий слон.*

*Он ножонками топочет,
Тянет к маме руки:
– Дай!
Мама ссориться не хочет,
Возвращает:
– На! Играй...*

*И горит экран неона –
Лучше б вовсе он погас!
Скачут бесов легионы,
Где Макар телят не пас.*

*Где взамен Души и Бога –
Тлен, безумная игра...
Мальчик, стой, остынь немного –
На пупе уже дыра!*

*...Но Макар вовсю играет –
Жертва Сети мировой.
И в глазах его мерцает
Свет неона неживой...*

Кердан Александр Борисович родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета, 27 лет прослужил в Вооружённых силах РФ. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор более 60 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, на Урале и в Западной Сибири. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живёт в Екатеринбурге.

НА СМЕРТЬ ОДНОКЛАССНИКА

Умер Вова Гладков. Мы с ним рядом за партой
сидели.

Был он скромным и добрым. Точнее сказать
не смогу.

Нам стучали синицы в окно и звенели капли,
А теперь он ушёл в листопад, как уходят
в пургу.

И следа не найдёшь... Но в душе всё мерцает
улыбка,

Озарявшая наши беспечные вроде года...
Был он скромным и добрым. И кажется Божьей
ошибкой,
Что такие уходят навек – раньше срока –
всегда!

Им бы жить и улыбку нести, словно истины
слово,
Что способно бесстрашно осилить любую
вражду...
Умер Вова Гладков. И не будет соседа другого
У меня в нашем классе – за партой в среднем
ряду.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ В ТОБОЛЬСКЕ

Взгляну направо – виден взвоз Никольский,
Пройду немного – вижу взвоз Прямской...
Там, оступившись на ступени скользкой,
Упала мама в год десятый свой...

И заболела, но по воле Бога
Осилила недуг, не умерла...
И, видимо, не зря в Тобольск дорога
Меня в сочельник этот привела.

Собор Успенский. В нём в лихое время
Стояли нары в десять этажей.
Здесь мама горе мыкала со всеми
Средь стонов, плача и кровавых вшей...

Ждала этапа в сторону Увата,
Где в ссылке проведёт семнадцать лет...
Теперь здесь – освещенья киловатты
И тающих свечей отрадный свет,

И древние, и новые иконы...
А я опять о маме помолюсь
И, Вседержителю кладя поклоны,
Ей, мученице милой, поклонюсь.

За то, что есть я, что сегодня в храме
Могу молиться, чая Рождество
И говоря «осанна» Божьей маме
За то, что подарила нам Его,

Могу и о своей подумать тоже
И позднее «спасибо» ей сказать
За причащение к вечной тайне Божьей,
За счастье верить, помнить и страдать.

НА ЗИМОВЬЕ

День провёл без интернета,
Без назойливых звонков.
Здесь, на краешке планеты,
Вдалеке от городов

Хорошо побыть собою
С тишиной наедине...
Телевиденье родное
Не испортит праздник мне

Громом шоу, шумом споров,
Липкой лентой новостей...
За окошком – лес и горы
Да следы лесных гостей.

С ними легче сговориться,
Коль не лезешь на рожон...
Ведь не зря трещат синицы,
Что остаться здесь – резон.

Печь топить, молиться Богу,
Положившись на Него.
Чтоб меня никто не трогал,
Я не трогал никого...

Но опять ревёт машина
И влечёт меня назад
В мир неона и бензина,
Телешоу, магазинов
И всемирной паутины...
И я сам как будто рад

Возвращению в ловушку,
Где сплошной комфорт царит,
А душа, как та избушка,
Средь следов звериных спит...

СКАНДАЛИСТКА

*В голове твоей ящик Пандоры:
Слово скажешь – и вот уже ссора,
А молчишь – значит, копится злость!
Столько ярости скрыто во взоре,
Что под ним полыхнёт даже море,
Он прожжёт и железо насквозь.*

*Быть с такой – непрестанная мука.
Занесла для пощёчины руку,
Чтоб обидчику дать по щекам...
Почему же, красотка такая,
Ты, как дикая кошка степная,
Сердце рвёшь на куски мужикам?*

*Может, дело в отсутствии ласки?
Лишь погладят – засветятся глазки
И улыбка готова сиять...
Вот такое нехитрое средство,
Чтоб гневливой Пандоры наследство
Только мифом предстало опять.*

*Где же он, тот понятливый, мудрый,
Необидчивый и незанудный,
Да и есть ли на свете такой,
Чтобы, сердцем оттаяв немножко,
Замурлыкала дикая кошка
У него под рукой...*

ВОЗЛЕ КНИЖНОГО ЛОТКА

*Мужик распродаёт библиотеку,
Хоть с виду книгочей и книголюб...
Вот фолиант Бальзака о Гобсеке,
А вот Щедрин, известный правдоруб...*

*Что побудило с книгами расстаться?
И может ли хоть что-то побудить
Того, кто раньше по стране мотался,
Чтоб эти книги редкие купить,*

*Кто загодя сдавал макулатуру,
Простаивал полдня в очередях?..
Теперь распродаёт, смилив натуру,
Взгляд отводя, в котором стыд и страх:
Свой век закончить, словно бомж на свалке,
Без книг оставшись, будто без родни...
И жаль мне мужика, и книги жалко:
Повинны разве в чём-нибудь они?*

МАЙСКИЙ ЭТЮД

*Зацветают яблоньки стремительно –
Веку торопливому подстать.
В самом деле как же утомительно,
Повстречав весну, всё ждать и ждать
Дня, когда появится твой суженый
И гулять до ночи разрешат...
Хлещет дождь. Промок, стоит простуженный –
С выводком невест-нимфеток – сад.*

*Завтра – перемена вида внешнего –
96 Яблоньки осыплют нежный цвет
И под канонаду грома вешнего
Встретят новый, ветреный рассвет.
Будет вихрь им ветки гнуть, безумствуя,
Обещая поворот в судьбе.
Повзрослеют враз они, предчувствуя
Силу плодородия в себе...*

**Александр
САВЧЕНКО**

НЕИСПОВЕДИМЫ ДОРОГИ

Повесть

ГЛАВА 1

Возница передней телеги, поправив дорожную поддёвку, громко скомандовал:

– Тпру!

И соскочил на землю.

Обе повозки остановились. Сквозь рыхлую пелену белёсых облаков сочился свет майской луны. Там, куда он падал, загоралось огненное жёлто-оранжевое зарево – и на тупых вершинах сосен, и на их лапах, и, ещё больше, на поверхности серебристой от росы травы, уходящей от края дороги в неведомую черноту.

– Будем прощаться? – спросил Врангель.

Достоевский промолчал, сжался. Опустил голову так, что не видно глаз. Только на впалых щеках оставались следы недавних слёз, которых он не скрывал – не хотел или не мог...

Врангель не ждал ответа на свой вопрос. Он знал, что в эти последние минуты перед расставанием Достоевскому надо побыть хотя бы несколько минут возле Марии Дмитриевны.

– Адам! Шампанского на посошок! – обратился Врангель к слуге, выполняющему в настоящую минуту роль кучера.

Из сундука извлекли две тёмные бутылки игристого белого вина «Вдова Клико». Луна облизала блестящее заграничное стекло. Адам со-

рвал металлическую проволоку – мюзле. Врангель прошёл к передней телеге. На солдатском тюфяке выдавливал из себя бессвязные слова Исаев, прижавшись спиной к сыну Паше.

– Идём ко мне в линейку, Александр Иванович! Ещё по паре бокалов за лёгкий путь...

Исаев прытко соскочил на землю. Его изрядно покачивало.

– Это мы, Егорыч, вмиг! Это мы...

Адам выставил на поднос три бокала. Исаев, не дожидаясь напутствующих слов от Врангеля и Достоевского, одним махом схватил дрожащей рукой бокал и опрокинул содержимое в рот.

– Пардон-с, господа! За нашу счастливую дорогу!

После второго бокала, переходя на икоту, произнёс тоном обиженного ребёнка:

– Горит душа перед неясностью грядущих событий... Вот ведь как...

Достоевский молчал, не поднимая головы. Врангель повёл плечами, бессловесно протянул третий бокал Исаеву.

– Адам, откупоривай ещё!

Исаев устало опрокинулся в повозку Врангеля, навалившись спиной на продольную деревянную перекладину.

– А пусть будет так! – смыкая веки, выдохнул он. – Счастье – оно всегда впереди... Это я вам

САВЧЕНКО Александр Карпович родился в 1937 году на станции Любинской под Омском. Работал в Монголии, на поисках подземных вод в Южной Гоби, начальником отдела в проектно-институте «Сибгипромет». Публикуется с 1969 года в журналах и альманахах «Крокодил», «Юность», «Шмель», «Огни Кузбасса» (лауреат премии за 2012 г.), «Кузнецкая крепость», «Литературной газете» и других. Отдельные произведения опубликованы в Монголии, Казахстане и Беларуси. Автор книги стихов «В плену времён» и книги экспериментальной прозы «СОВ ПАДЕНИЕ». Живёт в Новокузнецке.

говору, господа! Счастье нам никогда не обогнать! Нет-с!..

Адам знал своё дело. После нового хлопка улетела в оранжевую траву вторая пробка. Исаев оживился на некоторое время. Снова вплеснул в себя несколько глотков шипучего наслаждения. И тут же откинул голову и захрапел.

Достоевский прошёл к телеге, на которой находилась Мария Дмитриевна. За всё время обрывчатого разговора мужчин она не проронила ни слова. Сидела в тёплой душегрейке, словно большая встревоженная птица, собравшаяся взлететь и скрыться в загадочной черноте хвойного леса.

– Я вас никогда не увижу, голубушка Марья Дмитриевна! – остановился около колен любимой женщины Достоевский. – Вы поймите, как жестоко оставаться одному в этом гадком мире... Не видеть вас... ни завтра, ни через неделю, ни через год...

Голос Достоевского предательски дрогнул. Он взял руку Исаевой, прижался к ладони щекой. Женщина почувствовала, как горячее дыхание Достоевского коснулось её озябших пальцев, а в ложбинке ладони остался жар мужских слёз отчаяния.

Его голова припала к груди Марии Дмитриевны.

– Милая моя! Единственная в жизни радость! Ясочка моя!..

Проснулся Паша. Приподнял голову.

– Папенька где?

– Спи, голубок! Спи! Он расстается с Александром Егоровичем. Сейчас тронемся... Видишь: уже прощается Фёдор Михайлович...

Исаева положила ладонь на голову Достоевского. Жидкие, тонкие, как вычесанный лён, волосы...

«Тепло ли ему с ними зимой?» – подумала она, перекрестив голову, и добавила вслух:

– Бог не оставит нас, всё в его руках. Как решит, так оно и исполнится! Полно убиваться, мой дружок! Вы же знаете, насколько я несвободна в проявлении своих чувств! И от этого в сердце ещё больше тоски и горечи...

Из-за деревьев показался возница Исаевых.

– Хозяин-то чего?.. Пожалуй, остаётся али как?

Не торопясь подошёл Врангель. Обнял за плечи Исаеву.

– Счастья вам на новом месте. Берегите себя там. Кузнецк не Семипалатинск. Климат бо-

лее суров и больше предрасположен к болезням. Пусть вас хранит Бог! А мы будем молиться за вас.

Адам, накинуд одну руку Исаева на своё плечо, вёл его к телеге. Тот бесчувственно мотал головой, пытался что-то произнести, но у него ничего не выходило. Наконец Исаева уложили возле сына, где он и утомился.

Мария Дмитриевна, не снимая душегрейки, накинуд на себя шаль, коротко взмахнула рукой: мол, прощайте! И гружёная телега двинулась в сторону Шемонаихи...

Нарушив ночной покой, загремел поддужный колокольчик коренника и мелко ударил подшейный бубенчик пристяжной лошади. Из-под колёс поднялась тёмно-сиреневая пыль.

Сквозь неё было видно, как в самом конце телеги топорщится перевязанный пеньковой верёвкой немудрёный скарб Исаевых: внизу обитый в диагональную полоску деревянный сундук с посудой, зеркалом и зимней одеждой, чемодан с бельём, холщовый мешок с обувью и разным старьём, рядом с ним самовар, добравшийся в эти края аж с самой Астрахани. Возле хозяйки возвышался баул с дорожным провиантом, лекарствами и бронзовым распятием Христа. Всё остальное из хозяйства было роздано в счёт накопившихся долгов...

ГЛАВА 2

К городу подкатали далеко за полночь. До самого утра Фёдор безостановочно ходил по отведённой ему комнате. Он не раздевался, от долгого пребывания в сапогах ныли ноги...

Наконец повалился на холодную по-монашески постель. Но ему казалось, что вот-вот раздастся близкое ржание лошадей и под окнами остановится вернувшийся экипаж семейства Исаевых... Проходило ещё несколько минут. И возникала совершенно другая мысль. Нет, нет... Это невозможно! Они теперь так далеко, что, будь он голубем, всё одно бы не догнал их. Фёдор готов был кинуться вслед за своей Машенькой, догнать телегу и бежать как непривыканная собака. Только бы быть рядышком и дышать её присутствием... Потом мысли путались. Фёдор пытался встать с топчана, но снова обессиленно валился в ненавистную постель. Он ещё никогда в жизни не жалел себя так, как в эти минуты... Такого с ним не было ни в начале солдатчины, ни на каторге в Омске, даже на Семёновском плацу в день предстоящей казни

вместе с другими петрашевцами – двадцать второго декабря сорок девятого... Подобного крушения он не испытывал и в те дни, когда трагически скончался его батюшка Михаил Андреевич, а ещё раньше, когда отдала Богу душу любимая маменька Марья Фёдоровна...

Фёдор до солёной крови кусал иссохшие губы. Как дитё, рыдал, уткнувшись в набитую опилками казённую подушку.

И бесконечно повторял одно и то же:

– Где ты теперь, милая? Ясочка моя ненаглядная...

С восходом солнца он незаметно задремал, но вскоре осознание случившегося выдернуло его из тонкой дрёмы. Всей своей сущностью почувствовал себя не просто слабым и разбитым, а никчёмным и уничтоженным. Это было намного хуже того состояния, когда он возвращался к жизни после очередного приступа тяжёлой болезни. Будь она проклята, эта падучая!.. Господи! Чего только не навалилось на него одного!..

Правда, привязавшуюся к нему болезнь Достоевский давно считал неотрывной частью собственного тела – тем же, что были для него руки, голова, сердце, наконец душа, – то есть всем, что вложено в человека Богом.

Припадки ослабляли, истончали его организм, как истощает тело любая другая болезнь. Но эта не иссушала до дна его дух и сознание, а наоборот, как будто бы старалась выковать в нём силу и волю, озарить временно помутившееся сознание. ТАМ был другой мир, в нём всё было устроено по-другому. Достоевский вдруг выбывал из реальной жизни, а потом возвращался в неё. Возвращался, правда, разбитым, с болью в каждом мускуле, в каждой клеточке тела.

Фёдор не мог понять, кто в нём борется: или он с болезнью, или она с ним. В конце концов он свыкся, смирился с этим состоянием. С годами так глубоко погружался в прострацию, что совершенно ничего не помнил после очередного приступа. Но проходило время, и с каждым новым возвращением душа становилась божественно просветлённой. Это придавало ему удвоенные силы, несокрушимую веру, терпение и работоспособность... Значит, это был дар, ниспосланный Спасителем во имя благополучия и счастья человека...

А сегодня Фёдора настиг иной удар. Это был итог неразделённой любви. Любви несчастной, без каких-либо надежд. Фёдор понимал, что с отъездом Исаевых он враз лишился будущно-

сти, брошен на произвол судьбы, как упавший с дерева жёлтый лист. Все его высокие надежды и планы будут поглощены суетой сует. Останется только одно сплошное прошлое.

Мысли переменялись между собой, путались в сюжетах канувших семипалатинских встреч с уехавшим навсегда человеком. Но вскоре снова возвращались к дороге, облитой лунным светом...

Он, как ни старался, никак не мог припомнить, когда впервые познакомился с ней, точнее, когда обратил на неё особое внимание. Сейчас ему казалось, что он знал её всю жизнь, нёс её в себе с того дня, сколько помнил себя человеком. Ведь это не придуманный им Макар Девушкин, а он, Фёдор Достоевский, бесславно и несчастливо прожил большую часть жизни рядом с Марьей Дмитриевной. Ещё будучи кондуктором, то есть воспитанником Главного инженерного училища в Петербурге, и не зная женской плоти, Фёдор сотворил в голове образ той, которую потом нечаянно встретил на земле и так нелепо потерял...

Он долгое время пытался схоронить её от посторонних глаз под условным именем Варвары Алексеевны Добросёловой. И вот чем всё это закончилось! Горем, слезами отчаяния и обидами...

– Ясочка ты моя ненаглядная!.. Вечная ты моя любовь...

29

ГЛАВА 3

Первая весточка из Кузнецка застала его врасплох. Хотя ждал её ежедневно и ежечасно. И сам писал почти каждый день, только дорожная почта не торопилась доставлять его письма до адресата. Да и выходило из написанного им, что он больше всего радуется о семье Исаевых, а о любви своей чувства излагал, сжавши зубы, и всё, что относилось к этой любви, мысленно пытался упрятать между ровным порядком строк...

Сообщение из Кузнецка пришло с казённой почтой на имя Врангеля – стряпчего по уголовным и гражданским делам только что образованной Семипалатинской области. Так письмо без всякой мороки и опаски могло дойти до человека важного и ответственного. Ну а тот-то знает все тонкости и особенности этого дела...

Александр Егорович подал Достоевскому не вскрытый конверт из Кузнецка. Фёдор несколько раз пробежал по одной стороне листа, на которой уместилось всё скромное послание. Мария Дмитриевна писала, как и где они устроились в Кузнецке, чем теперь занимается Александр

Иванович. Оказалось, что квартируют они недалеко от тамошней реки Томи, почти на самом въезде в Кузнецк, если ехать из Барнаула по зимнику, а муж определён заседателем по корчемной, то есть кабацкой части... Вот так и почти всё...

– Щуку выпустили в море, – с горечью заметил Достоевский про Исаева, – добром не закончится...

В порыве нахлынувших чувств Фёдор строчит одно письмо за другим. Благо новостей в городе да и в батальоне хоть отбавляй... Только до чего ж гадко устроена почтовая служба! Письма приходится отправлять с совершенно случайными людьми: ямщиками, а то и татарами-извозчиками, доставлявшими в Кузнецк различную кладь.

Но больше всего Достоевского терзает нелепая мысль: во что бы то ни стало встретиться, поскорее повидаться с предметом своей трагической любви. Червь разлуки грызёт его нутро с каждым днём ухватистей и больнее. Так дальше жить нельзя...

С подачи Врангеля друзья из окружения Достоевского предлагают организовать встречу «на нейтральной территории». Подходящим местом кто-то показал на город Змиев – центр Змеиногорского серебряного рудника. Но любимая женщина пишет, что по сложившимся причинам выехать никуда не сможет. Достоевский понимает и принимает эти причины. Мария Дмитриевна права: она уже сообщала, что у мужа на фоне беспробудного пьянства прогрессирует застарелая чахотка. Кроме того, Змиев не какой-нибудь Салаир, он располагается даже не на середине пути от Кузнецка, а почти под самым носом Семипалатинска. Это не рукой подать, а сотни проклятых вёрст...

Было бы бесстыже выманивать замужнюю, к тому же больную женщину на такой длительный и дорогостоящий вояж ради нескольких минут или даже, пускай, часов тайного свидания. Так что, несмотря на огромное желание увидеть и обнять любимого человека, он больше не проявляет никаких потуг в отношении эфемерной встречи. Достоевскому лезет в память фиаско придуманного им Макара Девушкина, который вырвался из писательского подчинения и безрезультатно пытался уговорить Вареньку сделать выбор в свою пользу. Только он не Девушкин и поступить так, как его герой, никогда не сможет... И в то же время Фёдор не хочет смириться со сложившимися обстоятельствами.

Проходит чуть более месяца, и до Семипалатинска докатывается неожиданное письмо, в ко-

тором изложена скорбная весть: мол, Александр Иванович приказал долго жить. Скончался несчастный утром 4 августа на тридцать третьем году жизни. К смерти подошёл с ясной головой, сделал последние наставления жене и сыну, несмотря на неимоверную боль в иссохшем теле. Жена не написала ни единого слова, которое бы могло бросить тень на ушедшего в вечность супруга. Врангель, бегло пробежавшийся по поданному Достоевским листу, обнаружил, что за каждым словом Марии Дмитриевны чувствовался весьма сдержанный человек с высокими нравственными устоями... Таких людей на свете – единицы.

Фёдор не знал, что к этому времени семейство Исаевых в Кузнецке терпело полнейший денежный крах. Глава семьи в последние дни перед смертью осознавал, что будет похоронен на чужие, заёмные или поданные в виде милостыни деньги, в лавках ещё больше вырастут зачётные долги, нечем будет кормить сына Пашу. В Сибири у Исаева нет ни одного близкого человека, к которому можно обратиться без унижения собственного достоинства. Почти вся родня отвернулась от него... Правда, есть младшие сёстры жены Соня и Вера – только где они... Да и у них нет лишнего капитала. Так что даже на маломальскую помощь надеяться не приходится...

100 Должно быть, в подсознании у Александра Ивановича имелась слабая мыслишка, что семью пустить по миру не позволит только один на свете человек – Фёдор Михайлович Достоевский. Но Исаев никак не мог сообразить, как извернётся в сложившейся ситуации бедный солдат, живущий в далёком степном городке. И всё-таки, пока тлела мысль, стоящий на смертном пороге Исаев пытался ухватиться за последнюю ниточку...

ГЛАВА 4

До Фёдора Михайловича добирается сообщение, что его любимая женщина в Кузнецке утоляет свою бедность милостыней от чужих людей. Но и сам он тоже нищ, пуст – без гроша в кармане и к тому же ограничен в свободе. Как придуманный им когда-то обречённый на бедственное существование Макар Алексеевич... Незабвенный человек. Правда тот в полном смысле был втопан в грязь – у него из рваных сапог вылезли наружу пальцы... А Достоевский, слава Богу, носил кем-то недоношенную, но ещё пригодную для пользования солдатскую обувь...

Он мысленно перебирает свою ближайшую родню. Из всех родственников, кто способен

оказать малейшую денежную помощь, оказывается только старший брат Михаил... Он бы, безусловно, вошёл в положение Фёдора. Но Михаил так далеко... Да и из последних писем следовало, что тот сам на краю краха – недавно у него сгорела папиросная фабрика. Ну а тётушка Александра и родные сестрицы Варвара и Вера, подмятые тёткой под себя, вообще не хотят слышать о какой-либо женитьбе впавшего в безумие родственника...

Мысли высветили образ самой младшей сестры Сашеньки. Но Александра тоже с недавних пор отвернулась от Фёдора, возгордившись тем, что стала «подполковницей», выйдя замуж за Николая Ивановича Голеновского, удачливого инспектора Павловского кадетского корпуса в Петербурге. Других братьев можно совсем не принимать в расчёт. Где-то в провинции прозябает добрая душа бессребреник Андрей, тот, которого он когда-то пытался «выходить» от настигшей хворобы. И ещё Николаша, неудачливый инженер-архитектор, – любитель выпить и сам больше других нуждавшийся в постоянной помощи... Очень одиноким почувствовал Фёдор себя внутри своего далёкого семейства...

Наконец, решившись, Достоевский пишет просьбу ближайшему для него человеку барону Врангелю, который некстати оказался в отлучке: «Я умоляю, мой дорогой друг, послать Марье Дмитриевне любую возможную в сложившихся обстоятельствах сумму денежных средств. Буду Вашим вечным должником! Хотя бы пятьдесят рублей серебром...».

По этой его просьбе Врангель незамедлительно высылает в Кузнецк несколько сот рублей, хотя сам он в это время оказывается в весьма щекотливых жизненных обстоятельствах.

Врангель влюбился в белокурую красавицу – жену горного начальника Алтайских заводов, то есть в супругу полковника Андрея Родионовича Гернгросса – человека, известного не только в Сибири, но и Петербурге. И завёл со знатной женщиной роман. Любовница, к сожалению Врангеля, оказалась непростым орешком. Екатерина Осиповна Гернгросс, тридцати трёх лет от роду и уже мать шестерых детей, длительное время пребывая в любовной связи с прокурором, одновременно пытается соблазнить других красивых мужчин, выёт из них верёвки, хочет получать дорогие подарки. Но не мыслит потерять высокопоставленного супруга.

До Александра Егоровича, вначале обезумевшего от своей барнаульской бестии, доходят

слухи, что к его пассивности с намерениями разделить любовь тяготеют другие важные персоны, среди которых числится некий ловелас под условным именем Маркиз. Врангель, конечно, понимает, кто это: человек из близкого к нему окружения. И прокурор старается укоротить отношения с мадам Гернгросс, первым делом ограничивал себя в расточительстве...

Но финансы Врангеля всё равно истощаются... Он переживает любовное фиаско, но не может признаться в этом даже ближайшему другу Достоевскому.

Нет, Врангель не скрывает своей «подлой» любви к «краденой у мужа Катеньке». Даже пытается чем-то оправдать её и себя. Но в нём живуч немецкий рационализм, и он, разложив все «за» и «против», не верит в благоприятный исход зашедших так далеко отношений с очаровательной соблазнительницей.

Деликатно, исподволь Врангель пытается убедить и Достоевского в бесперспективности его чувств к Исаевой. Ну, мол, не судьба, дружище: твоя безденежная военщина, эта проклятая паду-чая, отступающая только на короткое время, и полная неясность с будущностью в литературе... Хотя для меня вы, Фёдор Михайлович, продолжайте оставаться выше самого Гоголя! Вот так...

Неприятный осадок у Врангеля остался от последнего крутого разговора с Достоевским. Коснулись отношений с Исаевой.

– И что? – протестующе заявляет в порыве не то гнева, не то смятения Достоевский. – Во мне всё пережито, расставлено по местам. Я не отступлюсь ни на шаг, что бы со мной ни случилось... Я не знаю и не хочу знать, как и что там происходит у вас... А я люблю свою Марью Дмитриевну и буду любить неизменно! Слова других людей меня совершенно не интересуют... Главное, что я горд этой любовью и понесу сокровенное чувство через все невзгоды... Так, как я, не сможет любить никто другой!.. Вы же знаете меня, Александр Егорович!

Врангель хотел было упрекнуть друга в излишней самоуверенности и эгоизме по отношению к любимой женщине. Но Достоевский резко поднялся, накинул на плечи потрёпанную шинель с поднятым красным воротником и молча выскочил из кабинета...

ГЛАВА 5

А жизнь шла своим чередом. В январе тысяча восемьсот пятьдесят шестого года бывшему

штрафному солдату отдельного Сибирского корпуса Фёдор Достоевскому присваивается звание унтер-офицера. Получилось это, конечно, не само собой, а с помощью друзей, причём не только окружавших Достоевского в Семипалатинске и живших в Омске, но и тех, кто помнил его в Санкт-Петербурге. Среди них были и те, кто не знал лично Фёдора Михайловича, но чтит его писательский талант.

Правда ещё до этого времени жизнь Достоевского понемногу стала меняться к лучшему. По протекции генерала Константина Ивановича Иванова, водившего знакомство с некоторыми друзьями Достоевского, ему разрешили покинуть казарму и переселиться в съёмную комнату в прилегающей к гарнизону слободке.

Ротный командир Степанов подходящим местом для житья унтер-офицера выбрал дом Пальшиных, расположенный на пустыре вблизи старого кладбища. Безотрадное место, зато недалеко от начальства. Старая изба из нестроеного леса, углы и стены которой перекошены. Простенки для тепла кое-как смазаны глиной, побелены на один раз. Вот уж действительно: поиздевался Бог над черепахой... Из мебели угодили две скамьи из нетёсанных плах да три гнутых по-венски стула, на стенах красовались лубочные картинки с видами праздничных веселий, загаженные мухотвой. Почти от самого порога разместилась пузатая русская печь. В комнате за ней устроили постель квартиранту, вместо комода поставили старый ящик из досок. Угол Достоевского хозяйка Пальшина отделила ситцевой перегородкой. В главном помещении стоял скрипучий стол без клеёнки. Небольшое зеркало в раме из резного дерева. Выцветшие, полинялые до истончения занавески кое-как прикрывали несколько горшков с геранью. На всём налёт копоти от дешёвых свеч. И только одно развлечение: из углов, щелей и дырочек глядят на тебя сотни длинноусых тараканов...

Но и в таких условиях после казармы Достоевский почувствовал себя на седьмом небе! Он достиг малой свободы — делай у себя что пожелаешь! А ему хотелось только одного: писать и писать... Ротный Степанов своё дело знал досконально, он догадывался о тайных желаниях Достоевского и сразу же с его появлением в батальоне приказал своему фельдфебелю приглядывать за солдатом — как-никак за тем тянулся хвост бывшего политического кандалника.

К счастью, бывалый фельдфебель за малую мзду устранился от всякого надзора и перестал вникать в дела своего подопечного. А с повышением того в звании и вовсе отстал от бывшего каторжанина.

Из головы Достоевского ни на минуту не выходил ангельский образ Марии Дмитриевны. Фёдор не столько был рад своему долгожданному раскрепощению, сколько возможности приблизить мечту: увидеть наяву и обнять ненаглядную ясочку...

Под впечатлением от разговоров с прокурором Врангелем и с одобрения жены Катюши полковник Гернгросс весьма положительно относился к писателю Достоевскому. Он даже изъявил желание, чтобы тот перешёл к нему на службу и готов будущему работнику при чертёжном кабинете платить достойное жалование. Фёдор, не веря в то, что перед ним когда-нибудь откроются двери отечественных издательств, согласен переехать в Барнаул. Но возникает загвоздка: надо любой ценой добиться согласия начальства военного и тюремного ведомств. Без такого разрешения переезд Достоевского в Барнаул невозможен.

В конце концов рождается хитрый ход: по указанию Гернгросса его люди из горного округа изыскивают причину для командировки Достоевского в Барнаул. Двадцатипятилетний адъютант губернатора красавец Василий Петрович Демчинский, человек, ни на минуту не расстающийся со своими золочёными аксельбантами, готов проверить остросюжетную затею с поездкой унтер-офицера. Пока что до Барнаула...

ГЛАВА 6

В холодные дни конца февраля тысяча восемьсот пятьдесят четвёртого года из Омска вдоль обрывистого берега реки по казацкому тракту передвигался на юг небольшой санный обоз в сопровождении пяти конвойных казаков. Изредка всхрапывали покрытые инеем лошади. То и дело воздух резал скрипучий визг, срывающийся с санных полозьев.

На одних из саней сидел небритый, старческого вида человек с глубоко запятанными глазами. Это был бывший узник омской каторжной тюрьмы Фёдор Достоевский. Его и ещё нескольких человек ссылали на пожизненную солдатчину в Семипалатинск, расположенный на правом берегу Иртыша и окружённый бесконечными киргизскими степями...

После тягостной и душной тюремной обстановки, после неумолчного лязга металлических запоров и зычных команд бескрайность Прииртышья туманила, до одурения хмелила голову. Здесь, казалось, была полная свобода, жаль, только Бог не дал за спиной крыльев, а то бы так и воспарился в морозное бирюзовое небо и растворился у кромки самого солнца...

— Значит, так! — оглядел нехорошим взглядом приехавших и поставленных в шеренгу офицер, временно исполнявший обязанности ротного командира. — Здесь вам не там! Корм в батальоне никто зря не ест... — И кивнул стоявшему слева ефрейтору с белой лычкой на погоне: — Чтобы до вечера очистили отхожие места от дерьма!

Круто развернулся и, насвистывая известную только ему польскую мелодию, пошёл в штабную комнату.

Так началась жизнь бывшего писателя, пестрашеца и заклятого каторжника в новой ипостаси. Достоевскому определили место в казарме. Дощатые нары у дверей, которые весь день почти не закрывались, а ночью из щелей в них сквозил пронизывающий поток воздуха, укутывавая толстой наледью порог и нижнюю часть косяков. Бывало, дверь за ночь так примерзала внутри кривого проёма, что два человека с силой отрывали её со своего места... До утра из разных концов казармы доносились стоны хворых солдат, не попавших в батальонный лазарет ввиду его переполненности. И там, и здесь бок о бок лежали люди, которых мучили скорбут (цинга), ревматизм, костоеда суставов, чахотка и даже тифозная горячка.

Казалось, в эту единственную на свете юдоль согнали весь человеческий сброд. Тут были и старики за пятьдесят, и молодые люди, которым только что исполнилось восемнадцать. Кого-то за своевольный нрав в солдаты сослали помещики, другие тянули лямку так называемых наёмщиков, отбывая за долги и деньги мучительную службу. Были здесь штрафники из воинских подразделений Центральной России. А в последнее время появился новый сорт людей — государственных преступников, которым смертную казнь или каторгу заменили пожизненной солдатчиной.

Соседом по нарам оказался расторопный паренёк Наум Кац, человек иудейской веры. Свою солдатскую долю он отбывал за дезертирство из Тверской губернии, куда попал из Бердичева. Наум родился в семье потомственного

портного, понимал толк в шитье и этим обеспечивал себе более или менее сносные условия существования...

Каждодневные изнурительные построения и смотры на плацу доводили солдат до полной потери сил. Муштра, муштра до одеревенения не только тела, но и мозгов. За малейшую провинность могла последовать палочная расправа. А если огрызнулся или, не дай Бог, недобро посмотрел на офицера, ожидай прогона по «зелёной улице». Достоевский больше всего боялся этого наказания, боялся не только физической боли. Он знал, что не сможет перенести насилия над собой. Тело как-нибудь может перетерпеть, а душа — нет, она не вынесет — тогда только на шею верёвка...

Не менее ужасным было участие в палочной расправе. Однажды Достоевского поставили в «зелёную улицу». Сквозь строй прогоняли тщедушного солдата, плюнувшего вслед хамоватому штабс-капитану Свиныну. Два казака волокли полуживого бедолагу без натальной рубахи. Сплошной багровый пласт тела чуть заметно вздрагивал под ударами.

Достоевский размахнулся и... его вырвало. После этого он долго пил вонючую тёплую воду, которая вскоре извергалась к его ногам. Мерешилось, что внутри него скопилась вся гнусность, которую он ежедневно впитывал в себя на плацу и в казарме... Вечером того же дня с ним случился припадок.

— Больше в «зелёнку» этого хлюпика не назначать! — отдал приказ командир первой роты Андрей Иванович Бахирев, молодцеватый офицер, понимавший свою службу святым, но в то же время собачьим делом.

Теперь Достоевский считал дни, проведённые в омской тюрьме, днями мёртвой жизни, но они хотя бы не калечили его душу. А тут...

Так прошло без малого два года.

ГЛАВА 7

Часов около девяти утра к Пальшиным постучал солдат.

— Чего тебе, служивый? — вышла заспанная хозяйка дома. На её опухшем лице красовались красные вмятины от долгого и безмятежного сна.

— Его благородие Достоевского срочно требует к себе ротный командир.

— Какая надобность? — вслед за Пальшиной показался в натальной рубахе встревоженный квартирант.

– Не могу знать, вашбродь! Приказ есть приказ, – и ухмыльнулся.

Ему не раз уже приходилось переть сюда, в слободку, с одним поручением: вызвать к очам начальства унтер-офицера Достоевского, недавнего товарища по казарменным нарам и, как правило, замыкающего ротное подразделение на учебных или торжественных смотрах...

В штабной комнате сидело несколько человек. Почти все дымили папиросами, полученными с последней оказией из Омска.

Присутствующие находились в благожелательном расположении духа. Особенно командир батальона подполковник Григорий Беликов. У него была простая русская фамилия, но многие называли его на свой и даже киргизский лад: Белихов и даже Велихов... Он откликался на любую из них и, пожалуй, не помнил фамилию, доставшуюся от родителя. Подписи, не задумываясь, ставил под той, которая сидела на уме писарей.

Загорелое лицо молодило его. Командир в свои за сорок выглядел необыкновенно свежо, к тому же был юрким и подвижным. Подполковник глубоко затянулся, выпустил через ноздри две голубые струи дыма и обнажил редко расставленные зубы.

– Подфартило тебе, Фёдор Михайлович. Гернгросс в Барнауле прослышал о твоих талантах в фортификации, просит откомандировать в своё распоряжение дней на десять. Я бы, конечно, не дал согласия... Такие люди, понимаешь, самому под боком нужны. Да больно в твою пользу наседали Демчинский. Тут уж не попрёшь против власти. Хоть и знатный он в наших краях ходок, зато правая рука самого генерал-губернатора. То ишь Гасфордта Густава Христиановича. Дай ему Бог здоровьица! – и разулыбался. – По правде сказать, я бы с тобой и сам рад поехать. Шампанского попить вволюшку, на балу с красивыми дамами побеседовать. Мазурку, польку, поди б, станцевал не хуже какого сосунка... А так... рад бы в рай, да грехи, брат, не пускают...

Писарь с завитками седеющих волос торпливо выписал подорожную, батальонный казначей выдал прогонные. Ровно столько, сколько полагалось унтер-офицеру: при кореннике с одной пристяжной ровно две копейки за каждую версту. Итого в оба конца почти 18 рублей.

На улице Достоевского снова повстречал неугомонный Беликов.

– Я уже дал команду, Михалыч. Поутру за тобой подкатит тарантас. Приветствуй от меня лич-

но барнаульское начальство. Скажи, что я им за всегда рад! Мои запасы в ларях неистощимы...

Эх, знал бы ты, бедовая голова Беликов, что не безграничны твои подотчётные запасы... Тогда б не пустил себе в скором времени пулю в лоб!

Утро удалось тихое, бескрайнее, словно ни в одной из четырёх сторон света не имеет берегов. И земля будто ни в одной точке не касается неба. И вдоль пути растёт не придорожная трава в росной изморози, а лежит Богом рассыпанный по ковылю изумруд...

На заставе экипаж встретил дежурный офицер. Его заранее предупредили о путнике, направляющемся в Барнаул. Инвалид (должность нестроевого солдата, поднимающего шлагбаум по команде офицера) с выпученными глазами пропустил незнакомого ему унтер-офицера. Он припомнил, что около года назад видел это же лицо здесь, только в другой форме – рядовым солдатом. Тогда он сидел в одной линейке с важной городской персоной – Врангелем... А сейчас...

– Уф ты! Уже унтер-офицер! Ужаси какие-то в этом Семипалатинске... Взаправду говорят, что скоро нагрянет конец света...

ГЛАВА 8

Дорога была невесть какая: не то что столбовой тракт. Но вполне сносная для почтовой службы. Пара с отлётом бежала резво: коренник – рысью, пристяжная – галопом.

– Лучше всего гонять по этой дороге, барин, зимой. Экипажи проходят за час до двенадцати вёрст. А мы ноне вытягиваем не более как девять-десять. Но, благо, что не осенняя слякоть. Там, барин, больше восьми не возьмёшь... Конечно, оно и от того зависит, сколько лошадок в прогоне. Бывает, восседает какой-нибудь генерал, так у него обязательно должна быть тройка, не меньше. Вот он-то летом может и до пятнадцати выжать. Только дорого это потом обходится нашему брату. Или гнедых загонит на тот свет, или колёса сразу за поскотину выкидывай... Спицы и ступицы у них – они ж, барин, не вечны...

Достоевский был доволен, что ехать удалось на «сквозных», то есть не меняя лошадей на почтовых станциях, и ямщик попался в меру словоохотливый и неглупый. Не любил Достоевский, когда дурь в человеке соседствует с пустым словом.

– Вот, ишь, уже и Красноярское проскочили. Пристроилась деревенька к городу... А ежели посудить: оно, может, и к лучшему. Это как у нас: слабый к сильному...

В стороне слева умудрились создать кривую улочку курени и избы, крытые в большинстве камышом и соломой. В основном тут ютились казачьи семьи. Там, где обитали казаки, над избами играли белизной трубы, помазанные известью. Казачий полковник Мессарош начальствовал не только над местным казачьим полком. Он, если видел у казака небелёную избу или трубу, всегда велел дать «горячих» казачьей бабе. А в остальном полковник был благовоспитанным, завёл в городе духовой оркестр, считался холостяком, хозяйство у него вела смазливая и большегрудая подруга Анастасия Александровна.

Почти под окнами жилых построек и вдоль оград протекала речка Уба. На северо-запад от неё тянулась плодородная грива. На ней не видно ни единого бугорка и маломальского деревца. Конец гривы уходил к горизонту и, где-то обогнув излучину реки, терялся в десятках вёрст от этого места.

— Кормилица нашего края, — ямщик пальцем обвёл очертания бескрайнего пространства. — Отсюда и до пустынь рукой подать. А если глянуть вон туда, — возница опять рисует в воздухе пальцем, — то в хороший день можно увидеть верх Ивановского хребта. Вся высь у него, барин, как у царя, в снежных шапках...

Достоевский вспомнил, что год назад этой дорогой в полночь они вместе с Врангелем провозжали в Кузнецк Исаевых. Теперь торопливое ожидание на душе не даёт покоя... Если не подведёт какая-нибудь неожиданность, он через несколько дней увидит свою ненаглядную Машеньку, прижмёт к своей груди её дорогое лицо.

А вот и те два дерева, возле которых происходило их безрадостное расставание. Всё было будто вчера... Да, словно вчера...

Подкатили к большому селу. Странное название — Шемонаиха.

— Старое место, барин. Лет сто скоро будет селу. В этих местах, толкуют, в незапамятные времена гулял беглый человек Шемонай со своей шатией. Потом поосел здесь народишко, нагулялся. Заселяться стала земля... И вот что интересно: обычай пошёл с тех пор чудной. Приглядись-ка, барин: у каждого дома в заборе полочка отдельная встроена. На ней хозяева на ночь пропитание оставляют — кто хлебца с молочком, кто пирожок с грибами. В помощь таинственному прохожему или беглому человеку, что может скрываться в здешних лесах...

— От кого скрываться у вас тут? — с хитрецей закинул вопрос Достоевский.

— Шуткуешь, барин! Знамо дело: от властей... — и на всякий случай разговор на скользкую тему оборвал. Бог его знает, что у того барина на уме? Может, непростой человек, а потому завтра сам окажешься среди беглых и будешь искать пропитание в заборной щёлочке...

В Шемонаихе устроили небольшой привал. Ямщик насыпал лошадям овса, а сам сел в теньке, разложил на тряпице нехитрый обед: ржаной хлеб, бутылку квасу, огородную зелень. Достоевский на станции отметил подорожную, спросил, где можно испить стакан горячего чаю.

Человек с длинными усами, каких Достоевский в жизни не видел — от одного уха до другого, пощупал выступающий хрящеватый кадык и ответил тонким, почти детским голосом:

— Вот подале от нас кабачок и лавчонка. Там вас и попоют. А наш чай остыл давно, да мы и сами носим его оттудова... Самовар заводить каждый раз не с руки.

Под вечер добрались до Змеиной горы. Здесь решили переночевать. По совету Демчинского тарантас с ездоками подкатил к дому управляющего рудником Шатцу. Хозяин оказался скуповатым и педантичным немцем с немигающими глазами. Он дал слугам строгое распоряжение и тут же отправился в Морфеевы чертоги, сославшись на слабое здоровье...

ГЛАВА 9

Незаметно проскочили село Алейское.

— Скоро деревня Саввушка будет. Это отчего, думаешь, барин, она названа так? Да оттого: кто первым обжил на одном месте, в его имя и название оставлено... Тут, выходит, первым кол в землю вбил человек по имени Савва. В давние времена, говорят, дело было. Никто уж не помнит того Савву, а вот имечко с добром прижилось: Саввушка. Для народишка, видать, человек люб был. Подле деревни озеро есть. Тоже Саввушкино. Я, барин, вас непременно к нему свезу. У озера лошадейкам водопой по обязательности каждый раз устраиваю.

Свернули с наезженной колеи вправо. Озеро оказалось верстах в четырёх. Тёплая голубовато-серебристая вода. Достоевский с восторгом опустил загрубелые руки в воду. Сделал несколько глотков, обмыл лицо, смочил волосы:

— Счастье-то какое — жизни! Надо ж так!..

Уж и не помнил Фёдор, когда в последний раз он стоял на берегу безлюдного водоёма и пил такую сладкую воду...

– Питает озеро речонка Колыванка. Плюгавый водоток, но силу даёт воде необыкновенную! Вон там орех в воде растёт, тоже особенный, рогульник называется. Кто-то ещё чилимом кличет. Кожура у него, как головка у чёрта, барин. Цветёт он, цветёт, а потом – бац! И враз ушёл под воду. Люди берут тот орех из-за его полезности. Глазам, говорят, помогает, от нарывов всяких, от почечуя...

– От нарывов, говоришь... От каких нарывов? Или ничего толком не знаешь? – с живым интересом поднял голову Достоевский.

– Почему ж не знать? Тут бабка одна, Попиха, живёт. Она мази ладит всякие. И заговаривать может. А нарывы – они ж, барин, разные: и веред, и чирей, и сучье вымя, если кому не повезло...

Сели в тарантас. Фёдора Михайловича взволновала неожиданная встреча с озером. И невиданные берега его, каких он не встречал ни в жизни, ни на картинке... Не похожее ни на что нагромождение гранитных останцев, принявших самые причудливые формы... Но из головы не выходил чилим, таинственный чертоголовник, который в полном соцветии уходит под воду... И мазь из него. Вот бы иметь её под рукой. Достоевский с дней пребывания в техническом училище страдал простудными нарывами, которые постоянно сопровождали его дальнейшим дням жизни.

В голову пришёл трагикомический случай, происшедший в ту пору в Петербурге, когда они с Тотлебенем жили на съёмной квартире. Тогда к Фёдору пожаловал младший брат Андрюша. Побыл несколько дней, собрался было уезжать, но его прихватила простудная хворь... Доктор выписал парню микстуру и велел принимать её строго через два часа в течение суток. Вдруг в полночь брат кличет: «Федя, Федя! Надо бы лекарство принять!» Фёдор соскочил с кровати, кое-как протёр тяжёлые глаза и, налив из флакона столовую ложку лекарства, подошёл к дивану, на котором лежал гость.

– Пей, брат! Выздоровливай! – и сунул на язык ложку с тягучим снадобьем.

В ответ раздался душераздирающий крик. С Фёдора мгновенно скатился сон, и он понял, что вместо микстуры налил брату перечного втирания, приписанного доктором от нарывов. Испуганный до смерти Фёдор в разгар темени побегал за ближайшим доктором.

Тот вскоре явился, принял неотложные меры и сердито изложил своё резюме:

– Господа, запомните: лекарства – не шутка. Надо быть каждому осторожным!.. А бедняга бу-

дет жить. Только придётся полежать в постели лишнюю недельку...

Миновали Курью. Въехали в Калмыцкие мысы. Неприглядное место. Кругом землянки и приземистые мазанки.

– В деревне одни азиаты? – полюбопытствовал Достоевский.

– Кто, кто? – не понял возница.

– Киргизы, говорю...

– Какой там! – возразил возница. – Тут вся матушка Расея в кучу собралась... Когда-то селились семьями да цельными деревнями. Рядами, значит, а получились настоящие проулки. Там вон Хохлянщина, поближе Самарщина, обочь Тамбовщина. Ну, а сейчас пересекаем Курщину... Место уж больно беспокойное. К ночи доберёмся до Безголовово. Там и переночуем. Село большое, полторы сотни лет, не мене. Люди живут спокон веков славные, но прижимистые. Ждать нас не ждут, но принять по-людски примут. Опять же имеется на примете ночлег у доверенных лиц, спать будем не в чистом поле, где по голове можно схлопотать кирдык... А спозарани, барин, мы сто вёрст до Барнаула мышкой проскочим!..

Приняла их на ночлег пожилая толстая женщина с морщинистым лицом и большим животом под грязным фартуком. Постелила Достоевскому в горенке, ухоженной, но, видно было, часто меняющей своих постояльцев. Зато ужин оказался отменным. За многие годы первый раз Фёдор поел сдобных шанежек с творогом, попробовал капусты, квашенной цельными вилками, объел рёбрышки карася, зажаренного на постном масле, попробовал первых душистых грибочков, вкус которых забыл с самого Петербурга. Выставила хозяйка на стол жбан с ядрёным квасом, потом развела самовар.

– Можете гонять чай хоть до самого утра! Вот, право дело, токо сахарку ноне нету. Не обесудьте, в следующий раз, может, и будет... – И чихнула.

– Салфет вашей милости! – с радостью поспешил сказать возница.

– Красота вашей чести! – ответила хозяйка, довольная вниманием к своей особе, ещё раз чихнула и улыбнулась, показав два ряда жемчужных зубов.

Утро оказалось неприветливым, туманным. Но ехать надо как ни крутись. Туман ушёл в небо, а не лег в землю. Значит, росой ему не бывать, жди к обеду хорошего дождика.

Так и вышло. Около полудня с севера навалилась тёмно-лиловая туча. Ударил гром, и со

сполохами молний покатылся с неба целый водопад. Достоевский натянул на плечи и голову солдатский дождевик. Ямщик накрыл макушку головы старой холстиной – остатком изношенного армяка. Они ещё ехали около часа, пока не прекратился ливень, сделавший дорогу почти непроезжей.

– Этак мы, барин, и к завтрашнему вечеру не доберёмся до Барнаула! – с огорчением махнул рукой возница.

Лошади понуро преодолевали свежие лужи, в которых местами колёса повозки уходили под воду по самые ступицы. Достоевский отрешённо смотрел в однообразную серую даль, не предвещающую на сегодняшний день ничего хорошего. Парусиновый дождевик промок насквозь, а ямщицкое укрытие из холстины лежало возле хозяина, как невыжатая половая тряпка. Подул слабый холодный ветерок. В разрывах низких облаков появилось солнце. Его свет, словно локтями, раздвинул серую пелену, и вот с неба снова полился поток тёплых, почти жарких лучей.

Большая часть дождевой воды ушла в землю, стекла в ложбинки местности и под действием солнечного тепла испарялась с поверхности почвы – об этом говорило колеблющееся на горизонте марево.

– А может, и доберёмся, – со слабой надеждой в голосе выговорил пригорюнившийся ямщик. – Знатьё бы...

В Чистюньке подкрепились чем Бог послал. А Бог в лице рыжей бабы, которая согласилась принять путников на кратковременную передышку, выставил самую захудалую пищу.

– Время такое, язви его в душу, постуем. Муньдерная картошечка, последняя с того года. Сласти́т чуток, подморозили в подполье. Щи овсяные, ребятки, да хлебушек аржаной, – доложила баба с головой огненного цвета, выставляя на стол всё, что у неё оказалось под рукой. – Самовар прохудился, зато отварной воды полна крынка... Мужика-то мово, ребятки, громом убило... Скоро как сороковины... К беде нашей, парня в прошлую осень забрали в рекруты... Так што потчуйтесь, ешьте-пейте на ваше здоровье...

Фёдор с глубоким сочувствием вникал в слова рыжеволосой женщины. Будто он сам пережил с ней зимний голод и только что перенёс смерть неизвестного ему хозяина дома. Вот бывает же так, когда человеческие души как бы смыкаются в одном месте! И одинаково они на-

делены Богом интересами, отмеренными как по единой линейке. Странная это штука – жизнь...

Ни с того ни с сего всё глубже проникала в душу Фёдора эта краснолицая, красноволосая баба... Вот ведь как в природе: она и не родилась ещё вовсе, а предопределено было ей стоять перед ним вот здесь, посреди убогой избёнки. И даже уготован ей на погосте безымянный крест с дешёвым бронзовым распятием...

«Что ты пристал ко мне, человек? – думал он, схмутив редкие брови и глядя на бабу, покрытую красными и охряными пятнами. – Брось издеваться!.. Ты никогда не видела меня и дальше будешь жить сама по себе. А мне теперь до конца дней суждено носить тебя в своей голове...»

Перед незавидным обедом возница успел покормить и напоить лошадей. К закату солнца добрались до Калистратихи.

– Что, барин, делать будем? Впереди вёрст тридцать ещё... Ночевать останемся или опять в дорогу?

– Главное, как кони? Выдюжат? Ноги не переломают?

– За моих лошадок ты не боися! Смотри сам под себя: седалище не отмолотил с непривыку?

– Вроде нет...

– Ну тогда добро! К полуночи с передыхом я доставлю ваше благородие ровно в назначенное место.

На том и сговорились.

ГЛАВА 10

У ворот гостей встретил секретарь Гернгросса, рослый детина, по виду ровесник Достоевского.

– Андрей Родионович приказал в ночь-полночь будить его, если вы вдруг объявитесь. Его высокоблагородие уже одевается и будет с минуты на минуту.

Слуги зажгли ещё один уличный фонарь. Хлопнула входная дверь.

– Голубчик, Фёдор Михайлович! Отец родной! С вечера ждали вас. Да вот с погодой ни к чёрту... Давай-ка, мил человек, в мои чертоги! С устатку бы в баньку вам, да поздновато. Михаил, Петро! А ну-ка Фёдору Михайловичу тёпленькой водицы!..

Голос Гернгросса разносился среди дворовых построек, как дневной гром, высоко и раскатисто.

Вскоре гость оказался в гостиной, где посередине стоял овальный стол с разными кушаньями. Достоевский героически выдерживал

натиск выставленных блюд – с самого обеда не брал в рот маковой росинки.

Из соседней комнаты вышла хозяйка Екатерина Осиповна, успевшая с тщательностью навести причёску, но следы глубокого сна так и не сошли с её красивого лица. От пышного тела исходил аромат дорогих французских духов.

В присутствии такой красавицы Достоевский почувствовал себя крайне неловко. Неслучайно Егорыч остановил на ней свой понимающий глаз. Но... есть в Кузнецке другая просто божественная женщина... «Главное, – думал Фёдор, – чтобы здесь с ним не случилось ЭТОГО... Боже, как бы ОНО было некстати...»

Мысли гостя прервал хозяин.

– Постуем, конечно, помаленьку, дражайший Фёдор Михайлович. Но нас, ослабших здоровьем, Бог простит. Так что кушай, пей, дорогой друг, только себе на пользу, – как бы между прочим и в то же время искренне ронял слова Андрей Родионович.

Выпили по бокалу шампанского. Достоевский с непривычки долго не мог воткнуть накрахмаленную салфетку за ворот своего унтер-офицерского мундира. С удовольствием съел пару телячьих котлеток. Погрыз исхудавшими зубами ароматное, но твёрдое яблоко, доставленное сюда южными киргизами. По привычке осторожно и незаметно сгрёб в ладонь хлебные крошки и бросил их в рот...

Было видно, что гость устал. Да и хозяйева клонились ко сну. Просторное, породистое, с широким лбом лицо Гернгросса выглядело тоже утомлённым. Даже молодившие его широкие зачёсы от ушей-подковок почти до самых бровей на этот раз смотрелись несколько нелепо. И усы сползали по округлым щекам не так, как в былые встречи, а, будучи солидарными с поволокой глаз, выражали запоздалую грусть.

Вскоре хозяйка откланялась. Гернгросс остался наедине с Достоевским. Неожиданно взгляд хозяина стал строгим и даже напряжённым.

– Ты, Фёдор Михайлович, знай: мы тебя с Демчинским не подведём, весь грех берём на свою душу. Ехать придётся непременно прямо завтра. И никаким не инкогнито. Но и без подорожной. Лишних следов по пути оставлять нельзя. Поедешь не на почтовых, а на долгих. Мои люди нашли тебе человека, кузнецкий он и к тому ж с коротким языком. За весь путь твой туда и назад до Барнаула проплачено. Так что считай для себя это нашим дружеским презентом.

– Я об этом и не мечтал, Андрей Родионович! А за то, что побываю в Кузнецке и увижу дорогую моему сердцу Марью Дмитриевну, вам превеликая благодарность!

...Утром у окна, где спал Достоевский, раздался перезвон поддужных колокольчиков. В дверь постучал сам хозяин.

– Доброе утро, Фёдор Михайлович! Карета подана. Стóит поторопиться. Впереди как-никак почти триста вёрст... Не меньше двух ночёвок...

И опять дальняя дорога, дорога, которая, кажется, никогда и нигде не может закончиться.

На этот раз в экипаж была впряжена тройка, лошади гнедой масти. Ожидавший у резных ворот кузнецкий кучер уловил любопытствующий взгляд Достоевского.

– Красавцы! Все от одной матки... А ну-кась пошли, милые!

Загремели в три тона поддужные колокольчики.

ГЛАВА 11

«Вот и рукой подать до милого сердца», – подумал Достоевский и громко спросил ямщика:

– Сколько вёрст до Кузнецка?

– Энто рядом, барин! Двести с махоньким гаком. А пешим ходом чуток подальше...

– Гак-то в ваших краях каков?

– То и говорю: чуток помене крюка. – И в улыбке оскалил желтоватые зубы. – Главное, чтоб недобрый человек или зверь голодный дорогу не пересекли. А так здесь не дорога – одна радость душевная...

И вполголоса затянул песню про то, как разбойник Стенька Разин выкинул из челна в волжскую пучину княжну – свою полюбовницу...

Опять пошёл счёт вёрстам от села до села, от одного поворота до другого. На этот раз Достоевский проявил упорное любопытство.

– По имени тебя как кличут, дядя? А то неудобно тыкать друг другу в большой поездке. Я вот, к примеру, Фёдор Михайлович. А ты, дружок?

– Анфилад я.

– Ну и имечко у тебя, Анфилад! Это как понимать его?

– Так батюшка с матушкой в свои времена порешили назвать меня. А с чего оно, убей не скажу! Стар я уже, барин Фёдор Михайлович. Пять десятков годков за моей спиной. Которые люди и не живут стоко... У меня два сына да два внука... Вот как богат я. Да только толку в богатстве том... У старшого хромота с самого младен-

ства. Второй тоже мало полезен: и в семье, и в государевом деле. Заикастый у меня он. Тонул в озере, вот от перепугу и пошло всё... Пока попочет «тя-тя-тя», сам скорей догадаешься, про что хочет тебе слово сказать...

Долго ещё рассказывал Анфилад о своей никудышной жизни, о бабе своей Полине. «Кабы не она, хоть в петлю лезь!» Наконец, выговорившись, вспомнил про Стеньку Разина и, закончив унылый мотив, снова оголил жёлтые зубы.

Анфилад в отличие от прежнего возницы выглядел щёголем. На нём красовалась синяя сибирка – кафтан, сшитый в талию и без привычного разреза сзади. Сибирку украшал невысокий стоячий воротник. В такой одежде любили появляться люди торговые – купцы и лавочники, а также бывшие арестанты, повидавшие всякие виды. Из-под сибирки выглядывали полотняные шаровары тёмно-синего цвета, заправленные в сапоги из тонкой выростковой кожи. Ну а голову прикрывал картуз, сшитый из льняной ткани. Одним словом, щёголь.

Не останавливаясь, проскочили Повалиху. Деревня будто давно вымерла. Только из одного двора выскочили две узкобрюхие собачонки. Ни за что ни про что облаяли чужих людей и, поджав хвосты, забитые прошлогодним репейником, поплелись в свою подворотню.

Тройка, не в пример паре с отлётом, шла резво и без усталости, как говорят знающие люди, играючи. Проехали ещё две какие-то деревеньки. Фёдор Михайлович истомно дремал, натянув военный картуз почти на самые брови. Короткий привал устроили на опушке берёзового леса, который скатывался к безымянной речонке. Лошади с жадностью и фырканьем пили прохладную воду. Анфилад ослабил у тройки поводья, прикрепит торбу с овсом к морде коренника.

– Лошадкам в дороге, как человеку за столом, главное, не перепить! К тому ж живот должен быть впроголодь! Иначе...

Пристяжные жевали высокое разнотравье, изредка мотая то головой, то хвостом. От воды на запахах свежего конского пота устремились целые орды слепней.

– Перекусим в другом месте, здесь этот гнус пожрёт нас и всю нашу живность. Нонче все хочут сожрать друг дружку.

– Оно верно, Анфилад, – согласился разомлевший седок и с размаху прищемил жирного овода, успевшего прокусить кожу на затылке. – Ведь, смотри, какая картина: не было б воды –

не было б и этой заразы. Всякой твари необходим источник жизни...

Возница помедлил с ответом, коротко потряс головой и философски откликнулся на слова, сказанные Достоевским:

– Вот у нас почтодержатель, кроме прогонных, берёт за подмазку колёс по двенадцать копеек даже с собственных экипажей, с карет и колясок. С телег и с кибиток, знамо, вдвое дешевле – по шесть. А деготь да сало – это, вишь, ему я должен представить. За что берёт, скажите? Разве я сам себе враг и не способен ступицы вовремя промазать? Ай, беда-беда...

Вёрст через десять остановились на продуваемом пригорке, съехали с тракта саженой на двадцать, не больше. От бывшего дождя не осталось и следа. Возможно, дождь вообще обошёл эти места. Пахло травами, названий которых Достоевский никогда не знал и даже не слышал. Гудели бестолковые шмели, со взятком торопились в свои колоды и борти пчёлы.

До чего же чертовски здесь хорошо! Но... нет, он ни за что б не остался в этих местах – в них отсутствует дух, который оплодотворяет его писательскую душу. Здешние места предназначены для работы рук и для отдохновения, а работу голове надо находить в других, менее приспособленных для жизни местах...

По тракту к Барнаулу во весь опор мчалась тройка гривастых лошадей. С горделивой головой шёл коренной в яблоках.

– Не мене как генерала везут или другое превосходительство, да ещё подшофе... Запалит, паразит, лошадей...

Достоевский пропустил фразу мимо ушей.

ГЛАВА 12

Дорога тянулась долго и нудно. Лошади шли резво и ровно. Приблизились к околице большого села. Остановились возле почтовой станции. Анфилад перебросился несколькими словами с отдыхающими ямщиками, выкурил с ними по сигарке из местного рубленого табака. От такого табачища у Достоевского выкручивало голову, и он старался им не пользоваться – уж очень задирист был самосад. Фёдор набил трубку «жукковский» табачком, которым его вдоволь обеспечивал Врангель. Правда, дома, в своей конуре, курил он чаще всего «Вакштаф» второго сорта, этот был крепче первого, хотя и менее ароматен. Таким табачком Достоевский начал баловать себя ещё в петербургскую пору. Табак

требовал медленного курения, иначе скрадывались все ароматные оттенки. Курился плотно, комфортно, давал нужное насыщение, но никогда не перегружал организм. Когда с Дмитрием Григоровичем снимали на двоих одну квартиру, оба курили до одури. В их комнатках почти от потолка до пола висел густой сизый дым. Все, кто попадал в жилище молодых писателей, сначала чихали, кашляли и только потом отыскивали у себя носовые платки...

Надворный советник купец первой гильдии Василий Григорьевич Жуков держал табачную фабрику в собственном доме на Фонтанке, возле Чернышёва моста. Табак выпускался по его лично разработанным рецептам из смеси семнадцати сортов «Вирджинии». После четырёхмесячной выдержки в дубовых бочках из-под французского коньяка с последующей двухмесячной выдержкой под дубовыми прессами...

Подошёл Анфилад.

– Сорокино, Фёдор Михайлович! Придётся ночевать. Туточки прошли щедрые дожди. Мокрота. Лучше переждать, а не лезть на рожон. Как считаете?

Достоевский выпустил последнее облачко голубого дыма, принялся чистить мундштук.

– У нас в батальоне делают так, как скажет командир Беликов. Сегодня ты на его месте. Не могу послушаться. Вези к будущему ночлегу. А то ещё придётся ночь куковать посередине леса...

Проехали около полуверсты вдоль пыльной улицы без единого деревца или кустика. Остановились напротив облупленной часоулицы.

– Вот тут! Мой постоянный двор у Анисьи Павловой. Я при нужде всякий раз у неё останавливаюсь...

Ночь в Сорокино прошла трудно. Достоевскому снилось, что он куда-то не поспевал, у него путались все планы, и никто не мог помочь ему выбраться из щекотливого и безысходного положения. Потом откуда-то явился отец Михаил Андреевич с Евангелием в руке...

– В сией книге начертан твой путь, сынок Фёденька! Пропадёшь, если не будешь следовать ему!

И исчез. В это время около амбара пропел хозяйский петух. Достоевский открыл глаза. Солнышко золотило стреху соседской избы.

Он вспомнил последний эпизод сна, перекрестился.

– Царствие тебе небесное, папенька! Вечная память!

И, увидев на столе приготовленный завтрак, стал одеваться.

Как в руку сон: и усопшие к непогоде, и Евангелие в руке... Ещё в Омске Фёдор Михайлович в трудные минуты жизни брал в руку Евангелие и открывал его наугад. Потом внимательно читал левую страницу, ища в ней ответы на мучивший вопрос. Сегодня, правда, у него таких вопросов не было. Только бы увидеть её глаза, почувствовать губы, услышать сбивающий с ума голос...

Когда подъехали к Хмелёвке, дорога стала мокреть, лошади сбросили прежнюю прыть. По селу вела кривая малопроезжая улица – здесь накануне прошёл не просто дождь, а прокатился настоящий небесный водопад.

– Тут такое дело, Фёдор Михайлович! Мы теперь близимся к таёжке, сама-то тайга – она ещё впереди. Места энти заводнённые. Кругом болот полон рот. Хмелёвка – она и вправду хмельная девка, чего только не вытворяет с нашим братом... И у речки здешней тоже имечко в лад ей. Пьянушкой в народе зовётся. Даст же Бог названия сподобить. Ну ничего! Не впервой баба замужем. Доскребёмся до Салаира и, считай, здрасте вам! Там места пойдут опять чистые, проезжие, народом исхожены и изъезжены вдоль и поперёк. С самой весны до белых мух люди ягоды разные берут, грузди ломают. Многие этим и живут. Ну охота ещё да рыбалит кто... А землепашество – оно дело тонкое, хлопотливое и не на всякую руку приходится... Вот возьми меня...

– А от Салаира до Кузнецка далеко ещё?

– Каво там далёко?! Всего-то сто тридцать вёрст! Значит, в Салаире лошади передохнут. Да и мы маненько отдышимся. Потом без спеху до Бачат доскребёмся. Там привал устроим, а в самую ночь двинем далё. Чтoб к обеду в Кузнецк поспеть... Или что не так?

Достоевский видел, что лошади давно устали. Шли неторопливым шагом, и Анфилад не пытался их понуждать... Показались берёзовые и осиновые перелески. На низинных болотах торчали сохлые стволы берёз. Кое-где прямо к дороге подходили осоковые болотца. Коричневой бахромой опоясывал их старогоний мох. По склону невысокой горы стекал редкий выгоревший ельничек. Поодаль высились почерневшие стволы крупных деревьев с вкраплениями меж ними подрастающей пихты и осины. Низовые пожары пронесли здесь когда-то, свершив своё

пагубное дело. Не приведи Господь оказаться в такую злосчастную минуту один на один с безумной стихией!..

С грехом пополам доползли до Салаира. Достянули и до Бачат. У Достоевского начала ныть поясница. Самое время хорошему привалу. И он уж хотел было остаться в Бачатах до утра. Но это сбивало задуманные планы. Как бы соглашаясь с мнением ездока, держался и Анфилад. Договорились, что остановятся только для кратковременной передышки лошадей, а сами отдохнут вволю по прибытии на место.

ГЛАВА 13

В полночь почти незаметно менялся ландшафт местности. Поползли лёгкие взгорья, угадывалось редкое мелколесье. Когда стало светать, Достоевский увидел небольшие и средние сёла, разбросанные вдоль главной дороги. Видно было, что раньше здесь стоял добротный лес, со временем он ушёл под строительство, а вместо него теперь поднимался кучерявый молодняк.

— Едем ближе к матушке Томи. Поилица и кормилица наших мест. А то как? — красуясь на своём сиденье, вёл разговор Анфилад. — Живём в лесу, молимся колесу...

Навстречу тянулись повозки, запряжённые одиночными лошадьми, парами и тройками. Везли на телегах, бричках избной лес, пиленое дерево, колотые дрова, вязанки прошлогодней соломы, мешки с кормом для скота, домашний скарб, мелкую живность. В ненагруженных колымагах и таратайках, жмущихся к обочинам дороги, передвигался самый простой люд. А в дорогах экипажах, рессорных пролётках в основном торопился народ служивый и небедный — кто в уездные города, кто чуть подальше, а кто и до самого губернского центра — в Томск.

Дорога покатила меж крутых перегорков. Странные места. Вода с них скатывается вниз и стоит вспученными болотами. Достоевский поморщился — топи хуже, чем в Санкт-Петербурге. Анфилад заметил молчаливое недовольство седока.

— Скоро, скоро, барин. Вон уж Араличеву проскочили. Горбуново село пошло. Щас ходу по Черноусову дадим, там через мосток — и, считай, у самого места... Речку Абой кличут по-татарски. Рыбёшка в ней добрая, особо по осени... А в пяди, — ткнул возница кнутовищем в правую сторону, — сплошь моховое болото, барин. Твёрдого места нету... Ей-богу!

Подъехали к берегу широкой реки.

— Тут тоже места хлипкие, болотина проклятушная... Я прошлой осенью кобылку свою, посчитай, утопил. Хотел обмануть самого себя. Пошёл напрямик через качкую полянку... Да не вышло...

— Ну а мы как?

— Дык как-как? Ишь, с той стороны мужики паром тянут, на барабан бечеву наматывают. Народишко своей очереди уже ждёт. Нонечь долго стоять не будем, телег вроде немного. Чик-чик — и на пригорчик...

Вышло почти по сказанному. Вскоре с правого берега со скрипом причалил кособокий паром, ударившись выступом об истёртые сходни.

— Как он ещё у вас ходит? — удивлённо спросил Достоевский.

— Как-как? — с не меньшим удивлением переспросил кучер. И сам себе, а может, докучливому седоку: — Не ходит он, а плавает — деревяга она и есть деревяга, к тому ж на привязи. И не уплывёт никуда, и не потопнет. В наших краях три парома поставил Васюха Барков. Много не надерёшь с народа, но к ледоставу поболее тыщонки чистого наvara в заглазник кладёт. А оно как: телега вот наша — двадцать копеек в одну сторону, скотина от пяти до десяти. С меня, как с лица отдельного, две копейки, а вы человек казённый — это у нас, Фёдор Михайлович, завсегда бесплатно. С калечных да нищих паромщики тоже ничего не берут. — И почесал обгорелое ухо. Вроде как позавидовал им, нищим и калечным...

Берег оказался даже круче, чем смотрелся с противоположной стороны. Лошади пошли внатяг. Кучер не погонял их, вместе с ними знал в этих краях каждый поворот и подъёмчик.

— Вот, вишь, слева село большое. Христорождественское. Богатое место, у реки и, считай, у самого леса... От города в трёх верстах... Хорошее село, весёлое, девок молодых больно много... Эх, сбросить бы мне годков двадцать...

А дорога всё шла и шла вверх, давая большого кругаля и постепенно заворачивая вправо.

Слева лежали поля, сплошь усыпанные шароголовыми одуванчиками, дальше виднелись берёзовые колки, а за ними по растекающейся горе голубоватой пилой резал небо хвойный лес.

— Ельник? — с внутренним торжеством спросил Достоевский.

Кучер тыльной стороной ладони смахнул со лба капельки пота, повернулся к седоку, обнажив полрта неровных зубов.

— Ельник у нас в других местах, барин, а это сосняк. Молодой ещё. При тятиной памяти боль-

шой пожар тут был. Погорело дерева – о-го-го! Кто говорит – от грома, кто – от каменных углей, они из земли прямо под комель дерева на белый свет выходят... А может, поджог кто совершил... Вокруг много инородцев разных. Раньше народ настрадался от их набегов. Больше с той стороны супостат шёл. Кабы поднялись с тобой повыше на Могильную гору, всё бы увидели. Там за увалом – Пеги горы. Супостат знает своё логово... Вот матушка-крепость и сдерживала его во все века... Теперь-то оно не то...

Проезжая дорога подошла вплотную к крепостным воротам с башней и церковным куполом. Высокие стены крепости, выложенные из серого плитняка, расходились в разные стороны, как усы у зарытого в землю великана.

– Вот так и охраняем государство наше российское от супостата... – взъерошил на затылке волосы возница и снова почесал набухшее ухо. – Счас маненечко вниз – и здравствуйте, господа хорошие!..

В воздухе витал тополиный пух, пахло близкой рекой и застоялой в низине водой от весеннего половодья. Проехали мимо красивой двухкупольной церкви. Достоевский сразу оценил лёгкость и красоту архитектуры храма – такие по России стоят не в каждом большом городе...

– Храм Преображенья Господня. В те века ещё начали строить, а освящали уже на моей памяти... Годков двадцать тому назад.

Пересекли небольшую площадь. Место гостю не понравилось: пыльное и неухоженное, корявое от иссохшей грязи. К площади с южной стороны выходил другой храм – более простой и более древний, чем первый. Переваливаясь по-барски, дорогу пересекала стая гусей.

– Значит, барин, на ваш адресок можно заехать с любой стороны храма. Это у нас, заметьте, Одигитриевская церковь, все подгорские да и форштадтские в неё ходят. Повелось из веков... А на Каркасскую, пожалуй, отсюда, с Водопадной сподручней. – И повернул экипаж круто на дорогу влево.

Окна многих домов были отворены. У коновязи возле церкви, понуро опустив головы, стояло несколько запряжённых лошадей.

– Народ, барин, не унимается: кому-то крепиться приспичило, кому-то помереть сподобилось. Кто обвенчаться задумал... Так у нас во все века... А Вагиных я давно знаю. Я ж тут с малолетства живу, на самом краю форштадта. Кажный камень, кажный кусток изнюхал... Ну вот,

слава Богу, и хозяин наш... Примай, Фомич, своё гостинечка!

Степенно, отворив одно полотнище ворот, подошёл Вагин. Примеривающе, а скорее испытывающе посмотрел на прибывшего гостя. За ним выскочила женщина, видимо, жена хозяина:

– Ой, Фёдор Михайлович! Мы ждали-ждали вас и все жданы съели!..

ГЛАВА 14

Мария Дмитриевна прописывала в своих письмах, что Исаевы свели знакомство с хорошим человеком Вагиным. Конюшит он при коллежском заседателе, к которому Исаева приставили в секретари. Вот к нему-то, к Вагину, она и велела обратиться Фёдору сразу по прибытии в Кузнецк. Ну а Фомич дорогу к дому Дмитриева, где поселились Исаевы, хорошо знает – живут почти рядышком...

Как ни стремилась душа в эти полудикие края, как ни хотелось покрасоваться в мундире на чужой стороне, всё равно не подкатил бы Фёдор Михайлович ни с того ни с сего в своём экипаже сразу к дому на Береговой, хоть и тянула эта непосильная любовь к женщине кручёной верёвкой... Чтоб так запросто и неожиданно для чужих глаз – нет, не позволил бы он, человек порядочный, к тому же практически без пяти минут офицер... Нет, не позволил бы подлететь к дому беспорочной вдовы и замарать имя и честь любимой женщины. Она вовсе не какая-нибудь Варенька Добросёлова, и он не какой-нибудь господин Быков, чтоб так беспардонно якшаться друг с другом. Тут Фёдор, как учили его в фортификации, очень понимал и различал дистанцию и интервал.

...Вагин Достоевскому понравился с первого взгляда. И жена его Федосья показалась женщиной простой и симпатичной. В этот день сам Вагин находился не при делах – коллежский секретарь занемог суставами и лежал вторую неделю в своём доме в начале Базарной улицы.

После непродолжительной беседы за чашкой чая жена Вагина ускользнула на Береговую и сообщила Марии Дмитриевне о приезде желанного человека.

В доме, построенном на две «стопы», – из тёплых сеней, совмещённых с кухней, одна дверь вела в левую комнату, вторая – в правую. Как раз в ней и предложили место Достоевскому. Дом был поставлен из пихтового сруба, снаружи успел почернеть, а тёсовая крыша в середине конька

заметно просела. Зато внутри изба выглядела чистой и по-деревенски уютной, особенно это чувствовалось после семипалатинской квартиры Пальшиных. Лиственничный пол был выскоблен до медового цвета, стены тоже промыты и проскоблены, аккуратно законопачен выступавший между брёвнами рыжий мох. Тщательно разложены самотканые полосатые половики – и на полу, и на лавках. Подоконники небольших оконцев размещались почти на уровне груди. На них хозяин установил вторые рамы для тепла, да так, видимо, и не удосужился снять. На подоконниках между стёкол уложены скатки из пожелтевшей газетной бумаги, внутри которой был завернут сухой мох – предусмотрено не только для сохранения тепла, но и для того, чтобы зимой на стёклах не накапливалась сырость...

В предоставленной гостю комнате растопилась широкая железная кровать с пуховой периной и двумя подушками – таких Фёдор Михайлович не видывал с той поры, как покинул родительский дом в Даровом. Стол, накрытый цветастой скатертью из дешёвой материи, вызывал особое расположение: так бы и разложил на нём листы писчей бумаги... На нём два подсвечника – для трёх малых и для одной большой свечи. Вокруг стола четыре старых кривых стула, у стены небольшой комод, а у самой двери вешалка для верхней одежды – пять металлических крючков, вбитых в толстую кедровую плаху.

Комната, можно было предполагать, зимой обогревалась от выступа печи, топившейся из кухни...

Вскоре Достоевский увидел, как за окошком промелькнула тень.

– Здравствуйте, люди добрые!

Этот голос Достоевский узнал бы из тысячи, а может быть, из миллиона других голосов. Здесь он, родной, был совсем рядом и до изумления чист и близок. Фёдор бросился к двери. Навстречу шла ОНА.

Радость, боль, отчаяние – все крайние чувства перемешались разом в его душе. Руки сами по себе потянулись к Марии Дмитриевне. Он обнял её трепетное и горячее тело. Долгожданная женщина попыталась увернуться от колючей щеки Достоевского, но тот, как малый ребёнок, даже не заметил этого.

– Милая, милая... Единственная, ненаглядная моя! Ясочка ты моя!..

У Фёдора не хватало слов, чтоб высказать накопившиеся чувства. И слёзы радости выступили

в глубоких ложбинах его глаз. Он взял пальцы Марии Дмитриевны в ладонь и повёл гостью в свою комнату. Там она ухватила его мозолистые руки, прижала к себе и бесконечно обцеловывала пахнущие табаком пальцы. Сели за стол. Мария Дмитриевна ровно напротив Достоевского. Всё та же. И одновременно другая. В её тёмных волосах он увидел серебряные нити седины – результат недавно перенесённого горя. Вокруг глаз накопилась трагическая чернота, редкие извилистые морщинки. На щеках лежал румянец, который, как и ранее, украшал лицо без излишних округлостей. Тот же заострённый нос, сухие поджатые губы и не по-женски волевой подбородок.

– Как Паша? – другого вопроса Достоевский не сумел подобрать. Хотя и этот вопрос не был праздным.

– Вымахал сорванец. Его теперь трудно уговорить. Целыми днями пропадает с уличными ребятами у протоки. Болит душа: как бы чего не случилось... Особенно после смерти Александра Ивановича. Я больше не переживу подобной беды. В моём сердце совсем истончилась ниточка надежды на будущее. Боюсь, как бы она вовсе не оборвалась...

Он продолжал гладить длинные пальцы любимой женщины. Видел, как часто вздрагивают голубые жилки на кистях её рук. Она тоже почувствовала, что Достоевский переменялся. Этот незнакомый мундир унтер-офицера с голубыми погонами на плечах, не выбритые с дороги щёки и ещё более пронизывающий взгляд колючих глаз. Мария Дмитриевна боялась возможных расспросов Достоевского. Ведь Федосья могла уже сообщить и о Вергунове, и о попытках местных кумушек «пристроить» вдовую женщину к какому-нибудь хорошему человеку...

– Я пойду, – тихо произнесла Мария Дмитриевна. – Негоже мне здесь долго задерживаться, мы ж тут все на глазах. Вы, Фёдор Михайлович, друг мой, поймите меня правильно... Вы вот сегодня приехали и завтра уедете. А я останусь...

Достоевского взбесили такие слова, хотя он понимал, что в них заключена вся правда жизни. А в том, что он случайным налётом оказался в Кузнецке на Картасской улице только с одниммышлением побыть несколько часов возле любимой женщины, – это для остального мира сплошная тайна! А тайна как может быть правдой?..

Мария Дмитриевна понимала безысходность положения, в которое вогнала дальнего гостя. Поэтому продумывала каждое своё следующее

слово, стараясь подать Достоевскому малейшую надежду.

— Нет, дорогой мой, я не отказываюсь от нашей встречи. Непременно сегодня же вечером приходите ко мне. Будет смородиновый чай с вареньем. Я помню вашу любовь к крыжовнику, но ему ещё не время у нас, да и мало у кого он здесь растёт. Жимолостью угощу! К тому же с вами очень желал познакомиться хозяин нашего дома Михаил Дмитриевич Дмитриев. Если далеко не отлучился, тоже забежит на чай. Человек он начитанный, приобрёл где-то экземпляр «Отечественных записок» и бережно хранит его. Любит поговорить о литературе, о политике да и вообще о жизни.

И ушла.

Наверное, целую вечность ждал Достоевский этой встречи, а она получилась до изумления коротка и неутешительна. Теперь надо ждать, когда спадёт жара и солнце укатится за другой берег реки.

— Вы бы чего-нибудь поели? — пыталась достучаться до гостя простодушная жена Фомича. — А то поди замерли. И вроде пребываете в некотором расстройстве... Ишь и под глазами сильно поголубело...

Да, Достоевский пребывал в расстройстве, но только не в некотором, а в самом большом. Его жалила давняя мысль, захлестнувшая после одного из последних писем Марии Дмитриевны. Она писала тогда о своей худой жизни в Кузнецке, о постоянном нездоровье, о людях, которым она никогда не была нужна и будет всегда безразлична. И неожиданно, с какой-то светлой ноткой сообщила, что после смерти мужа очутилась окружённой особым вниманием со стороны учителя уездного училища, некоего Вергунова... При всём этом пусть, мол, дражайший Фёдор Михайлович не придаёт означенному факту большого значения. Вергунов — человек ещё молодой, для жизни не созревший, но к ней, правда, относится с глубоким пониманием и уважением, может быть, в душе даже больше...

— Чайку выпью обязательно! — ответил Достоевский словоохотливой хозяйке. — А вот расстройств на душе совсем не имею.

И поймал себя на том, что по меньшей мере сфальшивил, а по полному счету солгал женщине, непричастной к его печалям.

Сел за стол. Пока хозяйка раздувала самовар, издалека закинул крутящийся на языке вопрос.

— Вергунов, ваш учитель — он как, серьёзный человек?

— Года три назад из Томска прислали. К делу, говорят, человек прилежный, несмотря на свои годы. Молод — это точно. Это ж сколько надо пожить на свете, чтоб ума набраться... Токо неподъёмное дело взять на себя пытается. Не по себе дерево рубит. Я такое дело по-женски одобряю...

И закончила своё толкование. А Достоевский посчитал дурным тоном наводить о Вергунове дополнительные справки. Хотя его так и распирало узнать, какое же неподъёмное дело имела в виду хозяйка.

Фёдор понимал, что Федосья не захотела выдавать какие-то подробности о кузнецком учителе. А может быть, вся эта возня вокруг него — только нелепое воображение Достоевского?..

Но он определённо был не в духе. И в это время показался бы со стороны старым и больным человеком. Достоевский пощипывал жидкую русую бородку, кусал то один, то второй ус, при этом лицо его нервно передёргивалось. Так он всегда переносил крайнее волнение...

Наконец жара пошла на спад. От реки потянуло воздухом, пропитанным речной сыростью. Поникшие было за день листья одиноких деревьев набухли, выпрямились, испуская свой не сильный, но живительный аромат.

— Вам, Фёдор Михайлович, лучше от нас идти прямо на Береговую. По Блиновскому проулку, храм станет по правую руку, а там чуток влево — и дом Дмитриевых. Их двор всякая собака у нас знает. Александру Ивановичу, царствие ему небесное, хозяин сдавал комнаты за полцены. А как упокоился кормилец, он вроде с вдовы ни рубля не взял... И чё взять с бедного человека с малым ребёнком на руках... Кто его без родителя на ноги поставит?..

И перекрестилась: «Прости, Господи, и сохрани нас грешных!».

ГЛАВА 15

Паша получил своё: кулёк леденцов и вязанку сладких крендельков, которые привезли в Семипалатинск из Омска перед самым отъездом Достоевского. Марии Дмитриевне достались тёплые домашние бурочки для зимы, сшитые на манер южнорусских черевичек давним солдатским другом Кацем по просьбе Фёдора Михайловича. Бурочки вышли просторные, прострочены в ровную клеточку и устланы внутри меховой стелькой.

Хозяйке подарок понравился. Она его несколько раз примерила, постоянно приговаривая: «К чему же траты такие, к чему, Фёдор Михайлович? Ну к чему?».

Потом втроём сели пить чай. Паша набрал за пазуху с десяток крендельков и бочком улизнул от взрослых на улицу.

Мария Дмитриева смотрит внимательно и настороженно, пытаюсь коснуться недостижимого дна глаз долгожданного гостя. Жила ожиданиями этого часа много месяцев. Сколько слёз пролито за прошедшее время! А он такой же смятенно-потупившийся, только не в солдатской потной рубашке, а в настоящем мундире с начищенными до блеска пуговицами. Столько надо и хочется переговорить, но во рту язык будто присох...

Достоевский никак не может превозмочь своё волнение. Сидит, хмурится, чего-то выжидает. Тысячи раз вспоминал минуты их давней разлуки, неисчислимое количество ласковых слов отослал почтой в Кузнецк... А вот наступила минута встречи, и он, как не выучивший урок школьник, всё пытается выкарабкаться из сложившегося положения...

Глянул на обстановку. Не шикарно, одна тоска. Всё не своё, хозяйское: лапчатые кресла, старые картинки с изображением свадьбы и охоты на волков. В кадках и горшках большелистые фикусы и 115 фуксии с овальными зазубренными листочками.

— Марья Дмитриевна, милая Маша!.. — начал Достоевский.

У него в голове запасено много слов, которые в таких случаях говорят любящие друг друга люди. Но все эти слова сейчас для него пустота, сор.

— Мне тоже было очень плохо, родной мой Фёдор Михайлович! Я не знаю, как осталась жива... — перебивает Мария Дмитриевна.

Достоевский вскакивает, чуть не пролив стакан с остывающим чаем. В порыве обходит стол, обхватывает ладонями плечи Марии Дмитриевны. Но она резко поднимается, уклоняясь от его объятий.

— Не надо. Прошу, не надо!

— Это всё из-за ЕГО любви к тебе? — вскипает Фёдор.

— Зачем же так?

Достоевский, медленно гася в себе накативший порыв, пятится и садится на свой стул. Несколько минут длится молчание. И снова заговорила она.

— Я никого так не ждала, как вас, мой милый и любимый Фёдор Михайлович! Но вдруг поня-

ла, что буду обременять вашу и без того полуманную жизнь... Да и была бы я одна... За мной ещё хлопотное приданое: малолетний ребёнок. Я твёрдо пришла к выводу, что не хочу и не могу принести вам одни несчастья...

Достоевский не ожидал предательских слов от Марии Дмитриевны. Почти закричал с сиплым надрывом.

— Я любил и люблю вас каждой клеточкой моего тела. Если вы не примете эту любовь, знайте: мне нечего делать на этом свете!

— Вы напрасно так убиваетесь! — взмолилась Мария Дмитриевна.

Она увидела, как побелело и без того бледное лицо Фёдора Михайловича.

В комнату влетел Паша:

— Маменька, я возьму ещё крендельков?

Когда мальчик скрылся в сенях, Достоевский, словно приминая, утяжеляя каждое слово, произнёс с тихой горечью:

— Всё дело в НЁМ? В Вергунове? Да?

Мария Дмитриевна не ожидала прямого вопроса. Она смешалась, вздрогнула, подошла к потускневшему зеркалу, висевшему в простенке между окнами. Стряхнула в волнении невидимую пыль с плеча домашней кацавейки.

— Вы неправы, Фёдор Михайлович! Совсем неправы, дорогой мой! И это ещё больше ставит меня в неудобное положение...

Они говорили долго. У обоих не было сил спорить, доказывать свою правоту. Комнату заполнял вечерний сумрак. В конце концов вышли за ограду дома Дмитриева. Закат истлевал.

— Я должен завтра же, Марья Дмитриевна, ехать обратно. У меня вид только до Барнаула. Меня, как малость, ждёт гауптвахта.

— Нет. Это жестоко! Вы ни за что не поступите со мной так! Мы завтра пойдём на могилу Александра Ивановича. — Помолчала и добавила: — Пойдём втроём: вы, я и Николай Борисович Вергунов.

ГЛАВА 16

Заканчивалось погожее июньское утро. Солнцу было далеко до зенита, но свет уже слепил глаза и плавился на мелкой листве чахлых кустов акации.

Втроём медленно поднимались по дощатому тротуару Базарной улицы. В переулках тротуар прерывался. Под ногами шкрябали мелкие камешки, на обувь оседала серая, многократно пересохшая пыль. Встречный народ с любопытством рассматривал немолодого заезжего ун-

тер-офицера с тремя белыми полосками на голубых погонах, кое-кто из учтивых граждан здоровался. Исаева и Вергунов отвечали по-разному. Одних они давно и близко знали, с другими было шапочное знакомство, третьих видели впервые... Версты через полторы свернули влево, к подножию пологой горы.

Молча обошли невысокое каменное здание, украшавшее уходящее вдаль кладбище.

– Наша Успенская церковь, – пояснил Вергунов, пытаясь напомнить о своём присутствии.

Достоевский и Исаева промолчали. Наконец голос подал Фёдор Михайлович.

– Это и есть Могильная гора? – спросил Достоевский.

– А вам откуда известны такие мелочи? – вопросом на вопрос ответил Вергунов.

– Это не мелочи, а тонкости, – сердито поправил попутчика Достоевский. – В жизни мелочей не бывает.

Было заметно, что Вергунов не собирается сдаваться.

– Здесь начинается подножие горы, а сама гора выше...

Слова Вергунова и вообще его неуместное присутствие в этой компании – всё вместе не давало покоя Достоевскому. Уж точно: третий лишний. Но он в то же время понимал, что Вергунов сейчас – всего лишь палочка-выручалочка. Только в такой компании удобнее всего появиться Исаевой на могиле своего супруга. Фёдор завтра при любой непогоде отбудет отсюда, а она останется одна. Придётся расхлёбывать всё в одиночку...

За оградой из кованых металлических прутьев, вделанных в кирпичные столбы с овальным покрытием из жести, располагались захоронения. По обеим сторонам кладбищенской дороги высились преимущественно надгробия из дорогого камня и чугуного литья – всё доставлено с уральских и местных каменоломен, а также с Гурьевского железодельного завода. Больше всего было крестов из чёрного мрамора и могильных плит из дикого камня. Достоевский мельком бросал взгляд на самодельные эпитафии, не дочитывая их до конца. Складывалось впечатление, что по обе стороны от неширокой дороги выстроились ряды важных городских особ, их родственников и приближённых. Покоились городские начальники, купцы, церковные пастыри, все со своими семействами – с родителями, супружницами и детьми, родителями дражайших супругов. Повсюду около могил раз-

рослись посаженные по скорбному случаю деревца. Обилие лесной зелени поразило гостя: кедры, сосны, берёзы, кусты рябины, черёмухи и сирени – такого не увидишь даже в Петербурге, а тем более в Семипалатинске...

Александр Иванович покоился в дальнем краю кладбища. Могилы здесь походили одна на другую. И деревянные кресты торчали без большого разнообразия – отличались только степенью серости, которая остаётся на дереве после дождей и сибирских зим.

Могильный холмик Исаева был ухожен, сорная трава на нём вырвана с корнем. На разрыленной поверхности земли стояла фарфоровая вазочка с водой, где находились поникшие соцветия гераньки.

– Ну вот и встретились ещё раз... – перекрестился Достоевский. – Царствие тебе небесное, Александр Иванович!

И в бессчётный раз почувствовал свою вину перед покойным, ведь это он оказался пригретой змеей, подлым человекишкой, возлюбившим жену ближнего...

– Прости нас, Боже, за грехи наши! – ещё раз перекрестился Фёдор. – И ты, друг мой земной, не вини за всё содеянное...

Достоевскому было не по душе, что рядом с ним стоит учитель Вергунов, бесцеремонно вклинившийся в его давние отношения с Марией Дмитриевной, да и с самим Исаевым.

«Вергунов... Ввергунов... ввергся в мою душу», – усиленно думал Достоевский, и его начинало знобить под палящим солнцем.

Он даже машинально попытался надеть фуражку, но вспомнил, что это было бы святотатством у могилы знакомого человека. Мария Дмитриевна добавила в вазочку свежих цветков – голубые медунки, сорванные у забора своего огорода. Долила из графина воды.

– Теперь у тебя лёгкие sny... – разминая меж пальцев комочки земли, повторяла она. Словно с живым, разговаривала с упокоившимся супругом.

Паша появился неожиданно, оббежав несколько захоронений. В руке держал два петушка и горстку мелких конфеток «в подушечку».

– Ты пожелал им царствия небесного, сынок?

– Да, маменька! Как ты всегда велишь, – ответил мальчик.

Николай молча переступал с ноги на ногу – то ли чувствовал полную непричастность к происходящему, то ли не мог уяснить роль своего пребывания в такой компании.

Когда возвращались, Достоевский сказал, что надо бы сподобить Александра Ивановича надгробием. Заслужил человек о себе память не на срок жизни деревянного креста. Неожиданно и участливо голос подал Вергунов.

– Марья Дмитриевна знает: есть у нас намерение уложить Александру Ивановичу чугунную плиту. К осени, пожалуй, обернёмся. Вас бы очень просили, Фёдор Михайлович, дать надлежащий текст. Лучше вас никто этого не придумает...

– Я подумаю, – и неожиданно для себя добавил: – Я сделаю это...

ГЛАВА 17

Степной ветер выдувал тепло из ветхих и старых помещений. Печки пожирали десятки возов дров, привезённых из ближайшего леса. Но не хватало людей, не хватало лошадей. Повозки для дров быстро выходили из строя. Солдаты за территорией гарнизона работали кое-как. В складах в любой час шаром покати – отсутствовал не только корм для лошадей, но и не хватало провианта, необходимого батальону в ближайшие три дня... Потому пищу на стол часто выставляли малопригодной. Многие из солдат страдали болезнями, большей частью хроническими. На весь батальон имелся один-единственный фельдшер, и тот сутками валялся под видом больного в приёмной комнате, употребив в начале дня некую долю неразведённого спирта. На заготовку дров снимали всех караульных, кто днём должен был стоять на посту. В казармах, несмотря на жесточайшие требования начальства, пол был не только грязным, но и превратившимся в настоящий каток. Разлитая случайно вода или пролитый чай в ту же минуту превращались в голымый лёд.

В моменты, когда батальон находился на грани полного краха, начальство посылало за офицерами, которым из-за болезни был прописан домашний режим. За Достоевским чаще других прибегал запыхавшийся сослуживец Наум Кац, портной из Пермской губернии. Он был самым молодым в первой роте и состоял с Достоевским в относительно близких, можно сказать, дружеских отношениях – с первых дней появления того в казарме купил на двоих самовар, латал старшему товарищу износившуюся одежду, делился кое-какой едой и семейными секретами...

Семипалатинск оказался городом не семи палат, а семи ветров, причём здесь всегда ощущалось, что ветер дует с той стороны, куда по-

вернёшься. С собой ветер обычно нёс тонкую песчаную пыль, которой на сотни, а то и тысячи вёрст были перенасыщены киргизские степи.

Первое впечатление Достоевского от Семипалатинска было такое: беспорядочная куча дерновых и глиняных домов из сырцового кирпича и мазаных хат, крытых тем же дерном или камышом... И за ними кругом до горизонта только глинистая солонцеватая степь.

В городе была одноминаретная мечеть для магометан и единственная каменная церковь, где проводил обряды православный люд. Правда на кладбище, недалеко от которого потом поселился Достоевский, стояла ещё малоухоженная часовенка... Внутри неё на прогнутых полках лежали и стояли потрёпанные церковные книги, ветхие иконы и заплывшие воском лампадки, принесённые в разное время богомольцами.

Маленькие, приземистые, вросшие почти наполовину в землю домишки, обнесённые бревенчатой оградой, лепились один около другого. Из кривых подворотен без перерыва лаяли и выли своры голодных собак. По ночам на улице не увидишь ни одного человека, во всей округе, кроме территории военного гарнизона, не было сторожей и фонарных столбов. Только в слабом свете от ночного неба шныряли осторожные собачьи тени...

Костяк местного гарнизона составлял сибирский особый 7-й линейный батальон, который располагался вдоль высокого правого берега Иртыша. Собственно, он и представлял собой основу города с крепостью. С южной стороны располагилась самая большая – Татарская – слобода, с других сторон находились более мелкие слободки. Тут же размещались присутственные места, галантерейный магазин, казённая аптека и меновой двор. На территории гарнизона находились казармы, учебно-смотровой плац, батальонное казначейство с собственным денежным ящиком, тюрьма, гауптвахта, госпиталь, штабное помещение, амбар с казённой извёсткой и другие служебные постройки, а также размещалась конная казачья кавалерия. Нигде не было ни одного тротуара, ни единого клочка мощёной дороги.

Интеллигентное общество состояло из двух десятков офицеров да заседателей окружного приказа. Ещё был православный священник, мулла и полуграмотный учитель, умевший писать и считать до ста. А некоторые, вроде начальника Сибирского таможенного округа – известного гордеца и, по сути, надутого индюка

Ивана Армстронга, вообще игнорировали местный свет, замкнувшись в семейной скорлупке... В город один раз в неделю приходило менее десятка газет.

Жалованья хватало лишь на то, чтоб сводить концы с концами. Так, штабс-капитан Головачёв получал триста восемнадцать рублей в год, а два воза дров для согрева съёмной квартиры зимой обходились ему в девять рублей. Причём детишки у него постоянно мёрзли, и не было того дня, чтобы они вылезли из болезней...

Питался народ в городе, можно сказать, подножным кормом. У кого-то был крохотный огород, кто-то держал козу, кур. Хуже других кормились солдаты. Если селянин потреблял хлеба в среднем около трёх фунтов в день, то на одного солдата приходилось и того меньше. Хлеб часто заменяли прогорклыми ржаными сухарями. Суп повара готовили из квашеной капусты, добавляли в него репу и горох. Свежего мяса никто на столе не видывал, если оно и появлялось, то исключительно в виде кусков залежалой солонины... Не зря Достоевский в кругу близких людей прозвал этот малопригодный для жизни город Семипрокладтинском!

Лето в Семипалатинске стояло обычно длинное и горячее. С вечерним ароматом степных трав на зубах скрипела тончайшая песчаная пыль. Она заполняла всё жизненное пространство, все свободные поры – в любое время года серым налетом лежала на мебели, на подоконниках, в одежде, в белье, в подушках, на поверхности и в стволах винтовок, на что постоянно обращало внимание строгое начальство...

В конце октября пятьдесят четвёртого пробежали слухи, что в Семипалатинске должен появиться новый стряпчий по уголовным и гражданским делам. Из самого Петербурга! В городе часто менялось гражданское, реже военное начальство. Но приезжий народ долго не задерживался в этом Богом позабытом городишке. Одни ждали повышения по службе, другие старались умотать в более благополучный Барнаул или в губернский центр Томск, ну а кто-то попросту спивался, и ему была предопределена недолгая дорога на земле...

В холодный день двадцать четвёртого ноября прикатил из Омска экипаж с Врангелем.

Не прошло и суток, как дежурный ефрейтор толкнул Достоевского в бок:

– Давай побыстрей! Тебя хотят видеть сам господин прокурор.

Солдат Достоевский вытянулся перед ефрейтором:

– В чём вина моя?

– Вот от него и узнаешь! – и, завернув один ус под самую мочку уха, с ухмылкой добавил: – Для важного разговора вызывают тебя, а не меня... А это главное!

Перед дверью большого начальника Достоевский трижды перекрестился:

– Заступись, Господи!..

В голове пронеслось всё лихолетье. Даже вкралась мысль: «А не передумали ли там, в Петербурге, в отношении меня? И не придётся ли после выяснения вновь открывшихся обстоятельств возвращаться на омские нары или двигаться в ещё более проклятое место?»

Открыл дверь.

– Штрафной солдат седьмого линейного батальона...

Из-за стола быстро поднялся высокий молодой человек с чёрной и густой шевелюрой – крупная волна волос от пробора направо. Лицо загущено короткой бородкой и широкими усами, сливающимися с пышными бакенбардами на светлом чуть-чуть обветренном лице. Тёмные брови и красивые выразительные глаза. Человек подошёл вплотную к Достоевскому и неожиданно обнял его, как старого знакомого.

Достоевский опешил, сконфузился, попытался закончить рапорт о своём прибытии, но хозяин кабинета добродушно произнёс:

– Да полноте, мил человек! Вот вы какой, Фёдор Михайлович! Дайте мне вашу руку! Я пожму её и передам привет от всего любящего вас Петербурга... От ваших поклонников, друзей и близких. Вот вам подарки и личное письмо от брата Михаила Михайловича. Он всей семьёй провожал меня перед отъездом в Сибирь. Кланялся и обнимал!

– Я слышан о вас, Александр Егорович!.. Большое спасибо!

– Что вы! Это вам спасибо, я и не мечтал встретить такую личность на своём пути. Особенно вдали от родных людей и мест...

Достоевский глазами пожирал листы бумаги, мелко исписанной самым близким на свете человеком – старшим братом Мишей. Фёдор почти четыре года не получал от него ни одной живой весточки. А теперь увидел до боли знакомый почерк. Михаил стоял перед ним как живой: невысокого роста, худощав, с несколько впалой грудью, лицо продолговатое, умное, красивое, осо-

бенно тёмно-голубые выразительные глаза. Лицо в отличие от лица Фёдора слегка смуглое и на голове длинные каштановые волосы...

– Да вы, Фёдор Михайлович, садитесь в кресло! В ногах нет правды!

У Достоевского чуть не сорвалось с языка: «Её нигде нет, господин Врангель!», но он вовремя остановил себя. И сел в предложенное кресло. А новый стряпчий внимательно рассматривал лицо оказавшегося перед ним человека.

Совершенно не таким он представлял Достоевского раньше. Совсем не высок. И сутулые узкие плечи, и плоская, почти впалая грудь. Взгляд тёмных глаз угрюм и жгуч. Кончики губ запрятаны во втянутых щеках, покрытых рыжеватой щетиной...

Не стыдась чужого человека, Достоевский плакал. Плакал, как глубоко обиженный ребёнок. Он иногда всхлипывал, голос его перехватывало внутреннее рыдание. С ним такого не было даже после того, как на Сенной площади смертникам зачитали указ Государя о помиловании и их развели по своим камерам.

Врангель тоже запомнил те драматические минуты в Петербурге. Им, будущим выпускникам-юристам Александровского лицея, приказали присутствовать при совершении смертной казни политических преступников...

Наконец Достоевский почти успокоился, пальцами смахивал остатки слёз и молчал. Чтобы разрядить напряжение, Врангель предложил выпить по бокалу шампанского за встречу и хорошее будущее.

– Я не пью почти пять лет. Если настанет добрый час в моей жизни, я выпью обязательно.

– Тогда выпью я! За нашу дружбу и за прекрасное будущее! Уверен: следующий, пятидесятый пятый год станет для нас удачным.

Достоевский принял петербургские подарки, связанные в один большой узел, – книги, бельё, табак, чай. Поднял красный воротник серой шинели, натянул по самые брови фуражку и отправился в казарму...

Слухи о том, что новый прокурор лично знаком с Достоевским и у них сложились особые дружеские отношения, дошли и до командира батальона. Достоевский заметил, что его перестали посылать на дальние посты и почти не направляли на охрану батальонного казначейства и к лазарету. А о заготовке дров он вообще забыл. Начальство, зная о его подлой болезни, давало ему самые простые поручения. Оно бы по-

прежнему выжимало из солдата последние силы, если бы не этот случайный приезд Врангеля в Семипалатинск...

Всё складывалось удачно. Мешал Достоевскому только узел, туго завязанный с семейством Исаевых...

ГЛАВА 18

– Служивый, ненароком помочь не сможешь?

Достоевский вздрогнул, резко повернулся. Под апрельским солнцем увидел среднего роста мужчину, как и он сам. Мужчина был явно навеселе. Красивый, чернявый, на вид не более сорока лет.

Фёдор видел его здесь не раз и знал, что фамилия этого человека Исаев, и захаживает он не только к малорослому подполковнику Беликову, но и к заведующему провиантским складом Ордынскому. Дело было у них нехитрое и решалось быстро, чаи они долго не гоняли, задушевных разговоров тоже не вели. Наскоро принимали по паре шкаликов горькой. И в разные стороны... Хозяевам – это что гусю вода, а Исаева сразу тащило в стороны и через несколько минут буквально сметало с ног. Так уж был устроен этот больной человек. Говорили, что он до последнего года сидел на хорошем месте чиновника особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа Армстронге. Но начальнику не пришёлся по душе, между ними проскочила чёрная кошка. Может быть, поэтому, а может, по другой причине Исаев стал всё чаще заглядывать в рюмку... Почти всё жалованье до копейки он пропивал, хотя имел на руках нездоровую жену и восьмилетнего сына.

В один из злосчастных дней Исаев напился в присутственном месте до такой степени, что пришлось вызывать солдат из нестроевой роты и в непотребном виде везти его на телеге домой. Молодая жена Исаева была от неожиданного визита в смятении и ужасе. Но через несколько дней эти чувства в ней возросли вдвое – муж получил уведомление о том, что он отстранён от своей должности. И, конечно, по такому случаю Исаев снова напился до скотского состояния... Теперь, находясь в отставке, безрезультатно хлопотал о назначении на новое место. Сегодня, как заметил Фёдор, Исаев вышел «навеселях» из дома Беликова.

– Чем подсобить могу, любезный? Груз какой или ещё чего?

Исаев неожиданно качнулся, прочертив правым виском по боковине дежурного помещения, но всё же успел зацепиться за угол строения и медленно попросил:

– Проводи меня, брат, до дому. Один не до-марширую. Вон туда, видишь, где тучка...

Достоевский слышал, что семья Исаевых живёт в Верхней слободке, в полуверсте от этого места. Фёдор не любил закоренелых пропойц. Но робкое, уважительное обращение Исаева к нему поколебало брезгливые чувства.

У порога дома их встретила черноволосая женщина, лет около тридцати, волосы на затылке уложены улиткой. В доброжелательном взгляде – пылкий ум. Движения грациозны, непривычны для местного глаза.

– Спасибо вам за всё! Может быть, чайку выпьете? – грудной голос женщины прокатился по душе Достоевского, как накалифоленный смычок по настроенной струне.

– Не буду беспокоить вас сегодня. А в другой день забегу непременно, если вам будет угодно...

– Угодно, угодно! К нам мало хороших людей заходит. У Александра Ивановича порастерялись друзья, а у меня какая здесь дружба... Вот с сыном и занимаюсь.

На пороге дома появилась фигура мальчика лет восьми.

– Здравствуйте! А я – Паша, – сказал он кротко с манерами, которые не встретишь в здешнем городе у других детей.

– Дети умнее родителей пошли! – улыбнулась хозяйка и добавила: – Меня зовут Марией Дмитриевной, я южанка, с Каспия. В Сибири как жена сосланного декабриста. Только Александр Иванович у нас вовсе не декабрист...

Видно было, что упоминание о муже оказалось для неё неприятным. И Достоевский, слегка наморщив лоб, прервал её.

– И я не декабрист. Но мне радостно было встретить здесь вас. Фамилия моя Достоевский, зовут Фёдором, по батюшке Михайлович.

Мария Дмитриевна внутренне напряглась, скулы на щеках налились ярким румянцем.

– Так вы тот самый Достоевский? – И она окликнула сына: – Павлик, Павлик, иди сюда! У нас сам писатель Достоевский!.. Я, честное слово, знаю вас давно... Как же! Эти «Бедные люди»... И наши слёзы с сёстрами и подругами над единственным экземпляром «Отечественных записок». Потом докатились слухи, что некто писатель Достоевский несёт солдатскую службу в

нашем батальоне. Я не придавала особого значения тогда. Извините, Фёдор Михайлович! Теперь мы перед вами в большом долгу. Скажу мужу, чтобы он пригласил вас завтра на вечерний чай...

Все эти минуты, пока говорила Мария Дмитриевна, он не мог прогнать от себя мысли: до чего же прелестна эта женщина! Слушать её – одно удовольствие, любоваться – другое.

На следующий день после обеда Исаев как бы случайно встретил Достоевского около казармы. Взял по-свойски за пуговицу.

– Слушайте, писатель, мне Машенька всё рассказала. Прошу прощения за вчерашнее визави! Для искупления вины приглашаю вечером к нашему скромному столу.

– Но я же человек подневольный... Я не могу просто так...

– Мы с Беликовым в старой дружбе. Он дал согласие бывать вам у меня. Заодно дадите уроки словесности моему сыну...

– Если так, то у меня возражений нет.

ГЛАВА 19

От водочки Достоевский отказался наотрез. Налитую стопку опорожнил одним махом Александр Иванович и, похлопав гостя по плечу, заговорщически шепнул:

– Наведаюсь, брат, к своим ребятам.

Хозяйка осуждающе посмотрела на мужа. На полу попыхивал самовар, повывавший много дорог. В тарелочках лежали пироги с яйцом и луком, отдельно два куса комкового сахара, тут же к нему щипчики.

– Сахар, Фёдор Михайлович, кладите по вкусу... – и, вспомнив что-то важное: – Как же я, чумная, про варенье совсем забыла...

Гостю бросилось в глаза то, как бедно и в то же время со вкусом обставлена комната. Но больше всего заинтересовала сама Мария Дмитриевна.

Она разлила кипятком в пиалы, которые, по её беглому сообщению, Исаевы привезли из Петропавловска, поставила на круглую дощечку заварной чайник.

– Сколько пожелаете – добавляйте! Сибиряки много пьют чаю... Ой, да какой вы сибиряк! Вы же человек столичный...

– В столицах у нас тоже любят почаёвничать... И в Москве, и в Санкт-Петербурге.

А сам не отводил взгляда с тёмных, словно притомившихся глаз Марии Дмитриевны. В какое-то мгновение он поймал себя на том, что вёл не-

значащий, машинальный разговор, а всё его внимание сосредоточилось на женщине, которую он совершенно случайно открыл для себя.

Мария Дмитриевна тоже, показалось Достоевскому, заинтересовалась им. Причём шла какая-то неизвестная ему игра. Он рассматривал её широкий лоб под нависшей прядью густых волос. И она как бы в ответ на это внимательно рассматривала его крутой лоб, покрытый еле заметными веснушками. Её взгляд касался тонких зачёсов почти бесцветных, выгоревших под весенним солнцем волос и спускался ниже к таким же полинялым бровям...

Тут их взгляды встретились и, как два озорных ребёнка, слегка задев друг друга, снова разбежались...

— А я вот привыкла к настоящему югу, Фёдор Михайлович. — Глаза Марии Дмитриевны изливала свет заходящего южного солнца. — Я родом из самой Астрахани...

— Это очень любопытно. Расскажите об Астрахани. Я-то человек средней полосы России. Знаю хорошо Подмосковье, Петербург. Теперь вот узнал Сибирь. А ваши края мне неведомы...

Мария Дмитриевна поправила складки на коленях платья, вздохнула.

— Что сказать... Устье Волги, недалеко Каспийское море. Помню, как впервые увидела бурлаков. Тянули баржу против течения. Тяжёлый осадок на душе до сих пор...

Достоевскому передалась эмоциональность, почти экзальтированность речи Марии Дмитриевны. Волнение, возникшее с памятью о годах её детства, снова вылилось в яркий румянец на её бледных щеках...

— Видите ли, по папе я француженка. До замужества с Александром Ивановичем носила фамилию Констант. Фамилия моих предков широко известна во Франции. А двое моих кузенов даже дружат с писателем Александром Дюма...

— Неужели с самим Дюма?

Достоевский больше любил других известных французов: Оноре де Бальзака, Жорж Санд, Виктора Гюго.

— Дед мой был капитаном королевских мушкетёров. Дюма дал своему де Тревилю много черт моего деда... Папа женился на русской женщине и вступил в российское подданство. Вскоре родилась я, через год — сестра Соня, ещё через год — Вера. У них свои жизни, обе прошли институт благородных девиц. А я вот теперь застряла с семьёй здесь... Как видите, ничего необычного...

— Вы, Марья Дмитриевна, великолепный рассказчик! Готов слушать ваш голос бесконечно.

Исаева смутилась, замешкалась. Но тут же подвинула тарелку с пирогами ближе к гостю.

— Вы кушайте, кушайте, Фёдор Михайлович! Не стесняйтесь, в батальоне известно чем кормят...

И она с нескрываемой скорбью поглядела в глаза Достоевского. Ему почудилось, что этот взгляд царапнул саму душу. До настоящей боли.

Хозяйка заметила растерянность гостя и ждала, когда он придёт в себя. Наконец, Достоевский потер пальцем лоб — как бы стараясь вспомнить что-то важное. И уже с явным любопытством спросил:

— Вы с Александром Ивановичем, выходит, знакомы ещё по Астрахани?

— Да, так. Папу в тридцать восьмом назначили директором карантинного дома. Через год меня выдали замуж. Брак обещал быть удачным со всех сторон: небольшой капитал, достаточный для семейного комфорта, перспективная карьера молодого мужа — чиновник особых поручений начальника Астраханского таможенного округа. А потом вдруг Сибирского... Вы догадываетесь, что это вовсе не повышение... Сначала Петропавловск, теперь Семипалатинск, а дальше я не представляю свою жизнь. У Саши, то есть у Александра Ивановича, золотое сердце, он хороший муж и отец... Только бы не эта проклятая водка. Она его до добра не доведёт... А у нас же ещё ребёнок!..

Больше за весь вечер Исаева не вспоминала о муже. Было видно, что главное сказала, а выкладывать детали своей жизни перед чужим человеком ей не хотелось. Достоевский понял и то, чего не договаривала хозяйка: семейный воз тянет только она одна. Выбивается из последних сил, но тащит без всякой помощи со стороны.

Фёдор Михайлович проникновенно слушал исповедь женщины и постоянно смотрел на её пальцы, на голубую вязь вокруг суставов каждого из пальцев... Иногда он вскидывал взор к её глазам и видел, как бесплотные существа зажигают в них крохотные костерки. Одни разгорались, другие вскоре гасли. Неожиданное внимание гостя к себе заметила и Мария Дмитриевна.

— Чай остыл, Фёдор Михайлович. А вы не положили ни одного кусочка сахара... Давайте я разведу самовар...

Достоевский торопливо соскочил со стула, бросился к самовару, стоявшему на деревянном поддоне около русской печи.

– В нём ещё сохранился жар.

Он взял лежащий вблизи изрядно подержанный сапог. Приставил раструб голенища к концу трубы, выступающей из самовара, и стал нагнетать в него воздух. Наконец смахнул со лба пот: слава Богу, раскопегарил миленького!

– Я, Марья Дмитриевна, кроме писательского труда, и в других многих делах знаю толк. Ну а с самоварами, как с несмышлёными детьми, приходилось водиться у себя в деревне. Знаю почти всех наших мастеров самоварного дела. И тех, что поныне живут в Заречье и Туле, и тех, что разъехались по России, но не растеряли своего ремесла. Могу узнать по клеймам лучших мастеровых, Баташевых, Лисицыных, Ломовых, Дубинина, Попова из Вятки, Ермолина из Костромы... Даже помню их награды, полученные на знаменитых выставках России и Европы...

Достоевский приставил жестяную трубу в форме буквы «г» к дымовой трубе самовара, другой конец воткнул в отверстие, уходящее в дымоход печи...

Мария Дмитриевна с восторгом смотрела, как усердствовал около пузатого самовара гость. Это ж какая невидаль: известный в России писатель добывал в её доме огонь!

У крыльца послышалась возня, шум, громкие мужские голоса. Исаева насторожилась, предчувствуя худой оборот событий. В комнату влетел Паша.

– Мам, мам, а папенька опять напился... Дядьки его ведут до постели...

– Простите меня, Фёдор Михайлович! Такой получился поганый день!.. – и, сжав губы, проговорила по-французски: – Oh mon Dieu! Comment stupide! Comment honteux!

Достоевский дословно понял, что сказала Исаева: «О Боже! Как глупо! Как стыдно!».

В комнату не то внесли, не то втащили хозяина квартиры. Голова его низко болталась, а пальцы рук бороздили по доскам пола. Исаев пытался вымолвить какое-то слово. Но захлёбывался, будто ему в рот затолкали сваренное вкрутую куриное яйцо – ни проглотить, ни выплюнуть...

Двое мужиков внесли Исаева в горенку, кое-как стащили с ног сапоги, раздели и свалили в кровать... Хозяйка не шелохнулась и, пока в доме находились чужие люди, не произнесла ни единого слова.

Когда мужики скрылись за порогом, она опустила скрепленные на груди руки и скорбно произнесла:

– Вот так, поверьте, почти каждый день...

– Я только могу посочувствовать, Марья Дмитриевна! Но в остальном, вы понимаете, я беспомощен...

Через несколько дней Достоевский снова наткнулся на Исаева. Тот, как ни в чём не бывало, не спуская с лица улыбки, набросился на солдата:

– Ты что ж, Михалыч, уговор наш забыл? Обещал сыну уроки давать, а сам в кусты... Я ж тебе толкую: с Беликовым договорились.

ГЛАВА 20

Ух, этот Врангель! Не человек, а какой-то заводной механизм! Мало того, что в должностной работе погряз по самые уши, так ещё занялся всякой ерундой: по вечерам семена растений перебирает, читает книжки про корнеплоды и другие растения. Заказал древесные и кустарниковые саженцы, какие-то луковицы цветов... Лучше всего, считал Фёдор, не мешать задуманным делам друга.

Александр Егорович как-то раз побывал «на чае» у Достоевского в доме Пальшиных. И всё. В следующий раз наотрез отказался.

– Далековато живёте, Фёдор Михайлович! Прошу в другие разы гонять чай у меня.

Достоевский отнёс прозрачный намёк на неустроенность своего проживания, уймищу тараканов и блох, а также на то, что хозяйка перед наступлением холодов притащила в дом два десятка кур и под столом сгородила им клетку с насестом... Петух по утрам орал простуженным голосом, потом навёрстывал исполнение своих петушиных обязанностей. Куры квохтали, хлестали друг друга крыльями. Хозяйка бросала за перегородку жменьку зерна вперемешку с мелкими камешками, и птицы, толпясь в тесноте, ещё долго не могли успокоиться. Жилец в чине унтер-офицера терпеливо пережидал за занавеской утренний променад в курятнике. В это время из-под лёгкой перегородки растекалось острое куриное амбре.

Поэтому Достоевский в свободное время старался заглушить своё одиночество в компании с Врангелем. Арендовал Александр Егорович полдома у зятя казачьего урядника Митрофана Казакова. Дом был крепкий, Врангелю отдали две комнаты и кухню, обитые изнутри драньём, промазанные глиной и побеленные известкой. Одна комната исполняла роль гостиной, другая – предназначалась для отдыха хозя-

ина. В гостевой втиснулся огромный стол, вокруг него стояло шесть массивных стульев, обитых зелёным плюшем. В простенке между окнами высился громадный диван с крутой спинкой. Рядом прислонился столик, предназначенный для мелких безделушек. Ближе к углу висело величавое зеркало, чуть не в рост человека, со сколотым краем. Достоевский не был суеверен, но почему-то смерть мужа дочери Казакова увязывал именно с расколотым зеркалом. Зять казачьего урядника погиб полгода назад под Севастополем на русско-турецком фронте...

Сидя за столом, покрытым тёмно-зелёным сукном, приятели не спеша пили чай, предварительно наливая его в малюсенькие блюдца. Врангель ходил в домашних тёплых туфлях без задников, Достоевский сидел в шерстяных носках, положив одну ногу на стул. Из длинного чубука курил «Бостанджогло», иногда для экономии примешивая к «Жукову» простую махорку – другое было не по карману. Хотя от такой адской смеси потом страшно ломило голову... Но ничего не попишешь, поменялись времена – бывало, в Москве он курил этот табак только из торговых домов самого Николая Бостанджогло, забегая за куревом то на Кузнецкий мост, то на Никольскую улицу...

– Скоро займёмся делом! – в начале апреля заявил Врангель. – Из вас, Фёдор Михайлович, получится толковый цветовод. Ну а я буду заниматься овощами и кустарниками. Это мечта моей юности.

Врангель получил у хозяев разрешение на использование всей заброшенной дачи Казаковых, которая разместилась на правом берегу Иртыша, близ батальонного лагеря за Казацкой слободкой.

Домик с верандой и террасой прятался за дощатым забором, а старый сад стоял, огороженный полуразобранном частоколом. Вдвоём привели в порядок брошенный участок. Почти до самой темноты принуждал Александр Егорович Достоевского возиться на участке. Уж эта немецкая педантичность и обязательность!.. Надо было вовремя следить за парниками, облагораживать дорожки, забивать щели в ограде, вырезать отжившие деревья и кустарники. В общем, работы оказалось на целую роту...

Когда с неба проглядывали огромные степные звёзды, Врангель разжигал на свободной площадке около одного из миниатюрных водоёмов костёр, высокое пламя которого, казалось, готово было лизнуть сам Млечный Путь... Достоевский

любил такие минуты. Он широким взглядом впивался в пляшущее пламя, которое то вставало на цыпочки, то неожиданно приседало к земле. И все дурные мысли вдруг исчезали в голове, и в неё протискивались только светлые помыслы, наступал необъятный простор для жизни героев, которые завтра появятся на страницах произведений писателя...

Из задумчивости, как обычно, выводил Врангель. Он возвращал Достоевского к земным делам.

– Нет, Фёдор Михайлович, всё сделаем сами! И тем слаще будут плоды нашего труда, – подбадривал прокурор старшего по возрасту товарища. – Мы тут ещё сотворим такого!.. А как же?

По воскресным дням, если не было большого церковного праздника, они трудились на даче целый день. В апреле, как только расцвела тюльпанами степь, а воздух в полдень накалялся, словно у кузнечного горна, друзья перебрались в своё отлаженное гнездо на постоянное жительство. Апартаменты не отличались большой изысканностью, но в них можно было отдыхать в свободное время: прохладно, вольно и не беспокоят блохи и тараканы. И самое главное: вдали от постороннего глаза можешь заниматься любимым делом...

Когда начала всходить столовая зелень, на дачу стали приглашать дочерей городской хозяйки Достоевского. Любке и Прасковье было непривычно и любопытно работать с диковинными растениями. Они никогда в жизни, кроме подсолнечника, не видели никакого чуда – ни настоящей сирени, ни жасмина и с удивлением ахали, заметив первые бутоны роз и георгинов. Домой девочки уносили пучки лука, петрушки, салата и другой зелени, которую большинство обитателей Семипалатинска знало только по картинкам...

Иногда друзья совершали поездки в степь до ближайшего бора, попутно, чтоб утолить жажду, заходили в киргизские юрты. В таких походах не обошлось и без недоразумений. Оказывается, Достоевский до этого никогда не сидел в седле лошади... Усилиями Врангеля промах друга был устранён, и Фёдор Михайлович научился с изыском гарцевать по степному бездорожью. В бору в большинстве своём росли сосна да ель, кое-где виднелись корявые и от природы изогнутые стволы ветлы. А вот берёзы здесь никогда не росли. Не было и дуба, любимого с детских лет дерева Достоевского. Охоту Фёдор не любил, зато с любопытством собирал грибы, хотя в них совершенно не разбирался.

Вдвоём раз в неделю посещали семью Исаевых. Сам же Достоевский там бывал почти каждый день, занимаясь с Пашей по часу-полтора. Мальчик преуспел в русском языке, уже научился выводить отдельные слова, а по латыни читал правильно всё, что писал в тетради Фёдор Михайлович...

На даче допоздна сидели вдвоём около фигурного ломовского самовара с державным гербом, наслаждаясь только что полученным из Кяхты китайским чаем (большое спасибо однокашнику Врангеля по лицу, уехавшему после короткой службы в министерстве юстиции на монгольскую границу!). Старались менять сорта дарёного чая. Начали с «Ординарного» высокого качества, он быстро утолял жажду. В другой вечер заваривали «Кирпичный». К нему не нужны были лёгкие закуски – бублики, баранки или крендели. «Кирпичный» чай был спрессован с солью, маслом и сухим молоком. Комковой сахар ели вприкуску. От чая, имевшего красно-жёлтый оттенок, над столом плыл сильный аромат: терпкий, горьковатый, с вяжущим рот вкусом. Пробовали и другие редкие сорта, которые в последующей жизни не пришлось больше попробовать: «Ма-ю-кон» и «Лян-син».

Когда в зал проникала вездесущая мошкара и появлялись серые неповоротливые мотыльки, Врангель гасил свечи и шёл в свою комнату. Фёдор ложился на большой турецкий диван в гостиной комнате. Минут через пять хозяин дома подавал голос. Обычно он начинал разговор о ходе войны. Оба остро обсуждали последние события в Крыму, скорбели о гибели общих знакомых офицеров. И много говорили о предательстве и уловках Европы, уповая на то, что со временем всё должно поменяться к лучшему...

В ста саженьях от дачи на краю взгорка протекал безымянный незамерзающий ручей. Достоевский лопатой углубил ложе ручья, отбросил в сторону камни, нарушающие поток воды. Ручей пропустили внутри ограды, тут же устроили маленькую запруду. Это сразу облегчило полив растений.

Изредка, когда на даче никого не было, Фёдор шёл к реке, скидывал на песок полинялый жилет из розового ситца, снимал с шеи лукообразные серебряные часы на цепочке из голубого бисера, медленно стягивал сапоги и осторожно клал в сторону носки – давний подарок Марии Дмитриевны. Сидел несколько минут, опустив ступни ног в прохладный поток реки.

Смотрел на пологий противоположный берег Иртыша, молча наслаждаясь тем, как жизненная сила пробирается в его тело. Далеко-далеко за другим берегом стлался дымчатым ковром ковыль, а над ним плыло белое от зноя небо, в котором, словно застывшие на стекле мошки, висели на одном месте парящие коршуны.

Наконец Достоевский снимал с себя синие штаны, подштанники и, положив их горкой, медленно входил в глубину реки. Когда вода касалась горла и накрывала плечи, он отталкивался от каменистого дна, плыл саженьками к середине течения. Усталый от заплыва, возвращался на сушу и долго и судорожно ходил по берегу туда и обратно, будто пытался вспомнить потерянную мысль или место дорогой утерянной вещи...

А может быть, ему было холодно не только на этом ветру и на этом берегу, а во всём неприветливом мире... Его сутулое, костлявое тело, покрытое бледной желтизной и много лет не знавшее солнечного света, никак не могло найти гармонии с окружающей природой.

ГЛАВА 21

– Что-то припозднились сегодня, Фёдор Михайлович? Не завели случайно проказницу на стороне?

Достоевский с досадой отмахнулся, как от надоедливой мухи.

– Ай! Пришло в голову фантазёру Беликову сыграть в штос по случаю дня памяти семи воинов-отроков Ефесских...

Врангель так и повалился в траву.

– Ну надо ж додуматься! Это в фараона-то и в честь отроков? Ха-ха! А вы, «ваше благородие», знаю, не любитель кидать карты...

– В том-то и дело. Но было приказано всем офицерам присутствовать при конечном выигрыше. Меня тоже присовокупили за неимением желающих...

– Ну и как?

Достоевский вошёл в дом, пропустив мимо ушей пустой вопрос. Потом снова появился, успев переодеться в домашнюю одежду.

– Я, Фёдор Михайлович, тоже не скучал, – продолжил лукаво Врангель. – После обеда у меня были гости.

Достоевский насторожился.

– Кто же?

– Две дамочки из казацкой слободки. Обе такие расфуфыренные цацы. То ли молодые вдовушки, то ли старые девы. Жаль, вас не было,

Фёдор Михайлович. Кстати, они чрезвычайно сведущи в литературе. Даже слышали о Державине и Пушкине.

– Меня это совершенно не интересует, дорогой Александр Егорович!

– Ан не скажите! Они пришли, говорят, поглядеть на наши диковинные цветы. Истоптали пол-огорода и пытались снять весь урожай левкоев, что вы посадили у ограды.

– Да как же так? – кинулся убитый сообщением Достоевский к тому месту, где росли цветы.

Когда убедился, что урон нанесён небольшой, успокоился.

– Благодарите мою смекалку. Я принёс одного ужа из-под нашего пола и хотел вручить гостюшкам в виде презента... Знаете, какой крик поднялся в округе! Если бы не знающие люди, то можно было подумать, случилось насилие в нашей усадьбе. Причём, знаете, с чьей стороны? Эх, Фёдор Михайлович, Фёдор Михайлович!.. На меня-то никто б не осмелился подумать...

По выражению лица Достоевского Врангель понял, что переборщил с описанием происшествия. До самой темноты, когда была пора пить вечерний чай, Достоевский не произнёс ни слова. За чаем тоже был малоразговорчив. Только когда легли по своим углам, сипло буркнул:

– Весточку получил из Кузнецка...

– Что там хорошего?

– Всё плохо! Отвели годовщину со дня смерти Александра Ивановича. Марья Дмитриевна хворает, Паша ногу проколол. Жара у них. Дождей давно не было. И полное безденежье. Я передал сколько мог. Придётся самому в долги лезть...

Врангель знал, что не к кому его другу лезть в долги. Все кругом живут от копейки до копейки. Хорошо, что он ещё не женат и жалование сносное. За квартиру в городе платит тридцать рублей в месяц – за комнаты, конюшню, сарай, за стол и за тепло от печки в зимнее время. Квартирка Фёдора Михайловича со столом и стиркой белья, конечно, обходится дешевле, то есть пять рублей в месяц. Непонятно, как при мизерном жалованье человек может выкручиваться...

После длительного молчания первым заговорил Достоевский.

– Я диву даюсь странной болезни Марьи Дмитриевны. Вот как распоряжается жизнь: у благородного человека всегда благородная болезнь... Вы представьте, что чахоткой болеют непризнанные гении, герои трагических пьес, опечаленные

жизнью личности. Возьмите Спинозу, Шиллера, Шопена, Белинского, даже нашего Чокана Валиханова... Как считает медицина, незаразная болезнь, переходит от человека к человеку при повышенной деятельности его мозга...

– Вы абсолютно правы, Фёдор Михайлович! Это как инфлюэнца, возникающая из воздушно-го океана. И чахотка происходит от образа жизни, от конституции человека. Учёные предполагают, что она может передаваться с молоком матери или с семенем отца... Но вы не задумывались, почему она больше поражает аристократов, людей высшего света? С давних пор окровавленный платок в драмах был символом индивидуального страдания...

– Пушкина вспомним по этому случаю? – неожиданно произнёс Достоевский. – Александр Сергеевич был убит вскоре после того, как скончалась моя маменька. Если бы не семейный траур, то я б испросил позволения у отца носить траур по Пушкину... Есть у него одно незаконченное произведение. «Осень», накидал в ноябре тридцать третьего... Да по какой-то причине отставил до будущего...

– Я весь внимание! – ответил Врангель.

Достоевский начал сипловатым, прокуреным голосом:

*Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечёт. Сказать вам*

откровенно,

*Из годовых времён я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник*

не тщеславный,

Я нечто в ней нашёл мечтою своенравной.

*Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могилой пропасти она не слышит зева;
Играет на лице ещё багровый цвет.
Она жива ещё сегодня, завтра нет.
Унылая пора!..*

За время чтения стихов голос Достоевского несколько раз поднимался, а в конце сник, словно пламя свечи, погашенное налетевшим

ветром. Закончил он стихотворный монолог доверительным шёпотом.

– Унылая пора... Вы не заснули от моей декламации? – осторожно спросил Достоевский.

– Нет! – растроганно ответил Врангель. – Мне надо подумать... Я ещё долго не усну.

ГЛАВА 22

Достоевский знал, что в одну реку не входят дважды. Значит, это будет другая река. Прошло полгода с тех пор, как он впервые оказался в Кузнецке. Если бы не ОНА, то никакими посулами его б не заманили в далёкую сибирскую глушь с пыльными улицами и лежащим вдоль них домашним скотом, вокруг которого кружат мириады навозных мух. Сейчас только одна отрада: там, как и на всей земле, всю нечисть прикрыл ноябрьский снег.

Но скромничал и, более того, лукавил перед собой Фёдор Михайлович. Не мог он не знать, что ждёт его впереди. Иначе бы действительно не тронулся в свой рискованный путь.

На этот раз ему необыкновенно подфартило. До Барнаула Достоевского взяли с собой в возок спешившие туда на бал к Гернгроссу известный в Семипалатинске путешественник Пётр Петрович Семёнов (будущий Тянь-Шанский) и адъютант семипалатинского губернатора Демчинский. С Семёновым Достоевский познакомился ещё в Петербурге, когда тот служил в столице магистром ботаники, а с Демчинским водили близкую дружбу с первых месяцев появления Достоевского в Семипалатинске.

Подполковник Беликов, потирая большой, с прожилками, красный нос, распорядился выписать Достоевскому подорожную, а про прогонные только лукаво упомянул, загибая пальцы.

– Первым делом надо учесть, что прапорщик Достоевский едет не по служебному маршруту, а на частный приём к господину Гернгроссу – начальник алтайских заводов завтра даёт в Барнауле бал. Второе, мы-то все, смертные, остаёмся дома и, как говорится, с носом. Ну и третье, думаю, от бала прапорщику Достоевскому достанется маленький куш и презент до самого Кузнецка. И до нас он, надо полагать, ничего не довезёт. Я правильно понимаю диспозицию? – закончил батальонный командир, одновременно подмигнув командиру второй роты Артёму Ивановичу Гайбовичу.

Все, кто находился рядом, приняли сообщение с шуткой и дружно захлопали в ладоши. До-

стоевский торжественно и с полной серьёзностью козырнул Беликову:

– Рад стараться, ваше высокоблагородие!

К обеду последующего дня все были в Барнауле. В дороге пришлось ночевать, но не так утомительно, как в прошлый раз. И сам тракт оказался сносным, колея было хорошо укатана после первого снега. Но, как сказал Демчинский, это не от Бога, а за состоянием дорог теперь более тщательно смотрит Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства. И не дай Господь, если кто-то туда пожалуется...

– Работают в основном крестьяне, отбывающие натуральную дорожную повинность, – заметил Семёнов. – Дорожное полотно не может самовосстанавливаться! На это должны быть положены большие деньги.

– У нас, к сожалению, только привлечённые крестьяне являются единственным источником и средством строительства и содержания дорог, – хмуро ответил Демчинский, – хорошо, что за ними следят земские исправники и руководят горные офицеры...

Достоевский знал, что ехал он с большими в округе людьми, да и сам не какой-нибудь там унтер-офицеришка, а уже полный офицер, да ещё при возвращённом дворянском титуле.

Дом, что арендовал Семёнов, находился во владении купца Зубова и стоял на Сенной площади, выпираясь длинной стороной на Большую Олонскую улицу. Особняк был поставлен недавно и представлял собой двухэтажное здание с восемью окнами с каждого этажа на обе стороны, а также с двумя входами: главным и чёрным. Над входом со стороны площади возвышался резной балкон с пирамидальной башенкой из светлого дерева. Недалеко за домом поднималась гора, поросшая смешанным лесом.

С приездом хозяина и гостей засуетилась прислуга. Сразу же подали обед. Приехавшие с устатку выпили по рюмочке настойки из вишни с шиповником.

– Целебная штука! – похвалил зелье Семёнов и дотронулся до усов, подпирающих большой крючковатый нос. – Приводит в норму все активные элементы организма. Тем более нам предстоит трудный вечер у мадам Гернгросс.

Пётр Петрович был для Достоевского человеком особым. При встречах с ним Фёдору казалось, что от путешественника веет необыкновенный запах высоких степных трав, среди которых выделяется запах розовых цветов хатмы и

стройных диких мальв. Как на яву, Фёдору виделись пучки ковыля и крупных поникших соцветий чертополоха. И волчегородник, застрявший в кустах, наполняет воздух ароматом бело-розовых цветов.

– Я, Пётр Петрович, собирался сегодня в ночь дальше... – начал было Достоевский.

Семёнов медленно приподнял ладонь, как бы показав знак «ша!», то есть «а я, братец, с тобой категорически не согласен!».

– Лошадкам, милый Фёдор Михайлович, нужен уход и отдых! Вместо возка дадим тебе кошевую, возмёшь мой тулуп. Домчишься как степной орёл. Завтра к полуночи будешь на месте. Игнатий дорогу знает. Прошли с ним по Азии более четырёх тысяч верст...

Деваться оказалось некуда. У хозяина был неотразимый резон не отпускать Достоевского до утра. Демчинский, сняв верхнюю рубаху, дремал, изредка всхрапывая и тут же просыпаясь.

Он, видимо, знал за собой этот грешок и потому каждый раз повторял:

– Пардон-с, господа! Я вам не помешал?

А Семёнов оказался хитрющим жуком. Он, конечно, мог бы дать указание Игнатию, и тройку б заменили. Но, с одной стороны, было неразумно отправлять нездорового человека на ночь глядя в какую-то глухомань, а с другой – он ещё в Семипалатинске придумал идейку: неожиданно появиться на балу в доме Гернгросса не с пустыми руками, а с самим писателем Достоевским. Нет, Семёнов не собирался примазываться к чужой славе. И своей хватало на десятерых – его знала не только Россия, но и вся просвещённая Европа. А в ближней Азии Семёнова вообще считали своим человеком. Делал сегодня он всё во имя своего хорошего друга, которого уж точно не баловала судьба...

Семёнов заставил Достоевского взять с собой в дорогу костюм, пошитый когда-то слугой Врангеля Адамом. И сейчас штатская одежда, сбрызнутая водой и проглаженная утюгом, висела в комнате, отведённой семипалатинскому гостю. Рядом стояли подобранные по ноге башмаки и возле них новые галоши. Люди Семёнова перенесли в эту комнату все вещи, которые оставил Достоевскому Врангель перед своим отбытием в Петербург. Кроме того, в доме находились и другие вещи, которые Александр Егорович хранил для Достоевского. В шкафах лежали рубашки, подштанники, носки, простыни, столовое бельё, халат, домашняя верхняя одежда. Внизу стоял

самовар, кастрюли и столовая посуда. Всё это оставил Врангель с дальним прицелом: к началу семейной жизни своего друга... На виду висело тёмно-синее пальто – душевный подарок Фёдору Михайловичу от Адама. Такого модного пальтеца Достоевский не носил ещё никогда в жизни...

Бал был в разгаре, когда трое приятелей появились в прихожей барнаульского дома Гернгросса. После мороза их обволок запах французского вина и укутало облако из смесей самых дорогих духов, доставленных из Петербурга и даже из самого Парижа.

Достоевский выглядел выше своего фактического роста – не меньше семи вершков. Тёмный сюртук, серые брюки, белая накрахмаленная рубашка со стоячим воротничком, углы которого по последней моде касались почти самых кончиков ушей, шарф из тяжёлой шёлковой ткани преобразили линейного офицера в мужчину, утомлённого каждодневными приёмами и зваными обедами. После официального представления Достоевского хозяйкой дома присутствующие устремились к почётному гостю. Дамы, одетые во всё голубое, розовое и белое (почти на каждой кринолин неповторимой ажурности и отделки) с любопытством и даже по-своему въедливо рассматривали лицо Достоевского. Мужчины, в тёмных костюмах с золотыми и серебряными цепочками карманных часов, и несколько офицеров тянулись к Достоевскому за соизволением рукопожатия. Многие были наслышаны о небывалой привязанности писателя к вдове беспробудного семипалатинского пьяницы Исаева и считали такое влечение весьма пикантным...

Веснушчатое бледное лицо Достоевского оставалось угрюмым. Только подстриженные недавно волосы с зачёсом налево молодили известного писателя. И ещё на дам смотрели карие, а в свете канделябров ставшие серо-синими умные глаза, полные, как им казалось, загадок и неожиданностей...

Ноздри Достоевского щекотал запах кельнской воды, которую ему перед отъездом к Гернгроссам подsunул Демчинский.

– Не отворачивайте голову, господин офицер! Это любимый аромат самого Наполеона Бонапарта!..

Вскоре хозяин дома Андрей Родионович пригласил гостей в обеденный зал к вечерней закуске. Достоевский заметил, как Екатерина Осиповна, явно позабывшая недавние ночные ласки Врангеля, подала Демчинскому условный знак.

Поодиночке они удалились и, когда все заканчивали рассаживаться, так же врозь появились вновь. Демчинский занял место возле Достоевского. За спиной вдоль стены стояли столики с игральными картами и вином для занятий престарелых, но важных гостей. Не обращая внимания на присутствующих, какой-то старый сановник чмокал беззубым ртом и целовал ручку дамы с волосами, похожими на нерасчёсанную кудель. Остальным гостям до них не было никакого дела.

– Забыл, где у них в доме рукомойник, – поспешил объяснить свою задержку Демчинский.

– Так мы ж с вами уже мыли руки, – просто-душно заметил Достоевский, на что адъютант косо и внимательно посмотрел на соседа.

...Ох уж эта тайная любовь! Достоевский в тонкостях знал её подноготную. Но у него, считал он, было совсем другое: небесное, единственное, вечное. А здесь когда-то два быка схватились из-за одной самки. Так понимал Достоевский сложившиеся любовные отношения между Врангелем, Демчинским и Катериной Гернгросс.

Врангель всегда старался не упоминать в присутствии Демчинского имя адъютанта. Демчинский же, наоборот, при всякой возможности отпускал в адрес прокурора нелестные эпитеты или дурацкие шуточки. Если говорить по правде, то был ещё второй, к счастью, не любовный треугольник: это Врангель, Демчинский и Достоевский. В нём Фёдор всегда, как острый угол, находился посередине других сторон и гасил высказанную неприязнь каждого из друзей или плоские замечания Демчинского...

В последние дни перед отъездом из Барнаула Александр Егорович старался, не порывая отношений с Екатериной Осиповной, несколько отдалиться от неё. Он знал о намерениях Демчинского чаще и дольше бывать у Гернгроссов – и в Барнауле, и в Змеиногорске – и всё только ради великолепной хозяйшки. Врангель продолжал ревновать Екатерину, но понимал, что для него эта красивая ведьма оказалась уже отыгранной картой. А эта карта не желала быть отброшенной в сторону. Черноволосый здоровяк с густой бородкой и неширокими усами продолжал сводить её с ума. Кэтрин тоже знала, что их отношения с Врангелем подходят к концу, и она уже выбрала новую жертву в лице Демчинского, но за любимого Сашульку цеплялась до последнего часа...

Танцы под фортепьяно в приличном обществе балом не считались. На настоящем балу обязательно должен присутствовать оркестр или ансамбль музыкантов. На этот раз в зале сидели шестеро музыкантов, привыкших играть в лучших домах Барнаула.

Вместо уходящего в прошлое менуэта звучали современные танцы: полька, экосез, кадрили, мазурка и, конечно же, стремительно входящий в моду вальс. Огиньский, Лист, Шопен, Штраус...

После бокала шампанского «Ай-Даниль» из подвалов князя Воронцова Достоевский преодолел непривычное состояние. Пребывая в новом штатском костюме и отбросив внутренние запреты солдатского быта, он с небывалой самоуверенностью пригласил к танцу молодую барышню в голубом кринолине.

Музыканты в эту минуту наигрывали мазурку. Ах, что это была за минута!.. С Достоевского скатилась пелена последних лет. Он почувствовал себя безмятежным отроком, которому было подвластно всё окружающее пространство... Её звали Даша... и ещё возле неё благоухали духи «Полевые тропинки» моднейшего французского парфюмера Пьера-Франсуа Паскаля Герлена...

– Не говорите мне о себе ничего! Я вас таким и представляла раньше! – с придыханием и восторгом шептала Даша, когда её курносое лицо проносилось рядом, почти касаясь лица Достоевского...

К сожалению, танец скоро закончился, и Достоевский отвёл барышню к старшим сёстрам.

Подожёл Семёнов, легко тронул за плечо.

– Вас, Фёдор Михайлович, ожидает внизу экипаж.

– Куда? – с недоумением спросил Достоевский.

– Пока до ваших апартаментов. А затемно поутру вас ждёт дорога в Кузнецк!

Расставаться с весёлой компанией не хотелось. Бал и его прелести только набирали силу. Но в Кузнецк надо было позарез...

Фёдор проспал ночь мертвецким сном. Наверное, как повалился на подушку, так ни разу и не шелохнулся. Даже болело правое ухо, которым удосужился ткнуться в постель. Потом вдруг услышал топот ног, шумливые крики. Он понял, что с бала вернулись Семёнов и Демчинский. Было около пяти утра. Слуги приготовили на троих завтрак, на небольшой деревянной тумбе посапывал золочёный самовар, украшенный не менее чем десятком медалей.

– Всё, всё!.. Побаловались и за дело! – с радостным волнением шумел Демчинский.

Он был нетрезв. Его палящий взгляд говорил о том, что бал удался на славу, а может быть, и того больше. Семёнов ходил по комнате ровно, словно нигде не был и ничего не пил.

Демчинский налил бокал вина, пригубил и отставил в сторону. Повернулся вместе со стулом к Достоевскому.

– Едете в суровый край, Фёдор Михайлович! Там мало ли чего... – и, подняв указательный палец, закончил: – Считаю необходимым взять с собой мою гладкостволку. К ней у меня лежат полусферические нейслеровские пули. Бьют на две-сти сажень. Наповал! Как, Фёдор Михайлович?

– Ты что-то перехватил, братец! – остановил Демчинского Семёнов. – Он же в уездный город собрался, а не с янычарами биться. Ты б ещё пулю Петерса ему предложил и ружьё с нарезным стволом. Оно бы и на четыреста сажень могло взять. А то и на пять сотен... Я, брат, в каких переделках только не побывал, а за оружие единственный раз по-настоящему схватился... Надо знать, Вася, повадки человека и зверя...

Достоевский в очередной раз удивился простоте и размаху ума Семёнова. Не человек, а человечище, сознательно отдающий себя ради интересов державы...

ГЛАВА 23

Выехали, когда на небе висели яркие ночные звёзды. До рассвета было ещё далеко.

В кошевой повозке днище застлано кошмой, поверх неё умято сено. А на сене постелен полотно. На всем этом удобстве в овчинном тулупе, который в другие времена обхватывал объёмистое тело Семёнова, уместился Достоевский. Свет ущербной луны, нацарапанной на небе мелом, высвечивал дорогу шагов на полста. Дальше мир тонул в сплошном чернильном пространстве. Слабо-искристый куржак на берёзах тоже гас в нём.

Но то ли приближался рассвет, то ли глаза постепенно привыкали к темноте – видимый кругозор вскоре стал расширяться. Игнатий лошадей не гнал, не взмахивал кнутом, не «нукал», полозя кошёвки будто пели. И седок был рад складывающимся обстоятельствам. Пройдёт день, короткий зимний день, и он после долгой разлуки обнимет свою ненаглядную Марью Дмитриевну, долгожданную Машеньку.

На этот раз должен состояться их сговор. Если он не получится по какой-то причине, то, по-

жалуй, вся жизнь Достоевского будет перечёркнута на нет корявым металлическим пером. Мысли о Марии Дмитриевне не давали покоя страдавшей душе. И Фёдор не пытался отогнать их – было бы бесполезно...

Тогда он углублялся в годы своей молодости и даже дальше – в дни далёкого детства... Вот встал перед глазами суровый батюшка Михаил Андреевич, у которого всегда что-то не ладилось в усадьбе. Непрерывно болели почти все ребята, особенно «дети» (так меж собой старшие братья называли младшеньких), вот уж точно была пора: то понос, то золотуха... Хворой маменьке, которую так страстно любил Федя, не хватало сил уследить даже за малолетками. И каждодневно злой и недовольный жизнью отец. То у него сухой год с неурожаем, то околела половина скотины, то сгорел стог сена, а потом ещё и целый овин...

Маменька померла рано, в феврале тридцать седьмого. Царствие ей небесное! А Михаил Андреевич то ли с тоски и печали, то ли с необузданности своей не сдержался, начал злоупотреблять спиртным зельем, сблизился с грудастой девушкой Катериной, бывшей ранее в услужении у Достоевских в Москве. По маменьке ещё не обсохли скорбные слёзы, как принесла Катерина в дом незаконнорожденного сына Симеона.

Дурная слава прошла не только по селу, но и меж взрослой родни Достоевских, и отправил отец Мишу и Феденьку подальше от прилипчивых слухов, в Москву на ученье в чужие люди. Попали оба на Басманную улицу в пансион Леонтия Ивановича Чермака. Здесь они должны были одолеть девять наук, познать два языка и проявить себя в трёх искусствах. Но это оказалось только началом всех бед... Юношам не терпелось приобщиться к настоящей жизни, и тогда отвёз отец погодков ещё дальше – в столицу. Больше недели ехали они втроём на своей лошадке до берегов Невы, где поселил отец сыновей на временное жительство в гостиницу у Обухова моста.

...А цепкая память продолжала наполнять голову Достоевского мельчайшими подробностями... Он вспомнил, как по глупости или халатности военных фельдшеров определили хлипкого Федю в Главное техническое училище, что размещалось в Михайловском замке Петербурга. А у здорового Мишани признали начинающуюся чахотку... Целых пять лет, до августа сорок третьего отдубасил Фёдор кондуктором-воспи-

танником училища, пока не определили его в полевые инженер-прапорщики. В итоге зачислен был молодой Достоевский в офицерском звании в инженерный корпус при чертёжной мастерской Инженерного департамента...

Сполна изведаль Фёдор жестокие обычаи своей учёбы. Особенно, когда находился в «рябцах» – в неошелушённых новичках-кондукторах. Чего только не досталось на его рябцовскую долю: и ледяная вода за воротник, и удары линейкой по голове, и размазанные на полу чернила, которые приходилось слизывать языком. Однажды ради развлечения старшекурсники заставили его ползать на четвереньках под столом, причём вдобавок старались угодить хлыстом по спине. А вечером того дня у него началось ЭТО. Он хорошо помнит тот миг... Наступило состояние невесомости и полного отстранения от жизни. Миг полного счастья оказался долгим, но Достоевский потом так и не мог описать его никакими словами...

И вдруг случился ужасный день середины июня тридцать девятого. Фёдора с занятия неожиданно пригласили к начальнику училища. Он шёл по длинному коридору в сопровождении портупей-юнкера здоровяка Фёдора Радецкого (кстати, будущего героя Шипки), который должен был выпускаться из училища через несколько недель.

– Нашкодил небось? – участливо спросил тёзка.

– Нет!

– Смотри! За «нет» бывает ещё хуже привет... Вылетишь как миленький...

За коричневым столом с отделкой из позолоты сидел начальник училища. Рядом стоял командир роты полковник Фере. Достоевский вытянулся, отдал честь, начал рапортовать. Генерал-лейтенант Шарнгорст поднял сухие веки, облизал губы.

– Кондуктор второго курса... – связывал слова Достоевский.

– Не надо... Моя обязанность передать вам... э-э... скорбное сообщение, что шестого дня этого месяца в результате... э-э... апоплексического удара скоропостижно... э-э... скончался ваш батюшка, отставной надворный советник... э-э...

Фёдор с первых слов понял, что хочет сказать начальник училища. Сразу же стал проваливаться в бездну, успев сообразить, что у него снова начался приступ ЭТОГО. Очнулся на кровати в своей камере (так в корпусе назывались

спальные комнаты). В сторонке со скучающим выражением лица сидел дежурный кондуктор.

– Ты вчера всё начальство перепугал, Достоевский. Хотели было тебя в лазарет поместить, да доктор Шварцкопф пояснил, что в таких случаях бывает истерия. Утром пройдёт...

Фёдор жалел и в то же время презирал своего отца, не любил, но боялся. Понимал, что отец – это источник его существования. Теперь источник иссяк. Значит, не будет и прежней жизни...

Достоевский припоминал известные ему подробности жизни отца перед смертью. Потеря любимой жены, алкоголизм, постоянные нелады в хозяйстве – всё это выливалось в крутую жестокость к крепостным мужикам. Те его подстерегли в глухой вечер и во дворе черемошнинского крестьянина Ефимова устроили барину «карачун»... Бессмысленно и беспощадно. Фёдор считал происшедшее позорищем семьи и никогда об этом никому не рассказывал...

– Ваше благородие не задремало? – повернулся кучер к Достоевскому. – А то ветер обманчивый. Вроде и не сильный, а нос быстро отморозит...

Достоевский вздрогнул. Он не мог понять: то ли задремал, то ли глубоко задумался. Пошевелил пальцами в глубоких пимах, сжал кулаки в мохнатых рукавицах. Нет, вроде всё в порядке.

– Зима – она не время для прогулок, да притом в дальние края. Вот чего вам, ваше благородие, не сиделось около своей супружницы? Видать, какую-то добычу наскребли?... Торопитесь... Силы тратите... Я, ваше благородие, по первозимку прямой дорогой когда-то ездил. Молодой был, горячий, всё нипочём. В зиму аль сырым летом там, само собой, ехать без всякой выгоды. Засядешь как пить дать. И телегу утопишь, и лошадок уморишь. Наши ямские, они напрямик ни за что не поедут. Там, коли какая беда случись с тобой или завяз крепко, – считай, каюк! Только пешком назад. Помочи никакой не жди... А вот по первозимку – благодать! Не надо лишнего крюка давать, а крюк не махонький. Вёрст тридцать будет, а то и боле... Вот я всё думаю: не махнуть ли, ваше благородие, нам с вами коротким путём?

– Да как хочешь! Ты ж себе не вредитель...

И подумал: «Хорошо вознице, сам себе хозяин. Хочет – одной дорогой поехал, хочет – другой. Захочет – на месте стоять будет... А мне свыше предчерчен один путь в жизни, и тот норовит сойти на шило».

— Ну, коль не вредитель, тогда поехали, ваше благородие, по наезженной колее. А то мало ли чево?

...В какую-то минуту Фёдор Михайлович поймал себя на том, что незаметно задремал. Под широкий ворот тулупа доходил убаюкивающий скрип полозьев, добавляющийся ровным покачиванием кошёвки.

Вскоре сквозь узкий просвет между концами воротника к глазам проникли розовые блики взошедшего солнца. Сани вкатились в большое село.

— Греться будете, ваше благородие? — спросил возница. — Лошадкам передохнуть надо часок-два. Силы-то много ногами раскидано...

— Я кости разомну. Чайку попью в удовольствии.

Оказалось, что добрались до Сорокина. Фёдор выбрался из тулупа. Пошёл к почтовой станции. Там колыхался людской гвалт. У привязи стояло трое саней. Станционный смотритель, ясноглазый дядька в поношенном зелёном сюртуке, сатиновом шарфе, трижды обмотанном вокруг шеи, и надвинутом на самые уши казённом картузе вёл разговор с гостем, явно куда-то спешившим.

— Мил человек, я тебе по-русски объясняю, что подорожную оформлю вмиг. Книга у меня специальная, чирк — и ты в ней окажешься. И штемпелёк в кармане присутствует. А вот свежих лошадок у меня с самого утра нет. Все в разъезде. — И у смотрителя, видно, бывалого солдата, отправленного домой по болезни, блеснула медалька на выцветшей ленточке.

— Но на моих глазах только что тройка укатила в Барнаул. И место свободное было.

— Ахти мнеченьки! — выражая небывалое удивление, всплеснул руками смотритель. — Прости, родимый, прости! С ней, с той троечкой, тебе никак нельзя! В ней почта казённая и фельдъегерь при ей, а в почте, небось, деньги немалые... А ты, дружок, не генерал, не высокий чин какой-нибудь, а коллежский асессор. Не велика птица... Может, хочешь, чтоб я тебе ещё курьерских подал?

— А вдруг до вечера свежие не появятся? Я-то тогда как? Я ж на свадьбу к брату не успею...

— Ты только не убивайся шибко, голубчик! У нас тут люди по двое, по трое суток томятся... Да и поболее... А ты «свадебка, свадебка». — И на ухо просителю: — Вон с краю привязи видишь пару? Это Иван Андреича лошадки, нашего старо-

сты. У него люди на вольных возят. Договорись — тогда, может, и на свадьбе своей погуляешь... Только это тебе вдвое дороже выйдет! На то она и вольная гоньба... А про слова мои, мил человек, смотри, никому языком не брякай...

ГЛАВА 24

К дому Вагиных подъехали в тьме тьмущей. Видно было, что в кухне горит одна сальная свечонка. От хорошей лучины свету и то бывает больше. Что она, сальная свечка? Фитилёк в растопленном овечьем жире с примесью квасцов... Для аромата Вагин кладёт ещё туда камфару... А в результате такие свечки плохо твердеют и к тому же горят с копотью и треском...

Услышав ржание лошади, выскочил к воротам хозяин в накинута на плечи зипуне. Поздоровались, обнялись.

— С прибытием, Фёдор Михайлович! Как доехали? Без каверз?

— Слава Богу! Да копейке нашей серебряной! — шутливо отозвался Достоевский, внося в дом дорожный сундук и холщовый мешок с гостинцами.

Угарный чад от свечки стелился по кухне. Со свежего воздуха от свечного нагара скребло в носу. Федосья обняла Достоевского по-матерински, троекратно расцеловала, как сына, прибывшего на побывку из далёкой столицы.

— Давай-ка, Михалыч, за стол! А ты чё, пень старый, огонь в канделябре не запалишь? — это уже к мужу.

«Старый пень» не заставил себя ждать. Он проворно зажёл три стеариновые свечи, от которых изба показалась просторней и светлее. Потом приступил к самовару, хранившему в себе искру после вечернего чаепития — будто Вагины предчувствовали приезд желанного гостя.

— Как дела у Марьи Дмитриевны? — спросил Достоевский.

— Жива, здорова, — налаживая самовар, буркнул Вагин.

Вслед за ним подала голос хозяйка.

— На днях виделись у керосиновой лавки. Семилейную лампу ей в подарок учитель купил. Теперь иной порой из окон свет льёт, как из казначейства. Надо стать, вас, Фёдор Михайлович, ждёт голубушка. Тягостно ей, что ни говори, годовщина прошла, как отошёл Александр Иванович, царствие ему небесное! Все слёзы пролиты... Народ понимает, что бабе одной не прожить без стороннего сосуществования. Вдовый

своё Устьянцевых из Томска месяца два тому назад наведывался. Интерес проявлял... Жених в самом прыску! Да и из наших кузнецких тоже некоторые пару себе ищут. Кто вдовый, как и она, кто калечный – вот, к примеру, купец Фофанов, у него с младенчества голова на плече лежит... А силы, как у быка. Он тыщонки три готов положить на свадьбу.

Как сквозь заложенные уши воспринимал Достоевский слова о женихах Марии Дмитриевны. Он знал её идеалы. И размениваться ими она, конечно, не станет. Совершенно не задевали слова простодушной хозяйки о том, кто и как пытается «подъехать» к одинокой вдове. Но упоминание об учителе ввело гостя в бешенство. «Опять ты! Ну чего тебе надо, новоиспечённый Ромео? Что ты можешь дать в этом захудалом городишке женщине с малолетним ребёнком? Женщине, которой ты, по существу-то, и недостойн... Или в пылу уездного величия вознамерился замешать новую кровь: свою невесту какую мещанскую с кровью старинного французского рода... Неоперившийся мальчишка, не испытывавший жизненных тягот и превратностей...»

Достоевский воочию представил перед собой своего молодого противника. Красивого, спесивого, гонористого, самоуверенного... Мелкая дрожь охватила. И вдруг ему самому захотелось стать похожим на своего соперника... Тоже красивым, спесивым, гонористым, самоуверенным и красноречивым. Тогда в чём, собственно, вина Вергунова перед ним, каким-то заезжим прапорщиком Достоевским. Разве человек обязан доказывать преимущества своих чувств перед другим человеком принадлежащим ему титулом, амуницией или сладкоречием... Достоевский с брезгливостью отшатнулся от своей мысли.

– Значит, три тыщонки, говорите, готов вытащить для пользы дела? – И усмехнулся. – Серебром или ассигнациями?

– Такой и золотишка не пожалеет...

Посидели часок за столом. За чаем поговорили о погоде, о длинной дороге от Семипалатинска.

– Спи с Богом, Фёдор Михалыч! Утро вечера мудренее! – напоследок пожелал Вагин и пошёл проверить запор у хлева с двумя хряками, готовыми на забой аккурат к Никольским морозам.

ГЛАВА 25

Проснулся Достоевский поздно. Сказалась разница в солнцестоянии между Кузнецком и

Семипалатинском. А может быть, повлияла усталость от позавчерашнего бала и быстрой дороги.

Выбритый, надушенный остатками кельнской воды, Достоевский пошёл переулком, знакомым с прошлого приезда. Под сапогами скрипел снег, набитый ночной позёмкой. Длинные полы офицерской шинели жались к ногам на встречном ветру. Кузнецк давно ожил. От церкви лился ровный колокольный звон. Проносились санные повозки. Куда-то направлялся местный люд. У каждого были свои дела, свои заботы.

К дому, где жили Исаевы, пропечатались крупные следы от подшитых валенок. Достоевский решил ступить на них, догадавшись, что эти знаки на снегу остались от обуви Вергунова. У ворот Исаевых были навалены берёзовые и пихтовые чурбаки, напиленные из свежего дерева. Хорошее, но запоздалое топливо – в этом деле Фёдор понимал толк. Ему бы, этому дереву, надо в поленице полежать жаркую половину лета.

Постучал в дверь. Из дому поспешно вышла хозяйка. Надо полагать, она увидела Достоевского ещё в окошко. Мария Дмитриевна бросилась к нему, припала головой к груди, зарыдала.

«Милая моя!» – хотел вымолвить Достоевский, но сказал с некоторой официальной сухостью и весьма длинно: – Ну что вы, матушка Марья Дмитриевна! Такая радостная встреча, а вы вся в слезах. Я хотел вас видеть не только в полном здравии, но и в счастливом расположении духа! Идите, идите вовнутрь! Зябко же...

В сенях почти на лету успел поцеловать тонкие пальцы своей ненаглядной Машеньки.

За столом в лёгком пальтеце сидел Николай Вергунов. Подле него над листами рисовальной бумаги склонился Паша. Вергунов, не ожидавший появления Достоевского, мгновенно встал.

– С приездом вас, Фёдор Михайлович!

Следом к Достоевскому бросился Паша. Он заметно вытянулся, похудел, но по-прежнему радостно блестели его чёрные, как у матери, глаза, только отцовской формы: овальные и чуточку выпуклые. И неизменный ёжик смоляных волос.

– А бубликов, ваше благородие, привезли из Семипалатинска?

У мальчика, наверно, бублики были единственным воспоминанием о прежнем городе.

– Разве без бубликов я бы к тебе приехал? Есть и сладкие крендели...

Вергунов, видимо, догадался, что его дальнейшее присутствие здесь излишне. Он поднялся,

прихватил шапку, еле сдерживая чувство досады, посмотрел в упор на нежданного пришельца.

– Вы надолго к нам?

– Дня на четыре-пять. Должен решить одно важное дело.

И увидел, как пересеклись взгляды Вергунова и Марии Дмитриевны, как в них вспыхнул и погас огонь, понятный только им двоим. И взгляды мгновенно разошлись. Вергунов, не прощаясь, удалился, тихо притворив за собой дверь.

Достоевский хотел было спросить: а не лишний ли он сам в этом доме. Но сила смирения оказалась выше возникших мыслей.

– Я, Марья Дмитриевна, так и не дождался от вас ответа о возможности моего приезда. Вы, наверное, не знали о моих серьёзных намерениях?

– Почему не знала? Я получила все ваши письма. Скорей всего, думаю, произошёл сбой из-за ледостава на Томи. Паромы и лодки выволокли на берег до весны. Только около недели назад открыли ледовую переправу. Значит, моё письмо в пути к вам... Я даю честное слово, Фёдор Михайлович, что рассчитывала на ваш приезд. Тем более вы писали мне об этом...

Внутри Достоевского произошла перемена. Он забыл о Вергунове, забыл про неловкую, сумбурную встречу с Марией Дмитриевной.

– Завтра я наколю вам дров. Я люблю заниматься этой крестьянской работой. Солдатская служба научила меня ей. Она требует особого подхода, как и литература.

Мария Дмитриевна подошла к Достоевскому со спины, положила ладони на плечи гостя и поцеловала в лысеющую макушку.

– Мой милый и дорогой Фёдор Михайлович! Золотой мой человек и вечная надежда! Треклятые чурбаки из зимнего леса – это в основном витиеватые комли старых берёз. Да и пихта несколько не лучше... Вы пробовали когда-нибудь колоть их? Здесь одним даже хорошим топором не обойтись. Николай обещал завтра принести деревенский колун. Вот и попробуйте проявить своё мастерство.

– А не проще нанять мужиков в таком случае? – повернул голову Достоевский.

Хозяйка, показалось ему, подставляет его, рассчитывая вогнать в откровенный разговор с Вергуновым.

– Проще конечно. Но местные мужики за работу берут до тридцати, а то и сорок копеек серебром. Вы понимаете, какие это деньги. Мы с Пашей живём на них два дня...

(Окончание следует)

**Валентин
НЕРВИН**

СТРАННАЯ ЖИЗНЬ

* * *

Время движется к закату –
жизнь была и не была,
потому что маловато
субъективного тепла.
Человеку не хватает
женской ласки наперёд:
счастья много не бывает,
а беды – наоборот.
Но перед заходом солнца
неизбывно хороши
капли нежности на донце
человеческой души.

* * *

Зачем, для какой стратегической цели
живую синицу в неволе держу?..
Опять журавли надо мной пролетели –
я шляпу снимаю и в небо гляжу.
Совсем невесёлые мысли мелькают;
дурацкие мысли, по сути своей,
от важной работы меня отвлекают.
А вся-то работа –
считать журавлей...

* * *

Эта жизнь – однопутейка:
развернуться не дано.
Ни повтора, ни ремейка
на дурацкое кино.

Правда, мы не в Голливуде,
потому что не у дел,
и кина тебе не будет,
если кинщик заболел.
Значит, надо постараться,
чтобы горе не беда,
чтобы вовремя добраться
к пункту Б из пункта А.
И маячат как попало
телеграфные столбы
да загадочные шпалы
по периметру судьбы.

* * *

На фоне заката,
на лоне природы
мы жили, казалось, у края земли,
когда по фарватеру шли пароходы
и сонные воды, как время, текли.
Судьба нагадала
навек проститься,
и мы выпадали из времени, где
над нами летали красивые птицы
и тени сновали по лёгкой воде.
Чем дальше по жизни,
тем сумерки ближе –
махни на прощанье рукой вдалеке.
Во сне запоздалом однажды увижу
огни парохода на тихой реке.

СТРАННАЯ ЖИЗНЬ

Странная жизнь,
похожая на бедлам:
калейдоскоп событий, шумов и лиц –
люди спешат по вымышленным делам
мимо красивых женщин
и певчих птиц.
Время переливается,
как вода,
и растворяется в будничной суете.
Занавес опускается. И тогда
женщины улыбаются
в темноте.

* * *

В. Ц.

Красиво жить,
позировать молве,
петь соловьём...

А знаешь, дорогая,
красивых песен в жизни только две:
одна о смерти, о любви – другая.
Которое столетье напролёт
во глубине породы изначальной
языческой душе недостаёт
весёлых песен Родины печальной.
Пока ты распевала соловьём
на свой филармонический обычай,
любовь и смерть стояли на своём.

Они потом поделятся добычей.

* * *

Жизнь повсюду хороша,
только нравы одичали,
оттого моя душа –
территория печали.
Я не ангел, не герой –
человек обыкновенный,
но случается порой
притяжение Вселенной.
Вероятно, потому
и горит звезда молчанья,
уводя по одному
от земного одичанья.

ЗВЕЗДА

К утру холодает.
И чудится, вроде
костёр догорел, а звезде невдомёк,
что недолговечная ночь на исходе –
кукушка молчит и горчит кофеёк.

Любимая,
нам уходить в одиночку,
но я тривиально доволен судьбой:
есть пара минут на хорошую строчку –
на память,
которая будет с тобой.
Сейчас я достану заветную фляжку –
налей до краев и звезду не туши:
возможно, судьба предоставит поблажку
на время любви,
на пространство души.

* * *

Вот и осень по жизни пришла,
листья заживо падают в спешке;
у кого не попросишь тепла –
ни золы тебе, ни головешки.
Что романсы, когда наяву,
сообразно развитию темы,
остаётся посыпать главу
лепестками больной хризантемы.
Выше неба и ниже земли,
о весне поминая некстати,
полетели мои журавли,
догоняя тепло на закате.

135

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Листаю альбом незапамятных лет
и, кажется, чувствую кожей,
когда фотографии смотрят на свет
и судьбы толпятся в прихожей.
Какая проекция счастья была
тогда на супружеских парах,
какая прекрасная юность цвела
на тех фотографиях старых!

Пора бы, пора бы усвоить всерьёз,
что молодость не повторится,
но в этом альбоме ни горя, ни слёз,
а только весёлые лица!
Душа покидает родные места,
но даже в покинутом доме
блуждает улыбка счастливая та,
забытая в фотоальбоме.

БЕЗДЕЛУШКА

В обыкновенной квартире
есть безделушка одна:
ангел играет на лире –
грош без копейки цена.

Купленный на барахолке
в годы больной нищеты,
он притулился на полке
выше мирской суеты.
Выше хулы и злословья
каждую ночь напролёт
у моего изголовья
вольная лира поёт.
Только свободное небо
запросто делит со мной
малую часть ширпотреба
в этой квартире земной.

В КИНОТЕАТРЕ ПОВТОРНОГО ФИЛЬМА

Верили в Бога и в Белого Бима,
жили по совести, но всё равно
в кинотеатре повторного фильма
не повторяется
наше кино.

Что-то хорошее нам показали,
но про чужую судьбу и беду
не вспоминает в пустом кинозале
зритель,
уснувший в последнем ряду.

* * *

Душа,
летящая, как дым
от прогоревшего костра,
меня запомнит молодым
и развесёлым до утра.
Всё,
что не стоит ни гроша
за человеческой судьбой,
моя весёлая душа
запомнит и возьмёт с собой.

Представление этого номера журнала «Огни Кузбасса»

Александр Раевский

**Татьяна
ИЛЬДИМИРОВА**

**РАССКАЗЫ ИЗ КНИГИ
«ЗАМРИ!»**

ТЮТЮХА

– Давай-давай! Крути педали! Ну крути же ты педали!

Тяжело дыша, отец трусцой бежал рядом с велосипедом, придерживая его одновременно за багажник и за руль. Оля, вцепившись в руль мокрыми липкими ладонями, обмирала от страха. Она впервые сидела на таком высоком велосипеде, и ей было неудобно и неестественно. Болели плечи, лопатки, ладони. Каким-то странным, ненастоящим способом двигались ноги. Страшнее всего было на поворотах: если бы отец отпустил один только руль или один только багажник, Оля точно бы плашмя упала на землю вместе с велосипедом, не разжимая рук. Как сидела, так бы и упала, будто кукла.

Отец вёз велосипед с Олей по липовой аллее. Парк звенел голосами, тарахтел далёкой газонокосилкой. Птичий щебет наполнял небо. После ночного дождя трава была мокрой, с деревьев сыпались капли, велосипед оставлял за собой мокрый змеистый след. Влажный чайный запах липы прилип к небу и щекотал ноздри.

Оля закрыла глаза и снова их открыла: ехать зажмурившись оказалось куда страшнее, чем смотреть на дорогу перед собой, хотя там то ка-

мень, то лужа, то участок разбитого асфальта, а то и вообще – голуби, которые совершенно не боялись людей и лезли под колёса.

– Ты расслабься, – сказал отец.

Оля кивнула, крепче вцепилась в руль и сжала зубы. Всё в ней, даже брови, даже пальцы на ногах, было напряжено, как тугая пружина.

137

Левая нога соскользнула с педали; крутанувшись, свободная педаль в очередной раз ударила под коленкой.

– Остановись, хватит! – взмолилась Оля. – Перестань, всё, всё! У меня уже руки болят!

– Ну хорошо. Если тебе так сильно надо, давай передохнём.

В голосе отца ей послышались нетерпение и раздражение. Будто она снова не могла сделать то, что с рождения умеют все нормальные люди. Не села и поехала, как он вчера обещал, а обрела его на вот такие страдания.

Оля отвела велосипед с дороги и прислонила к дереву. Она начинала ненавидеть эту ничёмную неудобную, непослушную железяку. С чего родители решили, что она хочет получить на день рождения велосипед? Она никогда и не заикалась о нём. Она хотела дом для Барби, машину для Барби, Кена для Барби, джинсовую

Ильдимирова Татьяна Никоноровна родилась в 1981 году в городе Кемерово. В 2003 году окончила юридический факультет Кемеровского государственного университета. Работает ведущим юрисконсультантом в ОАО «МДМ-банк». Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Сибирские огни», электронном журнале «Пролог», а также в сборнике «Новые писатели – 2013». Автор книги повестей «Солнце». Участница форумов молодых писателей в Липках (2003, 2004, 2006, 2012). В 2007 году участвовала в совещании молодых писателей (Каменск-Уральский). В 2011, 2014 и 2015 годах входила в длинный список премии «Дебют» в номинации «Малая проза». В 2015 вышла в финал российско-итальянской премии «Радуга». Переводилась на итальянский. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерово.

юбку, хомяка, серёжки кольцами, как у Риты, лак с блёстками и много новых книжек, но лучше всего – дом для Барби. Велосипед же стоил дорого, слишком дорого для подарка, и поэтому Оля безуспешно пробовала радоваться чужой, возможно, так и несбывшейся мечте.

– Я не хочу больше, давай лучше завтра, – попросила Оля. – Я устала, я не понимаю уже ничего. Ни руки, ни ноги не слушаются. Я хочу понемногу тренироваться: полчаса сегодня, полчаса завтра...

– Если завтра, то это без меня. У тебя уже почти получается! Давай я тебя подтолкну, а ты сразу начинай быстро крутить педали.

– Я упаду тогда сразу!

– Не упадёшь! Когда быстро едешь, велосипед сам удерживает равновесие. Главное – не бояться и ехать как можно быстрее. Тогда гораздо легче. Понимаешь? Села – и поехала, поехала, поехала. И всё! Считай, научилась. Дальше – просто рули. Руль тебе на что? Невелика наука.

Оля смотрела на него исподлобья.

– Это же не высшая математика, – продолжал отец. – Видишь, люди катаются? Дети, даже младше тебя, и не боятся. И с тобой ничего не случится.

– Но я упаду! – повторила Оля.

– Упадёшь – встанешь, – как-то слишком равнодушно ответил отец. – Все поначалу падают, когда учатся кататься. Ничего страшного. А как же ты ещё хочешь научиться?

– Может быть, я и не хочу!

– Ты же всегда мечтала о велосипеде! – напомнил он с упрёком.

– Нет! – выпалила Оля. – Вот уж о чём я точно никогда не мечтала!

– Тогда идём домой!

«Идём!» – хотела сказать Оля. Вместо этого она встряхнула ладони, на которых остались красные следы от руля, ту же затянула шнурки на кедах и, поплевав на руки, стёрла с ног грязные отметины педалей. Во рту пересохло. Хотелось газировки, холодной, без сиропа, и невдалеке как раз стоял автомат, но просить у отца монетку было не время.

– Давай я сейчас сама попробую, без тебя, – попросила она.

– Да, пожалуйста.

– Только ты на меня не смотри.

– Не буду.

– Я хочу, как вначале, просто ногами толкаться.

– Давай хоть как-нибудь. Хочешь толкаться – толкайся. Хоть что-то уже делай. Не будь как тютюха! – он снова вспомнил старое семейное ругательство корнями из детства одного толстого и неуклюжего мальчика, любимый упрёк деда, выплёвываемый им со стыдом и презрением. Оля боялась, что обидное домашнее слово узнают в школе или во дворе – это была бы катастрофа.

Отец отошёл в сторону и коснулся ладонью липкой спинки скамейки. Трава вокруг скамьи была усеяна оранжевыми каплями. Прислонившись к дереву, отец отвернулся от Оли и достал из кармана ветровки свёрнутый трубочкой исторический журнал «Родина».

Оля, не оглядываясь на него, вытащила велосипед на середину дорожки и села на край седла, одну ногу поставив на педаль, второй касаясь асфальта. Оттолкнулась – полметра проехала, остановилась. Ещё раз оттолкнулась – проехала ещё метр. Так почти не было страшно. Когда нужно было повернуть, Оля притормаживала ногами, слезала с велосипеда и вручную переставляла его в нужном направлении.

Оля пробовала крутить педали обеими ногами, как предложил отец, и тут же завалилась на бок, едва успев выставить ногу и затормозить. Она почувствовала на себе оценивающий отцовский взгляд, и оттого, видимо, стало получаться ещё хуже, чем в самом начале.

– Ты педали-то крути! – услышала она крик. – Обе ноги – на педали и рули!

– Я не могу рулить, он куда хочет, туда и едет!

– Так ты руль крепче держи!

– Я не могу крепче!

– Ты хочешь научиться или нет?

– Я же сказала: не смотри на меня! Я же тебя попросила по-человечески!

Оля притормозила обеими ногами. На них стали оглядываться.

– Я лучше сама буду учиться! Как мне удобно, так и буду! Ты только хуже всё делаешь! Мне же привыкнуть надо, а ты всё – рули, крути! Отстань от меня уже! Я одна хочу! Если не можешь не смотреть на меня, то вообще уходи домой!

Наконец Оля отъехала достаточно далеко, чтобы ругаться с отцом в полный голос. Она докатила велосипед до мелкой речки на краю парка, прислонила его к парапету и уселась рядом. «Дурак», – тихо сказала Оля и, распробовав, повторила громче, отвернувшись к реке. Она больно ущипнула себя за руку, потому что слёзы застилали глаза. Она не могла отвлечься от стыда,

который, как чёрный перец, щекотал в носу. Такая вот она уродилась. Ни на лыжах, ни на роликах, ни не велосипеде. Плакса, кулёма, тютюха и вообще.

Вчера вечером, когда было уже больше десяти, они вышли с велосипедом во двор. Отец обещал Оле, что она сядет и поедет, но у неё не получалось: она только повизгивала от страха. Потом попросилась прокатиться Рита, которая как раз всегда мечтала о велосипеде. Дела у неё сразу пошли как нельзя лучше, и отец, увлечённый, отправил Олю домой отдыхать до завтра и принялся учить Риту. Оля с балкона смотрела, как Рита сама едет на её, Олином, новом велосипеде, и задыхалась от зависти. Когда утром они встретили Риту во дворе, Оля сделала вид, что не заметила её. Прощать Риту она не собиралась.

«Если ты думаешь, что я тебя люблю, то ты ошибаешься, — сказала Оля без злости, чтобы послушать, как звучат такие слова. — Ты всегда делаешь так, чтобы мне было хуже. Молчишь? Вот и молчи. Всё равно сказать тебе нечего. Я же изо всех сил, а ты... Я же не могу так сразу. Подождать не в состоянии, да?»

С реки дул ветер; во рту было горько. Вокруг ходили люди и голуби. Из-за деревьев виднелся спящий самолёт «Антошка», вдалеке со скрипом раскачивались высокие качели-лодки.

Оля вскарабкалась на велосипед и, осторожно толкаясь ногами, поехала обратно к отцу. Она хотела, чтобы он посмотрел, как она старается, и наконец-то похвалил её.

Отец, погружённый в чтение, стоял там же, где Оля оставила его.

— Смотри! — закричала Оля издали. — Папа, смотри! У меня уже получается!

Она поставила ноги на асфальт и, несколько раз оттолкнувшись, поймала педали и смогла доехать почти до отца. Он аккуратно скрутил журнал в трубочку и только тогда посмотрел на неё.

— Отлично, — кивнул отец.

— Ты видел?

— Да.

— Ты видел, видел? Правда видел? Ты же читал, ты на меня не смотрел!

— Да видел я, как ты толкаешься ногами. Елозишь кое-как. Смелее надо быть, я же говорил. Чем ты быстрее крутишь педали, тем проще тебе ехать. Знаешь, как меня брат учил кататься? Мне куда меньше было, чем тебе. Поднялись мы с

ним, значит, на гору. Ну это мы её называли горой, на самом деле такой пригорок с пологим склоном, зимой там на санках катались. Я сел на велосипед, Леха говорит: «Держись только крепче».

— И ты не боялся?

— Нет, тогда ещё я не знал, чего бояться. Разогнал он меня и как отпустит.... Я полетел, будто стрела из лука, — отец улыбался. — Сперва на велосипеде, потом кубарем вниз, вместе с велосипедом, до последнего за руль цеплялся. Всё себе отбил, всё было в синяках. Но знаешь, а ведь Лёха сильнее, чем я, перетрусил. Думал, я мёртвый. Я тоже не сразу понял, что я не мёртвый, но я специально лежал с закрытыми глазами, не двигаясь, старался не дышать, чтобы ему стало стыдно. И только когда он заревел, я схватил его за ногу. Зато на следующий день я уже один пришёл на пригорок и съезжал с него, пока не научился. Если понять, как сохранить равновесие, то велосипед держит тебя сам, я же тебе говорю: надо просто как следует разогнаться.

Оля слушала, опустив голову.

— А ещё, — увлёкся отец, — всех нас примерно так же учили плавать. Такая была традиция: отплыть на лодке на глубину и столкнуть пацана в воду. Я, помнится, заранее подозревал, чем всё закончится, и цеплялся, сопротивлялся. Дядька сказал, вёл себя как баба. В общем, меня вытащили, как ты понимаешь, откачали, но я до сих пор не люблю плавать и к лодкам отношусь довольно-таки насторожённо.

— Я пойду ещё потренируюсь, — сказала Оля, подняв велосипед. Её обида ещё не прошла, она не хотела смотреть на отца, но продолжала ждать его похвалы.

— Ты так можешь очень долго тренироваться. Садись давай, я тебя разгоню.

— А потом отпустишь?

— Не отпущу.

Оля не поверила:

— А я знаю, что отпустишь. Не надо меня разгонять, я сама.

— Да не бойся ты. Соберись. Сама себе скажи: «Я не боюсь, я могу, я не трусиха, я не тютюха!»

«Сам ты тютюха», — сказала Оля, отъехав на несколько метров от него. Тело начало привыкать к велосипеду, и удержат равновесие становилось проще. Оля снова ехала к реке, отталкивалась и старалась проехать как можно дальше.

Время близилось к полудню, день, начавшийся дождевой прохладой, разогрелся, разгулялся.

Плечи, с утра озябшие, сейчас будто обнимало тёплыми ладонями. Оле хотелось забраться на опору моста, усестись в гулкой тени и, слушая, как над головой проезжают машины, сидеть там одной, пока не пройдёт обида на отца.

Она доехала до моста. Здесь дорога была ровнее, людей меньше и ехать оказалось проще. Оля уже могла проехать дальше, не тормозя ногами от страха. Она уехала далеко от отца, так что он не мог её видеть, но ей по-прежнему казалось, что он бежит за её спиной и кричит: «Давай-давай! Крути педали! Держи руль крепче!».

Оля усерднее крутила педали, крепче цеплялась за руль и снова крутила педали, но отец не отставал.

– Трусиха!

– Тютюха!

– В кого ты такая?

Чем скорее она ехала, тем быстрее он бежал за ней. И кричал тем громче, чем Оля пробовала заглушить в себе его голос. Она про себя твердила слова всех подряд песен, пришедших ей в голову, а он всё бежал. Сердце стучало в ушах, спина была мокрой, тёплый ветер дышал в лицо. Ехать быстро оказалось ещё страшнее: теперь не Оля ехала на велосипеде, а велосипед вёз её, как ему вздумается. Олю просто несло на нём вперёд, и, сказать по правде, это было здорово.

Оля наехала на камень, не удержавшись, перелетела через руль и спиной упала на траву. Кажется, она не сразу вспомнила, как дышать. Ничего не болело, но тело было будто тряпичным, причём сшитым из отдельных лоскутов, и если резко встать – оно начало бы расползаться на лохмотья. Оля по очереди вспоминала про каждую свою руку и ногу и осторожно шевелила ими, опасаясь вспышки боли.

– Расшиблась? Или ничего? – спросил кто-то.

– Ничего, – ответила Оля, приподнялась на локтях и, подтянув ноги, села по-турецки. Покрутила головой. Ныла шея. Чудилось, будто солнце не на своём месте, и вообще всё виделось как через тонкую плёнку. Велосипед тоскливо валялся на дорожке, грязный, целый и бесполезный. Оля подумала, что никогда больше на него не сядет. Ни к чему ей это. Жила без велосипеда прекрасно – и пусть так будет дальше. Всё равно её никогда не отпустят кататься дальше парка у дома.

Оля с опаской подняла велосипед и медленно повела его назад, по пути высматривая отца.

Где он отстал, в какой момент перестал бежать за ней, она не знала и не могла понять, хочет ли она, чтобы он пожалел её, или лучше не надо. Мама бы стала её ругать, отец, скорее, начал бы её дразнить.

Ветер утих, солнце припекало всё сильнее, плавало асфальт, нагревало макушку до головной боли, гнало домой. Над рекой, обдающей жарой, стоял душный запах грязи, тёмные водоросли льнули к берегу. На низкое раскалённое небо было больно смотреть.

Когда Оля добралась до дерева, у которого оставила читающего отца, его там уже не было, но журнал «Родина» распротёрто и молча лежал на краю выкрашенной скамейки.

Оля заозиралась, завертелась волчком. Вместо прохожих Оля видела только их горячие тени на асфальте. Голова разболелась так, что не разобрать было, где люди, а где их тени, но ни одна из теней не была похожа на отца. Всё вокруг увеличилось, расширилось, стало ещё невнятнее. Как будто Оле было снова – и навсегда – четыре года и она потерялась – навсегда – в огромном и незнакомом парке среди страшных людских теней.

Наконец она разглядела фигуру, похожую на отца, на аллее, что вела к выходу из парка. Оля вскочила на велосипед и, ни разу не остановившись, не думая о своём страхе, пустилась за ним вдогонку.

Отец шёл медленными шагами, ссутулив плечи. Ветровку он нёс в руках, брюки его были в оранжевых разводах, шея блестела от пота. Он шёл и, слышала Оля, что-то бубнил себе под нос. Оля на велосипеде пристроилась за ним и тренькнула звонком. Руль дёрнулся в сторону, Оля затормозила ногами и ещё раз позвонила. Отец не оглянулся и ничего не сказал, но развернул плечи и вынул руки из карманов. По его затылку стало понятно, что он улыбался.

МАДАМ ЛЕНОРМАН

Собирались долго: Варя пришла последней. Надя и Оля ждали её, стоя за остановкой в прямоугольнике тени и начинали злиться за впустую потраченное время. Им пришлось пропустить уже два автобуса. Лица быстро становились влажными, пот собирался в ложбинке над верхней губой. Надя додумалась надеть новые джинсы, и теперь они прилипали к мокрым ногам. Жара стирала все мысли и желания.

Солнце третью неделю подряд било в землю с утра и до вечера. За много километров отсюда горели леса, город с каждым днём всё глубже погружался в едкий запах гари, проникающий в квартиры и противным привкусом оседающий в горле. Гулять старались только в сумерках. Собраться вместе было сложно: Наде приходилось безвылазно сидеть на даче, и Оля не видела её уже три недели.

Варя появилась не с той стороны, откуда её ждали, одетая в короткую джинсовую юбку и самую модную майку с «Титаником». Она отрезала чёлку на два пальца выше бровей и, кажется, стеснялась её. Все делали вид, будто ничего не заметили.

Как раз подошёл автобус. Ехать предстояло долго. Девочки стояли на задней площадке и смотрели, как рвётся из-под колёс и убегает вдаль дорога, вдоль которой кренились в разные стороны пожилые низенькие домики частного сектора. По стеклу елозила одурманенная жарой оса. Далеко на горизонте дымили трубы.

— Ты точно помнишь, куда ехать? — на всякий случай спросила Надя.

Варя хлопнула ладонью по сумке:

— У меня газета с собой. Найдём.

— Покажи мне ещё раз.

Надя, развернув газету на нужной странице, прочитала вслух:

— Мадам Ленорман. Сильнейшая потомственная гадалка и ясновидящая. Карты Таро раскроют завесу вашего будущего! Полный расклад. Прогноз отношений. Ответы на все вопросы.

Оля заглянула ей через плечо, чтобы ещё раз посмотреть на фотографию гадалки. Надя непроизвольно закрыла объявление рукой, как от чужих глаз. Оля отошла от остальных и забралась на перегретое солнцем сиденье. Из ведра старухи, сидящей рядом, тянуло земляникой. Оля уже жалела, что поехала с девчонками. Вся эта идея была глупостью. Она посмотрела на них: Надя одной рукой обнимала Варю за талию, что-то нашёптывая ей на ухо, и они засмеялись своим самым неприятным общим смехом.

Оля едва не пропустила момент, когда надо было выходить, — Варя с Надей, не оглядываясь на неё, выпрыгнули на остановке. Оля кинулась за ними, чуть не осталась в автобусе.

— Вы чего меня не подождали? Я-то откуда знаю, где надо выходить?

— А я думала, ты знаешь, — пожала плечами Надя. Варя кивнула.

— Мы говорили об этом в автобусе, — сказала она. — Если бы ты стояла с нами, ты бы услышала.

— Можно было бы и сказать. Хоть бы мне крикнули, что ли.

— Ничего же не случилось, — сказала Надя, вытирая ладонью потный красный лоб. — Ты опять как эта.... Прекрати. Дай мне лучше попить.

— Подожди, я сама хочу.

Оля была единственной, кто захватил с собой воду в бутылке. За время пути вода успела нагреться, и пить её было не очень приятно. И всё равно Оля, запрокинув голову, долго, через силу пила тёплую, отчего-то сладковатую воду.

— Хорош уже! — не выдержала Варя.

— Я ещё не напилась, — ответила Оля и сделала ещё два больших глотка. Стало противно и в животе, и в горле. Она передала Наде бутылку, в которой вода плескалась на донышке.

— Напилась — води себя прилично, — сказала Надя.

— А я не буду, — глядя исподлобья, обронила Варя. — Она слюней туда напускала.

Надя сделала вид, что не расслышала, и допила остаток.

— Спасибо, — выдохнула она.

Оля пожалела, что не оставила ей больше — Надя сильнее остальных сомлела от жары.

Варя ещё раз прочитала название улицы.

— Это где-то рядом, я помню. Вон то здание за перекрёстком — больница, мне там аппендицит вырезали, — Варя задрала майку и в очередной раз показала всем незагорелый шрам на животе.

Они пошли, куда указала Варя, в сторону серой квадратной больницы. Тротуар был узким, троём не пройти, и Оля шла сзади. Точнее, сначала она шла с Надей, но сама не поняла, как снова оказалась на шаг позади, потом и вовсе отстала — два дня назад она натёрла ногу, теперь пластырь сбил, ремешок сандалии натирал нежное место на пятке, где лопнул пузырь, и пришлось его растянуть. Оля не слышала, о чём они говорят, и только отдельные фразы долетали до неё — про жару, про больницу, где было как в тюрьме, и про Риту, которая танцевала на конкурсе.

Оля буравила взглядом Надину спину и твердила про себя: «Повернись, подожди». Она подумала, что идёт так до первого поворота, а там — пойдёт обратно, если Надя не обернётся. Сколько же можно. И Надя, почувствовав её взгляд, остановилась, почесала плечо и крикнула:

— Догоняй, ты чего тормозишь!

Оля подбежала и сказала:

– У меня вон кровь идёт, я сейчас.

Она сорвала с газона листок подорожника и приложила его к пятке. Варя в нетерпении переминалась на месте, обмахиваясь газетой. Её длинные загорелые ноги были покрыты синяками и комариными укусами.

* * *

Солнечный свет струился неистово, на белёсое небо глазам было больно смотреть, от мягкого асфальта припекало ноги. Воздух походил на прозрачный бульон. Людей на улицах почти не было, и даже бочка с квасом стояла сама по себе. Если бы не редкие машины, то могло показаться, что во всём городе больше не осталось ни одного человека. Все ушли. Оля часто представляла себе, как просыпается, а в городе – никого.

– Как в кино, да? – сказала Надя. – Город такой пустой, незнакомый.

Город и впрямь казался придуманным. Вдоль дороги теснились разноцветные трёхэтажные дома с облупившейся штукатуркой. Сквозь асфальт пробивалась трава. Магазины были закрыты будто навсегда. Если остановиться и прислушаться, начинали слышаться чужие шаги, хотя больше никого на улице не было. Тощая чёрная тень проскользнула через решётку в подвальное окошко.

Варя остановилась и сверилась с газетой:

– Дом восемнадцать. Это здесь.

Девочки свернули в маленький квадратный двор и пробежали под бельём, сохнувшим на верёвках сразу за старой, ржавой, косоногой детской площадкой.

Клумбы пестрели цветочной мозаикой. Вверх уходили розовыми стрелами мальвы. С каждого балкона свисали простыни, наволочки или подгузники. В окне первого этажа между денежным деревом и пустой глиняной вазой недвижно, словно в витрине, сидела изящная сиамская кошка. Варя подошла ближе и, подняв руку, помахала ей, сделала козу, но кошка и ухом не повела.

– Чур, я первая! – сказала Варя.

– Почему это снова ты? – поспешно отозвалась Надя.

– Потому что я всё это придумала! Оля, скажи, правда ведь, я это придумала?

Обе с ожиданием уставились на Олю. Той казалось, что идея была Варина, но она уже начала сомневаться.

– Чего ты молчишь, скажи уже! – торопила Варя.

– Кажется, она, – Оля показала на Надю.

– Всё с вами понятно.

– Да ладно, Варь, ты чего! – расстроилась Надя. – Конечно, иди первая! Какая разница, кто всё придумал! Даже если и я! Если бы не ты, мы бы ещё три года собирались!

– Это точно, – отозвалась Варя. Она одёрнула на себе майку, из-под которой торчали ядовито-бирюзовые лямки лифчика, стряхнула с юбки невидимые пушинки.

– Зеркало у кого-нибудь есть? – спросила она. – Я, кажется, забыла.

Надя протянула ей пудреницу, и Варя долго, по сантиметру, рассматривала в ней оливковое от загара, вспотевшее, кажущееся грязным лицо.

– Я прочитала, как веснушки выводить, – начала она и сама себя оборвала. – Потом расскажу.

Варя возвратила пудреницу и снова поправила спадающую бретельку каким-то особенным, своим движением, и Оля вдруг подумала, что она точно нравится мальчикам. По одним девочкам сразу ясно, что они хотят нравиться, а по другим – что нравятся, пусть даже они не понимают это сами. Когда они прогуливались втроем по центру, то знакомиться подходили именно к Варе, иногда даже старшие мальчики из колледжа. А Оли словно не только рядом с Варей не было – а и вообще никогда не существовало. Ей казалось, что так будет всегда.

Когда Варя скрылась в подъезде, девочки выждали минуту, переглянулись – и бросились за ней следом.

* * *

Внутри оказалось пусто и прохладно, пахло штукатуркой и сырой картошкой. Девочки поднялись на верхний, третий этаж и спустились; Вари не было. Похоже, что она не струсилась и не придумала отсидеться в подъезде.

Надя ловко подцепила из почтового ящика бесплатную газету и проворно её перелистала. Оля разглядывала ту газету, что они везли с собой. Из интересного были только анекдоты и телепрограмма. Всё остальное было обычным – люди продавали и покупали квартиры, автомобили и гербалайф.

– А ты тоже пойдёшь? – спросила Оля.

– Я не знаю. Я не хочу вообще-то, – призналась Надя.

– Я тоже не хочу, я уже не верю в такое.

– А я не то чтобы не верю... Когда Рита была маленькая и все время орала, никто не мог понять почему, её носили к бабке, которая помогает. Она что-то сделала, и Рита правда орать перестала. Ещё она сказала маме, что... ну, что я есть. Хотя мама, говорит, об этом ещё не знала. И всякое другое говорила, что сбылось потом.

– Здорово.

– И я вот думаю: мне сейчас всю жизнь расскажут. Не что будет по русскому за год, а по-настоящему. А мне-то что потом делать, если не понравится? Если я вообще должна умереть завтра, что тогда?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– Можно просто, наверное, не поверить.

– А как ты не поверишь? Можно себе сказать, что не веришь, но всё равно же что-то будет мешать. Я думаю, лучше вообще туда не идти.

– Я тогда тоже не пойду, – поспешила сказать Оля. – Только давай сразу так Варя и скажем, что мы передумали. Пусть что хочет, то и говорит, мы не пойдём и все. Главное, чтобы вместе.

На третьем этаже хлопнула дверь, и, прыгая через несколько ступенек, вниз сбегала Варя.

– Пойдёмте скорее отсюда, – закричала она. – Сейчас я вам всё расскажу!

– А мы когда? – спросила Надя, но Варя уже распахивала дверь подъезда. Пробежав за ней через двор, девочки остановились за углом соседнего дома, где начинался заросший бурьяном пустырь. Вдалеке виделись остатки сгоревших домов.

Отдышавшись, Варя начала:

– В общем, прихожу я такая.... Открывает девочка немного старше нас. Говорит: «Вы к кому?» Я ей: «Я по объявлению». Она смотрит на меня с подозрением и говорит: «Бабушка вообще-то детей не принимает». Я сказала, будто мне пятнадцать и у меня серьёзный вопрос. Она мне: «Типа любит ли тебя Андрей Губин?» Я, разумеется, обиделась. «Нет, – говорю, – по-настоящему серьёзный вопрос. Я хочу всё про свою жизнь знать, в чем её смысл». Так и сказала. Она подумала: «Ну подожди». И усмехнулась так ехидно. Я в коридоре села на табуретку, сижу жду, по сторонам гляжу. Интересно же, как у неё дома. А у неё, оказывается, шкаф в коридоре такой же, как у нас дома. Туфли стоят обычные – чёрные, старые. У зеркала на полочке – духи, у Гали тоже такие есть: «Ив Роше», невкусные, бывают намного лучше духи.

Варя снова подняла спавшую бретельку и одёрнула футболку.

– А дальше? – не утерпела Надя.

– Дождалась. Выходит тётка. Люди, честно, я не ждала, что она будет как на фотографии. Но она вообще тётка, девочки. Вот будто на рынке с солёными огурцами. Я даже растерялась поначалу. Она меня рассмотрела всю вот так, – Варя прищурилась и уставилась на Надю. – И спросила, кто я такая и почему без звонка.

– А ты?

– Это ещё не все: она была не одна. Ни за что не догадаетесь, кого я там встретила.

– Да говори уже, не томи.

– Ладно, только это правда. Я не сочиняю, я правда её видела. Дверь в комнату была открыта, а на диване сидела... Изотова.

– Врёшь, – вырвалось у Нади.

– Костюмчик сиреневый, волосы вот такой каралькой, как на уроках.

В прошлые годы Изотова вела у всех девочек труды, под её руководством они стругали винегрет (Оля подвела команду, забыв принести зелёный горошек) и шили фартуки и ночные рубашки (Олина мама перешивала, как могла, но всё равно получилось так себе и пошло на тряпки). Изотова была молодой, некрасивой и раздражительной. Она боялась детей, когда их было больше одного, и от страха перед классом повышала голос. Её не любили. К счастью, в мае она ушла из школы.

– Она тебя видела? – спросила Оля.

– Да. И я убежала. Мне почему-то стыдно сразу стало, – призналась Варя.

– Врёшь, – снова сказала Надя.

Варя покраснела до слёз.

– Раз я вру, – сказала она тихо, – то и не ходите со мной больше.

– Варь, я не то хотела вовсе сказать! – затопилась Надя. – Зачем ты так? Не начинай!

– И я с вами тоже больше ходить не буду. Раз уж я вру. Всем всё понятно? – сказала Варя и зашагала через двор.

Надя с Олей переглянулись и пошли за ней.

Все шли молча. Когда Варя ускоряла шаг, Надя с Олей тоже прибавляли скорость, чтобы не терять её из виду. Она явно старалась идти и быстро, и красиво. Смотреть на неё было стыдно, хотя Оля не сказала ей ничего такого, за что могла бы извиниться. Она понимала, что её из-

винения совсем не нужны Варя и что, когда они вырастут, они не будут подругами. Не только Оля, что давно было ясно, но и Варя с Надей станут друг другу чужими. Оля чувствовала, как некая сила с каждым днём растаскивает их всех в разные стороны.

Когда вдали показался автобус, все они, не сговариваясь, побежали к нему и встали на задней площадке рядом, как утром. Когда Варя чуть не упала на резком повороте, она ухватила за Надино плечо, но сразу убрала руку.

Больше в тот день друг с другом они не говорили. Надя и Оля вышли у дома, а Варя поехала дальше. Оля смотрела на неё, пока могла различить её лицо в окне автобуса. Потом она по-

вернулась и поняла, что Надя уже ушла. На остановке Оля была одна. Она подождала следующий автобус и прокатилась на нём до конечной и обратно.

По дороге домой Оля увидела Надю у газетного киоска. Кажется, та покупала интересный журнал – Cool girl. Она хотела подойти к ней, но решила, что Надя тоже заметила её и на самом деле тоже не хочет с ней разговаривать. Проходя мимо, Оля поняла, что это не Надя, а совсем другая девочка, на Надю похожая разве что одеждой. Да, кажется, не Надя. В предвечернем, но всё таком же жарком мареве её черты расплывались и делались незнакомыми, чужими и почти что взрослыми.

Представление этого номера журнала «Огни Кузбасса»

Галина Золотаина

Григорий ШАЛАКИН,
заслуженный работник культуры РФ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛИСТВЯНКИ

Светлой памяти лётчика-космонавта СССР
Алексея Архиповича Леонова

В октябре 2019 года ушёл из жизни наш земляк прославленный советский лётчик-космонавт Алексей Архипович Леонов, дважды Герой Советского Союза и Герой Кузбасса. С марта 1965 года мы, живущие в Кемеровской области, считаем его своим, чуть ли не родным сыном и братом. Он родился в Кузбассе, поэтому часто бывал здесь, много общался с молодёжью, помогая ей осознать космос достигаемой высотой, чуть ли не ежечасно встречался с людьми самых разных профессий, различного положения в обществе. Мне доводилось неоднократно общаться с ним как по журналистской работе, так и в качестве рядового коренного сибиряка. И до сих пор сам я внутренне ощущаю, что Алексея Архиповича всегда сопровождала тяга к малой родине – деревне Листвянке Тисульского района. К деревне, внешне похожей на многочисленные населённые пункты, разбросанные по огромной Сибири. К Листвянке, расположенной в стороне от железной дороги и непроходимой тайги, зато среди земляничных плантаций, грибных перелесков и не охватываемых взглядом сеенокосных грив.

Как рассказывал космонавт, ему посчастливилось участвовать в решении двух сложнейших задач, связанных с освоением человечеством околоземного пространства. Первая задача касалась создания условий для нахождения астронавтов в открытом космосе. Вторая включала в себя организацию стыковки космических кораблей разных стран, в том числе в случае возникновения непредвиденных обстоятельств у экипажей таких судов. И в обоих случаях он достиг поставленных перед ним целей. Это произошло при полёте на советском космическом корабле «Восход-2» в 1965 году и в 1975-м при стыковке космического корабля «Союз-19» с американским Apollo.

Что привнёс в нашу жизнь и историю всего Кузбасса Алексей Архипович Леонов, чем за-

помнился? Поразмышлять над этим захотелось с известным кузбасским поэтом, членом Союза писателей России Анатолием Павловичем Иленко, автором нескольких стихотворных сборников и публикаций в ведущих литературных журналах страны, таких как «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса». Он был управляющим отделением совхоза, директором Щегловского совхоза Кемеровского района. Избирался первым секретарём Тисульского райкома партии, депутатом Кемеровского облсовета и райсоветов.

Нам с Анатолием Павловичем Иленко всегда есть о чём поговорить и что вспомнить. А разговор об Алексее Архиповиче Леонове взаимно полезен, так как приоткрывает завесу над тем, что раньше не особо выходило за пределы кабинетов ответственных партработников.

ДО РОДИНЫ – ПО ЦВЕТОЧНОМУ КОВРУ

– Сама жизнь преподнесла событие, – сказал Анатолий Павлович, – которое после долгих размышлений посчитал отправной точкой для того, чтобы каким-то образом сохранить память о встречах с космонавтом из Листвянки, где Алексей Архипович Леонов родился 30 мая 1934 года и был восьмым ребёнком в семье. Горькая и печальная весть о его кончине облетела весь мир 11 октября 2019 года и зацепила мою душу. В этот момент я проходил мимо бронзового бюста Алексея Архиповича Леонова, установленного в Кемерове на улице Весенней.

– Здесь надо внести некоторую ясность, – замечаю я. – Ведь основанием для установки бюста в административном центре Кузбасса явилось то, что Алексей Архипович родился в нашей области и за свои космические подвиги был дважды удостоен звания Героя Советского Союза. Посвящённая ему пятиметровая по высоте композиция выполнена известным московским скульптором Львом Кербелем.

– В тот скорбный день я увидел у подножия скульптуры гору цветов, – продолжил Анатолий Павлович. – Подумалось: «Я один из многих кузбассовцев, кто долго находился в простом общении с земляком-космонавтом в 1976 и 1983 годах, а потом встречался с ним в непринуждённой обстановке и часто беседовал по телефону». Поэтому отмалчиваться грешно. А свои воспоминания мне хочется начать с лета 1976 года, когда Алексей Архипович впервые приехал на свою родину в Листвянку после двух космических полётов. Одиннадцать лет у него не получалось добраться до своей

родины. В том не было никакой случайности. Просто после первого полёта он всецело отдавался тренировкам, связанным с предстоящим полётом, включающим стыковку с американским космическим кораблём.

В Тисульском райкоме партии, где я был первым секретарём, хлопоты начались на стыке июня-июля, когда и весна ещё далеко не ушла, и лето ещё не распрямило плечи и не вошло в свои права. Сначала у меня в кабинете раздался телефонный звонок первого секретаря Кемеровского обкома КПСС Леонида Александровича Горшкова. Он сообщил, что дня через три в Кузбасс прилетает Алексей Архипович Леонов с семьёй. «У него есть страстное желание побывать в Листвянке. Постарайтесь организовать его пребывание по-хозяйски, чтобы у гостей остались хорошие воспоминания», – напутствовал Горшков. Поскольку я ещё только год отработал первым секретарём райкома партии, Леонид Александрович Горшков направил мне в помощь заместителя председателя облисполкома Петра Михайловича Белоуса. Это было оправданно, потому что ожидалась необходимость контактирования с различными службами и организациями областного масштаба и координации действий различных структур. Я заверил, что постараемся сделать так, чтобы Алексею Архиповичу было тепло и уютно на своей родине.

После телефонного разговора с областным центром сразу же в райкоме партии собрали руководителей предприятий, организаций и учреждений. Всех, кто мог быть причастен к встрече, приёму, передвижению гостей по нашей территории. На всё отводилось не так много времени. У всех присутствовавших на совещании загорелись глаза, всем захотелось быть причастным к знаменательному событию. В каждом уголке района наводили порядок. Это касалось территорий и зданий учреждений, организаций, частных усадеб и подворий. С размахом, на большом эмоциональном подъёме прибирались, стоярничали, плотничали, красили и белили. Все в тайне надеялись на то, что космонавт непременно заглянет в их организацию и в их дом. Люди наводили лоск по зову души и сердца, испытывая огромное уважение к первопроходцу космоса. А с учётом землячества их доброе отношение к Алексею Архиповичу удваивалось и утраивалось. Четыре подготовительных дня лично для меня пролетели словно минута.

И вот опять звонок из Кемерова. Сообщили: «Алексей Архипович вылетел в Тисуль на самолёте». Я – на машину и в наш аэропорт с небольшим

деревянным и уютным аэровокзалом, взлётно-посадочной полосой с травяным покрытием. Узнав о прилёте Леонова, на аэродромную площадку ринулась масса людей и выстроилась около предполагаемого места приземления лайнера Ан-2. И вот в сине-голубом небе обозначился самолёт. Публика возликовала, начала махать руками и кричать: «Ура!». Не успела приоткрыться дверца «аннушки», как Алексей Архипович оказался в окружении большой толпы тисульчан. Люди радостно приветствовали его, семью – жену Светлану Павловну, дочерей Оксану и Вику, одаривали цветами и чуть ли не на руках донесли всех до машины. Народ рассредоточился также вдоль дороги из аэропорта в посёлок. Машина, в которой ехали Леоновы, шла вперёд, неспешно оставляя за собой рукотворный цветочный ковёр. А сколько таёжных и полевых цветов расцвело на тисульских лугах, мы узнали на центральной площади посёлка, куда со всей окру-

Алексей Архипович Леонов
на Тисульской земле. 1976 год

ги и других сёл стекался народ на встречу с космонавтом. Кто – на велосипедах, кто – на гужевом транспорте, кто – на легковых машинах, кто – пешком. Специально никого не приглашали, но собрались тысячи жителей района. Поэтому без импровизированного митинга не обошлось. После краткого рассказа о полётах в космос Алексей Архипович снова попал в людской водоворот. Каждый хотел притронуться к нему, о чём-то спросить или просто подержаться за своего замечательного земляка. Так минули час-другой. Потом гости и сопровождающие распределились по машинам и взяли курс на Листвянку. На протяжении 18–20 километров вдоль грунтовой дороги свободные от работы тисульчане из ближайших деревень аплодисментами и бравыми возгласами встречали героя космических трасс, бросали под колёса машин полевые цветы, а также георгины, гладиолусы, хризантемы, собственноручно выращенные на клумбах в садах и огородах.

Я ехал в машине рядом с Алексеем Архиповичем. Он периодически спрашивал: «Ну что, Анатолий, где Листвянка, когда там будем?» Он-то дорогу подзабыл. Ещё трёх лет ему не было, как покинул село. Говорю: «Вот за берёзовым колком и будет Листвянка». Подъезд к ней с бугорка. Оттуда вся деревня просматривается. Деревня, не затерявшаяся среди холмов и плотных серебристых берёзовых лесов благодаря всемирной славе земляка.

К встрече знатного гостя в Листвянке приготовились. Соорудили даже небольшую трибуну, для того чтобы все пришедшие сюда хорошо видели Алексея Архиповича, который под шквал аплодисментов поднялся на возвышение. Он очень корот-

ко, но интересно и эмоционально рассказал о своей, как позже выяснилось, непростой и весьма рискованной работе. И здесь он наконец-то смог признаться в любви своей малой родине. Это событие он назвал долгожданным днём. Он увидел родную сибирскую землю и почувствовал её душу. Его откровение услышала природа. И заморосил дождь. Это, говорят, в таких случаях – хорошая примета. А вообще-то у нас вроде скоро должен быть пик лета, но погода отличалась своей неустойчивостью. То со стороны тайги и озера Берчихуль примчатся тучи с дождём, то проглянет солнышко и прогреет землю. И тут дождичек не заставил себя долго ждать.

*Вожжи в руки взяла непогода:
Мокрый ветер полощет окно.
Переходное время у года,
Потому неудобно оно.*

Из-за этого обед для гостей планировали в разных вариантах в зависимости от осадков. Без дождя хотели разбить бивак на берегу реки Усть-Серта около Листвянки. Но пошли небесные слёзы. И трапеза перенеслась в дом председателя колхоза имени XXII партсъезда Николая Ивановича Сицукова, где хлопотало всё семейство во главе с его супругой Валентиной Петровной. За стол при всем желании много людей не посадишь. Однако уместились немало, помимо четверых Леоновых и сестры космонавта Раисы Архиповны с мужем, Пётр Михайлович Белоус, я с председателем Тисульского райисполкома Николаем Фёдоровичем Поморцевым. Усадили корреспондентов област-

177

Встреча в Листвянке. 1976 год

ных газет и радио, оператора Новосибирской студии кинохроники.

У нас не принято за обедом поднимать бокалы без тостов. Они соответствовали торжественной обстановке, но в какой-то мере стеснительной и сдержанной. Все ждали дорогих, на вес золота, слов первопроходца космоса. Он ведь знает, как оно там, на громадной высоте, человеку и как в целом живёт народ планеты, потому что многоуважаемый земляк в форме лётчика-космонавта СССР исколесил весь мир. После трёх-четырёх пламенных выступлений тостующих все немного расслабились. И тут совсем не по сценарию в комнату вбежал юркий и симпатичный Серёжка, сынишка председателя колхоза, которому было строго наказано не путаться под ногами.

РАЗРЯДИЛ ОБСТАНОВКУ

Алексей Архипович к детям не равнодушен. Позвал мальчика к себе, усадил на колени. Спросил, как зовут. Подарил Серёжке американскую авто ручку с гравировкой на космическую тему и свою фотографию. Ребёнок притих, а потом засуетился, собрался убежать. «Почему не сидится?» – спросил Леонов. «Попа устала», – бесхитростно ответил мальчуган. Все, сидевшие за большим столом, упали лицом ниц. Казалось бы – стыд, позор. Но против правды не пойдёшь. Сам Алексей Архипович мгновенно разрядил обстановку и направил «веретено» праздничного хлебосольного обеда в традиционное доброжелательное русло. «Я расскажу вам анекдот про японского товарища, – произнёс Леонов, – Японец хорошо знал советские технические новинки и неплохо говорил на русском языке. Его спрашивали, как ему всё это удаётся. Японец отвечал, что звёзд с неба не хватал, но каждый день запоминал по два слова из русского языка. А чтобы слова лучше усваивались, бил кулаком в лоб и попу». Находчивость Алексея Архиповича пришлась как нельзя кстати. Про Серёжку из Листвянки он рассказал в Звёздном городке. Так его родная деревня хорошо запомнилась друзьям и коллегам по отряду космонавтов.

Двухчасовое застолье быстро подошло к финишу. У изучающих моё повествование, подозреваю, сосёт под ложечкой. А чем же стол был накрыт? Скажу честно и со всей откровенностью: ничего особенного, никаких изысков и никакого дефицита на скатерти-самобранке не присутствовало. Стол ломился от традиционных деревенских приготовлений жены председателя колхоза Валентины Петровны и их соседей по улице. Космонавта угоща-

ли наваристым сибирским борщом. Зеленью с огорода. Утренним холодным и парным обеденным молоком. Сметаной, в которой ложка не проваливается, не стоит, а падает набок при прикосновении к ней. Потчевали паровым мясом с местными специями, приготовленным в керамических чашках на обычной печи, топившейся дровами. Не было даже того, что в принципе в наших краях можно было раздобыть для великого гостя и его семьи, – лосятины и медвежатины, тайменей и пеляди, например. Зато имелись пирожки с мясом и рыбой, таёжной колбой и домашними куриными яйцами. Из напитков – водка на маральем корне. Пьётся легко и на следующий день не чувствуешь никаких последствий. С самогонкой в то время как-то не связывались. Тисульчане знали её вкус, но приоритет всё-таки был за горячительными напитками из сельпо.

Пока суть да дело, наступила пора выдвигаться к месту ночлега. В такую пору в деревне или в самом Тисуле сон гостям покажется обыденным. А под звёздным небом – совсем другой коленкор. Леоновым предложили отдых в палаточном городке на берегу озера Берчикуль. Было в нём пять или шесть палаток. Одна большая – человек на шесть, остальные – двухместные. Организовал такой лагерь начальник Мартайгинской геологоразведочной экспедиции, коренной тисульчанин Геннадий Александрович Зюдин. Он – уникальная личность. Сибирскую тайгу знает вдоль и поперёк. Не было такого места в кузбасских краях, где не ступала его нога в поисках золота, урана, серебра. Он также хорошо знал все малые и большие реки и озёра. Он обеспечил не только ночлег, что само по себе было здорово. Вместе с сыновьями он с помощью топора без единого гвоздика соорудил из берёзовых жердей приличного размера стол и накрыл над ним навес из того же природного материала. Поэтому отдыхающим непогода была не страшна.

Приём гостей получился не официальным, а освобождающим душу и тело от городской суеты. Было достигнуто единение человека с природой на берегу красивейшего озера Кузбасса. Таёжный приём положительно сказался на выступлениях за ужином. Да и сам Алексей Архипович Леонов побольше добавил конкретики в рассказы о двух космических экспедициях. Многие из того, о чём он поведал, тогда ещё не было широко известно и опубликовано в средствах массовой информации. Но и известное лучше всего проверять по рассказам из первых уст. Время подошло примерно к

11 часам вечера. Стих ветерок, но мелкая рябь шла по Берчикулю, то поднимая, то опуская отражающуюся в тёмно-синей воде Луну. Звёздный свет не требовал электрической подсветки. Казалось, звёзды настолько приблизились к Земле, что своим магнетизмом тревожили пышные прядки на наших головах. Будто космос притянулся к космонавту. Алексей Архипович сказал, что пойдёт отдыхать. День был напряжённым, а с учётом временной разницы с Москвой – уж очень напряжённым.

Светлана Павловна, его жена, осталась у костра. Замечательная, симпатичная, молодая и душевная. Незаметно пролетели ещё два или три часа. Пели песни под гитару и без неё, чередовали их с рассказами о нашем крае, где гостя не бывала никогда. Завершился пикник тогдашним популярным гимном: «Завтра снова в дорогу, путь нелёгкий с утра, хорошо хоть немного посидеть у костра. А вокруг голубая, голубая тайга». Разумеется, в такой обстановке и я не удержался. Прочитал свои стихи.

Утром часам к восьми все были на ходу. Погода благоприятствовала. Ни влаги с неба, ни ветра сильного. Желающие искупались в Берчикуле. Кто воздержался, бродил по берегу озера, поднялся на пригорок Дунькин Пуп, откуда открывается замечательная панорама. Алексей Архипович вновь отметил. Но не шуточным рассказом, а глубокими познаниями в ботанике. Он на латинском языке называл растения, окружавшие нас. «Это надо же, отметил я про себя, – космонавты – технари с большой буквы. Но насколько широк их взгляд на происходящее вокруг. Сие – свидетельство уровня подготовки советских специалистов». Я, учёный-агроном по специальности, не обладал столь широким кругозором применительно к растительному миру. Кроме того, на бережку мы попробовали поднапрячься физически. Алексей Архипович дозволил наносить ему удары по мышцам рук. Что сказать, слабаки мы против него. Направляешь в него кулак, а он отскакивает и норовит угодить тебе под дых.

А каким выдержанным и скромным он был! Не подчёркивал свою значимость. Старался быть в компании незаметным. Это восполняла его сестра Раиса Архиповна. Из её уст, в частности, можно было узнать некоторые подробности об общении космонавта с первыми лицами нашего государства – Никитой Сергеевичем Хрущёвым и Леонидом Ильичём Брежневым.

Садимся завтракать за берёзово-берестяной стол ручной работы. Алексей Архипович тут же

спрашивает меня: «Анатолий, почему не вижу твою жену?» Говорю, что Милитина Васильевна врач-терапевт, находится на работе в поликлинике, а ещё ей нужно участок обойти, больных полечить на дому. Леонов всё равно просит меня послать машину за женой и после неотложных дел привезти её на Берчикуль. Я медлю с выполнением этой просьбы. Тогда он сам обращается к одному из водителей: «Миша, сделай доброе дело и доставь сюда Милитину Васильевну». Шофёр выполнил его поручение. За столом – опять тост за тостом. Светлана Павловна наблюдает за своим роднённым супругом, чтобы всё было в норме.

За столом Алексей Архипович, сидевший слева от меня и имевший перед собой на донышке бокала немного сухого вина, незаметно толкнул локтем в бок и прошептал на ухо, предоставь, мол, слово моей супруге. Светлана Павловна, находившаяся справа от меня, взяла слово. Публика не просто слушала её, но и спрашивала, какой Алексей Архипович в быту. Тут любопытны любые подробности из жизни космических семей. Другого момента поинтересоваться этим просто может больше никогда не представится. И она, как говорится, по полной программе отрабатывает «барщину». «Для вас, – отмечала она, – Алексей Архипович – герой Кузбасса и страны, а для меня и дочерей – хороший муж, заботливый отец и примерный семьянин».

В это время Алексей Архипович, как бы продолжая тему мужественных и отважных мужчин, взглядом указывает мне на пустой стакан. Я наливаю под поясок водки на маральем корне. Залп – и гранёная ёмкость пуста. А Леонов и бровью не повёл. Он ничуть не изменился. Человеку с особой закалкой такая доза, что слону дробина. И это на самом деле так. Даже Светлана Павловна не догадалась о том, что муж тайком от неё, но с честью выдержал испытание на подтверждение звания сибиряка, на то, что он в нашем сообществе не «рыжий», а на равных.

Глядел на Алексея Архиповича, слушал Светлану Павловну и учился их мудрости, взаимоуважению, добродушию, умению не замечать некоторые шалости в поведении в присутствии других людей. Леонов в моём видении – настоящий мужчина, без пагубных страстей.

НЕ СОВСЕМ ЯРКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

– А ещё и в детстве жизнь у него была вовсе не сладкой, – перебил я Анатолия Павловича. – В том числе и на его родине в Листвянке, в родительском доме. О дом. Родитель-

ский дом. Не очень яркие воспоминания о нём бередали душу Алексея Архиповича. Помню, в 2006 году, стоя в горнице рубленого пятистенка спиной к печи, он рассказывал, как пришлось покинуть это жилище в 1937 году в одних трусах и майке, а на улице у него даже майку отняли. В Кемерово брёл почти голышом. Вспомнил тогда он отца. Тот был хорошим зоотехником. Трудился честно и добросовестно. Поднял дом, хозяйство, семью. Но их апартаменты приглянулись более сильным мира сего. И семья оказалась на улице. Это горе давало о себе знать, но не настолько, чтобы отгородиться от Листвянки железным занавесом или баррикадой. Говоря о том берёвско-ежовском времени, Алексей Архипович не таил обид на кого-то. А во дворе даже перевёл те грозные годы в шутку. Что было, то прошло. Из памяти сие не вычеркнешь, но и вряд ли стоит заикливаться. Много судеб было поломано в своё время.

Так о нём пишет мой теперешний собеседник Анатолий Павлович Иленко.

*Только память, душа моя, память
Родниковой прозрачностью дна
Осветляет вечернюю замять
И ушедших друзей имена.
Не забыть их, надёжных, хороших,
Неуёмных, упрямо прямых,
На прошедшее время похожих,
Что похоже так было на них.*

В Листвянке, в бывшем своём доме, где планируют создать музей космонавта, Алексей Архипович представлял всё тем же сибиряком с неуступчивым в правде людской и твёр-

дым характером, откровенным и добрым к своим землякам.

Своим поведением он показывал также, что и в достаточно солидном возрасте всё ещё оставался крепким физически, а главное – духом, мужчиной. После медовухи и горькой наливки – куда от них денешься в гостях – всегда выглядел как огурчик. Откровенно говоря, завидовал ему. Столько сил, сколько энергии он отдавал спорту и физкультуре. Но, предчувствуя праздничные столы, даже мне, рядовому жителю областного центра, Светлана Павловна в 2010 году говорила, что её главная забота – охрана здоровья супруга.

– Стабильно долготелеее доброе отношение друг к другу характеризует чету Леоновых, и эти качества актуальны в наши дни, когда устои российской семьи со своими традициями и своей историей различные силы пытаются подорвать с разных сторон, – продолжает рассказ Анатолий Павлович Иленко. – Но, между прочим, в первый приезд и именно за столом Алексей Архипович довольно подробно рассказал о полёте в космос с Павлом Ивановичем Беляевым.

По памяти привожу его слова: «Провожая нас в космос, Сергей Павлович Королёв говорил: «Алексей, твоя задача единственная, и больше ничего

150

Листвянка. Родительский дом. 2006 год

Алексей Архипович Леонов с супругой. 2010 год

не требуется: выйди из корабля и снова зайдя в него. На этом твоя миссия будет выполнена». Недавно по телевидению показали, как астронавт из дружественной страны показался по плечи в открытом космосе и тем самым выполнил намеченную программу. А тогда, в 1965 году, перед Леоновым стояла сложнейшая цель, на пути достижения которой люди много чего не знали, а тем более не умели. Даже науке не было известно о поведении скафандра космического воздухоплавателя за бортом корабля. Тогда ещё не знали, как космический корабль поведёт себя, если астронавт приотронется к нему. Не произойдёт ли припайка скафандра к корпусу летательного аппарата? Алексей Архипович вышел в космическое пространство. По его словам, чиркнул рукавичкой о борт, она не прилипла. Он стал смелее браться за корабль. Потом отошёл в сторону. Но неожиданно начал кувыряться. «Тут подошло время причаливания. Нужно было побыть 12 минут, а я – чуть больше. Нужно было помаленьку тянуть фал, а я применил силу. И корабль пошёл на меня, – рассказывал он нам. – Я оттолкнулся от корабля ногами и к шлюзу причалил. Пытаюсь войти в люк. Скафандр был ещё не совершенный. Его раздуло. Что делать? Тут пережил один из самых жутких моментов полёта и жизни. Ну не войди, не влезь – и сам погибнешь, и корабль может погибнуть. Был внутри скафандра краник для стравливания скопившегося воздуха. Учёные предупреждали об осторожности, а я от волнения и решительности характера смело приоткрыл кран. Была опасность вскипания кислорода в крови – это мгновенная смерть. По инструкции надо было ногами входить в шлюз, я головой попытался. Ширина шлюза – 1,2 метра, а я 170 сантиметров. Как в шлюзе развернуться, чтобы ноги пошли вперёд? Всё-таки какую подготовку нужно было иметь, чтобы в отсеке в полной амуниции перевернуться. Перевернулся, зашёл в корабль. Трансляция на Землю включена, да и американские друзья слушают. А у меня нервная разгрузка. Поэтому вырвалось: «Ну, Паша, капец космосу». Наши меня поняли. Но по миру спрашивали часто, что за тираду в ненормативной русскоязычной транскрипции и интерпретации я произнёс. Я переводил своё забойное выражение, как пословицу «Кончил дело, гуляй смело». Где аудитория позволяла, говорил открытым текстом, а где не позволяла, шутками отделялся».

– **С приземлением вроде бы тоже не всё было ладно. Что рассказывал по этому поводу Леонов? – допытываюсь у Анатолия Павловича.**

– А стоит ли рассказывать, как они шлепнулись в тюменской или пермской тайге, а не в карагандинских степях? Что не на автомате они спускались, а на ручном управлении. Павел Иванович Беляев взял управление кораблём на себя. Спускаемый аппарат приземлился там, где его никто не ждал. Везде снег, а парашют завис на ветках сосен и елей. Корабль – рядом, почти весь в снегу и никакой связи. Они в космических спортивных костюмах оказались на 40-градусном морозе. А Леонов-то из открытого космоса входил в корабль весь мокрый. И сапоги, и рукавицы были с водой. Замотались в обрывки парашюта, а в руках – всего нож. Нарубили им веток, сучков, костёр развели. Леонов и Беляев подсчитали, когда их начнут искать, начали стрелять в воздух из ракетниц. Их нашли, дали одежду. До вертолётов дошли самостоятельно. Леонов подытожил, что всего было шесть нештатных ситуаций, но всё завершилось благополучно, а вполне могло закончиться трагически.

Время в палаточном городке на берегу Берчикуля двигалось к полудню. Надо было собираться в Тисульский аэропорт, вручать приготовленные подарки. Директор госпромхоза Валентин Романович Антипченко от коллектива своего предприятия решил вручить Алексею Архиповичу чучело глухаря с богатейшим красным гребнем. А к нему в придачу – рога марала. Геологи нашли для космонавта минералы со вкраплениями золота и серебра. Белогорцы оформили нефелины, бесценный материал для производства алюминия, идущего на изготовление летательных аппаратов. Тут прослеживается прямая связь между родиной Леонова и космосом. Забегая вперёд, скажу, что потом она укрепилась и через тисульскую колбу, по-научному – черемшу. Книги о районе, фотоальбомы – всё вошло в общую копилку подарков для гостей.

А со шкурой медведя произошла вот такая история. Перед приездом Леонова я озабочился: не удастся ли нам найти ему в районе шкуру медведя – своеобразного символа Сибири. Мне подсказали, в Полуторнике, в леспромхозе, может быть, эта диковинная вещь найдётся. Но до населённого пункта 60 километров по бездорожью. Связь только по радиации и лишь два раза в сутки. Звоню туда Михаилу Петровичу Оглову, заядлому охотнику и рыболову. На его счету больше 40 совершенно легальных медведей и больше сотни лосей. Говорю: «Ты – патриот района?» Отвечает: «А как же, здесь рос и вырос». Прошу его раздобыть готовую шкуру медведя для космонавта. Уговариваю: «Если раздобудешь, немедленно привози в

райцентр». И он на следующий день привёз необычный сувенир. Развернули шкуру в моём кабинете. Она громадная, чёрная, с коричневыми подпалинами у ног.

Мне бы помолчать о таком неожиданном подарке. Но по неопытности и доверчивости сообщил о свершившемся факте Белоусу. А на проводы Леонова уже прилетел Филипп Васильевич Попов, второй секретарь обкома партии. Отзываю его в сторону, делюсь секретом фирмы. Филипп Васильевич обрадовался. От восторга слова не может сказать, однако принимает решение: «Медвежью шкуру подарим Алексею Архиповичу Леонову от области, потому что председатель облисполкома Парфентий Васильевич Гузенко не сумел решить эту проблему».

Как потом рассказывал сам Алексей Архипович, шкуру медведя он вывесил на балконе своей квартиры. И весь Звёздный городок восхищался ею. А нам до сих пор приходится сокрушаться. Самолёт взлетел. Алексей Архипович Леонов с семьёй отбыл в Кемерово, для того чтобы ещё не раз вернуться в родную Листвянку.

– Хорошо, высокий гость улетел в Кемерово, а потом – в Москву, а Листвянка с её жителями осталась на прежнем месте. Марафет, который был наведён, теперь можно было не поддерживать до следующего приезда космонавта. Так видит развитие событий замшелый обыватель. А что происходило в дальнейшем в селе на родине космонавта на самом деле? – спрашиваю Анатолия Павловича.

– После того как проводили самолёт с земляком – космонавтом Леоновым и его семьёй, меня всё чаще стала одолевать мысль о том, что будет совсем неудобно перед всемирно известным человеком ничего доброго не делать в Листвянке – по тому времени заштатном, не особо ухоженном селе, – продолжил Анатолий Павлович свой занимательный и познавательный рассказ. – И это всем нам, тогдашним управленцам территорией, не в обиду будет сказано. Надо было просто видеть эту деревню, без наружного освещения, с разбитыми гусеничными тракторами улицами. По полгода на них могла держаться грязь из-за дождей, ненастной погоды, весенней и осенней слякоти.

Тем временем советская центральная пресса много внимания уделяла космонавтам и космонавтике, отслеживала чуть ли не каждый шаг покорителей небесных высот. Из газет мы узнали о поездке Алексея Архиповича Леонова в Соединённые Штаты Америки, о его посещении мест, где живут заокеанские астронавты. А тут ещё промелькнуло,

что Леонов не остался в долгу и пригласил их посетить Советский Союз. Подумали, приедут зарубежные гости в нашу страну, и вдруг командиру американского экипажа Томасу Страффорду и пилоту Дональду Слейтону захочется увидеть леоновскую Листвянку. Сразу же и возник вопрос, при таком вот раскладе какой она может быть? Не будешь же встречать приглашённых Леоновым американских коллег на пустынных берегах реки Усть-Серты или озера Берчикуль.

Решил поделиться своими соображениями с первым секретарём Кемеровского обкома партии Леонидом Александровичем Горшковым. Он назначил день и время разговора без промедлений. Я рассказал ему, что есть определённое видение перемен в Листвянке, но районными силами осуществить их не удастся. Леонид Александрович, что называется, вцепился в идею. Будет принято совместное постановление бюро обкома партии и облисполкома о благоустройстве села, все объекты будут включены в областные программы, но их перечень должен быть составлен с учётом пожеланий жителей Листвянки, подсказал Горшков. Помозгуйте, мол, над тем, что нужно сделать на родине космонавта.

ЛЕОНОВСКАЯ ДАЧА

Обозначить судьбу Листвянки – половина дела. А где размещать людей на Берчикуле? Гостям нужна крыша над головой. Не построить ли там домик в сибирских традициях деревянного зодчества, чтобы всё было прилично и не броско? Благословенное решение было принято на месте, и мы начали строить дом, который потом с лёгкой руки тисульчан стали называть Леоновской дачей, где по большому счёту ему так и не удалось ни разу пожить и просто хорошо отдохнуть, отвлечься от дел и забот.

Было выбрано одно из красивейших мест на берегу Берчикуля. Туда подвели электричество. Проложили хорошую, просто замечательную по нашим возможностям асфальтированную дорогу. Возвели двухэтажный вместительный дом. Пробурили скважины. Подходы к домику вымостили железобетонными плитами и обозначили асфальтированными дорожками. Скромно, но со вкусом отделали дом снаружи и изнутри деревом лиственных пород. Все, кто в нём жил, включая областное руководство, говорили, что лучшей атмосферы, чем здесь, в Кузбассе нельзя было найти в то время.

Конечно, о стройке публично не заявляли, не рассказывали о ней и в районной газете. Кому положено, знали, что домик строился для встречи

здесь Леонова и американских астронавтов. А людям хотелось знать больше. И самые любознательные настроили на меня шесть жалоб в разные инстанции. Призывали остановить Иленко, который на заповедном берегу Берчикуля будто бы за счёт государства возводит собственную дачу. Все жалобы признавали необоснованными. Потом нашлись люди, которые дошли до маразма, заявив в уважаемой областной газете «Кузбасс», что избышка необходима для организации попок нашего прославленного земляка и его компании.

Сам Алексей Архипович говорил мне по телефону, разве можно доходить до пошлости? Что руководило этими злопыхателями? Как-то звоню Леонову, чтобы поздравить его с днём рождения или Днём космонавтики. А он плачет в трубку. «Разве можно, Анатолий, так охаивать жизнь советскую. Ну построили вы домик на Берчикуле. А мы с тобой там хоть один раз что-нибудь праздновали? Нет. И что, теперь нужно молчать об этом», – недоумевал этот легко ранимый человек-глыбище мирового масштаба. Скандальное эхо ещё долго продолжалось.

– **О, ужас! Что, ещё есть примеры? – спросил я.**

– Конечно, – ответил Анатолий Павлович. – Лет семь назад нашёл меня корреспондент, как он представился, «Российской газеты» – самого главного государственного органа. А скорее всего, соврал о своей принадлежности к этому изданию. Но я поверил тогда ему. Часа два я ему рассказывал про земляка-космонавта, он делал записи в блокноте. Потом осмелился, начал выведывать какие-то негативные случаи, которых не было у глубоко порядочного Алексея Архиповича Леонова. В ответ на моё молчание журналист посмотрел на меня косо и сожалеючи. И с тех пор пропал навсегда. И тут ничего не поделаешь, люди с определёнными диагнозами были, есть и остаются. Я подумал о том молодом парне: «Ну и барбос же ты, настоящий барбос».

Полёты Алексея Архиповича Леонова реально помогали благоустраивать и развивать Тисульский район. А тисульчане старались не ударить в грязь лицом. В Кузбасс Леонов приезжал регулярно. На областных партийных конференциях его включали в состав делегации коммунистов Кемеровской области для участия в партийных съездах в Москве. Леонов – честь, слава и гордость региона. И это – чистая правда. Перед одной из декабрьских партконференций говорю Валентину Романовичу Антипченко: «Как смотришь, не пригласить ли нам в район Алексея Архиповича на охоту?». Тот ответил: «Надо подумать». В госпромхозе он собрал штатных охот-

ников. Потом сообщил, что в Макараке есть замечательный человек. Зовут его Владислав Пономарёв. Он и охотник, и рыбак, и большой охранитель местных таёжных богатств и реки Кии. Он засёк, где медведь залёг на зимовку. Берлога есть. Приглашайте, мол, гостя поохотиться. Во время партийной конференции встретился с Леоновым, он подробно расспрашивал о районных делах, а я спросил его об участии в охоте на таёжного зверя. Алексей Архипович заинтересовался предложением. Но переадресовал меня к Филиппу Васильевичу Попову. Ведь только он мог помочь организовать быстрый выезд в Листвянку после конференции, а то и заказать вертолёт. По-другому и быть не могло. С Поповым Леонов дружил. Думаю, Филипп Васильевич был для него одним из самых близких в Кузбассе, кому он доверял, с кем делился сокровенным. Характерами они были схожи. И, как мне кажется, оба имели ранимые детские души.

Подхожу к Попову. Так и так, есть возможность Леонову поохотиться. На территории района мы всё берём на себя. Филипп Васильевич задумался и почесал затылок: «Посоветуйся-ка ты лучше с Леонидом Александровичем Горшковым». Я метнулся к первому секретарю обкома партии. Тот сначала загорелся идеей, но потом остыл, ибо здравый смысл подсказывал ему примерно такое: а как развернутся события, если охота пойдёт не по плану и разбуженный медведь разбуйнится, кто спасёт от него горе-охотников? От проведения показательной охоты Горшков не отказался, но предложил отложить её. Эта задумка при жизни Леонова так и не осуществилась. Значит, так тому и быть. Но он показал, что ничто человеческое ему не чуждо. Сам Алексей Архипович рассказывал мне о показательной охоте на антилопу в США вместе с американскими астронавтами. Там один раз в жизни предоставляется такая возможность и даётся один патрон. Леонов не промахнулся.

АСФАЛТ, КОНТОРА И СОЦКУЛЬТБЫТ

– **Всё-таки, Анатолий Павлович, признайся, добрались американцы до Листвянки или же их планы сорвались окончательно и бесповоротно?**

– По каким причинам зарубежные астронавты не долетели до Кузбасса и не доехали до Тисульского района, мне неизвестно. Но Алексей Архипович Леонов не забывал и район, и своё село. Наступил 1983 год, – продолжил рассказчик. – То есть прошло почти семь лет после первого приезда Алексея Архиповича в Листвянку. Опять в кабинете раздался телефонный звонок из обкома партии. Леонид

Александрович Горшков проинформировал: «Анатолий, прилетел Алексей Архипович. Теперь ты в курсе всех событий, знаешь побольше, людей знаешь, тебе проще будет организовать достойно встречу нашего уважаемого и любимого земляка. Мы будем у вас через несколько дней». Следовательно, первый секретарь обкома партии лично прибудет с Алексеем Архиповичем Леоновым. Это накладывало дополнительную ответственность.

Прошло дня четыре или пять. Опять телефонный звонок и сообщение, что руководитель области и наш дорогой гость вылетели из Кемерова в Тисуль. Весть разнеслась молниеносно. Пока я доехал на машине до местного аэропорта, народ уже прибежал туда. На этот раз прибыл вертолёт. Алексей Архипович был без семьи, но вместе с ним прилетели ответственный работник федерации космонавтики СССР, а также Горшков, председатель Кемеровского облисполкома Владимир Никитич Полецков, секретарь обкома партии Пётр Михайлович Дорофеев, писавший, кстати, добротные стихи.

Из аэропорта приехали в Тисуль. Опять на районной площади яблоку негде упасть. Мы к тому времени неподалёку от райкома партии и райисполкома установили мемориал в честь тисульчан, погибших во время Великой Отечественной войны, высекли на стелах более двухсот фамилий, зажгли Вечный огонь. Мемориал получился как бы приподнятым над землёй. Поэтому трибуна не потребовалась. Расстелили дорожку, установили микрофон. Митинг продолжался, наверное, час. После его окончания на автомобилях поехали в Листвянку.

Обошли деревню пешком. Посмотрели готовые объекты и те, которые ещё были в стадии строительства. Но хорошие перемены уже были видны невооружённым взглядом. Листвянку с Тисулём связала асфальтированная дорога. Появился асфальт и на двух сельских улицах. А в дома листвянцев пришёл водопровод. Смонтировали уличное освещение. Сдали в эксплуатацию замечательную кирпичную двухэтажную школу. Построили детский сад. Листвянка обзавелась собственным Домом быта и гостиницей для будущих гостей и туристов, которые пожелают посетить родину первопроходца открытого космоса. Разместили в новых зданиях сельсовет, почту и контору колхоза.

Вокруг Листвянки по предложению известного кузбасского лесовода Алексея Максимовича Калинина заложили лесопарк площадью 96 гектаров. Эта цифра была определена не случайно, а по количеству леоновских витков на космических кораблях «Союз» и «Аполлон». На ручейке, впадавшем в Усть-

Серту, соорудили надёжную плотину. И образовался прекрасный пруд, куда запустили рыбу. Обновление родного села пришлось по душе Алексею Архиповичу. Добрые перемены порадовали его. Это чувствовалось. В деревне он с каждым здоровался за руку. А люди всё подходили и подходили к импровизированной трибуне.

Митинг не заставил себя ждать. Он продолжался часа два. Многим хотелось высказаться с общественной трибуны. После этого гостю не мешало бы и отдохнуть. Мы придумали нечто авантюрное, но вовсе не для космонавта. Он-то в каких только переделках не бывал.

ИМЕННАЯ СИБИРСКАЯ ПРОВИЗИЯ

Из Листвянки на короткое время заехали на озеро Берчикуль, чтобы перекусить на скорую руку. А фирменные угощения предназначались для окончания поездки. Поэтому солёная и вяленая пелядь, медвежatina варёная и копчёная, мясо маралов, рябчики отварные, таймени, хариусы солёные и копчёные после обычного перекуса поехали с нами багажом. А на так называемой Леоновской даче можно было отведать колбы и сибирских пельменей.

– Позже некоторые разновидности пельменей в Звёздном городке стали называть Леоновскими, – перебил я собеседника. – Сибирские пельмени и колба, на мой взгляд, как бы стали фирменными знаками нашего земляка-космонавта.

Лично ко мне первый пельменный леоновский рецепт пришёл как бы из рук сестры космонавта Раисы Архиповны. По крайней мере, так мне его представляли. Вот из чего состоит всем знакомое блюдо, но в леоновской «транскрипции». В нём обязательно присутствие трёх видов мяса. В фарш, кроме перца и соли, входят говядина, свинина и баранина. А добавкой служит крепкая и густая чайная заварка. Якобы именно такие пельмени Раиса Архиповна стряпала в Звёздном городке для космонавтов. Сам же Алексей Архипович Леонов в августе 2006 года в родительском доме в Листвянке говорил мне ещё вот о чём. Оказывается, в фарш Леоновских пельменей обязательно добавляют чуток квашеной капусты. И от этого они становятся настоящим лакомством. Космонавты, любившие собираться у него в доме, от них были без ума, уверял Алексей Архипович. С его подачи сами пробовали делать такие. Поэтому на полном основании подтверждаю, что пель-

мени по леоновскому рецепту – настоящая вкуснятина, которая особенно уместна к праздничному столу.

Об этих кулинарных изысках были сложены отдельные легенды. И больше всего их, конечно, знал Юрий Степанович Котляров, тогдашний собственный корреспондент газеты «Труд» по Кемеровской области. Он был знаком со многими космонавтами, потому что встречал их после полётов в казахстанских степях и записывал их голоса на крайне дефицитный в те времена плёночный магнитофон под названием «Легенда». А ещё бывало, что он самолично возил в Москву популярный гостинец – колбу из Кузбасса для передачи покорителям звёздных просторов.

– Хорошо помню одну из просьб, поступившую из центра: «Анатолий Павлович, срочно требуется колба. Алексей Архипович Леонов отправляет грузовик на международную космическую станцию. Он хочет послать ребятам сибирский деликатес». У нас в районе есть гора Богатырь, а там – сочнойшая колба. Нарвали её мешок. Самолётом Ан-2 переправили в Кемерово, оттуда – в Москву. Груз наш успел попасть на орбиту Земли.

Так тисульский дикорос участвовал в развитии отечественной и мировой космонавтики. В этом процессе много кому нашлось место.

А нам пора вернуться к авантюрному плану тисульчан, придуманному ко второму приезду Леонова.

– Для реализации своей задумки отправились в Макарак на берег реки Кии, – продолжил повествование Анатолий Павлович Иленко. – Там переоделись в геологические костюмы. В красивейшем месте области нас ждал уже упоминавшийся Владислав Пономарёв – реликтовый человек, радетель природы. И ждала большая моторная лодка, на которой мы должны были доплыть до Чебулинского района и попасть примерно в район Чумая.

Перед сплавом Владислав в знакомых ему омутах Кии поставил сетёшки и мордушки. В лодку сели космонавт с товарищем из федерации космонавтики, Горшков, Дорофеев, я, Михаил Аркадьевич Фёдоров, председатель районного комитета народного контроля. Котелок для ухи и все приправы – при нас. Тронулись. Кто не видел тех мест, от Полуторника до Московки, тот многое потерял. Проплыли мимо водопада с кристально чистой водой. Если в пути остановиться, легко наткнуться на следы хозяина тайги – марала. Без проблем можно любоваться барсуками. На первой остановке вытащили из снастей парочку хороших тайменей.

Доплыли до песчаного острова, покрытого тальником. Природа для гостей была не в новинку. Разбили лагерь, собрали валежник, Фёдоров с одной спички разжёг костёр. Приступили к приготовлению ухи. Поставили треногу. Подвесили котелок с чистой кийской водой. Вкус ухи из тайменей, конечно, не передашь. А изумительный вкус тайменей печени остаётся в памяти на всю жизнь. Под тосты и такую закуску на первозданной природе рюмки опустошались побыстрее, чем в банкетных залах. Мы приготовили традиционный напиток – отменную мариинскую пшеничную водку. Натуральный продукт.

Жара и солнцепёк. Отказываться от импровизированного застолья неприлично. Все гости легко выдержали испытание. Но и я не подкачал. Удержался на плаву благодаря тому, что в перерывах между тостами собравшиеся начали соревноваться в исполнении частушек без аккомпанемента. И тут произошло новое открытие Алексея Архиповича Леонова. В этом певческом жанре он всех переплюнул. Даже самого Петра Михайловича Дорофеева, который в наших кругах считался докой. Леонов дольше всех продержался на сцене из здорового пня, сойдя оттуда под бурные аплодисменты многочисленных, но голосистых зрителей. Дорофеев поднял руки, показав тем самым, что сдался.

СУЩАЯ ПРАВДА

– А до плясок дело не дошло?

– Что ты. Частушечный конкурс был просто отдушиной напряжённого дня. Где бы, если не сплав по Кии и бивак на острове, я узнал подробности о жизни и гибели первого космонавта нашей планеты Юрия Алексеевича Гагарина? – остудил мой пыл Анатолий Павлович Иленко. – О смерти Гагарина ходило много разных домыслов, вплоть до того, что он и Серёгин были нетрезвыми.

А Леонов являлся членом правительственной комиссии. И в узком кругу он рассказал истинную причину катастрофы. Тот полёт был нужен Юрию Алексеевичу для того, чтобы получить допуск к управлению воздушными судами в любых погодных условиях. Он военный лётчик и не отказывался от новых полётов в космос. В полёте на самолёте Гагарин и Серёгин выполнили всю намеченную программу. Они уже возвращались к месту посадки. Поверили синоптикам о высоте облачности. Их прогноз говорил, что сильная облачность распространяется на высоте 800 метров, а на самом деле она была в 400 метрах от земли. На малой высоте бывалые лётчики не сумели скорректировать по-

лёт. И врезались в землю. Гагарина буквально размолото, говорил Леонов. От его тела мало что осталось. Исследователи по его мышцам определили, что до последней секунды они были напряжены. То есть Гагарин до последнего мига пытался справиться с трагической ситуацией, возникшей на пикирующем самолёте.

Да, народу нужно было объяснять, что к чему. И он нам рассказал всю правду. Тут, на острове, Алексей Архипович снова обмолвился о шести нештатных ситуациях, приключившихся в его первом космическом полёте. Тогда после приземления он сказал себе: «Лёша, ты больше в космос не ходок». Но началась подготовка к совместному советско-американскому полёту, и все сомнения были отброшены. «Надо, Лёша, надо», – подумал он. И как человек военный взял под козырёк. Второй полёт прошёл уже без экстремальных случаев.

Повествование дорогого гостя прервалось необходимостью заканчивать пикник. На правом берегу Кии гостей и нас ждали машины, а неподалёку – вертолёт. Гости улетели. А я и Фёдоров поехали в свой район, где на родине Алексея Архиповича Леонова, в Листвянке и Тисуле, растут кедры, посаженные им, женой Светланой Павловной, дочерьми Викой и Оксаной. Связь с Алексеем Архипович я поддерживал почти что до последних его дней.

Мне кажется уместным в нашей жизни и это незатейливое повествование без домислов. Познакомившись с ним, люди освободятся от бродящих в их умах мифов о нашем прославленном земляке Алексее Архиповиче Леонове, которого всегда высоко ценили в Листвянке, во всём Тисульском районе и продолжают ценить.

– Позже ты уехал из Тисульского района в Кемерово, где работал в областном агропроме, компании «Кузбассразрезуголь», которая в своё время имела огромное сельское подсобное хозяйство в разных уголках нашей области. Но, как понимаю, леоновская тема не ушла из твоей жизни.

– Конечно, она не заглохла. Я следил за всеми событиями, связанными с пребыванием Алексея Архиповича Леонова в наших краях, регулярно с ним созванивался.

УВЕКОВЕЧИЛИ ИМЯ

– Добавлю и от себя, – сказал я. – У Алексея Архиповича вошло в практику бывать в Кемеровской области в январе, на день её рождения, и в августе, когда в разных угольных городах празднуют День шахтёра. Горняцкий труд

он ценил безмерно и сравнивал его с работой в космосе. Одни покоряют, по его мнению, порой непредсказуемые земные глубины, другие – опасные космические высоты.

Космонавт ещё не единожды приезжал в Листвянку. Он шефствовал над районной детской художественной школой № 14 в Тисуле, которой присвоено его имя. В школе стараниями Раисы Иосифовны Мальцевой и её коллектива собрана экспозиция о знаменитом земляке. Дети и педагоги посещали Звёздный городок, бывали в художественной мастерской Алексея Архиповича. Привезённые экспонаты уже составляют в школе небольшой музей.

С 2013 года имя Алексея Леонова носит Кемеровский аэропорт, ставший своеобразным музеем космонавтики. Это, на мой взгляд, первое зрелищное заведение подобного типа в сибирском регионе. Эксперты полагают, что его посещаемость может достигать 400 тысяч человек в год. Перед зданием аэровокзала на специальном постаменте установлен устремляющийся ввысь самолёт Як-52. На таком

Алексей Архипович Леонов
в художественной школе. 2010 год

Алексей Леонов постигал первые высоты в своей жизни.

Стал доступным для всеобщего обозрения спускаемый космический аппарат, который в своё время отстыковался от международной космической станции, доставив на Землю двух российских космонавтов и одного американского астронавта. Как заметил на торжественной церемонии в аэропорту сам Алексей Архипович, эта капсула – настоящая легенда космоса. Ему понравился и макет парящего в невесомости космонавта, облачённого в настоящий скафандр. Эта композиция предвещает сам музей, разместившийся на двух этажах аэровокзала, показывающий прожитое, пережитое и увиденное во Вселенной самим космонавтом.

Уникальные фотографии, художественные полотна Алексея Архиповича, который в юности чуть было не пошёл по стезе профессионального художника, таят в себе столько интересного,

что здесь в пору организовывать специальные экскурсии для молодёжи, что уже и делается.

На мероприятии по случаю присвоения имени Алексея Леонова кемеровскому аэропорту (решение было принято на коллегии администрации области и поддержано депутатами областного совета) мы вдруг неожиданно для себя узнали, что Алексей Архипович пять лет готовился к высадке на Луну. Тогда он подарил родному Кузбассу свою новую картину «Охота с Юрием Гагариным».

Как жил, так и будет жить среди нас и в нашей памяти советский космонавт № 11, первый человек, вышедший в открытый космос, дважды Герой Советского Союза, Герой Кузбасса, почётный гражданин Кемеровской области и Тисульского района, лауреат Государственной премии СССР Алексей Архипович Леонов.

*Тисульский район – Кемерово,
14 ноября 2019 года*

Фото из архива Анатолия ИЛЕНКО
и Григория ШАЛАКИНА

Присвоение аэропорту имени Алексея Леонова. 2013 год

Татьяна БОЛОТОВА

ЖИВАЯ ВОДА ПАРКА АНГЕЛОВ

Хмурое осеннее на редкость тёплое утро. Лёгкие прозрачные капельки не то слёз, не то дождя, не то фонтанных брызг оседают на лица собравшихся журналистов. Воскресный город спит. Редкие прохожие робко ступают на пешеходную тропу вдоль проспекта Ленина, являющуюся частью парка, мимо памятного камня с цветами и детскими игрушками. Невдалеке приветливо подмигивает светофор пешеходного перехода, именуемого отныне Студенческой тропой, ведущей к Кузбасскому государственному техническому университету. Вокруг царят почтительная тишина и умиротворение. Да, именно умиротворение. Исчезла неподъёмная, страшная, придавливающая к земле, вызывающая оцепенение глыба людского горя, рухнувшая на кемеровчан 25 марта 2018 года. Именно тогда наша жизнь оглушительно разделилась на до и после пожара в четырёхэтажном торговом развлекательном центре «Зимняя вишня», унесшего жизни шестидесяти человек, в том числе тридцати семи детей. Ещё семьдесят девять человек пострадали.

Честно говоря, страшно было идти на пресс-конференцию, проводимую С. Е. Цивилёвым в честь открытия на месте сгоревшего торгового центра Парка Ангелов. Такое название было выбрано по итогам онлайн-голосования, проведённого летом администрацией г. Кемерово.

Парк Ангелов, расположившийся на площади 1,8 гектара – это выбранный на конкурсной основе масштабный проект известного американского ландшафтного дизайнера Джона Калвина Вайдмана. Джон встречался с родственниками погибших, со строителями, с властями города. «Этот проект – результат совместного творчества. Здесь, в Кузбассе, потрясающе много талантливых людей! У вас огромное количество красивых парков, музеев, скульптурных композиций. Чувствуется, что вы любите свой край и его историю», – поделился впечатлениями дизайнер. Как сказал Сергей Евгеньевич

Цивилёв: «Мы постарались сделать парк не местом горя и скорби, а местом светлой памяти и силы». Главным символом стали два маленьких ангела, взмывающих вверх и держащих в руках сердце.

Несмотря на компактность, масштабы парка потрясают. «Когда В. В. Путин прилетел в Кемерово и посетил стихийный мемориал памяти рядом с «Зимней вишней», он сказал, что на месте трагедии должен быть построен самый лучший в Кузбассе парк. Именно поэтому здесь на небольшом пятачке были реализованы все наши задумки: созданы и кузбасские горы, и холмы, и равнины, высажены образцы абсолютно всей растительности, которая только существует у нас в Кузбассе. Мы завезли сюда семь тысяч тонн природного камня, самый большой из которых, установленный на окраине парка, весит пятнадцать тонн. Все материалы экологически чистые, природные», – сказал С. Е. Цивилёв.

По замыслу архитекторов и урбанистов, принимавших участие в работе, парк разделён на две зоны высокой каменной стеной с падающим сверху потоком воды – для тихого и активного отдыха. Стена напоминает ступенчатые скалы Кузбасса. Сергей Цивилёв заметил, что этому фонтану нет аналогов в мире по степени сложности, автоматизации и размерам. В зоне активного отдыха детей разместилась детская площадка, амфитеатр с большими металлическими ступенями-скамейками и фонтан-шутиха для малышей. Струи воды, подсвеченные разноцветными фонарями, настроены так, чтобы одна из них попадала в большое цилиндрическое отверстие огромного камня, возлежащего в центре фонтана. Это отверстие, по всей видимости, когда-то было просверлено в скале для каких-то производственных целей. Кстати, именно этот фонтан собрал больше всего посетителей, не только малышей, но и взрослых. Школьники веселились от души, бегая наперегонки с водяными струями. На камнях стояли мягкие игрушки, подаренные ангелам маленькими посетителями парка, прогуливающимися по уютным дорожкам и резвящимися на ослепительно зелёных газонах. Здесь же расположены небольшие детские горки, у подножия которых мягкий песочно-галечный настил.

Центральной фигурой второй части парка, равнинной, с зелёными холмами по периметру, является большая башня-фонтан, напоминающая старинную Кузнецкую крепость, с которой начинался Кузбасс. Наверху этой башни, обрамлённой переливающимися разноцветными водяными струями, находится смотровая площадка, с которой открывается потрясающий вид на парк.

Ещё один уникальный элемент парка – музыкальная ротонда. На купольной фреске изображены ослепительно голубое небо и яркое солнце, в центре ротонды установлен тональный лепестковый барабан, на который нанесены имена всех погибших в «Зимней вишне». От лёгкого касания пальцев это маленькое подобие Земли начинает издавать мелодию. Именно так задумал главный архитектор Джон Вайдман. Ротонда особо заинтересовала малышей, которые с помощью мягких молоточков создавали неповторимую мелодию жизни.

Рядом с ротондой находится православная часовня, на стенах которой также расположены списки всех погибших. Часовня построена по проекту и на деньги спонсоров. Кемеровчане уже к вечеру разобрали все свечи. За часовней разместился фруктовый сад из плодово-ягодных деревьев, ведущий к средней общеобразовательной школе № 7.

В парке высажено 60 сосен (по количеству погибших при пожаре), которые, по слухам, привезены из питомника Германии. История высадки этих сосен тоже уникальна. Деревья высокие, зрелые, поэтому для того, чтобы они прижились и развили корневую систему, достаточную для удержания их в почве, необходимо было установить канатные растяжки. Но парк детский, и детей невозможно удерживать на месте. Бегаая, они могут спотыкаться, что, конечно же, недопустимо. Поэтому принято решение – огородить каждое дерево и закрепить растяжки в верхней части ограды, недоступной для посетителей. А чтобы исключить травмы, всё же ограда хоть и заметная, но металлическая, решили обвить каждый столб канатом. Его общая протяжённость – 22 км, из каната по истечении двух лет изготовят самый большой в мире гамак. Вся почва, не занятая газонами, усыпана корой, которая издаёт неповторимый аромат.

Здесь же расположена игровая зона с канатными качелями, пользующимися спросом не только у детей, но и у взрослых.

На территории всего парка стоят серые металлические столбы, искусно декорированные кленовыми веточками с листиками (вот до такой мелочи был продуман проект). Оказывается, это часть интегрированного комплекса с самым современным световым и звуковым оборудованием. Здесь предусмотрена даже подача воды, пара и ароматов (хвойного леса, грозы, цветочного и пр.).

Парк многоуровневый, каждый его элемент как бы изолирован, благодаря тропинкам и небольшим холмам. Создатели предусмотрели и необходимость переодевания детей и их обогрева (на случай непо-

годы). Небольшое помещение с ярко декорированной центральной стеной (цветы посажены прямо в нишах стены) снабжено мягкой мебелью и туалетами. Здесь же расположен центральный пункт охраны с современным оборудованием слежения. Яркие урны тоже декорированы металлической вязью из кленовых листочков. «Мы позаботились даже о курильщиках. Уж если они курят, так пусть делают это в специально отведённых местах», – с виноватой улыбкой заметил Сергей Цивилёв.

Жители района просили не оставлять их без магазинов, поэтому рядом с парком был возведён торговый центр в полном соответствии с современными нормами пожарной безопасности.

К слову сказать, мы были допущены и в святая святых – подземное царство, из которого ведётся управление всеми наземными объектами – фонтанами, световым и звуковым оснащением.

Хочется немного остановиться на технических подробностях. Подземные помещения низковаты, высокий человек вынужден пригибаться. Но следует учесть, что объект, на создание которого, по мнению Д. Вайдмана, требовалось два-три года, был построен за восемь месяцев, включая суровую сибирскую зиму. Строительство началось только после того, как было снесено сгоревшее здание и вывезен весь строительный мусор. К тому же многие владельцы пострадавших фирм всячески задерживали снос, ведя судебные тяжбы, пытаясь получить денежную компенсацию.

Сбербанк, у которого в этом здании располагался большой филиал, не только отказался от компенсации, но и выступил главным спонсором изготовления проектной документации и создания данного объекта.

В Парк Ангелов не вложено, по словам губернатора С. Е. Цивилёва, ни одной бюджетной копейки. «Всё строительство велось за счёт спонсорских средств. Строители не получали из бюджета зарплаты, а работали круглосуточно. За время создания парка изменились и люди, стали по-другому смотреть на жизнь, сплотились. Добавлю, что мы не мыслили создание Парка Ангелов без ремонта близлежащих территорий: жилых домов, школы, детского сада, детских площадок», – заметил Сергей Евгеньевич. И действительно, вся территория вокруг парка: дома, дворы, детские площадки, вплоть до проезжей части проспекта Ленина, изменилась до неузнаваемости. В первую очередь было решено отремонтировать МБОУ «СОШ № 7» (директор А. В. Лямина). Именно она приютила первых пострадавших. Именно там разместился оператив-

ный штаб, разыскивающий родственников погибших и потерявшихся во время пожара. Именно там работали медики, психологи и священники.

Как сообщала администрация Кемеровской области, вопрос о необходимости масштабной реконструкции школы С. Е. Цивилёв поднял на встрече с В. В. Путиным вскоре после трагических событий 25 марта 2018 года. На реконструкцию школы направили более 300 миллионов рублей, в том числе треть из них – на новое оборудование. В школе заменили кровлю, инженерные коммуникации, установили новейшую пожарную сигнализацию и систему видеонаблюдения, полностью переоснастили учебные классы, спортивный и актовый залы, помещения для внеурочной деятельности, благоустроили территорию, построили новое футбольное поле и спортивные площадки.

За сухими строчками пресс-релиза трудно рассмотреть, насколько реально изменился облик пятидесятилетнего строения. Старое стандартное здание небольшой школы преобразилось до неузнаваемости. «Пользуясь реконструкцией, мы перенесли всю начальную школу на первый этаж», – поделилась радостью директор Анна Владимировна. Все классы оснащены интерактивной компьютерной доской, всем необходимым оборудованием, вплоть до копировальной техники и розеток для зарядки телефонов. В каждом кабинете есть индивидуаль-
160
ные шкафчики для личных вещей школьников. Каждый класс имеет свою отдельную раздевалку с ячейками для обуви. В школе имеются и музей, и актовый зал, и читальный зал, снабжённый компьютерами, столами для учёбы и мягкой мебелью для отдыха. На территории начальной школы есть игровые комнаты с мягкими кубиками, костюмами для изучения ПДД, книгами, куклами, настольными развивающими играми и даже светопесочным стендом, на котором юные школьники создают свои первые шедевры. В кабинете химии каждый ученический стол снабжён индивидуальным краном с водой и небольшой раковиной для проведения химических опытов. Кстати, весь педагогический состав школы, как и ученики, имеет единую стильную рабочую форму, что производит благоприятное впечатление.

«Спортивные площадки мы строили с помощью Москвы. Планировали построить сто штук в городе, однако нам удалось сэкономить и построить сто двадцать спортивных площадок, – порадовал

собравшихся С. Е. Цивилёв, но посетовал: – Никто из подрядчиков не хотел браться за ремонт школы, поэтому большое спасибо мэру города И. В. Середюку, его первому заместителю Д. В. Анисимову и директору школы А. В. Ляминой за добросовестный самоотверженный труд. Именно городские власти взялись за ремонт, выступив генеральным подрядчиком. Всего в работах приняло участие шестнадцать подрядчиков».

Вот такой получился праздник со слезами на глазах. Быть может, именно поэтому не было какого-то особо торжественного грандиозного открытия Парка Ангелов. После пресс-конференции парк был открыт для посетителей. Работали все фонтаны, звучала приглушённая ненавязчивая музыка, играл Губернаторский симфонический оркестр, диктор зачитывал высказывания известных писателей и философов, вырезанные на металлической платформе под каждой сосной.

Чтобы не причинять лишней боли семьям погибших, не был представлен широкой публике выпущенный Союзом писателей Кузбасса и ГАУК КО «Кузбасский центр искусств» (директор В. А. Каплун) сборник стихотворений «Кемерово, мы с тобой» (около ста пятидесяти страниц). В него вошли произведения не только кузбасских, но и российских авторов, таким образом выразивших свою боль и соболезнование кемеровчанам, оказавшимся в эпицентре страшного пожара в ТРЦ «Зимняя вишня». Автором проекта выступил председатель правления Кемеровского областного отделения Союза писателей России Б. В. Бурмистров.

И обилие воды в Парке Ангелов неслучайно. Она, как святая вода, обладает очищающими свойствами и всегда будет оседать крохотными капельками на лицах и одежде посетителей. Именно этой «живой» воды так не хватало маленьким ангелам в тот роковой день – 25 марта 2018 года.

Несмотря на искреннюю радость ребятишек, невольно выхватываешь из праздничной публики робкий виноватый взгляд. Все мы помним ту невыносимую боль, которую принёс пожар. И эту боль нельзя забыть и стереть из людской памяти. Постоянно ловишь себя на мысли, что запоздали, и те маленькие ангелы, которые навсегда покинули нас, никогда не побегают по фонтану-шутихе и не прокатятся с горки. И только пение их душ будет вечно звучать в музыкальной ротонде, напоминая всем живущим о ценности жизни здесь и сейчас.

Евгений ЧИРИКОВ

ОН ТЯГОТЕЛ К ФАНТАСТИКЕ, ПРИКЛЮЧЕНИЯМ И ДЕТЕКТИВУ...

В этом году прозаик Сергей Ковякин отметил бы свой 70-летний юбилей.

Родился Сергей Константинович в 1949 году в Кемеровской области, с 1963 года жил в посёлке Спасск Таштагольского района. После окончания Новокузнецкого пединститута был учителем и директором школы в глухом таёжном посёлке, рабочим старательских артелей, десанником-пожарным, докером владивостокского порта, увлекался дельтаплаванием.

По творческому складу он тяготел к фантастике, приключениям и детективу. Его рассказы выходили в газете «Красная Шория», московском литературно-художественном журнале «Сокол», а также «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс» (Кемерово). Первая повесть увидела свет в 1990 году в сборнике Кемеровского издательства «Просто фантастика». Через год вышел отдельной книжкой сборник его повестей «Странные приключения».

В 1992 году был принят в члены Союза писателей России. 26 марта 1996 года в издательстве «Ковчег» подписана в печать вторая его книга «И тогда придут ржавники», а ровно через месяц Сергей трагически погиб.

Главный герой детективной повести «В тихой провинции не стреляют» – офицер-«афганец» Олег Старков разоблачает убийц своего друга. В память о Сергее Ковякине публикуем одну главу из этой повести.

Сергей КОВЯКИН ВЗГЛЯД ПУСТОТЫ

Олег Старков включил свет в домике матери Виктора и обвёл глазами помещение. Вроде ничего и не изменилось в доме, разве что рукопись была сдвинута в сторону и на ней не было лепестков. Олег ещё раз открыл её и ещё раз прочитал название: «Афганские рассказы».

Перелистал страницы – ничего, снова оставил рукопись так, как она лежала раньше. И неожиданно для себя замер.

Тёмное пространство за окном внимательно рассматривало его. Он физически ощущал давящий взгляд и боялся прямо посмотреть в окно. Неторопливо прошёлся по комнате, всё время держа взглядом между собой и окном вазу с цветами на высоком столике, благо это окно всё-таки было небольшим. А очутившись у выключателя, моментально ударил по нему и упал в темноте. В ту же секунду, запоздав, зазвенело стекло, а по стене рядом с выключателем поползла известковая пыль.

161

Олег уже перекатился в угол и там вскочил, готовый броситься в дверь на того, кто зайдёт. Но тень скользнула за окном и стала всматриваться в тёмное помещение, из которого не доносилось ни звука.

Затем тень исчезла от окна, и в этот момент он выскользнул через дверной проём и бесшумно переместился в прихожую.

Совсем рядом послышался гул мотоцикла, и Старков бросился в сад. Но из проулка ударила пыль, железный зверь скрылся, унося стрелявшего...

Старков стоял в саду, прислушиваясь, как лают собаки по окраине, провожая ночного мотоциклиста, несущегося без фар к шоссе.

Провинция сонно ворочалась в своих постелях, её это не касалось. Опять кто-то пальнул в воздух, гоняя от садов шпану, только и делов. А может, даже солью по убегающим, и правильно. Не лазь по садам, не фулюгань.

Вернувшись в дом, он выковырял из известки смятый кусочек свинца, положил его в спичечный коробок.

Взгляд пустоты не подвёл его и здесь, но больше стрелять не будут. Значит, он напал на след, сам ещё не зная того. Кому же он так ме-

шал, что уже пошли на прямое убийство?.. Вернее, на попытку. Он ещё раз развернул листок и ещё раз посмотрел на фамилии, заполнявшие треть листка. Многие кружочки, треугольники и квадраты оставались безымянными.

За одним из них скрывался убийца Виктора, он не мог быть в самом верху списка, поскольку такие никогда сами не пачкают рук, они лишь отдают приказ. Убийца мог быть одним из тех, кто окружал Вячеслава. Но Вячеслав сам об этом пока что и не знал. С ним следовало поговорить, ибо он, сопляк, начал играть в смертоносную игру...

Но за что могли держать его, независимого, обеспеченного? А ведь Вячеслав боялся... Боялся!

Капитан вспомнил о Наташе и горестно задумался: надо было немедленно вывести её из-под удара. Но сегодня она ночует на даче отца. За это многолюдное и вечно празднично-подвыпившее общество Старков почему-то не беспокоился.

Беспокоиться надо было за Вячеслава. Но пока он не знает об истинной смерти Меньшикова, для преступника младший Миргородский не опасен. Опасен именно он, Старков.

Эти размышления всё же позволили Олегу спокойно уснуть прямо в саду, возвращаться в гостиницу ночью было бы безумием.

Ночью в саду изредка падали яблоки. Они глухо ухали в крапиву, ломая её стебли, но Олег Тимофеевич Старков спал беспробудным сном уработавшегося за день человека...

Представление этого номера журнала «Огни Кузбасса»

Юрий Михайлов

Виктор АРНАУТОВ

**ОТ ЛЁГКОЙ ИРОНИИ
ДО ГРОТЕСКА,
ИЛИ ГИПЕРТРОФИРОВАННАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА
БРЮХОВЕЦКОГО**

**(Отклик на книгу А. Брюховецкого
«Запах солнца»)**

В 2019 году вышел в свет сборник рассказов «Запах солнца» члена Союза писателей России, кузбасского автора Александра Брюховецкого, уже пятый. С прозой этого писателя мне довелось встречаться неоднократно, в том числе и в подаренных с автографами сборниках «Летающий мужик», «Камень», «Красиво живём» и «Поехать в небывалое». Некоторые его рассказы читал ещё в рукописях, направляемых в редакцию журнала «Огни Кузбасса», и журнал охотно предоставлял свои страницы его сочинениям. Я не оговорился, ибо именно слово «сочинения» наиболее удачно подходит к каждой его работе. Он не просто копирует, бытописует то, что видит вокруг себя, – он моделирует, конструирует из реально увиденного и существующего нечто новое, иными словами, именно *сочиняет модель типического*.

Уже с самых первых его творений я понял, что имею дело с неординарным современным писателем, но придерживающимся традиций русской классики. И в первую очередь – классиков русской сатиры, в числе коих Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, А. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов. Мало того, А. Брюховецкий, будучи художником по профессиональному образованию, сумел словесно удачно использовать приёмы сатиры таких художников с мировым именем, как Альбрехт Дюрер, Франсиск Гойя, Оноре Домье, Иероним Босх, Сальвадор Дали... И, как мне думается, получилось у него это вполне профессионально и качественно!

В новом сборнике 14 рассказов и... несколько стихотворных сочинений. Остановлюсь лишь на его прозе. О чём она? В широком смысле – о нынешнем мире, о нас с вами, о тех проблемах, которые беспокоят. В его рассказах очень многое узнаётся – и не только через наше окружение, но и через себя лично – ассоциативно-конкретно. Иное дело – под каким «соусом» это подать, с какого ракурса взглянуть, в какое зеркало посмотреть на самого себя – абсолютно плоское или же слегка искривлённое? Вот тут-то мне и видится весь А. Брюховецкий! В художественном арсенале писателя-философа целый набор таких зеркал – и плоских, и искривлённых. А ис-

кривлённых для того, чтобы наиболее выпукло изобразить какой-либо порок, недостаток – как отдельного человека, так и какую-либо социальную болезнь нашего современного общества. Разные зеркала он зачастую применяет в пределах одного художественно-завершённого творения. Иногда это подаётся в сопоставлении, сравнении с тем, что было, что положительно устоялось; с тем, что является незбылемо-сакральным. И что самое главное, ни один из рассказов не оставляет читателя равнодушным.

Мы уже почти затаскали, затёрли, как разменную монетку, до обезличивания философско-эстетическое кредо Ф. М. Достоевского о том, что красота спасёт мир.

Попытался на это взглянуть по-своему и А. Брюховецкий в рассказе «Без лица». Пятидесятилетним бывший шахтёр Михаил Притыкин, похоронив жену, постепенно стал опускаться, растрачивая всё человеческое. За полгода после смерти жены запустил он и свою квартиру: «В доме грязь густая, тенёта по углам». Под стать ему и собутыльник – «бобыль преклонных лет со стажем» Вася Кабанцов. И то ли от того, что в жизни не было настоящей любви, то ли от иных неустroенностей оба они вдруг перестали замечать красоту. И вот это-то именно и обезличило их самих как в переносном, так и в прямом смысле. Михаил Притыкин вдруг лишился своего лица, как гоголевский майор Ковалёв однажды не обнаружил на лице своего носа. Так бы, похоже, и доживал свой остатний век Миша Притыкин, стыдясь даже выйти на люди (с пустым-то лицом), если бы не влюбился вдруг он в красавицу-телеведущую Катю. И виртуальный образ телеведущей Кати вдруг материализуется у Притыкина в красоту реальной женщины.

Художник слова и кисти А. Брюховецкий, как классический Пигмалион-ваятель, сочиняет для Притыкина и Васи Кабанцова свою оригинальную красавицу-Галатею. Притыкин в безделье вдруг случайно обнаруживает на реке утопленницу, вмерзшую в лёд. Да такую, что она становится идеалом его женской красоты. И он ненароком влюбляется в эту замороженную утопленницу, оказавшуюся на деле безукоризненно совершенной куклой. От этой платонической влюблённости и созерцания женской красоты происходит метаморфоза: Притыкину вновь возвращается его лицо! Вот он – переход сочинителя Брюховецкого от реального мира в мир гротеска! Но круг-то замкнулся! Это ли не подтверждение того, что красота (через любовь) спасёт мир? Ну пусть не весь мир, так хотя бы сохранит человеческое лицо отдельной его пылинки-частички – в виде Миши Притыкина или Васи Кабанцова.

Переход от мира реального в ирреальный наблюдаем мы и в рассказе «Безутешная Скотникова». Влюблённая в своего мужа-забудыгу и пьяницу доярка Галина Ивановна Скотникова в состоянии ссоры, аффекта и алкогольной эйфории убивает его. Мало того, она аккуратно расчленяет тело, но таким образом,

что следователи никак не могут отыскать голову убитого. На что женщина убедительно отвечает, что у того и не было головы вовсе! (опять гоголевский «комплекс носа майора Ковалёва»). Галину Ивановну признают психически невменяемой, а она, по-прежнему влюблённая в своего мужа, вдруг находит его в полуразрушенном бесхозном памятнике не то какому-то красноармейцу, не то какому-то дважды Герою Соцтруда. (Тут у меня почему-то возникла ассоциация с романом японского писателя Юкио Мисима о золотом храме. Суть произведения заключается в следующем: чтобы познать истинную красоту и цену чего-то, надо её непременно сначала уничтожить или разрушить.) Не потому ли и «безутешная Скотникова» убивает своего любимого Коленку, чтобы потом всю оставшуюся жизнь оплакивать его и за добрую память о нём быть готовой «любого порешить»?

Чиновник и взяточничество (коррупция) в современном мире стали уже устойчивой парадигмой. Эта социальная тема у А. Брюховецкого не обойдена писательским вниманием. И решена она поистине гротесково в рассказе «Страшнее рака». Раковая болезнь является одной из самых трудно поддающихся лечению. А её диагноз больной воспринимает панически, как приговор. Может ли что быть страшнее этого диагноза?

Может, оказывается, как утверждает Брюховецкий. И та «болезнь» абсолютно не лечится. И поражён этой неизлечимой болезнью мздоимства весь чиновничье-административный мир. Сколько бы ни хапал чиновник, ему всё мало! Никак наесться не может. И, похоже, «болезнь» эта заложена в них даже на генетическом уровне.

Вот это и стало объектом сатирического повествования в названном рассказе. А начинается он блестяще. Не удержусь, процитирую: «Картавый Афиноген Богданович с самого детства внешностью смахивал на чиновника... Да что с детства... – такие в момент рождения уже начинают важничать: серьёзные довольно... бровки насупят, кулачки сжимают, мол, покажу вам кузькину мать! Афиноген же Богданович, будучи малышом, тоже не давал повода усомниться в своей чиновничьей перспективе... пугая окружающих неожиданными выкриками, едва научившись произносить кое-какие слова: «Ну-ка, положи на место! Я тебе как дам! Сколько можно телпеть это безобразия?!» – и принимал при этом импозантный вид... А когда ему в шутку повесили на шею чёрный узенький галстук, то этот атрибут мужского гардероба навсегда определил его жизненную установку: «Ну вылитый начальник!». (Не напоминает ли вам это щедринского Органчика с его «Не потерплю!»?)

Генезис будущего чиновника предопределён ступеньками карьерной лестницы: комсорг в школе, на предприятии, мастер, зам. производством... Ему постоянно нужно было что-то взять, хоть по мелочам, но утолять эту растущую, к его ужасу, потребность...

«Единственная радость была у Афиногена: хапать то, что ещё не растащено, и брать, пусть и небольшие, но взятки...»

И вот, эта страсть уже перерастает в хроническую маниакальную зависимость махрового мздоимца. И чем выше чиновник рангом, тем размашистее его мзда. Это вам уже не гоголевские взятки борзыми собаками.

Сатирический колорит придают почти всем произведениям А. Брюховецкого и «говорящие» фамилии героев и персонажей: Притыкин, Кабанцов, Скотникова, Хренотяткин, Сероштанов, Кудякин, Хобякина, Трупёрдин, Кувыркин, Семидыров, Самосуйский, Облудин, Суемудров, Семикукин, Прудиллов, Разбейнос, Фуфлыгин, Елдыгин, Сакский, Канителиня, Нетерпухина, Кочегаркина...

Редко кто из писателей обошёл тему братьев наших меньших. Вот и А. Брюховецкий по-своему решил показать нам историю лошади с кличкой Рубин в рассказе «Запах солнца», давшем название всему сборнику. Имеет ли солнце свой запах, как и дождь, снег, ночь? Оказывается, имеет! Особенно для тех, кто солнце это не видел вообще, или видел, но не теперь. Солнце – символ воли и свободы, всего светлого и позитивного. Рассказ повествует о замечательном вольнолюбивом жеребце, оказавшемся в подземелье ломовой лошады, возящей шахтовые вагонетки с углём под непрерывным понуканием конононов. Рассказ предельно реалистичен, создаётся впечатление, что автор и не сочинил его вовсе, а сам был очевидцем описываемого. Лошадь Рубин очеловечивается. Повествование в основном ведётся от его имени, да так убедительно, что начинаешь и вправду верить, что, к примеру, песня о молодом коногоне, которого несут с разбитой головой, – это именно о том случае, к которому непокорившийся Рубин имеет непосредственное отношение.

Сатирическая окраска нашего грешного мира здесь почти не используется. Разве что сама экстраполяция – перенос нравственных ценностей человеческих в сферу животных. Ну, может быть, это касается ещё некоторых фрагментов, вроде несколько ироничного начала рассказа: «Я взял за правило о каждодневном выгуле собственного тела по набережной речки Сырой...» Да ещё и то, что огромный валун в виде конской головы и дал повод для фантазии автора. На этом валуне в один из «выгулов» оказался незнакомый старик «с длинным седым волосом на голове, страшно худой, с вытянутым морщинистым лицом и блёклыми навывкат глазами, <...> похожим на лошадь». И вот этот старик уже трансформируется в реальную лошадь Рубин, рассказывающую о своей нелёгкой судьбе...

Бурлесково выглядит рассказ «Левитация для двоих». Его главные персонажи – писатель-фантаст (племяш) и его дядя. Племяш-писатель работает над романом, в котором главный герой – полковник, возвратившись на Землю, оказывается в знойной пу-

стине. Ему было поручено задание отыскать в космосе необычную частицу, «которая, по мнению учёных, составляла сущность собственного «я». Не получилось. Видимо, сущность собственного «я» находится не в космосе, а внутри каждого человека, пытающегося возвыситься, оторваться от обыденно-земного. И вот тут – опять некая аналогия. Дядя похож на некоторых шукшинских чудиков – воинствующих невежд, рассуждающих по-дилетантски о внеземных цивилизациях, происхождении Земли и Солнца, некоем вселенском эксперименте над землянами... Дело доходит и до левитации – возможности преодоления земного тяготения, отрыва тела человека от земли и летания его.

В процесс экспериментов по левитации дяди и племянья врываються, как во снах, реальные земные персонажи – в виде некой Зои Ивановны, которая гоняется за украшательствами у неё две банки маринованных помидоров и творог забулдыгами; вечно пьяного участкового милиционера Мухоблудова; ожившего покойника Фуфлыгина, его собутыльников Васи Тупёрдина, Константина Семидырова, Геннадия Облудина, Фёдора Разбейноса... Мало того, бурлесковый приём достигается ещё и смешиванием прямого и переносного смыслов. Так, сидевшие на шее Зои Ивановны внуки-короеды (в переносном смысле) и впрямь оказываются у неё, бегущей за толпой, сидящими на шее, как и сам «племянш» – писатель-фантаст.

А как расценивать решение сельского схода об отстреливании воришек без суда и следствия? Тем более что на этом сельском сходе была всего одна Зоя Ивановна. То же касается и попытки племянья изваять памятник ожившему покойнику Фуфлыгину и пьяному участковому Мухоблудову. Первый вариант эскиза памятника выглядел так: «В гробу в вертикальном положении (то бишь гроб «на попа» узким местом вниз) находился покойник, я рядом – доблестный Мухоблудов, стреляющий в труп...». Не лучшим был и второй вариант памятника: «Мухоблудов, смеясь, приставляет пистолет к уху спящего Фуфлыгина, чтобы разбудить его...».

Или заговорившая вдруг собака Шарик, утверждающая, что якобы собаки ближе к Создателю – из-за отсутствия множества пороков, которыми наделены люди...

И вновь эксперименты двоих по левитации. Как будто бы даже что-то получилось, по крайней мере, после концентрации воли дядя смог оторваться от земли, а племянш, в доказательство реальности левитации, смог просунуть лист газеты между ногами и землёй... Таким образом, левитация у Брюховецкого – своеобразная метафора, попытка «собственного я», души человека в реальности оторваться от всего заурядного и хотя бы чуточку возвыситься над мелко-обыденным – пусть даже и в собственных глазах, для самого себя...

Мне думается, что наиболее значимым произведением этого сборника является эссе «За пять минут

до пробуждения». Это некий сплав реального и ирреального, рационального и иррационального, сна и яви, прошлого и настоящего. Эссе представлено в виде фантазмагии, фрагментарно, калейдоскопично. В нём как бы отсутствует единый сюжет и сюжетная линия. Но очень много всевозможных картин и картинок, народно-лубочных присказок, поговорок, шуток, анонимных стишков и проч. И почти каждый эпизод, фрагмент эссе является читателю неожиданно, как во сне. И развивается дальше метаморфозно, казалось бы, алогично, по законам сна – совершенно непонятно, как и куда занесёт его участников в следующую секунду. Но, что поразительно, видения эти становятся объёмными и, главное, узнаваемыми!

Герой – сам автор, с его жизненным опытом, его биографическими данными, его миропониманием и мироощущением. Автор откровенно делится с читателем своими мыслями и воспоминаниями, заставляет задуматься...

С автором этой книги Александром Брюховецким мы практически ровесники, а значит, наше детство, отрочество, юность, школьные, институтские и последующие годы выпали на одно и то же время, очень узнаваемое, независимо от того, где мы родились и росли, он – в Средней Азии, Казахстане, я – в сибирской глубинке. Но у нас был единый и неделимый по тем временам Советский Союз, с единым жизненным укладом, идеологией и нравственными ценностями. Потом всё рухнуло, кардинально поменялось, перевернулось с ног на голову... И как же порой хочется, чтобы всё это оказалось каким-то кошмарным сном, виденным за пять минут до пробуждения.

«Ассоциации – странное явление психики, но, возможно, самое верное в жизни человека, так же, как и наитие» – находим мы такое утверждение в эссе. Они, эти ассоциации, могут быть как специфическими для целого поколения, конкретного времени, так и сугубо индивидуальными.

Взять хотя бы узнаваемые картинки нашего детства.

Чтобы сходить в кино, нужно было взять билет за шесть (у нас было пять) копеек. Денег у деревенской детворы не было, зато можно было украдкой снести в магазин найденное или украденное куриное яйцо, за которое давали именно шесть (пять) копеек, а потом уже «их нужно было непременно отдать в широкую ладонь киномеханика».

Или китайский фонарик: чтобы луч его был мощнее и бил дальше, наращивали корпус, делая его двойным и вставляя туда вдвое больше батареек.

А кто не певал задорно-костровую песню: «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры – дети рабочих...».

А вот из присказок, порой фривольных: «Берия, Берия, потерял доверие, а товарищ Маленков надавал ему пинков»; «Ты, Гагарин, ты могуч, ты летаешь

выше туч, залети ты на орбиту, прихвати с собой Никиту...»; более позднее: «Брови чёрные, густые, речи длинные – пустые, мяса нет и масла нет – на хрена нам этот дед?».

Если говорить опять о неких аналогиях, я бы поставил в один ряд это эссе с замечательным романом-эссе «Баски» нашего кузбасского поэта и прозаика Владимира Соколова!

В данном эссе нашли своё отражение философия экзистенциалистов (не зря ведь в качестве эпиграфа взяты слова Кафки), гротесковая фантазмагория Гойи (серия «Капричос», в том числе и «Сон разума рождает чудовищ») и Питера Брейгеля, параноидально-критический сюрреализм Дали («За минуту до пробуждения...»), Пабло Пикассо и прочего авангарда... А ещё было бы уместным сравнение эссе А. Брюховецкого с трёхмерным воплощением подобных идей в архитектуре – во вьетнамском городке Далат – в «Лунной вилле» (или так называемом «Крейзи-хаусе») вьетнамской художницы-архитектора Данг Вьет Нга (мадам Хан Нга). На меня посещение этого «сумасшедшего дома» произвело впечатление незабываемое!

Приведу несколько примеров гротесковых видений и трансформаций.

Чиновники, похожие на крыс, с медалями «Тыловая крыса» и «Воздадим должное»; партийные лидеры от КПСС (гниющие с головы), сидящие в кузове машины, оказываются рыбами, на месте водителя сидел тощий пескарь, а самый тучный, импозантный был сом; энкавэдэшник, у которого вместо ног вырастают копыта чёрта; «группа творческой интеллигенции раскрашивала киноварью гнилые жабы из дышащей рыбы... сначала соцреализм, но нас уважали, теперь капреализм – тошнит уже»; либералы-

демократы, превращающиеся в собак; кандидаты в депутаты с повторяющимися лозунгами, слышимыми тридцать лет назад; избиратели, находящиеся в грязи; «избиратели по уши в грязи, а рот не дают раскрывать... Но чувствую, мычать разрешено...»; депутат-болтун вдруг трансформируется в обычное куриное яйцо-болтун, из которого никогда не выведется цыплёнок. Дойная корова Бурёнка бабы Шуры превращается в «Газпромнефть», из соска которой вдруг брызнула чёрная жирная струя нефти.

Такие трансформации рассыпаны по всему эссе в виде бесконечного сна, смешанного с явью...

Встречается немало перлов, которые можно безо всякой натяжки отнести к афоризмам, претендующим на крылатые фразы, вот лишь их малая толика:

«Я – царь своих ощущений и желаний: явь могу воспринимать сном, а сон явью».

«Колбасой надо питаться, а если бить по голове, то только её производителя!»

«Каждому в зубы по лопате, и никакого импорта и импортозамещения не надо!»

«Жизнь почти прошла, а я всё ищу её».

«Зима похожа на санкции со стороны неприятеля».

«Так, как хочет народ, никогда не будет!»

«Всё иллюзорно – что коммунизм, что рай, но второе даёт хотя бы слабую надежду на вечность».

«Надо запретить умным думать, чтобы не оскорблять чувства тупых».

Данное эссе – безусловно, талантливо, если не гениально!

Я полагаю, что и весь сборник «Запах солнца» Александра Брюховецкого относится к настоящей современной литературе! В нём есть всё: и должная дань традициям, и тенденции модерна.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

3 сентября в начальных классах филиала средней школы № 50 имени А. А. Бабенко прошёл урок русской словесности и духовной поэзии. Урок вели протоиерей Е. Сидорин, молодая поэтесса М. Фёдорова и Ю. Малышев.

24 сентября прошла встреча поэта И. Фролова с учащимися в Новостроевской библиотеке.

27 сентября – творческая встреча поэта И. Фролова с читателями в Ягуновской модельной сельской библиотеке.

11–13 октября в Москве прошёл 15-й Всероссийский открытый фестиваль-конкурс молодых поэтов «Миры-2019». А. Пронкевич из пгт Ижморского стала лауреатом конкурса в номинации «Приз надежды». Поэт Д. Филиппенко из г. Ленинска-Кузнецкого – член орг. комитета фестиваля.

22–23 октября детской библиотеке им. А. М. Береснева, г. Кемерово, прошли VI Бересневские чтения по теме: «Библиотека и подросток: пути общения через книгу». Чтения проводятся раз в три года и посвящаются проблемам литературы и культуры, популяризации творчества кузбасских писателей. В рамках чтений был проведён литературный час «Доброе слово поэта», посвящённый творчеству А. Береснева, встреча «Секретный код Горелой горы» с писателем Е. Тюшиной, встреча с писателем и священнослужителем С. Адодиным. Для творческой молодёжи поэт И. Куралов провёл поэтический мастер-класс.

23 октября в Центральной детской библиотеке имени Петра Мазикина пос. Промышленная в рамках литературного проекта «Золотая осень в Кузбассе» прошла встреча членов Кемеровского отделения Союза писателей России: главного редактора журнала «Огни Кузбасса» С. Донбая и кемеровских поэтесс Ю. Сычёвой и Ю. Шкуратовой с начинающими самодельными авторами Промышленновского района.

25 октября в Доме культуры пос. Красные Ключи Крапивинского района состоялись литературные чтения, посвящённые 72-летию со дня рождения кузбасского поэта Валерия Ковшова (13.12.1947 – 25.07.2008). Прозвучали стихи поэта в исполнении школьников посёлка. Дружья Валерия, поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Катков, прочитали стихи, посвящённые Ковшову, и поделились воспоминаниями о нём.

25–27 октября прошли IV литературные чтения «Кольчугинская осень». В рамках чтений состоялась презентация седьмого номера альманаха «Кольчу-

гинская осень», экскурсия в Дворец спортивной гимнастики и музей спортивной гимнастики (к золотым олимпийским медалям М. Филатовой). Прошли творческие встречи с поэтом из г. Челябинска Н. Ягодинцевой, которая представила свои книги «Человек человеку» и «Высокая вода». Свою книгу «Новое кино» представил поэт из г. Кемерово Д. Мурзин. Главный редактор журнала писателей России «Огни Кузбасса» С. Донбай представил свою новую книгу стихотворений «Во сне снегов».

Третий день чтений ознаменовался авторским представлением альманаха «Кольчугинская осень».

29–31 октября в Томском областном театре юного зрителя и Томской областной детско-юношеской библиотеке прошли мероприятия 25-го Международного фестиваля-конкурса детского и молодёжного литературного творчества «Устами детей говорит мир». Среди членов жюри и руководителей семинаров – кузбасские поэты А. Назаренко и Д. Мурзин.

30 октября в Областной научной библиотеке имени В. Д. Фёдорова прошло представление литературно-художественного альманаха «Иная среда». Это издание произведений победителей одноимённого конкурса профессиональных писателей области: «Запах солнца», «Сила Божья сокрыта в поэте» и др. Здесь представлены десять авторов-финалистов: А. Раевский, И. Тюнина, Т. Ильдиминова, С. Подгорнов, Л. Арбачакова, В. Соколов, А. Назаренко, А. Брюховецкий, Н. Швеи и В. Шумилов.

2 ноября в ДОСААФ прошла конференция «Офицеры России». В художественной части мероприятия принял участие член студии «Притомье» поэт и бард В. Коньков.

С 4 по 7 ноября в г. Сыктывкаре, Республика Коми, прошла XX конференция Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья. В работе конференции от Кемеровской писательской организации принял участие поэт В. Шумилов. В рамках работы ассоциации состоялось Всероссийское совещание молодых переводчиков в области литературы и очередная церемония вручения Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. По окончании конференции был утверждён координационный состав Ассоциации, в который вошёл председатель СП Кузбасса Б. Бурмистров. Координатором Ассоциации переизбран сопредседатель правления СПР А. Кердан. В ходе работы конференции состоялись выступления писателей Урала, Сибири и Поволжья в библиотеках и учебных заведениях Республики Коми.

16 ноября в Ленинске-Кузнецком в Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской прошло представление новой книги поэта из Беловского района Виктора Коврижных «Черёмуховый спас».

20 ноября были подведены итоги областного открытого конкурса молодых литераторов «Говорит XXI век». В нём приняли участие 133 поэта, прозаика и публициста из 29 муниципальных образований Кузбасса, а также Новосибирской и Томской областей, 39 авторов вышли в финал, получив звание лауреатов и дипломантов конкурса.

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

Возрастная группа от 15 до 21 года включительно

Лауреаты:

Альберт Вальгер (2001 г. р.), г. Белово;
Алёна Кузнецова (2001 г. р.), г. Прокопьевск;
Мария Берестова (2001 г. р.), г. Мыски.

Дипломанты:

Арина Кокорина (2004 г. р.), с. Пушкино, Новокузнецкий район;
Мария Белова (2001 г. р.), пос. Каз, Таштагольский район;
Сергей Теплухин (2002 г. р.), г. Прокопьевск;
Александра Ким (2000 г. р.), г. Прокопьевск;
Ксения Майс (2001 г. р.), с. Иштан, Томская область;
Анжела Домрачёва (2001 г. р.), г. Болотное, Новосибирская область;
Анастасия Житникова (2001 г. р.), г. Анжеро-Судженск.

Возрастная группа от 22 до 28 лет включительно

Лауреаты:

Анжелика Кипа (1994 г. р.), ст. Падунская, Промышленновский район;
Андрей Фомин (1990 г. р.), г. Кемерово.

Дипломанты:

Игорь Неустроев (1995 г. р.), с. Зарубино, Топкинский район;
Елена Гончарова (1994 г. р.), г. Прокопьевск.

Возрастная группа от 29 до 35 лет включительно

Лауреаты:

Наталья Шулакова (1983 г. р.), г. Гурьевск;
Сергей Колмаков (1985 г. р.), г. Топки;
Константин Стафиевский (1988 г. р.), г. Кемерово.

Дипломанты:

Светлана Усольцева (1985 г. р.), г. Салаир;
Ольга Пинигина (1987 г. р.), г. Новокузнецк;
Ольга Карпушкина (1994 г. р.), г. Юрга;
Ольга Тисленко (1984 г. р.), пос. Юргинский, Юргинский район.

НОМИНАЦИЯ «ПРОЗА»

Возрастная группа от 15 до 21 года включительно

Лауреаты:

Полина Леончик (2002 г. р.), г. Кемерово;

Дарья Волобаева (1999 г. р.), г. Кемерово;
Роман Кишочкин (2000 г. р.), г. Полысаево.

Дипломанты: нет.

Возрастная группа от 22 до 28 лет включительно

Лауреаты: нет.

Дипломанты: нет.

Возрастная группа от 29 до 35 лет включительно

Лауреаты:

Елена Прокопенко (1986 г. р.), г. Прокопьевск;
Мария Приходько (1986 г. р.), пос. Б. Керлегеш, Прокопьевский район;
Ирина Колбина (1988 г. р.), г. Белово.

Дипломанты:

Татьяна Коновалова (1994 г. р.), г. Кемерово;
Ольга Пинигина (1987 г. р.), г. Новокузнецк.

НОМИНАЦИЯ «ПУБЛИЦИСТИКА»

Возрастная группа от 15 до 21 года включительно

Лауреаты:

Мария Кузнецова (2002 г. р.), г. Прокопьевск;
Анна Каутер (2000 г. р.), пос. Маяковка, Прокопьевский район;
Альбина Куклина (1999 г. р.), г. Осинники.

Дипломанты:

Юлия Листратенко (2002 г. р.), г. Юрга;
Ольга Васильева (2003 г. р.), г. Киселёвск;
Ирина Земченкова (2001 г. р.), с. Котино, Прокопьевский район;
Динара Закарова (2002 г. р.), г. Полысаево;
Григорий Белоусов (2002 г. р.), г. Кемерово;
Анастасия Осипова (2001 г. р.), г. Кемерово.

Возрастная группа от 22 до 28 лет включительно

Лауреаты: нет.

Дипломанты: нет.

Возрастная группа от 29 до 35 лет включительно

Лауреаты:

Ольга Пинигина (1987 г. р.), г. Новокузнецк.

Дипломанты: нет.

20 ноября 2019 года в Кемеровской областной библиотеке для детей и юношества состоялась презентация сайта «Писатели Кузбасса – детям». Сайт, созданный при поддержке Союза писателей Кузбасса, объединил на своих страницах произведения для детей писателей Кемеровской области. Свои страницы на сайте представили кузбасские поэты и писатели: Б. В. Бурмистров, И. А. Куралов, В. Л. Лаврина, Е. И. Тюшина. Учащиеся лицея № 62 почитали стихи кузбасского поэта А. М. Береснева. А присутствующим в зале было предложено прочесть бытстроговорилки от Эдуарда Гольцмана. Также присут-

ствующие смогли познакомиться с выставкой книг «Писатели Кузбасса – детям».

28–29 ноября в Москве (Булгаковский дом) и Обнинске (центральная библиотека) прошли вечера памяти «Не жалеть эту жизнь», посвященные 60-летию со дня рождения Валерия Прокошина (1959–2009). В выступлениях принимали участие поэты из провинции А. Чёрный (Ростов-на-Дону), А. Таюшев (Вологда), С. Михайлов (Калининград), Д. Мурзин (Кемерово), С. Михеева (Иркутск), Е. Гилева (Новосибирск), Р. Рубанов (Курск), Т. Сеницын (Севастополь), С. Ивкин (Екатеринбург), А. Матасова (Питкяранта).

3 декабря в г. Белово, пгт Новый Городок прошло торжественное мероприятие, посвященное присвоению библиотеке «Новгородская» имени беловского поэта, члена Союза писателей России А. И. Курицына. Выступали поэты С. Донбай, В. Коврижных, директор библиотеки им. В. Фёдорова В. Никулина, руководитель проекта «Достоевский в Сибири» Э. Вистерман рассказал о проекте и поезде им. Ф. Достоевского.

4 декабря в Детском саду № 32 дан старт проекту «Все мы родом из детства», получившему президентский грант. В литературной гостиной «Кузбасские писатели – для детей и их родителей» встретились Союз писателей Кузбасса, педагоги и родители, воспитанники детского сада № 32. Во встрече приняли участие члены Союза писателей России: И. Куралов, В. Лаврина, Д. Мурзин, В. Шумилов.

5 декабря в Кемерово (библиотека им. Н. В. Гоголя) прошла IV региональная конференция «Экологическое просвещение: роль и возможности библиотек», на которой с докладом «Экологическая литература Кузбасса» выступила И. Ащеулова, кандидат филологических наук. Поэт И. Куралов и журналист А. Мухарев приняли участие в круглом столе «Певцы природы против урбанистов: экологическая дуэль». Прозаик Е. Тюшина представила свои новые книги.

10 декабря в Кузбасском центре искусств прошла презентация пятого номера литературного журнала «Огни Кузбасса».

С рассказами о материалах, посвященных 300-летию Кузбасса, выступили Ю. Михайлов (поэма «Сказание о Михайле Волкове») и В. Феданов (документальная повесть «Вот моя деревня»). Свои поэтические подборки представили Г. Золотайна и А. Раевский. О своей прозе рассказали В. Арнаутов, Е. Трухан и В. Лаврина. Публицистические разделы

осветили Е. Чириков и А. Карманов. Раздел номера, посвященный 40-летию юбилею кемеровской литературной студии «Притомье», представил руководитель студии поэт Д. Мурзин. Свои стихи прочитали Ю. Сычёва, А. Касаткин, Е. Карснова, В. Коньков, Ю. Дубатов, Г. Червова, С. Чернопятков. Н. Дубровская прочитала юмореску.

На представлении были вручены билеты новым члена Союза писателей России – Ю. Сычёвой, Е. Трухан, Ю. Дубатову.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Сибирь» (Иркутск) в № 4 за 2019 год дал подборку поэта **В. Коврижных** «Сквозь тишину предчувствий и мерцанье...».

Альманах «Часовые памяти» в № 7 за 2018 год напечатал стихи кузбасских авторов **С. Донбая**, **А. Логутенко**, **Д. Филиппенко**.

Журнал «Начало века» (Томск) в № 2 за 2019 год напечатал подборку поэта **В. Коврижных** «Неведомый свет».

Московская газета «День литературы» опубликовала повесть **В. Коняева** «Отец, не уходи» в электронном варианте.

Журнал «Подъём» (Воронеж) в № 5 за 2019 год опубликовал подборку поэта **В. Коврижных** «На солнечном месте».

Альманах «День поэзии. XXI. 2018–2019 гг.» напечатал подборки **С. Донбая**, **И. Куралова**, **Д. Мурзина**.

Московская газета «День литературы» опубликовала стихи поэта **С. Донбая** из новой книги «Во сне снегов» в электронном варианте.

Журнал «Традиция и авангард» в № 3 за 2019 год напечатал подборку поэта **В. Коврижных** «Там, в народной глуши...».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Коврижных В. Черёмуховый спас: Стихотворения. Красноярск: Литера-принт, 2019. 176 с.

Иная среда: Альманах. Кемерово. 2019. 214 с.

Арбачакова Л. Н. Затерялась я во Вселенной...: Стихи. Кемерово, 2019. 168 с.; ил.

Арнаутов В. О времени и о себе: Воспоминания, эссе. Кемерово, 2019. 419 с.

Арнаутов Виктор, Арнаутов Владимир. Параллели: Воспоминания, эссе, рассказы / Под редакцией В. С. Арнаутова. Кемерово, 2019. 356 с.

Бурко А. Дождись момента: Стихотворения. Кемерово, 2019. 76 с.

Коваленко А. Наш Рошаль. Кемерово, 2019. 410 с.; ил.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» за 2019 год

ПОЭЗИЯ

Атрошкин Сергей. В пекле афганских дорог.....	II-7
Ахпашева Наталья. Вечному небу плечо подставь.....	III-90
Базилевский Михаил. Девочка играет на песке.....	IV-70
Берестова Мария. Иди ко мне, мой стих.....	III-78
Брюховецкий Виктор. Нервное дыхание любви.....	IV-3
Бурко Алексей. В одиночку и парами.....	IV-58
Веретенникова Юлия. Крапивная рубашка.....	IV-78
Волосюк Иван. По живому пространству.....	V-59
Голубева Светлана. К 200-летию И. Тургенева.....	II-92
Гулевич Геннадий. Мы отстояли Даманский.....	II-54
Гуляев Василий. Первый снег – наваждение, таинство.....	III-10
Донбай Сергей. Во сне снегов.....	III-104
Золотайна Галина. Маленькой иконкой любоваться.....	V-29
Кердан Александр. Душа как избушка.....	VI-94
Клёстов Дмитрий. Жисть-жистянка такая.....	II-29
Матвеев Юрий. Слово берёт меня за руку.....	I-104
Михайлов Юрий. Да, я узнал тебя.....	I-3
Сказание о Михайле Волкове. Поэма.....	
К 300-летию Кузбасса.....	V-13
Михалев Глеб. Завтра будет снова.....	IV-56
Морозов Геннадий. Течёт Ока.....	V-47
Мурзин Дмитрий. Прощай, молодость.....	I-56
Нервин Валентин. Странная жизнь.....	VI-134
Озеров Сергей. Предъявляя жизни счёт.....	IV-77
Раевский Александр. Радостный день.....	V-74
Расторгуев Андрей. Время наше – и бремя наше.....	IV-67
Соколов Владимир. Долго плакал в церковном саду.....	I-113
Филиппенко Дмитрий. Часовыми стали пояса.....	I-138
Фролов Андрей. Грузовая.....	I-42
Хоничев Николай. Постигаю чувство Родины.....	II-101
Чернопятнов Сергей. Мой друг не выговаривал страну.....	II-27
Шабалин Виктор. Простая деревенька под Москвой.....	II-5
Шкуратова Юлия. Розы, умеренно облачно.....	III-75
Щипахина Людмила. Жизнь твоя – только сегодня.....	III-8

ГОВОРIT XXI ВЕК

Куралов Иосиф. Езда в незнаемое.....	VI-3
--------------------------------------	------

ГОВОРIT XXI ВЕК. ПОЭЗИЯ

Вальгер Альберт. Всё от любви.....	VI-60
Перепелова Анастасия. Былина про Алексея Леонова, про великого да славного сына кузнецкого.....	VI-18
Стафиевский Константин. Будь моим пассажиром.....	VI-51
Фомин Андрей. Ожидание нового меня.....	VI-68
Кипа Анжелика, Кузнецова Алёна, Шулакова Наталья. Стихи.....	VI-79

ПРОЗА

Арнаутов Виктор. Два рассказа.....	V-19
Башев Николай. Некоторые события из жизни главы местного самоуправления Петра Петровича Неугомонного.....	I-58
Брюховецкий Александр. Рассказы.....	VI-89
Гамзов Алексей. Четыре рассказа.....	II-103
Демьшев Александр. Танцуй, Федя. Рассказ.....	II-10
Ильдишова Татьяна. Рассказы.....	I-45
Рассказы из книги «Замри!».....	VI-137
Казаркин Александр. Чур меня! Главы из повести.....	V-61
Кирилин Анатолий. Злое дитя. Рассказ.....	IV-60
Китляйн Александра. По судьбе и по дороге. Повесть.....	I-5
Конева Татьяна. Три рассказа.....	IV-72
Кравченко Надежда. Рыцарь случайного ломбера.....	I-116

Криворотов Сергей. Молодость. Рассказ.....	III-92
Крупин Владимир. Жертва вечерняя. Рассказы.....	V-3
Лаврина Вера. Рассказы.....	I-107
Лозович Виталий. Заблудившийся олень. Рассказ.....	III-80
Москвин Игорь. Зной над Саур-Могилой. Повесть.....	II-31
Назаров Игорь. Жанна д'Арк: «ведьма» Христова. Научно-популярная повесть.....	III-13
Орлов Даниэль. День шахтёра. Повесть.....	IV-6
Пятак Андрей. Дедовы награды. Рассказ.....	II-94
Савченко Александр. Неисповедимы дороги.....	VI-97
Трухан Елена. Песни литовки. Рассказ.....	V-49
Тимофеев Дмитрий. Рассказы.....	V-53
Феданов Василий. Вот моя деревня. Документальная повесть. К 300-летию Кузбасса.....	V-32
Чириков Евгений. Подвиг острова. Документально- художественная повесть.....	II-56
Шалабаева Любовь. Гармония. Рассказ.....	V-69
Шалин Анатолий. Пустяковинки.....	V-77

ГОВОРIT XXI ВЕК. ПРОЗА

Волобаева Дарья. Дверь, которой не было. Маленькая повесть.....	VI-5
Кишочкин Роман. Летние. Рассказ.....	VI-54
Леончик Полина. Фата-Моргана. Рассказ.....	VI-63
Приходько Мария. Экзамен в новогоднюю ночь. Роман.....	VI-20
Колбина Ирина, Пинигина Ольга, Прокопенко Елена. Рассказы.....	VI-70

ПУБЛИЦИСТИКА

Дюкин Борис. Диалог.....	IV-80
Смышляев Александр. Курилы – острова воинской славы России (морской десант на Курилы, август 1945 года).....	II-110

ГОВОРIT XXI ВЕК. ПУБЛИЦИСТИКА

Земченкова Ирина. Секрет семейного счастья кузбасской многодетной семьи.....	VI-87
Каутер Анна. Где родился, там и пригодился.....	VI-85
Кузнецова Мария. Кто имя дал славное городу.....	VI-82
Куклина Альбина. «Двести двадцать вольт» очарования.....	VI-84
Осипова Анастасия. Что есть книга?.....	VI-88
Пинигина Ольга. Настоящественно. Гражданственность по-детски.....	VI-81

И БОЛЬШИМ, И ДЕТАМ

Кирушин Виктор. Из «Поэтического календаря русской природы для детей».....	II-161
Лаврина Вера. Снегурок. Сибирский сказ.....	V-123

КНИГА ПАМЯТИ

Болотова Татьяна. Живая вода Парка Ангелов.....	VI-158
Дневник солдата великой войны. Подготовил В. Плющев.....	II-137
Звягин Владимир. Певец Ижморки.....	I-158
Мангазеев Игорь. Рождение поэта. Владимир Матвеев на пути от Волги до Томи.....	IV-158
Старовойтова Светлана. «Ни слова без души». К 85-летию Виктора Баянова.....	IV-154
Сурова Нина. Проступать сквозь годы.....	I-160
Трухан Елена. Искренне, Ничик.....	IV-149
Чириков Евгений. Он тяготел к фантастике, приключениям и детективу.....	VI-161
Чудинова Лариса. В слободе Маньково.....	II-135

Шалакин Григорий. Легендарный человек из Листвянки. Светлой памяти лётчика-космонавта СССР	
Алексея Архиповича Леонова	VI-145
Шумилов Владимир. Мечта всей жизни – жить среди живых.....	IV-156
Шураев Александр. Великая Отечественная война	II-133

ЭССЕ

Анохин Михаил. Письма другу.....	I-153
Графт Ольга. Беглые мысли. Отрывок из сборника эссе	II-144

ОЧЕРК

Анашкин Эдуард. Содержать себя в нравственной чистоте и правде	IV-124
Чириков Евгений. Два задания.	
Очерк о Вере Волошиной и её товарищах по оружию	V-109

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Аристарх, Митрополит Кемеровский и Прокопьевский. Обращение перед вручением литературной премии в честь святителя Павла Тобольского 28. 12. 2018	I-162
Прокопьев Сергей. В Одессу – к бабушке Ионе.....	V-80
Чидилин Людмила. Встречи в хосписе.....	IV-131

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Лунегов Геннадий. Маленький экскурсовод	I-167
--	-------

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Тюшина Екатерина. Всегда бороться за жизнь. Владимир Ворошилов	II-130
Чириков Евгений. Инженер кузбасской культуры	III-130
Шалакин Григорий. Говорим Пача, подразумеваем Вернер	III-135

РУССКАЯ ШКОЛА

Карпова Галина. В поисках высшей Истины.....	IV-161
Рубцова Тамара. Аз емь и я люблю	IV-163
Чурилов Виктор. Две встречи.....	IV-166
Шабалин Виктор. Наступление на язык Даля.....	III-111

ИСКУССТВО

Высоцкая Тамара. Тридцатилетие Новокузнецкого городского отделения Союза художников России	V-163
Ерёменко Владимир. Дерево жизни Ирины Ерёменко	I-164

СВЕТЛИЦА

Дорохова Мария. Алиса. Рассказ	IV-167
Сандакова Вера. Стихи	IV-167

300 ЛЕТ КУЗБАССУ

Мангазеев Игорь. ДК-47	III-162
Смышляев Александр. Железная Горная Шория	III-143

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Карманов Александр. Отрад души.....	V-158
--	-------

ОГНЯМ КУЗБАССА – 70 ЛЕТ

Карпова Галина. Журнал «Огни Кузбасса» в 1950–1960-е годы и создание первых книг для детей в Кузбассе.....	I-144
Чириков Евгений. Человек-тайна	I-140
Поздравления	III-108, V-79

СОРОК ЛЕТ ЛИТЕРАТУРНОЙ СТУДИИ «ПРИТОМЬЕ»

Дубровская Надежда. Два рассказа.	
Пятак Андрей. Марш-бросок. Рассказ.	
Бурко Алексей, Веремейчик Максим, Дубатов Юрий, Елистратова Елена, Кальсин Виктор, Касаткин Анатолий, Киселёв Виктор, Климанов Юрий, Коньков Владимир, Краснова Екатерина, Мурзин Дмитрий, Романов Григорий, Стрельцов Михаил, Сычёва Юлия, Тюнина Ирина, Устинов Борис, Червова Галина, Чернопяттов Сергей. Стихи. Яковлева Ольга. «...И счастливых творческих... вибраций!» Пародии и не только. Лавряшина Юлия. Серебряный ключ Донбая.	V-142

К 200-ЛЕТИЮ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Вистерман Эдуард. Дочь Франции	II-164
---	--------

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Воробьёва Елена, Подистова Лариса, Попова Татьяна, Попова Светлана, Телешов Анатолий, Шагиахметов Виктор. Стихи	I-148
--	-------

ВОЕННАЯ ПОЧТА

Дмитриев Валерий, Дубатов Юрий, Коньков Владимир. Стихи.....	II-109
---	--------

А. С. ПУШКИНУ – 220 ЛЕТ

Елатов Вячеслав. Пушкин и мы	III-3
---	-------

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Арнаутов Виктор. От лёгкой иронии до гротеска, или Гипертрофированная реальность Александра Брюховецкого (Отклик на книгу А. Брюховецкого «Запах солнца»).....	VI-163
Горохова Татьяна. О книге «Завтрашнее» (стихи, проза, драматургия молодых кемеровских авторов)	III-168
Отклик на книги Сергея Чернопяттова «Падение исключено!», Юлии Сычёвой «Вне времени», Ольги Хапиловой «Заповедное русское слово».....	I-169
Отклик на книгу Юрия Дубатова «Избранное».....	III-167
Громова Валентина. Сквозь призму воображения, или Размышления по поводу рассказа Юлии Лавряшиной «Коробочка»	II-167
Иванов Владимир. О творении А. Брюховецкого «За пять минут до пробуждения...»	III-166
Карпова Галина. Кому передавать плуг? О поэтическом сборнике Анатолия Иленко «Запах пашни»	III-166
Ляшева Руслана. Литература?.. Стой неколебимо, как Россия.....	V-167
Румянцев Валерий. Убьют ли русскую литературу	II-168
Тюшина Екатерина. Непохожая на всех. Анна Дронова	IV-168
Чириков Евгений. Триумф и трагедия лауреатов	II-166

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	I-170, II-170, III-170, IV-170, V-170, VI-167
Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2019 год.	
Подготовил Д. Мурзин	VI-170

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург)
«Роман-газета. XXI век» (Москва)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**.

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**.

**Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку
администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».**

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 6. Дата выхода в свет: 29.01.2020

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 271. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60А. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвуиздат»

Корректор: **Е. В. Фефелова**

Компьютерная верстка: **П. Б. Исаков**

Поэты С. Донбай и В. Коврижных
на присвоении Новгородской
библиотеке (г. Белово) имени
поэта А. Курицына

Поэт Д. Мурзин выступает
на вечере памяти «Не жалеть
эту жизнь» к 60-летию со дня
рождения Валерия Прокошина,
г. Обнинск

Поэты И. Куралов, В. Лаврина, Д. Мурзин и В. Шумилов
на открытии проекта «Все мы родом из детства». Детский сад № 32

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37